LIFE FOR GOD

Собеседования египетских отцов

Иоанн Кассиан

Отцы Церкви

Полный русский текст · 24 собеседования

Collationes · 24

2026

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн

Об издании

Все 24 собеседования. Исторический перевод епископа Петра (Екатериновского), издание 1892 года.

Автор: преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Русский перевод с латинского: епископ Пётр (Екатериновский, 1820–1889). Издание Life for God, 2026. Это исторический русский перевод, а не новый перевод Сергея Кауди.

Основа: «Писания» Иоанна Кассиана, русский перевод епископа Петра; второе издание, Москва, 1892. Электронный текст «Азбуки веры» указывает репринт 1993 года, воспроизводящий издание 1892 года. Из общего собрания взяты только три части «Собеседований», без «Постановлений киновитян», современных вступлений и оформления источника.

Исторические издания 1892 и 1894 годов находятся в общественном достоянии в США; автор русского перевода умер в 1889 году. Используется старый перевод, а не современные переводы или защищённые вступления и оформление сайтов. Новые английские дополнения и редакционные замечания Life for God обозначены отдельно.

Аскетические, медицинские и полемические суждения сохраняются как часть исторического произведения. Авторские предисловия и примечания старых изданий отделены от редакционных замечаний Life for God. Орфография следует электронной перепечатке. Два исправления повреждённого текста обозначены в примечаниях.

Читать на сайте Life for God →

Источники

Русский текст: собеседования I–X · епископ Пётр

Русский текст: собеседования XI–XVII

Русский текст: собеседования XVIII–XXIV

Gibson 1894 · NPNF, Second Series, Volume XI · CCEL

Historical English table of contents and omissions · OSB

Параллельный русский текст для сверки дроби XII.15 · Предание

U.S. Copyright Office · public-domain works published before 1931

Содержание

Об издании 2

Источники 2

Содержание 4

Предисловие к части 1 6

Первое собеседование аввы Моисея. О намерении и конце монаха 9

Второе собеседование аввы Моисея. О рассудительности 39

Третье собеседование аввы Пафнутия. О трех отречениях от мира 60

Четвертое собеседование аввы Даниила. О борьбе плоти и духа . 89

Пятое собеседование аввы Серапиона. О восьми главных страстях 112

Шестое собеседование аввы Феодора. Об умерщвлении святых . 142

Седьмое собеседование аввы Серена (первое). О непостоянстве души и о злых духах 168

Восьмое собеседование аввы Серена (второе). О начальствах и властях 203

Девятое собеседование аввы Исаака Скитского (первое). О молитве 228

Десятое собеседование аввы Исаака Скитского (второе). О молитве 264

Предисловие к части 2 286

Одиннадцатое собеседование аввы Херемона (первое). О совершенстве 288

Двенадцатое собеседование аввы Херемона (второе). О чистоте . 308

Тринадцатое собеседование аввы Херемона (третье). О покровительстве Божием, или о том, как благодать Божия содействует совершению добрых дел 335

Четырнадцатое собеседование аввы Нестероя (первое). О духовном знании 361

Пятнадцатое собеседование аввы Нестероя (второе). О божественных дарованиях 388

Шестнадцатое собеседование аввы Иосифа (первое). О дружестве 400

Семнадцатое собеседование аввы Иосифа (второе). Об определении 427

Предисловие к части 3 466

Восемнадцатое собеседование аввы Пиаммона. О трех древних родах монахов 468

Девятнадцатое собеседование аввы Иоанна (Диолкосского). О цели киновии и пустынножительства 493

Двадцатое собеседование аввы Пинуфия. О времени прекращения покаяния и об удовлетворении за грехи 515

Двадцать первое собеседование аввы Феоны (первое). О льготах в пятидесятницу 529

Двадцать второе собеседование аввы Феоны (второе). О ночных искушениях 569

Двадцать третье собеседование аввы Феоны (третье). О словах апостола: доброе, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю 592

Двадцать четвертое собеседование аввы Авраама (См Соб 15, гл 4, 5). О самоумерщвлении 625

Примечания 665

Предисловие к части 1

[1] Долг, обещанный блаженнейшему папе Кастору в предисловии к тем книжкам, в которых, при помощи Божией, насколько позволила слабость нашего дарования, изложены постановления киновитян и средства против восьми главных страстей, исполнен. Пусть видят, есть ли в написанном нами что-нибудь достойное вашего знания и желания всех святых братьев. А теперь, поскольку вышеупомянутый первосвященник, оставив нас, переселился к Христу, эти десять собеседований высоких отцов (которые он по ревности к святости велел мне написать ему, не обращая внимания на то, какую тяжесть возлагает на немощные плечи) я счел нужным посвятить преимущественно вам, блаженнейший папа Леонтий и святой брат Елладий. Один из вас, будучи соединен с упомянутым мужем и родственным положением, и достоинством священства, и, что важнее этого, горячностью святой ревности, по наследственному праву требует братний долг. Другой последовал высоким постановлениям отшельников не по своей самонадеянности, как некоторые, а по внушению Св. Духа, понимая законную стезю учения, захотел образоваться не столько своим измышлением, сколько учением святых отцов. В том, чтобы передать по памяти постановление и учение высоких мужей, открывается мне, находящемуся теперь в пристани безмолвия, неизмеримое море. Ибо настолько ладья слабого разума будет колебаться опасностями глубочайшего мореплавания, насколько отшельничество больше и возвышеннее общежитии, и созерцание Бога, которым всегда занимались те неоцененные мужи, выше деятельной жизни, в которой упражняются в

общежитиях. Итак, ваш долг – помочь нашим стараниям благочестивыми молитвами, чтобы святой предмет, выражаемый хоть неискусной, но верной речью, не потерпел чего-либо от нас, или наоборот, наша необразованность не погрязла в пучине этого предмета.

Теперь от внешнего, видимого образа жизни монахов, который мы описали в первых книгах, перейдем к невидимому состоянию внутреннего человека, и речь от порядка установленных молитв должна перейти к постоянству той непрестанной молитвы, которую заповедует апостол (1Сол 5, 17), чтобы всякий, кто при чтении прежнего сочинения запинанием (удержанием) плотских пороков заслужил имя умственного Иакова (запинателя), принимая теперь наставления уже не столько мои, сколько отцов, созерцанием божественной чистоты переходя к заслуге и достоинству Израиля (зрящего Бога), также учился тому, что он должен соблюдать и на этой высоте совершенства. Итак, молитвы ваши да испросят у Того, Кто удостоил нас видения отцов, ученичества и общения с ними, чтобы Он даровал нам полную память учения их и легкое слово для выражения его, чтобы, изъясняя учение столь же свято и точно, как приняли от них, мы могли вам представить их как бы воплощенными в своих наставлениях и, что еще важнее, рассуждающими на латинском наречии. Прежде всего мы хотим предостеречь читателя как этих собеседований, так и прежних писаний, чтобы, если по качеству своего состояния и намерения или по общему образу жизни что-нибудь в них сочтет невозможным и суровым, судил бы о них не по мерке своей способности, а по достоинству и совершенству говорящих, сперва понял их ревность и намерение, по которому они, истинно умерши для

мирской жизни, не связывались никаким пристрастием к плотским родителям, никакими узами мирских дел. Потом должны обратить внимание и на качество тех мест, в которых они пребывали, потому что, находясь в обширнейшей пустыне, отделившись от общения со всеми смертными и через это получив просвещение чувств, они созерцают и высказывают то, что неопытным и неученым может показаться невозможным. Впрочем, если кто захочет произнести истинное мнение об исполнимости учения старцев, пусть пожелает испытать на деле, поспешит сначала исполнить их намерение с подобным усердием и образом жизни и тогда наконец поймет, что то, что казалось выше способности человека, не только возможно, но и весьма приятно. Итак, приступим к изложению собеседований и наставлений отцов.

Первое собеседование аввы Моисея. О намерении и конце монаха

[1] Глава 1. О пребывании в ските и предложении авве Моисею

[2] Когда в скитской (В Египте были три знаменитые пустыни, в которых обитали монахи, скит близ озера Мареотского, Каламон (Порфирион) и Фиваида) пустыне, где пребывали среди монахов опытнейшие отцы, я нашел авву Моисея (Из трех Моисеев отшельников первый был Моисей эфиоп или мурин из разбойников: он жил до Кассиана; второй (египетский) был епископом у сарацин; а здесь подразумевается Моисей, ливийский пресвитер), приятно сиявшего между этими прекрасными цветами не только деятельными добродетелями, но и созерцанием, желая вместе с аввою Германом (с которым я с самого начала монашеской жизни, с первых опытов духовного подвижничества нераздельно пребывал как в киновии, так и в пустыне, так что все, отмечая наше дружество и одинаковые намерения, говорили, что в двух телах находятся один ум и одно сердце) получить от него наставление, у аввы Моисея со слезами просили слова назидания. Ибо мы знали строгость души его, что он никак не согласился бы открыть дверь совершенства, разве только искренно желающим и просящим с сокрушением сердца, чтобы, открывая необходимые вещи недостойным и презрительно принимающим, не впасть в порок тщеславия или в преступление предательства.

Наконец, убежденный нашими просьбами, он начал так говорить:

[3] Глава 2. Вопрос аввы Моисея о том, какая цель должна быть у монаха и какой конец

[4] Все искусства и науки имеют какую-нибудь цель (scopon), т.е. назначение, и свой конец (telos). Рачительный любитель всякого искусства, глядя на него благодушно, охотно переносит все труды, все опасности и издержки. Так земледелец, перенося иногда жару, иногда холод, неутомимо возделывает землю: он имеет целью очистить ее от терния и травы, а концом – наслаждение от плодов. Купец, несмотря на опасности, предстоящие ему на море и на суше, смело предается купле: он имеет целью прибыток, а концом – наслаждение от прибытка. Воин не смотрит ни на опасности в сражениях, ни на трудность в походах: он имеет целью повышение в чине, а концом – пользу от чина. Так и наш обет имеет свою цель и свой конец, для достижения которого мы охотно сносим всякий труд и всякую тягость. Поэтому воздержание поста не утруждает нас, труд бдения нас услаждает, чтение и испытание писаний происходит с охотою, трудность работ, послушание, нестяжание, лишение всех земных вещей и пребывание в пустыне с приятностью совершаются. А вы, презревшие отечество, род свой, весь мир, предпринявшие странствование и пришедшие к нам, людям грубым и необразованным, скажите мне: какая ваша цель? И какой конец имели вы в виду, сделав это (Это собеседование сокращенно изложено на греческом языке, с которого переведено на славянский язык, помещено в «Добротолюбии» и на русском языке напечатано в Хр. Чт. 1828 г., ч. 29. Так как главные мысли

здесь изложены короче и яснее, то и поместить здесь этот перевод (с дополнением некоторых мест из подлинника) признано более удобным)?

[5] Глава 3

[6] Мы в ответ на это сказали: мы это сделали ради Царства Небесного.

[7] Глава 4. Вопрос аввы Моисея касательно высказанного намерения нашего

[8] На это авва Моисей ответил: вы хорошо сказали о конце. Но не сказали, какова та цель, взирая на которую и не уклоняясь от правого пути, мы можем получить Царство Небесное. Когда мы признались, что не знаем, старец отвечал: конец нашего обета, как сказано, есть Царство Божие, а назначение наше, т.е. цель – чистота сердца, без которой невозможно достичь этого конца (Это цель общая всем. А собственная, частная цель монашества есть усовершенствование в любви (см. ниже гл. 6). Потому монашество есть состояние людей, стремящихся к христианскому совершенству при исполнении обетов нищеты, воздержания, послушания. Это совершенство состоит в том, чтобы устранив от себя все препятствия к любви Божией, послушанием посвятив себя Богу, посредством любви соединиться с Ним). Итак, к этой цели да будет всегда устремлен ум наш, и если случится, что сердце наше несколько уклонится от правого пути, мы тотчас обратим его и как бы по правилу архитекторского искусства направим к цели.

[9] Глава 5. Все нужно направлять к определенной цели

[10] И апостол Павел утверждает, что конец нашего обета есть жизнь вечная, говоря: «плод ваш есть святость, а конец – жизнь вечная» (Рим 6, 22). А цель наша есть чистота сердца, которую он справедливо называет святостью, без которой вышесказанный конец не может быть достигнут. Он так сказал другими словами: цель ваша в чистоте сердца, а конец – жизнь вечная. Касательно этого назначения он в другом месте само имя, т.е. цель знаменательно выразил, говоря так: «заднее забывая и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия» (Флп 3, 1–14). Итак, что может вести нас к этой цели, т.е. чистоте сердца, тому всею силою и надо последовать, а что отвлекает от нее, того надо избегать, как вредного и гибельного. Ибо для этой цели мы все переносим и делаем. Для нее все оставляем: родителей, отечество, достоинства, богатства, забавы и удовольствия этого мира, чтобы приобрести постоянную чистоту сердца. Итак, этой целью все наши действия и помыслы всегда должны направляться к достижению ее. Если же она не будет постоянно находиться перед нашими взорами, то не только все наши труды останутся пустыми, непостоянными, напрасными, без всякой пользы, но и все помыслы будут различны и противоречивы. Ибо духу, не имеющему куда стремиться и к чему в первую очередь прилепляться, необходимо ежечасно и ежеминутно изменяться из-за разнообразия встречающихся впечатлений, необходимо всегда преобразовываться в первое попавшееся состояние[1].

[11] Глава 6. О тех, которые, отрекшись от мира, без любви стремятся к совершенству

[12] От того и зависело, что некоторые, презрев огромные богатства этого мира, и не только многие тысячи золота и серебра, но и множество поместий, после, как мы видели, возмущались гневом из-за ножичка, грифеля, иглы, писчего пера. Они не возмущались бы из-за таких маловажных вещей, если бы помнили цель, для которой отреклись от большего и драгоценного имущества. Некоторые часто с такой ревностью берегут книгу, что не позволяют никому хоть немного почитать, даже прикоснуться, и потому находят поводы к нетерпеливости и смерти там, где должны приобретать терпение и любовь. И хотя все свои богатства из любви к Христу расточили, однако, удерживая прежнее пристрастие сердца к вещам маловажным и по их поводу иногда гневаясь, во всем остаются бесплодными, пустыми, так как будто они не имели апостольской любви. Блаженный апостол, предвидя это в духе, говорит: «если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1Кор 13, 3). Этим ясно доказывается, что совершенство не приходит тотчас с нищетою, расточением всех богатств или с отвержением достоинств, а состоит в любви, свойства которой апостол описывает, и которая состоит только в чистоте сердца (1Кор 13, 4–6). Ибо что иное значит: не завидовать, не превозноситься, не бесчинствовать, не искать своего, не раздражаться, не мыслить зла, не радоваться неправде и прочее, как и то, чтобы всегда приносить Богу сердце совершенное, чистое и охранять его от всех возмущений?

[13] Глава 7. О желании спокойствия сердца

[14] Итак, для этой чистоты нам следует все делать и желать; для нее в пустыню надо удаляться, для нее нужно предпринимать посты, бдения, труды, нищету телесную, чтение и другие добродетели, чтобы через них сделать и сохранить сердце наше чистым от всех вредных страстей. И если по требованию какого-либо нужного и предпринимаемого для Бога дела мы вынуждены оставить их (т.е. пост, бдение и проч.), то не следует нам впадать в скорбь, гнев или негодование, для подавления которых мы должны будем совершать пост, бдение и прочее. Ибо не столько приобретаем от поста, сколько теряем от гнева, и не столько получаем пользы от чтения, сколько вреда от презрения брата. Итак, посты, бдения, отшельничество, размышление о Св. Писании нужны для главной цели, т.е. чистоты сердца, которая есть любовь, и из-за них нельзя нарушать эту главную добродетель, при сохранении которой в целости и невредимости у нас не будет никакого недостатка, если бы по необходимости и было опущено что-нибудь из сказанных подвигов. Также не принесет никакой пользы исполнение всего этого, если не будет у нас главной добродетели (любви), для которой все то должно совершаться. Всякий старается устроить себе орудия какого-либо искусства не для того, чтобы они праздно лежали; и пользу, какую эти орудия могли бы доставить, видит не в одном лишь обладании ими, а чтобы с их помощью сделать искусственное дело, для которого они служат пособием. Итак, посты, бдения, упражнение в Св. Писании, нищета, расточение всего имущества не составляют совершенства, но только средства к совершенству; поскольку не в них состоит конец жизни монашеской, но посредством их достигается конец.

Напрасно упражняется в них тот, кто, довольствуясь ими, как высшим благом, внимание своего сердца привязывает только к ним, и ревность к добродетели не будет простирать к достижению конца, для которого их надо желать. Это значило бы иметь орудия для искусства и не знать его цели, в которой состоит весь плод. Итак, всего, что может возмущать чистоту и спокойствие нашего духа, следует избегать, как вредного, даже если кажется полезным и необходимым. Соблюдая это правило, мы можем избежать уклонения во всякие погрешности и развлечения и прямым путем достигнуть желаемого конца.

15 Глава 8. Главное старание должно относиться к созерцанию божественных предметов, которое поясняется подобием Марии и Марфы

16 Итак, главное старание у нас, постоянно желаемое, неизменное назначение (цель) сердца должно состоять в том, чтобы дух всегда прилеплялся к божественным предметам и к Богу, а все прочее, не имеющее отношения к этому, хотя бы и казалось великим, следует считать вторым или низшим, или даже вредным. Дело это прекрасно изображается в Евангелии в лице Марфы и Марии (Лк.10:38–42). Марфа, хотя и святым делом занималась, так как услуживала самому Господу и Его ученикам; а Мария, внимая только духовному учению, сидела у ног Иисуса, целуя их, мазала маслом доброго исповедания; однако Господь предпочитает последнюю первой, потому что она избрала лучшую долю и притом такую, которая никогда не может быть отнята у нее. Ибо

когда Марфа, занятая благочестивой работою и распоряжением, трудилась и, видя, что она одна не может успеть в таком служении, просила у Господа помощи сестры, говоря: «Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне» (Лк.10:40). Хотя она не к маловажному делу, а к похвальному служению приглашала ее, однако что слышит от Господа? «Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а немногое или даже одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у ней» (Лк.10:41–42).

Итак, видите, главное благо Господь устанавливает в одном божественном созерцании. Поэтому хотя прочие добродетели мы называем полезными и необходимыми, однако утверждаем, что их нужно считать второстепенными по достоинству; потому что все они совершаются для одного созерцания. Ибо Господь, говоря: заботишься и суетишься о многом, а нужно немногое или даже только одно, устанавливает высшее благо не в деятельном, хотя и похвальном труде, изобилующем многими плодами, а в созерцании Бога, которое просто и одно только есть, – утверждает, что немногое нужно для совершенного блаженства, т.е. созерцание, которое соблюдается сперва в созерцании немногих святых предметов, таким образом восходя на пути совершенствования, приходит и к тому, что называется единым, т.е. видению одного Бога при помощи Его, чтобы, с превосходством совершив дела и дивные служения святых, наслаждался знанием и великолепием уже одного Бога. Следовательно, Мария избрала благую часть, которая не отнимется от нее. Это необходимо рассмотреть внимательнее. Когда Господь сказал: Мария

избрала благую часть, хотя о Марфе умолчал и, по-видимому, никак не укорил ее; однако, хваля Марию, Он тем показал, что Марфу считает ниже ее. Опять словами: которая не отнимется от ней, Он показывает, что от Марфы доля ее может быть отнята. Ибо телесное служение не может постоянно пребывать с человеком, а служение Марии никогда не может кончиться.

[17] Глава 9. Вопрос: как упражнения в добродетелях не пребудут с людьми?

[18] Герман. Этим мы очень смутившись, сказали: что же? труд постов, упражнение в чтении, дела милосердия, правды, благочестия, человеколюбие неужели отнимутся у нас и не пребудут со своими творцами? Особенно когда Сам Господь обещает Царство Небесное за эти дела, говоря: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня» и проч. (Мф 25, 34–35). Как же отнимется то, что вводит делателей своих в Царство Небесное?

[19] Глава 10. Ответ: не отнимется награда, но прекратится действие

[20] **Моисей**. Я не сказал, что отнимется награда за доброе дело; по словам Господа, «кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Мф 10, 42); но говорю, что должно прекратиться то дело, совершения которого требует телесная необходимость или укрощение плоти, или неравенство в этом мире. Упражнение в

чтении, прискорбный пост для очищения сердца и изнурение плоти полезны только в настоящей жизни, пока плоть похотствует против духа. Мы видим, что они иногда и в настоящей жизни не нужны бывают для тех, которые ослаблены чрезмерным трудом или телесной болезнью, или старостью, и человеку невозможно постоянно упражняться в них. Тем более они прекратятся в будущей жизни, когда тленное облечется в нетление, и тело это, ныне животное, воскреснет духовным, и плоть уже не будет такой, чтобы похотствовать против духа. Об этом блаженный апостол ясно говорит: «телесное упражнение мало полезно; а благочестие, под которым, без сомнения, понимается любовь, на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей» (1Тим 4, 8). Это упражнение называется мало полезным; значит, упражняться в нем можно не в любое время, и оно одно само по себе не может доставить трудящемуся высшее совершенство. Ибо мало может относиться к тому и другому, т.е. и к краткости времени, потому что телесное упражнение не может человеку сопутствовать вечно, как в настоящей, так и в будущей жизни, – или к малости пользы, которая приобретается от телесного упражнения, потому что изнурение тела составляет некоторое начало преуспевания, а не само совершенство любви, которая имеет обетование жизни настоящей и будущей.

Упражнение в вышеупомянутых делах мы считаем необходимым потому, что без них невозможно взойти на верх совершенства любви. Также и дела благочестия и милосердия необходимы в этом времени, пока еще господствует неравенство между людьми; совершение их и здесь было бы не нужно, если бы не было столько бедных, нуждающихся и немощных. Это произошло от

несправедливости людей, именно тех, которые завладевают тем, что общим Творцом даровано всем, только для своей потребности, однако держат без употребления. Следовательно, пока в этом мире будет продолжаться такое неравенство, действие это необходимо и полезно для упражняющегося, предоставляя доброму расположению и благочестивой воде награду вечного наследия; а в будущем веке после воцарения равенства оно прекратится. Когда уже не будет неравенства, из-за которого эти дела должны совершаться ныне, то все от этой разнообразной деятельности будут переходить к любви Божией и созерцанию божественных предметов при постоянном очищении сердца. Кто еще в этом веке посвятил себя этому делу, со всем усердием и всеми силами стараясь очистить дух, тот и после сложения бренной плоти, пребывая в этом же деле, достигнет обетования Господа Спасителя, о котором говорится: «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф 5:8).

[21] Глава 11. О вечности любви

[22] И что удивительного, если вышеупомянутые обязанности прекратятся, когда святой апостол пишет, что и высшие дарования Св. Духа прекратятся, а любовь одна без конца пребудет? Хотя и пророчества, говорит он, прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. «Любовь никогда не перестает» (1Кор 13, 8). Все дары даются на время для нуждающегося; после распоряжения (для которого даются) они, без сомнения, тотчас прекратятся. А любовь никаким временем не будет прервана, ибо не только в настоящем мире действует в нас с пользою, но и в будущем, после отложения плоти

телесной, она будет пребывать гораздо действеннее, никаким недостатком не будет ослабляться, но при постоянной чистоте пламеннее и искреннее будет прилепляться к Богу.

23 Глава 12. Вопрос о непрерывности духовного созерцания

24 Герман. Кто же, облеченный слабой плотью, может всегда заниматься этим созерцанием так, чтобы никогда не думать о приходе брата, о посещении больного, о рукоделии или о человеколюбии, или принятии странников, или посещении другими и о прочих необходимых и неизбежных потребностях тела? Наконец, как может разум человеческий всегда видеть невидимого и непостижимого Бога и быть неразлучен с Ним? Мы желали бы знать это.

25 Глава 13. Ответ о направлении сердца к Богу и о царстве Бога и дьявола

26 **Моисей**. Правда, таким образом, как вы говорите, невозможно человеку, связанному немощью плоти, непрестанно созерцать Бога и быть неразлучным с Ним. Но нам следует знать, куда мы должны устремлять внимание нашего ума, к какой цели всегда обращать взор нашей души. Когда дух наш сможет достигнуть ее, то радуется; а если удалится от нее, то скорбит и вздыхает; и всякий раз чувствует себя удалившимся от высочайшего блага, как только отвернет свой взор от него, считая прелюбодеянием даже кратковременное удаление от созерцания Христа. Когда взор наш хоть немного

уклонится от него, то, обратив опять очи сердца к нему, как бы по прямой линии устремим взор ума. Все заключается в святилище души. Когда дьявол будет изгнан отсюда и страсти уже не будут в ней царствовать, то устанавливается в нас Царство Божие, как говорится в Евангелии: «не придет Царствие Божие приметным (видимым) образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк 17, 20–21). А внутри нас не что иное может быть, как знание или неведение истины и любовь к порокам или добродетелям, которыми мы устраиваем в сердце царство или дьяволу, или Христу. Качество этого царства описывает и апостол, говоря: «Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим 14, 17).

Итак, если Царство Божие внутри нас находится и это Царство есть праведность, мир и радость, то кто их имеет, тот, без сомнения, находится в Царстве Божием. И напротив, которые живут в неправде, раздоре и печали, производящей смерть, те находятся в царстве дьявола, в аду и смерти. Ибо этими признаками различается Царство Божие и дьявола. И точно, если возвышенным взглядом ума будем рассматривать то состояние, в котором живут небесные, горние силы, которые истинно пребывают в Царстве Божием, то должны будем признать, что состояние это не иное, как вечная и непрестанная радость. Ибо что столь свойственно и пристойно истинному блаженству, как не спокойствие постоянное и радость вечная? И это вернее подтверждается не моею догадкою, а свидетельством Самого Бога, Который качество и состояние этого царства ясно изображает так: «вот, Я творю новые небеса и новую землю; а прежние не

будут уже вспоминаемы и не придут на ум, но ...будете радоваться и веселиться вовеки веков о том, что Я творю» (Ис 65, 17–18). Опять: «радость и веселие будет в нем, славословие и песнопение» (Ис 51, 3); «и будет месяц от месяца и суббота от субботы» (Ис 66, 23). Еще: «они найдут радость и веселье, а печаль и воздыхание удалятся» (Ис 35, 10). И если еще яснее хотите узнать о пребывании и городе святых, то слушайте, что Господь говорит к самому Иерусалиму: «и поставлю правителем твоим мир и надзирателями твоими – правду. Не слышно будет насилия в земле твоей, опустошения и разорения – в пределах твоих, и будешь называть стены твои спасением и ворота твои – славою. Уже не будет солнце служить тебе светом дневным, и сияние луны – светить тебе; но Господь будет тебе вечным светом и Бог твой – славою твоей. Не закатится уже солнце твое и луна твоя не сокроется, ибо Господь будет для тебя вечным светом, и окончатся дни сетования твоего» (Ис 60, 17–20). И потому блаженный апостол не просто всякую вообще радость называет Царством Божиим, но только ту, которая в Духе Святом. Ибо он знает, что бывает и другая, достойная порицания, радость, о которой говорится: «мир возрадуется» (Ин 16, 20). «Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете» (Лк 6, 25). Царство Небесное трояко надо понимать: или так, что в нем будут царствовать небеса, т. е. святые над другими подчиненными, как говорится: «ты будь над пятью городами»; «ты возьми в управление десять городов» (Лк 19:17, 19), также Господь говорил ученикам: «сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф 19, 28), или сами небеса будут Царством Христовым, когда будет покорено Ему все, и Бог

будет все во всех (1Кор 15, 28); или святые на небесах будут царствовать с Господом.

[27] Глава 14. О вечности души

[28] Поэтому всякий, находясь еще в этом теле, уже знает, что он должен быть посвящен той религии или служению, участником и почитателем которого был в этой жизни; нет сомнения, что и в будущем веке он будет участником того же (служения), чему ныне захотел быть служителем и сообщником, как говорит Господь: «кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет» (Ин 12, 26). Ибо как в царство дьявола (веельзевула) вступают через совершение пороков, так Царство Божие приобретается упражнением в добродетелях, чистотою сердца и духовным знанием. А где Царство Божие, там, без сомнения, и жизнь вечная, и где царство дьявола, там, без сомнения, смерть и ад, и попавший туда не может восхвалять Господа, по словам пророка: «не мертвые восхвалят Господа, ни все нисходящие во ад (в состояние греха, конечно), но мы живущие (не для пороков и для этого мира, а для Бога) будем благословлять Господа отныне и вовек» (Пс 113, 25–26). Ибо в смерти нет памятования о Боге; "во аде же (в состоянии греха) кто будет исповедываться» Господу? (Пс 6, 6). Никто, допускающий то, чего Господь отвращается, не вспоминает о Боге, истинно не исповедует себя рабом Того, Чьими заповедями пренебрегает с безрассудным упорством; в каковой смерти пребывает сластолюбивая вдова, о которой говорит блаженный апостол: «вдова сластолюбивая заживо умерла» (1Тим 5, 6). Следовательно, есть многие, которые, живя в этом теле, бывают мертвы и, находясь в аде, не могут восхвалять

Бога. И напротив, есть такие, которые, умерши телом, духом благословляют и восхваляют Бога, как говорится у пророка: «духи и души праведных, благословите Господа» (Дан 3, 86); «всяк дух да хвалит Господа» (Пс 150, 6). И в Апокалипсисе говорится, что души убиенных не только хвалят Бога, но и ходатайствуют (Апок 6, 10). В Евангелии яснее говорит Господь саддукеям: «не читали ли вы реченного вам Богом: Я Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова? Бог не есть Бог мертвых, но живых.» «Ибо у Него все живы» (Исх 3:6; Мф 22:31–32; Лк 20:38). И апостол о них говорит: «посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом; ибо Он приготовил им город» (Евр 11, 16).

Души после разлучения с этим телом не бывают праздны, не остаются без всякого чувства; это доказывает евангельская притча о богатом и Лазаре (Лк 16, 22–28), из которых один заслужил блаженное жилище, т.е. покой на лоне Авраамовом, а другой горит в нестерпимом жару вечного огня. Если мы захотим обратить внимание на то, что говорится разбойнику: «ныне же будешь со Мною в раю» (Лк 23, 43); то ясно будет, что в душах не только живет прежний разум, но и наслаждаются они воздаянием по качеству своих дел и заслуг. Ибо Бог никак не обещал бы ему этого, если бы знал, что душа его после разлучения с телом лишится чувства или превратится в ничто. Ибо не плоть, а душа его может войти в рай со Христом. Надо остерегаться, даже со страхом отвращаться нечестивого мнения еретиков, которые, не веря, что Христос в тот же день, в который сходил в ад, мог быть и в раю, так разделяют следующие слова: истинно говорю тебе, ныне же, и сделав расстановку, читают: будешь со Мною в раю; как будто это обещание не тотчас после ухода из этой жизни исполнилось, а после

воскресения Его исполнится, не понимая того, что до дня Своего воскресения иудеям, которые думали, будто и Он, подобно им, подвержен человеческим ограничениям и плотской мощи, Иисус Христос говорил: «никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах» (Ин 3, 13). Этим ясно доказывается, что души умерших не только не лишаются своих чувств, но не теряют и расположений своих, т.е. надежды и страха, радости и скорби, и нечто из того, чего ожидают себе на всеобщем суде, они начинают уже предвкушать, вопреки мнению некоторых неверных, будто после исхода из этой жизни они превращаются в ничто, они еще живее становятся и ревностнее прилепляются к прославлению Бога. И действительно, если, рассмотрев свидетельства Св. Писания о природе самой души, по мере нашего смысла, несколько порассуждаем, то не будет ли безумием – хоть слегка подозревать, что драгоценнейшая часть человека (т. е. душа), в которой, по блаженному апостолу, заключается образ Божий и подобие (1Кор 11, 7; Кол 3, 10), после отложения от этой дебелости телесной, в которой она находится в настоящей жизни, будто становится бесчувственной – та, которая, содержа в себе всякую силу разума, своим причастием даже немое и бесчувственное вещество плоти делает чувствительным? Отсюда следует: и свойство самого разума требует того, чтобы дух после сложения этой плотской дебелости, которой ныне ослабляется, свои разумные силы привел в лучшее состояние, восстановил их более чистыми и более тонкими, а не лишился их. Сказанное нами блаженный апостол признает настолько истинным, что даже желает из этой плоти выйти, чтобы после мог теснее соединяться с Господом, говоря: «имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это

несравненно лучше» (Флп 1, 23). «И как знаем, что, водворяясь в теле, мы устранены от Господа, – то мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа. И потому ревностно стараемся, водворяясь ли, выходя ли, быть Ему угодными» (2Кор 5:6, 8, 9). Здесь апостол пребывание души в этой плоти называет устранением от Господа, удалением от Христа, а разлучение ее с этой плотью и уход со всею уверенностью считает водворением у Христа. Еще яснее об этом самом живейшем состоянии душ тот же апостол говорит: «вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, ...и к духам праведников, достигших совершенства». «Если мы, – говорит, – будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить?» (Евр 12:22–23, 9).

[29] Глава 15. О созерцании Бога[3]

[30] А созерцание Бога многообразно бывает. Ибо Бог познается не в одном блаженном и непостижимом существе Своем, что предоставлено святым Его в будущем веке, но познается также из величества и красоты Его творений, из ежедневного Его устроения и провидения, из правосудия Его, из чудес, которые Он являет в каждом роде над святыми Своими. Ибо когда мы помыслим о беспредельном Его могуществе, о неусыпном Его оке, которое видит тайны сердечные и от которого ничто не может скрыться, то, объятые сердечным страхом, удивляемся и поклоняемся Ему. Когда помыслим, что Он знает число дождевых капель, песка морского и звезд

небесных, то поражаемся величием естества и премудрости Его. Когда помыслим о неизреченной и неизъяснимой Его премудрости и человеколюбии, о непостижимом долготерпении, переносящем бесчисленные падения грешников, то прославляем Его. Когда помыслим о великой любви Его к нам, по которой Он не погнушался для нас, ничего доброго не совершивших, сделаться человеком, чтобы избавить нас от обольщения, то пробуждаемся к любви Его. Когда подумаем, что Он сам, побеждая в нас врага нашего, дьявола, дарует нам жизнь вечную за одно проявление воли и расположение к добру, то поклоняемся Ему. Есть и другие бесчисленные, подобные этим, созерцания, через которые Бог становится видимым и понимаемым, и которые раскрываются в нас по качеству жизни и по чистоте сердца. Их совершенно не будут иметь те, в ком хоть немного еще живут плотские страсти, как говорит Господь: «лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть меня и остаться в живых», т.е. живым для этого мира и для земных страстей (Исх 33, 20).

[31] Глава 16. Вопрос о смущении помыслов

[32] **Герман**. От чего это бывает, что многие вожделения и суетные помыслы даже против воли нашей тревожат нас и почти без нашего ведома обольщают нас, входя в нас так неприметно и хитро, что мы не только не можем воспрепятствовать их входу, но с великим трудом можем узнать их? Может ли дух быть свободным от них и никогда не подвергаться таким обольщеньям?

[33] Глава 17. Ответ: что дух может сделать с помыслами и чего не может

[34] **Моисей**. Не возмущаться духу этими помыслами невозможно; но принять их или отвергнуть – это по силам всякому, кто при помощи Божией употребит для этого старание. Как возникновение их не зависит от нас, так отвержение или принятие их состоит в нашей воле. Впрочем из того, что мы сказали, не все следует приписывать набегу помыслов или тем духам, которые стараются посеять их в нас; иначе не останется в человеке свободной воли и в нас не будет старания о своем исправлении. Но большей частью от нас зависит, чтобы исправилось качество помыслов и возникали в сердцах наших духовные – святые, или земные – плотские мысли. Если разумно и тщательно поучаемся в законе Божьем, упражняемся в псалмах и пении, пребываем в посте и бдении, непрестанно помним о будущем, о Царстве Небесном, о геенне огненной и о всех делах Божиих, то злые помыслы уменьшаются и не находят места. Когда же, наоборот, занимаемся мирскими заботами и плотскими делами и вдаемся в суетные и праздные беседы, тогда злые помыслы умножаются в нас.

[35] Глава 18. Сравнение души с жерновом

[36] Деятельность души хорошо сравнивается с мельничным жерновом, который от стремительного течения воды быстро вертится кругом. Он не может перестать крутиться, будучи движим водою. Но во власти приставника состоит – пшеницу ли молоть или жито, или куколь растирать. Так и ум наш, в течение настоящей жизни будучи приводимым в движение устремляющимися

отовсюду потоками искушения, может быть праздным от смятения помыслов; а какие допускать или принимать в себя, это зависит от нашей воли и старательности. Если мы, как сказали, постоянно занимаемся размышлением о Священном Писании, память занимаем духовными предметами, питаем желание совершенства и надежду на будущее блаженство, то и происшедшие отсюда духовные помыслы обязательно заставляют ум заниматься теми предметами, о коих мы размышляли. Если же мы по беспечности или небрежности занимаемся пороками и праздными беседами или вдаемся в мирские и суетные заботы, то родившиеся от того помыслы, как какой-нибудь куколь, доставят нашему сердцу и работу вредную, по изречению Господа Спасителя: где будет сокровище дел наших или внимания нашего, там необходимо пребудет и сердце наше (Мф 6, 21).

[37] Глава 19. О трех началах наших помыслов

[38] Прежде всего мы должны знать, что три начала бывают у наших помыслов: от Бога, от дьявола и от нас. От Бога бывают, когда Он удостаивает нас посетить просвещением Св. Духа, возбуждая нас к высшему преуспеванию, и вразумляет спасительным сокрушением о том, что мы мало преуспели, или, пребывая в беспечности, были побеждены чем-либо; или когда открывает нам небесные тайны, волю и намерение наше – обращает к лучшим действиям, как, например, когда Господь, вразумляя царя Ассуира (Артаксеркса), внушил ему спросить памятные книги дневных записей, из которых он, вспомнив о благодеяниях Мардохея, вознес его на высшую ступень почести и тотчас отменил жестокий приговор касательно избиения народа

иудейского (Есф 6); или когда пророк говорит: «послушаю, что скажет во мне Господь Бог» (Пс 84, 9); и другой пророк говорит: «сказал… Ангел, говоривший во мне» (Зах 1, 9); или когда Сын Божий обещает: «Мы придем вместе и обитель у него сотворим: (Ин 14, 23); еще говорит: «не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф 10, 20); и сосуд избранный говорит: «вы ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне» (2Кор 13, 3).

От дьявола происходят помыслы, когда он старается низложить нас как услаждением пороков, так и тайными наветами, с тонкой хитростью ложно представляя зло под видом добра и преобразуясь перед нами в ангела света (2Кор 11, 14); или когда Евангелист говорит: «во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искариоту предать Его» (Ин 13:2); и «после сего куска вошел в него сатана» (Ин 13:27); и апостол Петр говорит Анании: «для чего *ты допустил* сатане вложить в сердце твое *мысль* солгать Духу Святому» (Деян 5, 3); также когда от лица нечистого духа говорится Богу против Ахава: «я выйду и сделаюсь духом лживым в устах всех пророков его» (3Цар 22, 22).

А от нас помыслы происходят, когда естественно вспоминаем то, что мы делаем или сделали, или слышали. Об этом блаженный Давид говорит: «размышляю о днях древних, о летах веков *минувших*; припоминаю песни мои в ночи, беседую с сердцем моим, и дух мой испытывает» (Пс 76, 6–7). Еще: «Господь знает мысли человеческие, что они суетны» (Пс 93, 11). И в Евангелии Господь говорит Фарисеям: «для чего вы мыслите худое в сердцах ваших?» (Мф 9, 4).

[39] Глава 20. Объясняется примером меняльщика, как помыслы наши должны быть различаемы

[40] Итак, эту троякую причину мы постоянно должны наблюдать и все помыслы, возникающие в нашем сердце, зорким суждением разбирать, сперва исследуя происхождение их, причины и виновников, чтобы узнать, как мы должны относиться к ним, смотря по достоинству внушивших их, чтобы нам сделаться искусными монетчиками, высшее искусство (Обязанность и искусство монетчиков в древности состояло в том, чтобы золотую монету отличать от поддельной медной, серебряную от оловянной. Во-вторых, узнавать: из чистого ли золота монета состоит или есть примесь; в-третьих, различать изображение на монете – истинное царское или изображение тирана; а также узнавать настоящий вес монеты – не уменьшена ли, не обрезана ли и т.п.) и наука которых состоит в том, чтобы испытывать, какое золото самое чистое и какое меньше очищено огнем; разумно различать медный, дешевый динарий, если он цветом блестящего золота походит на драгоценную монету, и не только верно узнавать монеты, изображающие лица тиранов, но с проницательным искусством различать и те, которые хоть и имеют истинный образ царя, но изображены незаконно, потом тщательно исследовать взвешиванием на весах, не меньше ли они законного веса. Что все это мы должны делать духовно, это Евангелие доказывает примером монетчика (Мф 25, 27).

Во-первых, мы должны тщательно исследовать все то, что вошло в наши сердца или предложено нам каким-либо догматом, очищено ли это божественным, небесным

огнем Св. Духа или принадлежит к иудейскому суеверию, или происходит от надменности мирской философии и носит только личину благочестия. Мы так и поступим, если будем исполнять апостольское наставление: «не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они» (1Ин. 4:1). Таким образом были обольщены и те, которые после исповедания обетов монашества увлеклись чистотою речи и некоторыми мнениями философов, кои с первого взгляда обольщали слышащих некоторыми созвучными с религией, благочестивыми чувствами, как бы блеском золота; однажды увлекши благовидностью, обманув как бы медными, ложными монетами, сделали их навсегда бедными и жалкими, – увлекли или в мирскую суету, или в еретические заблуждения и гордые предприятия.

Во-вторых, нам следует заботливо наблюдать, чтобы ложное толкование Св. Писания, подделываясь под чистое золото, не обмануло нас драгоценностью металла. В этом хитрый дьявол старался искусить также и Господа Спасителя, как простого человека, когда, злонамеренным толкованием повреждая то, что надо понимать вообще о всех праведниках, он старался в частности приложить к Тому, Кто не нуждался в охране ангелов, говоря: «Ангелам Своим (Бог) заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих; на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею» (Мф.4:6; Пс 90:11–12). Драгоценные изречения Св. Писания лукавым пониманием извращая и выводя противный и вредный смысл, дьявол представляет нам как бы изображение лица тирана под блеском фальшивого золота. Когда поддельной монетою старается обмануть нас, т.е. внушает желать какого-либо благочестивого дела, которое,

происходя не от законного правила старцев, под предлогом добродетелей ведет к порокам, или, обольщая неумеренным и несоответственным постом или чрезмерным бдением, или беспорядочными молитвами, или несообразным чтением, приводит к вредному концу. Когда советует заниматься ходатайством и посещениями благочестивыми, которыми выгоняет нас из духовных убежищ монастыря и уединения любезного покоя или когда внушает предпринимать также заботы о благочестивых и беспомощных женщинах, чтобы, такими сетями опутав монаха, развлекать гибельными занятиями, или когда под предлогом назидания многих и по любви к духовной пользе подстрекает желать священной обязанности клирика, через это отвлекает нас от смирения нашего намерения и от строгости. Хотя все это противно нашему спасению и званию, однако, прикрытое некоторым покровом милосердия и благочестия, легко обольщает неопытных и неосторожных. Ибо они подражают монетам истинного царя, – в настоящее время кажутся полными благочестия; но они изображены незаконными монетчиками, т.е. не опытными и православными отцами; происходят не из главной и общественной мастерской их собеседования, но воровски, обманом бесов распространяются, не без вреда для всех неопытных и несведущих. Хотя это в настоящее время может казаться полезным и необходимым, однако если после оказывается противным правилам нашего звания и ослабляет некоторым образом наше намерение, то хотя бы это и казалось необходимым, но соблазняющим членом, который исполнял бы должность правой руки или ноги, для нас спасительно отсечь его и бросить от себя (Мф 18, 8). Ибо лучше без члена одной заповеди (т.е. без делания или плода, а во всем прочем пребывать здоровым

и крепким) и как бы слабому войти в Царство Божие, нежели при соблюдении заповеди впасть в какой-либо соблазн, который гибельной привычкою нас, уклонившихся от правил строгости и воспринятого намерения, доведет до такого вреда, который, не вознаграждая будущих лишений, все прошлые плоды и все тело нашего делания сожжет в огне геенском. О таких обольщеньях хорошо говорится и в Притчах: «есть пути, которые кажутся человеку прямыми; но конец их – путь к смерти» (Притч 14, 12). Злой вредит, когда смешивается с праведным (Притч 11, 15), т.е. дьявол обольщает, когда прикрывается видом святости, но «ненавидит голос утверждения» (Притч 11, 15), т.е. силу рассудительности, которая происходит от слов и увещевания старцев.

[41] Глава 21. О прельщении аввы Иоанна

[42] Мы узнали, что этим недавно был прельщен и авва Иоанн Ликопольский. Ибо когда, истощив и ослабив тело двухдневным постом, не принимая пищи, на следующий день приступил к обеду, то дьявол, придя в виде черного эфиопа и упав на колени перед ним, говорил: «прости меня, что я наложил на тебя этот труд». Итак, этот муж, столь совершенный в рассудительности, понял, что под видом воздержания, несоразмерно соблюдаемого, он был обманут хитростью дьявола, предаваясь такому посту, который ослабленное тело привел в изнеможение не то что необходимое, а даже еще и вредное духу. Он был обманут ложной монетою, когда, уважая в ней изображение истинного царя, мало рассуждал: законно ли оно было сделано. А последнее наблюдение этого опытного монетчика, которое относится к исследованию веса, будет исполнено нами, если, когда помысел наш

внушает что-либо сделать, мы, положив это на весы нашего сердца, самым точным взвешиванием будем исследовать, полно ли оно всеобщей честности (Или имеет ли полную ценность?), тяготеет ли страхом Божиим, цело ли по чувству, не легковесно ли оно самовысказыванием перед людьми или каким-либо предрассудком новизны, суетное тщеславие не уменьшило ли тяжесть его заслуги или не обгрызло ли славолюбие. И таким образом тотчас взвешивая на общественном испытании, т.е. сличая с действиями и свидетельствами пророков и апостолов, мы или должны принимать это как целое, совершенное, равновесное с ними; или со всею осторожностью должны отвергать как несовершенное, вредное и несогласное с их весом.

[43] Глава 22. О четырех способах рассудительности

[44] Итак, это необходимое для нас различение будет совершаться четырьмя способами, как мы сказали, т.е. во-первых, нужно нам знать – вещество истинного золота или поддельное, фальшивое; во-вторых, те помыслы, которые принимают вид дел благочестия, мы должны отвергать, как фальшивую, поддельную монету, так как она содержит ложное изображение царя, незаконно отчеканенное; в-третьих, различая то, что на драгоценном золоте Св. Писания, в поврежденном, еретическом смысле, представляет лицо неистинного царя, а тирана, мы должны отвергать; в-четвертых, то, тяжесть и ценность чего разъедается ржавчиной суетности и не может равняться с весом (разумением) старцев, мы должны отвергать, как монету легкую, поврежденную и меньше весящую, чтобы, греша в том, что мы, по заповеди

Господней, всею силою должны соблюдать, нам не лишиться всех наград за наши труды и выслуги. «Не собирайте себе, – сказано, – сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут» (Мф 6, 19). Ибо когда что-нибудь мы делаем для славы человеческой, то, по изречению Господа, мы собираем себе сокровище на земле, и оно, как скрытое и закопанное в земле, будет расхищено разными бесами, истреблено едкой ржавчиною тщеславия или съедено молью гордости, так что не послужит ни к какой пользе и выгоде скрывающего. Итак, постоянно должны осматривать все сокровенности нашего сердца и зорким исследованием замечать следы входящих, чтобы умственный зверь, лев или дракон, как-нибудь проходя туда, скрытно не запечатлел гибельных следов, по которым откроется вход и прочим зверям в сокровенность нашего сердца. И таким образом, ежечасно и ежеминутно возделывая землю нашего сердца евангельским плугом, т.е. постоянной памятью о кресте Господа, мы сможем разорить логовища вредных зверей и норы ядовитых змей и выгнать из себя.

[45] Глава 23. О речи учителя по заслугам слушателей

[46] Старец, видя, что мы удивляемся этому и что желаем слышать слова его, немного помолчав, опять начал говорить. Поскольку желание ваше продолжило разговор на столь долгое время и вы еще желаете слушать, так что я могу заключить, что вы действительно жаждете познать путь к совершенству, то я хочу побеседовать с вами о превосходном благе рассудительности, которая среди других добродетелей есть как бы некоторый укрепленный

и главный город, – и показать превосходство ее, высоту и пользу, руководствуясь не только собственными понятиями и примерами, но и мнениями древних отцов. Помню, что некоторым, со стенанием и слезами просящим такого наставления, я при всем желании никак не мог преподать, и у меня не было не только мысли, но и самого слова, так что я не находил, как отпустить их даже с малым утешением. Из этого видно, что по достоинству и усердию слушающих благодать Господня внушает слово говорящим. Поскольку оставшееся время ночи не позволяет продолжить слово, то, этот остаток ночи употребив на необходимый покой телесный, на следующий день или ночь мы предложим цельное исследование в полном составе. Добрым слушателям учения о рассудительности нужно особенно показать старательность своего ума: способны ли, могут ли они вместить его, должны доказать терпением и тем знаком, по которому видно, что рассуждающие об этой добродетели, родительнице умеренности, не допускали противного ей порока чрезмерности, делом и поступками нарушая силу разума и хваля его только на словах. Следовательно, рассудительность о которой мы предполагаем рассуждать, сколько даст Господь, полезна прежде всего тем, что нам, рассуждающим о ее превосходстве и умеренности – первом ее качестве, не позволяет превышать меру настоящего рассуждения или времени. Итак, блаженный Моисей, этим закончив собеседование, посоветовал нам немного соснуть, предлагая лечь на тех же рогожках, на которых мы сидели, вместо изголовья подложив под свои головы снопы, связанные из толстого папира в длинные и тонкие пучки. Они, будучи связаны вместе, служат низким сидением братьям, сидящим в собрании, подложенные

под шею спящих, доставляют голове не очень жесткую, но удобную подставку. Для этого употребления они считаются у монахов очень удобными, потому что не только мягки, достаются малой ценою и трудом, так как папир растет по берегам Нила, никому никто не запрещает рубить его по желанию, да и для переноски он удобен, легок. Таким образом по приказанию старца мы расположились спать, воодушевившись удовольствием от предложенного собеседования и с ожиданием обещанного рассуждения.

Второе собеседование аввы Моисея. О рассудительности

[1] Глава 1

[2] Когда, вкусив сна, утром, после восхода солнца, мы стали просить об обещанном рассуждении, то блаженный Моисей продолжил беседу. Намереваясь говорить о благе рассудительности и важности ее, считаем нужным доказать превосходство ее сначала мнениями отцов, чтобы, показав, как думали о ней наши предки, и представив как в прежние, так и в новые времена преткновения и падения многих, которые оттого и подверглись гибельному падению, что не имели рассудительности, мы могли бы раскрыть пользу и выгоды ее. Ибо она есть не малая какая добродетель и не может быть приобретена только человеческим старанием, а подается по божественной благодати и дару. Она причисляется к особенным дарам Св. Духа, о которых говорит апостол: «одному дается Духом слово мудрости; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений тем же Духом; иному различение духов»; и после исчисления духовных даров прибавляет: «все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно» (1Кор 12, 8–11). Итак, видите, что дар различения или рассудительности есть не земной и не малый, но величайший дар божественной благодати. Если монах не будет искать его со всем старанием и с помощью здравого рассуждения не приобретет этого распознавания входящих в него духов, то он, как блуждающий ночью в густой тьме, не только обязательно будет падать в

глубокие рвы пороков, но часто спотыкаться и на гладких, ровных местах.

3 Глава 2. Польза рассудительности доказывается мнением аввы Антония

4 Помню, когда я еще в молодые годы находился в пределах Фиваиды, где обитал блаженный Антоний, старцы собрались к нему для рассуждения о совершенстве. С вечера до утра продолжалось собеседование, исследовали, какая добродетель больше всех, какая бы могла всегда сохранять монаха невредимым от сетей обольщений дьявола и вести прямым путем кверху совершенства. Каждый по своему понятию высказывал мнение. Одни видели это в усердии к посту и бдению, потому что посредством их утончается дух, приобретается чистота сердца и тела, и потому удобнее можно соединяться с Богом. Другие видели в нестяжании и презрении всех вещей, от которых отрешившись, как от задерживающих уз, дух свободнее приближается к Богу. Иные считали необходимым отшельничество, т.е. удаление в пустыню на уединение, в котором пребывающий может дерзновеннее молиться и лучше прилепляться к Нему. Некоторые утверждали, что надо исполнять обязанности любви или человеколюбия, потому что преимущественно за это Господь в Евангелии обещает Царство Небесное, говоря: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня» и пр. (Мф 25, 34–35).

Когда таким образом каждый по-своему представлял

различные добродетели, посредством которых человек удобнее может приблизиться к Богу, и уже большая часть ночи прошла в этом исследовании, блаженный Антоний наконец стал говорить: все это, о чем вы говорите, нужно и полезно ищущим Бога и желающим прийти к Нему. Но всем этим добродетелям отдать первенство не позволяют бесчисленные опыты и падения многих. Ибо некоторые часто жестоко сокрушали себя постом и бдением, пребывали в пустынном уединении, доходили до такой нестяжательности, что не оставляли себе и на один день пищи, и до того исполняли долг милостыни, что не оставалось у них средств для подаяния. Но после всего этого они жалким образом уклонились от добродетели и впали в порок. Что же было причиною их прельщения и падения? По моему мнению, не что иное, как недостаток в них рассудительности. Ибо она учит человека идти царским путем, сторонясь крайностей с обеих сторон: с правой стороны не допускает обольщаться чрезмерным воздержанием, с левой – увлекаться к беспечности и расслаблению. Рассудительность в Евангелии называется глазом и светильником души, как говорит Спаситель: «светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно» (Мф 6, 22–23). Это потому, что рассудительность, исследуя все мысли и дела человека, отлучает и отстраняет всякое зло и неугодное Богу дело и удаляет от него всякое обольщение.

[5] Глава 3. О грехе Саула, который прельстился по нерассудительности

[6] Всякий может видеть это и из повествований Св. Писания. Саул, которому первому вверено было Израильское царство, поскольку не имел рассудительности, будучи помрачен разумом, не мог понять, что повиновение воле св. Самуила было гораздо угоднее Богу, нежели принести жертву (1Пар 10, 8); и чем думал угодить Богу, тем прогневал Его, и отвержен от царства, чего не случилось бы, если бы снискал себе свет рассудительности.

[7] Глава 4. Польза рассудительности доказывается священным писанием

[8] Рассудительность и апостол называет солнцем, когда говорит: «солнце да не зайдет во гневе вашем» (Еф 4, 26). Она называется также кормилом жизни, как сказано в Св. Писании, «при недостатке попечения (управления) падает народ» (Притч 11, 14). Она в Св. Писании называется советом, без которого мы не можем ничего делать, так что без него не позволяет пить и само духовное вино, веселящее сердце человека, по следующему изречению: «с советом все делай, с советом пей вино» (Притч 31, 4), и еще: «что город разрушенный, без стен, то человек, не владеющий духом своим» (Притч 25, 28). В ней состоит премудрость, в ней разум и смысл, без которых нельзя ни созидать внутренний наш дом, ни собирать – духовное богатство, как сказано: «мудростью устрояется дом и разумом утверждается» (Притч 24, 3). Она называется крепкой пищею, свойственной тем, которые навыком приучили чувства к различению добра и

зла (Евр 5, 14). Из этого ясно открывается, что без дара рассудительности не может стоять никакая добродетель или пребывать твердой до конца. Ибо она есть матерь, хранительница и управительница всех добродетелей.

[9] Глава 5. О смерти старца Ирона

[10] Вот мнение и решение св. Антония, с которым и прочие отцы согласны были! Но чтобы решение св. Антония утвердить новейшими примерами и опытами наших времен, вспомните о жалком падении старца Ирона, которому он подвергся перед нашими глазами несколько дней назад; как он, прельщенный дьяволом, с такой высоты жизни низвергся в бездну смерти. Мы помним, что он пятьдесят лет пребывал в пустыне, вел самый суровый образ жизни, хранил строгое воздержание, пребывал в глубокой пустыне и более всех, здесь живущих, предавался уединению. Но после таких трудов и подвигов он, поруганный дьяволом, подвергся тягчайшему падению, причинив безутешную скорбь живущим в пустыне отцам и братьям. От этого не пострадал бы он, если бы обладал добродетелью рассудительности, которая научила бы его повиноваться не собственному помыслу, но совету отцов и братьев. Следуя собственному помыслу, он до того заботился о посте и уединении от людей, что и в праздник святой Пасхи не приходил в церковь, опасаясь, чтобы, сойдясь с отцами и братьями и едя вместе с ними, не вкусить овощей или чего-либо другого, предложенного на трапезе, и не показаться отпадшим от своей цели и правила. Итак, долго прельщаемый своею волею, он принял к себе ангела сатаны и, поклонившись ему, как ангелу света, получил от него повеление – в полночь

броситься в глубокий колодец, чтобы опытом удостовериться, что он по заслугам своих добродетелей и трудов уже не подвергнется никакой опасности. Не размышляя в уме своем о том, кто это советовал, омрачившись рассудком, он в полночь бросился в колодец. Немного спустя братья, узнав о случившемся, с великим трудом смогли вытащить его полумертвого. Прожив после извлечения два дня, в третий он помер, оставив безутешную печаль братьям и настоятелю Пафнутию[2], который, будучи движим великим человеколюбием и помня великие его труды и многочисленность лет, проведенных им в пустыне, не лишил его поминовения и приношения за усопших, чтобы он не был причислен к самоубийцам.

[11] Глава 6. О падении двух братьев по нерассудительности

[12] Что сказать о тех двух братьях, которые обитали по ту сторону пустыни фиваидской, где жил некогда блаженный Антоний? Они, будучи движимы необдуманной мыслью, вознамерились идти во внутренность обширной, невозделанной пустыни, решив не принимать пищи от человека, кроме той, какую Господь чудесно подаст им. Когда они блуждали по пустыне и изнемогли от голода, издалека увидели их мазики, – народ из всех диких едва ли не самый дикий и жестокий. По действию промысла Божия они переменили свойственную им жестокость на человеколюбие и встретили их с хлебами. Один из указанных братьев, обретя разум, с радостью и благодарностью принял хлебы, рассуждая, что столь дикие, жестокие и всегда жаждущие крови человеческой люди не оказали бы

сострадания к изнемогшим и не принесли бы пищи, если бы Бог не побудил их к этому. Но другой, отказавшись от пищи, так как она принесена была людьми, и оставшись верным безрассудному обещанию, умер от голода. Хотя оба они, имев сначала весьма худое намерение, были полны безрассудной и гибельной решимости. Впрочем один, образумившись, исправил то, что безрассудно и неосторожно предпринял; а другой, не имея рассудительности, сам себе причинил смерть, которую Господь хотел отвратить.

13 Глава 7. О прельщении другого по нерассудительности

14 Что сказать о том, имя которого я не хочу назвать, потому что он еще жив. Он, часто принимая демона за ангела, получая через него откровения и часто видя свет без светильника в своей келье, наконец получает от него повеление принести в жертву Богу своего сына, находившегося с ним в монастыре, чтобы таким образом удостоиться чести патриарха Авраама. Советом демона он до того был прельщен, что действительно совершил бы заклание своего сына, если бы сын не заметил, что отец его против обыкновения точит нож и готовит путы, чтобы ими связать его для принесения в жертву, и не спасся бегством.

15 Глава 8. О прельщении и падении месопотамского монаха

16 Долго было бы рассказывать о прельщении этого месопотамлянина, который, оказав такое воздержание и

проведя много лет в келейном заключении, наконец осмеян был дьявольскими откровениями и сновидениями, так что после таких трудов и добродетелей, которыми превосходил всех находившихся там монахов, впал наконец в иудейство и обрезание. Дьявол, желая прельстить его, часто показывал ему истинные сновидения, чтобы через это расположить его к принятию того обольщения, в которое хотел ввести его после. Итак, в одну ночь показывает ему с одной стороны народ христианский с апостолами и мучениками мрачным, покрытым всяким бесславием, изнуренным от скорби и плача, а с другой – народ иудейский с Моисеем, патриархами и пророками – в сиянии лучезарного света и живущий в радости и веселье. Между тем прельститель советовал ему принять обрезание, если хочет участвовать в блаженстве, и радости народа иудейского, что прельщенный действительно и исполнил. Из всего сказанного видно, что все, о ком мы говорили, не были бы осмеяны столь жалким и бедственным образом, если бы имели в себе дар рассудительности.

[17] Глава 9. Вопрос о приобретении истинной рассудительности

[18] После этого Герман сказал: и новейшими примерами, и мнениями древних отцов доказано, что рассудительность есть источник и корень всех добродетелей. Но мы желаем знать, каким образом можем приобрести ее, и как можно отличить истинную, от Бога происходящую рассудительность от ложной, притворной и дьявольской?

[19] Глава 10. Ответ: как приобретается истинная рассудительность

[20] Авва Моисей отвечал: истинная рассудительность приобретается только истинным смирением, первым доказательством которого будет – открывать отцам не только дела, но и думы, ни в чем не доверять своему помыслу, но во всем следовать наставлениям старцев и считать хорошим или худым только то, что они признают таким. Такой способ не только помогает монаху безопасно пребывать в истинной рассудительности и на правом пути, но и сохранит его невредимым от всех сетей дьявольских. Ибо невозможно пасть от бесовского прельщения тому, кто свою жизнь располагает не по своему суждению, а по совету преуспевших. Ибо прежде чем кто-либо удостоится дара рассудительности, само объявление и открытие перед отцами злых помыслов иссушает их и ослабляет. Ибо как змей, извлеченный из темной норы на свет, старается убежать и скрыться, так и злые помыслы, будучи обнаружены откровенным признанием и исповедью, стараются бежать от человека. Но чтобы точнее понять вам эту добродетель из примера, я расскажу одно дело аввы Серапиона[3], которое он сам часто рассказывал приходившим для предохранения.

[21] Глава 11. Слова аввы Серапиона об ослаблении помыслов от открытия их и об опасности от самонадеянности

[22] Он говорил так: в юных летах я жил со своим наставником аввой Феоною. Когда мы принимали пищу, я, вставая из-за стола, по внушению дьявола крал сухой

хлебец и ел его тайно от своего аввы. И поскольку я делал это долгое время, то страсть эта овладела мною так, что я не мог преодолеть ее; я был осуждаем только своею совестью, а сказать об этом старцу стыдился. По усмотрению человеколюбивого Бога случилось некоторым братьям для своей пользы придти к старцу, и они спрашивали его о своих помыслах. Старец отвечал им: ничто столько не вредит монахам и ничто столько не радует бесов, как утаивание своих помыслов от духовных отцов; говорил им и о воздержании. При этом разговоре я пришел в себя, думал, что Бог открыл старцу мои прегрешения и, умилившись, начал плакать, вынул из-за пазухи хлебец, который обычно крал, и, упав на землю, просил простить мне прошедшее и молиться об обретении твердости в будущем. Тогда старец сказал: сын мой! признание твое и при моем молчании освободило тебя от этого плена; открыв свои поступки, ты поразил беса, уязвлявшего тебя при твоем молчании. До сих пор ты допускал ему обладать тобою, не противореча ему, не обличая его, а теперь, будучи выведен из твоего сердца и обнаружен, он уже не будет иметь в тебе места. Старец не окончил еще речи, как показалось, будто горящая свеча вышла из моей пазухи и наполнила дом зловонием, так что присутствующие думали, будто горит сера. Тогда старец сказал: вот Господь явно подтвердил тебе истину моих слов и твоего освобождения. Таким образом, от признания этого отступила от меня страсть чревоугодия и ее дьявольское действие, так что с тех пор даже на ум не приходило мне такое пожелание. Итак, вот и из повести аввы Серапиона мы научаемся, что тогда мы удостоимся даров истинной рассудительности, когда станем доверять не внушениям своего разума, но учению и наставлению отцов. Ибо дьявол никаким другим пороком настолько не

возносит монаха на стремнины и не приводит к смерти, как тем, что убеждает его пренебрегать советами отцов и последовать своему мнению и своей воле. Даже взяв примеры из человеческих искусств и наук, мы можем получить наставление. Ибо, если и руками осязая их, и глазами видя, и ушами слыша, не можем сами преуспеть в них, но нуждаемся в учителе, то не безумно ли думать, что не требует наставника труднейшая из всех наук – наука духовная, которая есть невидима, сокровенна и созерцаема одной чистотою сердца, незнание которой рождает не временный ущерб, но гибель души и вечную смерть? Она ведет днем и ночью войну не против видимых, но невидимых и свирепых врагов, не против одного или двоих, но против бесчисленного полчища, падение от которого тем гибельнее, чем злее враги и коварнее нападение. Поэтому всегда надо тщательно следовать по стопам старцев и, отвергнув стыд, открывать им все, что происходит в нашем сердце.

23 Глава 12. Признание в стыдливости, по которой затруднительно открывать помыслы старцам

24 Герман сказал: предлог нашей стыдливости и утаивание помыслов происходит обычно от вредного страха, потому что некоторые отцы, выслушав помыслы своих братьев; не только не исцеляли их, но укоряли и повергали в отчаяние. Такое происшествие, случившееся в Сирии, знаем мы сами. Некий брат одному из находящихся там старцев рассказал свои помыслы со всею простотою и истиною и, не стыдясь, обнажил тайны своего сердца. Но тот, услышав это, стал негодовать на

брата, укорял его за такие худые помыслы, так что многие, слыша это, стали стыдиться открывать свои помыслы старцам.

25 Глава 13. Ответ об отвержении стыдливости и об опасности не сострадающего

26 Авва Моисей сказал: полезно, как я сказал, не скрывать своих помыслов от отцов; впрочем, не всякому нужно говорить, а открывать старцам духовным, имеющим рассудительность, поседевшим не от времени. Ибо многие, доверяя летам старца и открывая свои помыслы, вместо исцеления, впали в отчаяние по неопытности духовников. Был один брат, очень старательный, но, терпя жестокие нападения от беса блуда, пришел к некому старцу и рассказал ему свои помыслы. Тот, будучи неопытен, услышав это, вознегодовал на брата, имевшего такие помыслы, называя его окаянным и недостойным монашеского образа. Брат, услышав это, отчаялся о себе и, оставив свою келью, возвратился в мир. Но по Божию промыслу встречается с ним авва Аполлос, опытнейший из старцев; видя его смущение и великую печаль, спросил его: «сын мой! какова причина такой скорби?» Он сначала не отвечал от великого уныния, но после многих увещеваний старца рассказал ему о своих обстоятельствах. Часто, говорил он, помыслы смущают меня; я пошел и открыл такому-то старцу и, по словам его, нет мне надежды на спасение; в отчаянии я иду в мир. Отец Аполлос, услышав это, долго утешал и вразумлял брата, говоря: «не удивляйся, сын мой, и не отчаивайся о себе. Я, будучи так стар и сед, терплю

жестокие нападения от этих помыслов. Итак, не малодушествуй в таком искушении, которое исцеляется не столько человеческим старанием, сколько человеколюбием Божиим. Только послушай меня теперь, возвратись в свою келью». Брат сделал это.

Авва Аполлос, расставшись с ним, пошел в келью старца, отлучившего брата, и, став возле нее, со слезами молил Бога так: «Господи! посылающий искушения на пользу нашу, пошли напасти брата на этого старца, чтобы в старости своей по опыту он узнал то, чему не научился за столь долгое время, – узнал, как сострадать поражаемым дьяволом». После окончания молитвы видит эфиопа, стоящего близ кельи и бросающего стрелы в старца. Уязвленный ими, как от вина колебался он и, не в силах снести, вышел из кельи и пошел в мир тем же путем, которым шел и младший брат. Авва Аполлос, узнав это, вышел к нему навстречу и спросил у него: «куда ты идешь и какая причина такого твоего смущения?» Тот, думая, что святому известно случившееся с ним, от стыда ничего не отвечал. Тогда авва Аполлос сказал ему: «возвратись в свою келью, отсюда познай свою немощь и считай себя или неизвестным прежде дьяволу, или презренным от него. Ибо ты не удостоился вступить в войну с ним. Что я говорю – в войну? Ты и единого дня не мог выдержать его нападения. Это случилось с тобою за то, что ты, приняв у себя младшего брата, который вел войну против общего врага, вместо того, чтобы поощрить его к подвигу, вверг его в отчаяние, не подумав, чего требует премудрая заповедь: «спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение?» (Притч 24, 11); и даже о чем говорит притча, относящаяся к Спасителю нашему: «трости надломленной не преломит и льна

курящегося не угасит» (Мф 12, 20). Ибо никто не мог бы устоять против коварства врага и даже пригасить пламенное движение природы, если бы благодать Божия не помогала немощи человеческой. Итак, когда исполнилось это спасительное благодеяние Божие, станем общими молитвами просить Бога, чтобы Он отнял простертый и на тебя бич. «Он поражает, и Его же руки врачуют» (Иов 5, 18); «умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит, ...унижает и возвышает» (1Цар 2, 6–7)». Сказав это и помолившись, тотчас избавил его от наведенной на него напасти и советовал ему просить от Бога, чтобы «дал... язык мудрых, чтобы... мог словом подкреплять изнемогающего» (Ис 50, 4).

Из всего сказанного познаем, что нет другого надежнейшего пути к спасению, как открывать свои помыслы рассудительнейшим отцам и иметь их руководителями к добродетели, а не следовать собственному помыслу и рассуждению. А из-за неопытности, неискусности, простоты одного или нескольких не нужно опасаться открывать свои помыслы отцам опытнейшим. Ибо и они не по собственному побуждению, но по внушению от Бога и Божественного Писания заповедали младшим спрашивать старших.

[27] Глава 14. О призвании Самуила

[28] Как приятно Богу это установление, можно видеть из Св. Писания, особенно из истории св. Самуила. Он, будучи с младенчества посвящен матерью Богу и удостоясь беседы с Богом, не поверил своему помыслу, но, дважды воззванный Богом, спешит к старцу Илию и от него получает наставление и правило, как подобает

отвечать Богу; таким образом и того, кого Бог удостоил собеседования с Собою, Он восхотел руководить учением и наставлением старца, чтобы через то вести его к смирению.

[29] Глава 15. О призвании апостола Павла

[30] И Христос, Сам призывая Павла и разговаривая с ним, хотя мог тотчас открыть глаза его и показать путь к совершенству, но отсылает к Анании и повелевает от него научиться пути истины, говоря: «встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать» (Деян. 9, 6), этим научая нас следовать опытнейшим. Но да не будет когда-либо достоподражаемый пример Павла для малоопытных, худо понимающих его, поводом к своенравию, по которому каждый хотел бы, подобно Павлу, быть ведомым к истине самим Богом, а не отцами. А что это истинно, можно видеть не только из вышесказанного, но и из того, что апостол показал на деле, как говорит в послании: «ходил я в Иерусалим видеться с Петром… и предложил… благовествование, проповедуемое мною язычникам, не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался» (Гал 1:18, 2:2), хотя и сопутствовала ему благодать Св. Духа в силе знамений, которые он творил. Поэтому кто будет настолько горд и кичлив, чтобы стал основываться на собственном мнении и суждении, когда сосуд избранный сознается, что он имел нужду в совете предшествовавших ему апостолов? Таким образом, совершенно ясно доказывается, что Господь никому не открывает пути совершенства, кроме руководимых духовными отцами, как и через пророка говорит: «спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе» (Втор 32, 7).

[31] Глава 16. О приобретении рассудительности

[32] Итак, всей силою и со всей тщательностью мы должны стараться смирением приобрести себе благой дар рассудительности, которая может сохранить нас невредимыми от чрезмерности с обеих сторон. Ибо, как говорят отцы, крайности с той и с другой стороны одинаково вредны, – и излишество поста и пресыщение чрева, чрезмерность бдения и продолжительность сна и прочие излишества. Ибо знаем мы некоторых не побежденных чревоугодием, но низложенных безмерным постом и впавших в ту же страсть чревоугодия по причине слабости, происшедшей от чрезмерного поста.

[33] Глава 17. О неумеренном посте и бдении

[34] Помню, что и я испытал нечто подобное, постясь до того, что потерял желание есть и пребывал два или три дня без пищи, пока другие не побудили меня к принятию ее. Также по коварному действию дьявола сон до того удалился от глаз моих, что я, проведя много ночей без сна, молил Господа, чтобы немного соснуть мне. И я был в большей опасности от неумеренности в посте и бдении, нежели от чревоугодия и долгого сна. Итак, нам следует заботиться как о том, чтобы по желанию плотского удовольствия не принять пищи прежде назначенного времени или сверх меры, так и о том, чтобы употреблять ее и спать в назначенный час, даже если не хочется. Потому что и чрезмерное желание плотского удовольствия и отвращение от пищи и сна возбуждаются врагом нашим; неумеренное воздержание вреднее пресыщения, потому что при содействии раскаяния

можно от последнего перейти к правильному рассуждению, а от первого нельзя.

35 Глава 18. Вопрос о мере воздержания или употребления пищи

36 При этом Герман спросил: в чем же состоит умеренность, соблюдая которую, мы можем пройти между обеими крайностями?

37 Глава 19. О лучшей мере ежедневного употребления пищи

38 На это авва Моисей отвечал так: знаем, что об этом предмете предки наши часто рассуждали по той причине, что люди довольствуются не одинаковой пищей: одни питаются бобами, а другие овощами или яблоками. Всему этому они предпочли хлеб, которого постановили употреблять два небольших хлебца весом около фунта.

39 Глава 20. Возражение касательно легкости воздержания, которое ограничивается двумя хлебцами

40 Герман на это сказал: хотя мы беспрекословно принимаем это определение, но означенную меру не считаем за воздержание, потому что нельзя употребить целый хлеб.

[41] Глава 21. Ответ: как нужно соблюдать указанное правило воздержания

[42] Моисей на это отвечал: если вы хотите испытать силу этого определения, то постоянно держитесь этой меры, не прибавляя ничего вареного ни в воскресный день, ни в субботу, ни по случаю посещения братьев. Потому что подкрепивши себя вареным, можно не только меньшей мерою довольствоваться в остальные дни, но и без труда долго не употреблять любую пищу, между тем как тот, кто постоянно держится означенной меры, тот не может ни этого делать, ни откладывать употребление хлеба до другого дня. Поэтому-то старцы наши с таким усилием и воздержанием сохраняли эту меру, так что нехотя и с прискорбием прекращали употребление этого рода пищи.

[43] Глава 22. Какая должна быть общая мера воздержания и принятия пищи

[44] Впрочем, общее правило умеренности состоит в том, чтобы каждый сообразно с силами, состоянием тела и возрастом столько пищи вкушал, сколько нужно для поддержания здоровья тела, а не сколько требует желание сытости. Кто не соблюдает одинаковой меры, – то чрезмерно постится, то пресыщается, – тот вредит как молитве, так и целомудрию; молитве – потому, что от голода не может быть бодрым в молитве, ибо от бессилия склоняется ко сну, а от объедения не может чисто и часто молиться; а целомудрию – потому, что тот огонь плотской похоти, который разжигается от чрезмерного употребления пищи, продолжается даже и во время строгого поста.

[45] Глава 23. Как предотвращать избыток семенной влаги

[46] Что однажды скопилось в членах от избытка пищи, то обязательно испражняется, изгоняется по закону самой природы, которая не терпит, чтобы оставался в ней какой-либо избыток влаги, как вредный ей и противный. Потому всегда надо обуздывать тело разумной и ровной воздержностью, чтобы, если пребывающие в плоти не могут не иметь этой природной потребности, по крайней мере, реже случалось у нас это истечение (семени) – не больше трех раз в течение всего года. Впрочем, и это пусть бы испражнялось во время спокойного сна без любострастного раздражения, а не от обольстительных мечтаний, которые указывают на скрытное удовольствие. Поэтому умеренность, по мнению отцов, состоит в том, чтобы ежедневно употреблять столько пищи, чтобы после вкушения всегда чувствовать голод. Такая мера сохранит душу и тело в одинаковом состоянии и не позволит человеку уклониться ни в чрезмерный пост, ни в пресыщение, подавляющее дух. Плодом же ее бывает такая трезвость, что человек иногда не чувствует или не помнит, что он вкушал пищу.

[47] Глава 24. О трудности равномерного питания и пресыщении брата Вениамина

[48] Что такой умеренности не без труда можно достигнуть, это доказывают собою те не имеющие рассудительности люди, которые желают лучше два дня поститься, и которые то, что должны употребить сегодня, откладывают до завтра; но когда им нужно подкрепить себя, то пресыщаются. Такого обыкновения держался один брат,

соотечественник вам – Вениамин, который вместо того, чтобы ежедневно употреблять по два хлебца и таким образом соблюсти одинаковую умеренность, постился по два дня; но зато, когда подкреплял себя пищею, то употреблял вдвойне, т.е. по четыре хлебца. Вы помните, какой конец имело это обыкновение его, противное преданиям старцев и основанное на сомнении. Оставив пустыню, он обратился к тщетной философии мирской и суете века сего и падением своим оправдал то мнение старцев, что полагающийся на свое мнение и доверяющий своему рассуждению не может достигнуть высоты совершенства и избегнуть гибельных обольщений дьявола.

[49] Глава 25. Вопрос: как соблюсти всегда одну и ту же меру?

[50] Герман спросил: как же можно нам ненарушимо сохранить эту меру? Ибо иногда в девятом (третьем) часу, уже после разрешения[4] поста, по случаю посещения братьев необходимо бывает ради них или прибавить к установленной, обычной мере пищи, или совсем отказаться от гостеприимства, которое повелевается нам оказывать всем.

[51] Глава 26. Ответ о том, что нельзя превышать меру употребления пищи

[52] Моисей на это сказал: то и другое в одинаковой мере и с равной заботою нужно исполнять, т.е. мы должны в точности соблюдать и меру употребления пищи для сохранения умеренности и целомудрия, и оказывать

гостеприимство и уважение посещающим братьям ради любви; потому что безрассудно было бы, предлагая трапезу брату или даже Христу, не разделять ее с ним. В том и другом случае мы будем безукоризненны, если станем держаться такого обычая, чтобы в девятом (третьем) часу из двух хлебцев, назначенных нам узаконенной мерою, съесть один хлебец, а другой оставить к вечеру в ожидании посещения брата, и если кто придет из братьев, то съесть его вместе с пришедшим, не прибавляя ничего против принятого обычая. При таком распределении не опечалит нас и посещение брата, которое должно быть для нас приятно, и, оказывая гостеприимство, мы нисколько не ослабим строгости воздержания. Если же никто не придет, то свободно съедим его одни, как назначенный в узаконенной мере. Таким употреблением пищи мы не обременим желудка ввечеру, как это обычно случается с теми, которые, заботясь о строгом воздержании, откладывают употребление пищи до вечера, и сохраним охоту и усердие к вечерним и ночным молитвам. Итак, удобно и полезно принимать пищу в девятом часу; ибо монах, подкрепляющий себя пищею в это время, не только бывает легким и бодрым в ночных бдениях, но и к вечерним собраниям уже бывает способен. Такими-то, столь высокими наставлениями возвеселил нас блаженный Моисей, так что мы, получив назидание, прославили Господа, дающего такую премудрость боящимся Его.

Третье собеседование аввы Пафнутия. О трех отречениях от мира

[1] Глава 1

[2] В лике святых, сиявших как чистейшие звезды в ночи мира, наподобие великого светила блистал светлостью знания св. Пафнутий Он был пресвитером в нашем собрании, которое находилось в скитской пустыне Пребывая здесь, он до последних лет не менял той кельи, в которой поселился вначале, хотя она отстояла от церкви тысяч на пять шагов. Обремененный годами, он не тяготился тем, что одолевал такое расстояние, приходя к церкви каждый субботний и воскресный день, и, не желая возвращаться оттуда праздным, возлагал на свою перевязь сосуд воды, которой надлежало пользоваться всю неделю, и приносил к келье Он, даже перешагнув за девяносто лет, не позволял более молодым братьям делать это для себя В юности своей он с таким усердием предался правилам общежития, что за короткое время стяжал сокровище послушания и обогатился познанием всех добродетелей. Когда же через умерщвление своих желаний под наукою смирения и покорности он погасил в себе страсти и преуспел во всяких добродетелях, какие требуются и уставом монашеским, и учением древнейших отцов, то, воспламенившись желанием высшего совершенства, поспешил проникнуть в сокровеннейшие места пустыни, чтобы здесь, без всякого развлечения общением с людьми, беспрепятственнее прилепиться к Господу, с Которым он жаждал пребывать нераздельно,

находясь среди множества братьев Здесь опять по рвению и любви к непрестанному божественному созерцанию он с такой заботливостью избегал взора других, что превзошел в этом всех отшельников. Для того уходил в дальние пустынные и неприступные места и укрывался в них долгое время, так что сами отшельники очень редко видали его. И нельзя было не верить, что он каждодневно наслаждается там обществом ангелов.

[3] Глава 2. О речи этого старца и нашем ответе

[4] Желая воспользоваться его наставлениями, а также смущаемые различными помыслами, уже под вечер мы пришли в его келью. После непродолжительного молчания он начал превозносить наше дело, т.е. что оставив отечество из любви к Богу, посетив столько областей, терпеливо сносим бедность и скуку пустыни и с таким рвением стремимся подражать их строгому образу жизни, который едва сносят и те, кто родились и выросли в нужде и скудости. На это мы отвечали, что мы заботливо искали его ради наставления и учения, – затем, чтобы сколько-нибудь настроить дух свой его правилами и совершенствами, бесчисленные доказательства которых уже видели и знаем, а не затем, чтобы принимать похвалу за добро, которого, однако, в нас нет, и меньше всего затем, чтобы, по поводу его бесед, предаваться высокомерию и возношению ума, которое и без того по внушению врага часто беспокоит нас в наших кельях. Почему желали бы услышать то, что сокрушало бы нас и смиряло, а не то, что может вести к самообольщению и гордости.

[5] Глава 3. Предложение аввы Пафнутия о трех видах призвания и о трех отречениях

[6] Тогда блаженный Пафнутий начал говорить: есть три способа призвания, также признаем необходимыми и три отречения для монаха, каким бы образом он ни был призван. Но прежде следует знать, для чего сказал я о трех видах призвания. Это для того, чтобы мы, увидев, что пробуждены к богоугождению тем призванием, которое занимает первое место, старались соответственно высоте его учредить и весь образ своей жизни. Ибо нет никакой пользы от высокого начала, когда этому началу не будет соответствовать и конец. Увидев же, что изъяты из оков мира последним видом призвания, тем с большим рвением устремились достигнуть совершеннейшего конца, чем менее совершенным кажется начало нашего обращения к благочестию. Надлежит также знать и необходимость троякого отречения, ибо нельзя достигнуть совершенства, если мы или совсем не знаем о нем, или, зная, не стараемся совершить его самим делом.

[7] Глава 4. Объяснение трех способов призвания

[8] Будем теперь подробнее раскрывать эти три способа призвания. Первое из них бывает непосредственно от Бога, второе – через человека, а третье – от нужды. Призвание бывает от Бога, когда некое вдохновение, наполняя наше сердце, нередко даже во время сна, возбуждает нас искать вечной жизни и спасения и посредством спасительного сокрушения сердца невольно влечет обратиться к Богу и прилепиться к Его заповедям. Так Авраам, как читаем в Св. Писании, голосом

Господним был вызван из места рождения своего, из приятного круга родных и из дома отеческого; потому что Сам Господь сказал ему: «пойди от земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего» (Быт. 12, 1). Этим же способом, как известно нам, призван и блаженный Антоний, который первое возбуждение к обращению воспринял от самого Божества. Ибо войдя в церковь и слыша здесь в Евангелии проповедь Господа: «если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк 14, 26); еще: «если хочешь быть совершенным, пойди продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф 19, 21), – в величайшем сокрушении сердца принял это наставление так, будто оно относилось собственно к нему, и тотчас, оставив все, последовал Христу без посредства убеждения и учения человеческого.

Второго рода призвание, как мы сказали, бывает через человека, когда мы воспламеняемся желанием спасения, примерами или увещеваниями святых. Так призванными, по благодати Господа, признаем себя мы, которые предали себя таким занятиям и такому роду жизни, будучи поощрены к тому увещеваниями и добродетелями упомянутого мужа (т.е. св. Антония). Таким же способом, как читаем и в Св. Писании, сыны Израиля были освобождены Моисеем от рабства египетского (Исх 14).

Наконец третьего рода призвание есть то, которое бывает по необходимости. Когда мы, будучи привязаны к богатству и удовольствиям мира сего, подвергаемся неожиданным бедствиям, которые или угрожают

опасностью жизни, или поражают потерею и лишением благ, или сокрушают смертью друзей, тогда как бы невольно вынуждены обратиться к Богу, Которого знать и искать не хотели во время счастья. Примеры такого призвания часто встречаем в Св. Писании. Так, когда сынов Израиля за грехи их Господь предавал в руки врагов, то по причине вражьего тиранства и жестокости они снова обращались к Нему и взывали. «И Господь воздвигнул им, – говорится, – спасителя Аода, сына Геры, сына Иеминиева, который был левша» (Суд. 3, 15); и еще несколько прежде: «возопили сыны Израилевы к Господу, и воздвигнул Господь спасителя сынам Израилевым, который спас их, Гофониила, сына Кеназа, младшего брата Халевова» (Суд. 3, 9). О таковых говорится и в псалме: «когда Он убивал их, они искали Его и обращались, и с раннего утра прибегали к Богу, и вспоминали, что Бог – их прибежище, и Бог Всевышний – Избавитель их» (Пс. 77:34–35). И опять: «но воззвали к Господу в скорби своей, и Он спас их от бедствий их» (Пс.106:19).

[9] Глава 5. Ленивому и первое призвание не на пользу, а ревностному и последнее не вредит

[10] Из этих трех способов обращения, хотя первые два утверждаются, кажется, на лучших началах, однако нередко находим, что и от последнего, который ниже других и не предполагает особенного жара ревности, выходят мужи совершенные, духом горящие, подобно тем, которые, лучше начав, остальное время жизни провели с похвальным рвением духа; как и наоборот, очень многие,

упав с высшей в начале ступени по причине охлаждения, являлись в конце достойными осуждения. И потому, как первым нисколько не повредило то, что обратились не своею, по-видимому, волею, а принужденные обстоятельствами, так как случай, приведший их в сокрушение, учредила для них благость Господня, так и последним не было никакой пользы от лучшего начала обращения, когда не заботились остальную часть жизни довести до соответственного им конца. Так авве Моисею, обитавшему в той части пустыни, которая называется Каламон, нисколько не препятствовало достигнуть совершеннейшего блаженства то, что он притек в монастырь, гонимый страхом смерти за человекоубийство; потому что, вынужденное обращение свое превратив готовностью духа в собственное желание сердца, он взошел потом на самый верх духовного совершенства. Напротив, очень многим, которых поименно приводить здесь не следует, нисколько не помогло хорошее начало, с каким принялись служить Господу, потому что затем по нерадению и ожесточению сердца они впали в гибельное охлаждение и даже в саму пропасть духовной смерти. Очевиднейшее подтверждение этой истины видим в призывании апостолов. Что пользы было для Иуды от того, что он произвольно принял верховную степень апостольства, таким же порядком, каким призваны Петр и другие апостолы, когда он под конец, погубив преславное начало своего призывания ядом похоти и корыстолюбия, упал до того, что предал Господа, как жестокосердный убийца (Мф.26:14–16)? С другой стороны, какой вред для Павла от того, что внезапным ослеплением (Деян 9) как бы невольно привлечен на путь спасения, когда он, после с таким жаром следуя Господу, невольное начало обращения

украшал доброхотным благочестием и жизнь свою, славную такими подвигами, заключил неподражаемой кончиною? Итак, все дело состоит в конце, в котором и удостоенный лучшего призвания может оказаться худшим по причине нерадения своего, а нуждою привлеченный принять чин монашества может явиться совершенным при помощи страха Божия и особенной ревности.

11 Глава 6. Объяснение трех отречений от мира

12 Теперь начнем рассуждать об отречениях, которых также три, как это подтверждается и преданием отцов и свидетельством Св. Писания, и которые каждый из нас непременно должен совершить со всем старанием. Первое из них есть то, в котором телесно оставляем все богатства и стяжания мира; второе – то, в котором оставляем прежние нравы и порочные страсти, как телесные, так и душевные; третье – то, в котором, отвлекая ум свой от всего настоящего и видимого, созерцаем только будущее и желаем невидимого. Эти три отречения все вместе повелел совершить Господь Аврааму, когда сказал ему: «пойди от земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего» (Быт 12, 1). Во-первых, сказал: «от земли твоей», т.е. от богатства мирского и стяжаний земных; во-вторых, «от родства твоего», т.е. от прежнего образа жизни, прежних нравов и пороков, которые, прилепившись к нам с самого рождения, являются родственными и единокровными нам; в-третьих, «из дома отца твоего», т.е. от всякого воспоминания о мире и о всем, что представляется взору очей. О двух также отцах, т.е. том, которого оставить, и

том, которого искать нужно, так воспевает Давид от лица Божия: «слыши, дщерь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой, и дом отца твоего» (Пс 44, 11). Ибо кто говорит: «слыши, дщерь», без сомнения, есть отец; но и тот, чей дом и народ советуется предать забвению, тем не менее признается отцом своей дочери. Всё же это совершается тогда, когда умерши со Христом для стихий этого мира, уже «смотрим, – по апостолу, – не на видимое, но на невидимое; ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2Кор 4, 18), и, удалившись сердцем от того временного и видимого, очи свои и ум обращаем к тому, в чем пребываем постоянно, когда, пребывая во плоти, не по плоти воинствуем в Господе, делом и жизнью оправдывая следующее изречение апостола: «наше же жительство – на небесах» (Флп 3, 20). К этим же трем отречениям приспособлены и три книги Соломона. Так, Притчи приличествуют первому отречению, так как ими отсекается вожделение земных вещей и чувственных пороков; Екклезиаст – второму, так как в нем все, бывающее под солнцем, провозглашается суетным; Песни Песней – третьему, так как в них ум, возвышаясь над всем видимым, погружается в созерцание одних вещей небесных.

13 Глава 7. Как надо желать усовершенствования в каждом отречении от мира

14 Потому, при всей силе веры, немного пользы принесет нам первое отречение, если вслед за ним с таким же усердием и ревностью не позаботимся совершить и второе. Ибо только тогда, как успеем стяжать второе,

сможем достигнуть и третьего, в котором оставившие дом прежнего своего отца, который, как упомянули мы, есть отец от начала рождения нашего, по ветхому человеку и прежней жизни, когда мы «были естеством чада гнева, как и прочие» (Еф 2, 3), всецело устремим взор ума своего к небесному. Об этом отце говорится к Иерусалиму, презревшему истинного отца своего – Бога: «мать ваша Хеттеянка, и отец ваш Аморрей» (Иез.16:45). И в Евангелии: «ваш отец дьявол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего» (Ин 8, 44). Когда оставив его, мы вознесемся от видимого к невидимому, тогда можем сказать с апостолом: «ибо знаем, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный» (2Кор 5, 1), и то, о чем мы упомянули несколько прежде: «наше же жительство – на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его» (Флп 3, 20–21); и следующее изречение св. Давида: «странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои» (Пс 38, 13), – чтобы, по слову Господа, и нам сделаться такими, каковы были те, о коих говорил Он в Евангелии к Отцу Своему: «они не от мира, как и Я не от мира» (Ин 17, 16), и потом к самим апостолам: «если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин 15, 19).

Итак, тогда только мы удостоимся обладать истинным совершенством этого третьего отречения, когда ум наш, освобожденный разумным очищением от всякой страсти и услаждения земного, не стесняясь узами бренной плоти, при непрестанном размышлении о Божественных

Писаниях и созерцании духовном, так далеко входит в область невидимого и до того углубляется в высшие бестелесные предметы, что не чувствует ни своего положения телесного, ни даже плоти своей; возносится до такого восхищения, что не только не ощущает никаких звуков телесным слухом и не обращает внимания на проходящих мимо людей, но не замечает даже деревьев и других огромных предметов, находящихся пред его глазами. Поверить, впрочем, этому и понять силу этого состояния может только тот, кто собственным опытом познал то, о чем здесь говорится; тот, чьи очи сердечный Господь так отвлек от всего настоящего, что он считает то не только преходящим, но как бы не существующим, как бы дымом исчезающим, чем-то, превратившимся в ничто; кто, подобно Еноху, ходя пред Богом, не обретается в суетном настоящем веке, потому что отошел от сообращения и нравов человеческих, что, впрочем, в Енохе совершилось телесно, как упоминается в книге Бытия: «и ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его» (Быт 5, 24), и как говорит о том апостол: «верою Енох переселен был так, что не видел смерти» (Евр.11:5). О каковой смерти Господь говорит в Евангелии: «всякий живущий и верующий в Меня, не умрет вовек» (Ин 11:26). Потому, желая достигнуть истинного совершенства, мы должны деятельно стремиться к тому, чтобы, как телесно мы оставили родителей, родину, богатства и удовольствия мирские, так, оставив все и сердцем, никогда уже не обращаться пожеланиями к тому, что отвергли, подобно израильтянам, выведенным Моисеем из Египта, которые хотя не возвращались туда телесно, однако называются возвратившимися; потому что, оставив Бога, с такою силою знамений изведшего их из Египта, сердцами

своими опять обратились к нему (Египту) и, чтя египетских идолов, прежде отвергнутых, говорили к Аарону: «сделай нам бога, который бы шел перед нами» (Исх 32, 1). Иначе не быть бы нам осужденными вместе с теми, кои, во время пребывания в пустыне, вкусив небесной манны, желали нечистых, скверных яств, и не показаться ропщущими подобно им: хорошо было нам в Египте, где сидели мы над котлами мясными и ели лук, и чеснок, и огурцы, и дыни (Исх 16, 3; Чис 11, 5). Такой опыт, хотя, как образ, прежде совершился еще в том народе, однако и ныне, как видим, он каждодневно повторяется в нашем чине и звании. Ибо всякий, отрекшийся от мира, возвращаясь к прежним заботам и увлекаясь прежними желаниями, делом и мыслью говорит то же, что и те: хорошо было мне в Египте. И таких найдется не столько ли, сколько тогда, при Моисее, являлось возмутителей, за что из всех, вышедших и Египта, которых насчитывалось шестьсот тысяч одних вооруженных, не более двух удостоились вступить в землю обетованную (Чис 14, 30)?

Итак, поспешим заимствовать примеры добродетелей от тех людей, каких немного и которые очень редки, потому что и в Евангелии говорится, что «много званых, а мало избранных» (Мф 20, 16). Никакой не будет нам пользы от телесного отречения и местного, так сказать, исхода из Египта, если не постараемся стяжать также и отречение сердечное, которое выше и полезнее. О телесном отречении так говорит апостол: «если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1Кор 13, 3). Этого святой апостол никак не сказал бы, если бы не предвидел в духе, что впоследствии появятся люди, которые, и

раздав все имение свое бедным, не достигнут, однако, евангельского совершенства и высших степеней любви, так как по гордости или недостатку терпения, удержав в сердцах своих прежние страсти и непостоянство нравов, нисколько не позаботятся очистить себя от них; по этой причине никак не стяжут любви Божией, никогда не отпадающей. Если же, таким образом, они стоят ниже этой второй степени отречения, то тем менее способны к третьей, которая, без сомнения, есть самая высшая. Рассудите внимательно в уме своем, что не просто сказал апостол: если раздам имение; ибо при этом можно было бы думать, что он говорит и о том, кто, исполняя заповедь Евангелия еще не в полной мере, оставляет нечто для себя, как поступают некоторые, слабые духом; но если раздам, говорит, все имение мое, т.е. если совершенно отвергну все земные стяжания. Сверх того, к отречению он присоединил еще нечто другое, лучшее: и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Другими словами, он как бы говорил: если раздам бедным всё имение мое по заповеди Евангелия, в коей говорится: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи и следуй за Мною» (Мф 19, 21); т.е. если так отрекусь, что совершенно ничего не оставлю для себя, и потом к делу щедрости присоединю еще мученичество и сожжение тела или предание его за Христа; однако буду притом или нетерпелив, или гневлив, или завистлив, или горд, буду оскорбляться обидами других, искать только своего, питать злые помыслы, нетерпеливо и неохотно сносить, что встретится неприятного; то никакой не будет мне пользы от отречения и сожжения внешнего человека, когда внутренний все еще будет обложен прежними

страстями, когда в первом жару обращения, презрев только стяжания мира сего, – вещь ни добрую, ни злую, но среднюю – не позабочусь также отсечь пагубные расположения порочного сердца и достигнуть божественной любви, которая «долготерпит, милосердствует, …не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, …не мыслит зла, …все терпит, все покрывает» (1Кор 13, 4–7), и которая, наконец, никогда не попускает последователю своему пасть от искушений греховных.

15 Глава 8. О духовном богатстве, в котором состоит красота души или безобразие

16 Итак, со всем постоянством следует нам заботиться о том, чтобы и внутренний наш человек отверг и расточил все собранное им в прежнем состоянии богатство пороков, которые, внутренне сроднившись с телом и душою, составляют неотъемлемую нашу собственность, так что и после исхода не перестанут сопровождать нас, если не будут отсечены и отвергнуты, пока еще пребываем в этом теле. Ибо как добродетели или сама любовь, которая есть источник их, приобретенная в настоящем веке, и после кончины этой жизни облекает красотою и блеском любителя своего; так и пороки, очернив ум наш отвратительными красками, в таком искаженном виде предпосылают и в вечную жизнь. Красота и безобразие души зависит от свойства добродетелей и пороков. Из них извлекается как бы некоторая краска, от которой душа или делается такою светлою и прекрасною, что удостаивается слышать от пророка: «и возжелает Царь красоты твоей» (Пс 44, 12); или такою мрачною, отвратительною и безобразною, что

сама невольно исповедует свое безобразие и зловоние, говоря: «смердят и гноятся раны мои от безумия моего» (Пс 37, 6). И Господь говорит к ней: «отчего же нет исцеления дщери народа моего?» (Иер 8, 22). Итак вот собственно наше богатство, неразлучно пребывающее с душою нашей, которого никакой царь даровать нам и никакой враг отнять у нас не силен. Вот собственно наше богатство, которого сама смерть не отторгнет от души, и отвергнув которое, восходим к совершенству, а привязавшись к нему, предаемся вечной смерти.

[17] Глава 9. О трех родах богатства

[18] В Св. Писании говорится о трояком богатстве, т.е. зло, добро и нечто среднее. Есть богатство злое, о котором говорится: «скимны бедствуют и терпят голод» (Пс 33, 11). Еще: «горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение» (Лк 6, 24). Отвергнуть такого рода богатство есть верх совершенства. В противоположность им поставляются те нищие, которых Сам Господь превозносит в Евангелии: «блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5, 3). Также в Псалме: «сей нищий воззвал, – и Господь услышал и спас его» (Пс 33, 7). И опять: «нищий и убогий да восхвалят имя Твое» (Пс 73, 21). Есть богатство благое, собирать которое есть великая добродетель и заслуга, и за обладание которым муж праведный удостаивается похвалы, как говорит Давид: «род правых благословится. Обилие и богатство в доме его, и правда его пребывает вовек» (Пс 111:2–3). И опять: «богатством своим человек выкупает жизнь свою» (Притч 13, 8). О таком богатстве говорится в Апокалипсисе к тому, кто, не имея его по собственной вине, является бедным и нагим: «извергну тебя из уст

Моих. Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и беден, и нищ, и слеп, и наг. Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы тебе одеться и чтобы, не была видна срамота наготы твоей» (Апок 3:16–18). Бывает богатство чем-то средним, т.е. и добром, и злом, потому что по свойству и расположению пользующихся им, может переходить на ту или другую сторону, о нем говорит апостол: «богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога живого, дающего нам все обильно для наслаждения; чтобы благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны, собирая себе сокровище, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни» (1Тим 6, 17–19). С другой стороны говорится в Евангелии, что богач, удерживавший такое богатство и нисколько не хотевший помочь из него нуждающимся, когда от крупиц его ждал насытиться бедный Лазарь, предан за то огню геенскому и вечному пламени (Лк.16:19–31).

[19] Глава 10. Никто из находящихся на первой ступени отречения не может быть совершенным

[20] Итак, оставляя видимое богатство мира сего, мы оставляем не свое, а чужое, хотя хвалимся тем, что оно или собрано нашими трудами, или досталось нам от родителей по наследству. Ибо у нас, как я сказал, нет ничего своего, кроме того, что усвоено сердцем, что сроднилось с душою нашей, и чего никто никогда не

может похитить у нас. Об этом видимом богатстве с упреком говорит Господь к тем, которые, обладая им, не хотят уделять из него нуждающимся: «и если в чужом не были верны, кто даст вам ваше? (Лк 16, 12). Итак, что богатство у нас чужое, в этом уверяет нас не только повседневный опыт, но и то, что оно именно так обозначено в изречении Господа. А о том пагубнейшем богатстве (которое в сердце, т.е. о страстях) так говорит к Господу апостол Петр: «вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам?» (Мф 19, 27). Ибо известно, что они оставили не более, как худые изорванные сети. Потому если не понимать этого об отвержении порочных страстей – деле великом и важном, – то не видно, что такое ценное оставили апостолы и что нашел в них Господь, что удостоил их обетования такой славы и блаженства: «в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах, судить двенадцать колен Израилевых» (Мф 19, 28). Если теперь и те, которые решительно отвергли все земные и видимые стяжания, могут по известным причинам не достичь совершенства апостольской любви, могут оказаться бессильными с свойственной живостью и силою взойти на эту третью ступень отречения – высшую и доступную для немногих, – то что должны подумать о себе те, которые, не совершив надлежащим образом еще первого отречения – легчайшего – и удерживая в себе нечистоту любостяжания с прежним маловерием, тщеславятся только одним именем монахов?

Итак, первое, как мы сказали, отречение есть отвержение чужих вещей, и потому оно само по себе не способно доставить совершенства отрекающемуся, если он не

дойдет до второго, в коем отвергается уже собственно наше, и стяжав которое, посредством искоренения всех страстей, свободно восходит и на высоту третьего. В том же последнем не только все, бывающее в мире и в частности принадлежащее людям, но и всю совокупность стихийного, каким бы оно ни представлялось величественным, устраняем от внимания, как подверженное суете и преходящее, и, возносясь умом и сердцем превыше всего, «мы смотрим уже, – по апостолу, – не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2Кор 4, 18), чтобы таким образом удостоиться наконец услышать и то высшее, что сказано было Аврааму: «и иди в землю, которую Я укажу тебе» (Быт 12, 1). Этим ясно доказывается, что кто со всем жаром духа не пройдет трех показанных ступеней отречения, тот не достигнет и этого четвертого блага (которое, впрочем, подается в виде воздаяния и награды уже отрекшимся) – не достигнет того, чтобы вступить в землю обетования, на которой не росли бы уже более тернии и волчцы порочных страстей, потому что обладать ею в настоящей жизни удостаиваются не иначе, как после очищения сердца, после искоренения всех страстей и притом так, что не собственная добродетель и не собственное тщание трудящегося, но Сам Господь открывает вход в нее по обетованию Своему: «и иди в землю, которую Я укажу тебе». Этим ясно показывается, что как начало нашего спасения полагается призыванием Господа: «пойди из земли твоей», так и окончательное совершенство чистоты равным образом подается Им же: «и иди в землю, которую Я укажу тебе», т.е. не ту, какую ты можешь познать сам и открыть своими трудами, но какую Я тебе покажу, и какой сам ты еще не знаешь и не ищешь. Из этого ясно открывается, что как мы вступаем

на путь спасения по особенному внушению от Господа, – так и достигаем высшего совершенства и блаженства под Его же руководством и просвещением.

[21] Глава 11. Вопрос о свободной воле человека и о благодати Божией

[22] **Герман**. В чем же состоит свободная воля, и почему приписывается нашей тщательности что-нибудь похвальное, если все, относящееся к нашему совершенству, и начинает, и совершает Сам Бог?

[23] Глава 12. Ответ о действии благодати Божией при сохранении свободы воли

[24] **Пафнутий**. Это приводило бы вас в справедливое недоумение, если бы во всяком деле и всяком обучении было только начало и конец, а не было некоторой средины. Правда, случаи к спасению, как известно, различным образом устраивает Сам Бог; но с готовностью подчиниться этим, посылаемым от Бога, случаям зависит от нас. Так предложение: «пойди из земли твоей» – принадлежит Богу призывающему, повиновение же принадлежит Аврааму; «и иди в землю» – предлагается дело покорному; а в словах: «которую Я укажу тебе» – указывается благодать повелевающего, или обещающего Бога. Но мы всегда должны быть твердо уверены, что не можем достигнуть совершенства своими трудами и подвигами, хотя бы со всей неутомимостью упражнялись во всякой добродетели; одни человеческие усилия не могут иметь такой цены и силы, чтобы возводить на высоту святости и блаженства, если Сам Господь не будет

содействовать нам и направлять сердце наше к тому, что для нас полезно. Потому каждое мгновение мы должны взывать к Богу с Давидом: «утверди шаги мои на путях Твоих, да не колеблются стопы мои» (Пс 16, 5). «Поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои» (Пс 39, 3), – дабы невидимый правитель ума человеческого обращал волю нашу к добродетели, так как она более склонна к пороку – то по неведению добра, то по обольщению страстей. Это очень ясно выражено пророком в одном стихе: «сильно толкнули меня, чтобы я упал, – этим означается нетвердость нашей воли; но Господь поддержал меня» (Пс 117, 13), – этим означается всегдашняя помощь от Господа, Который всякий раз, как начинаем колебаться, простирает к нам руки Свои, поддерживает и утверждает, чтобы иначе с одним своим произволом не пали мы. И еще: «когда я говорил: колеблется нога моя – от шаткой нашей свободы, – милость Твоя, Господи, поддерживала меня» (Пс 93, 18): опять со своею нетвердостью соединяет помощь Божию, исповедуя, что непоколебимость веры не есть дело собственного усилия, но единственно милосердия Божия. Также: «при умножении скорбей моих в сердце моем, которые породила моя свободная воля, утешения Твои услаждают душу мою» (Пс 93, 19), – утешения, которые, нисходя в сердце мое по Твоему вдохновению, открывали созерцанию будущие блага, уготованные Тобою труждающимся ради имени Твоего, и тем не только всю печаль изгоняли из сердца моего, но еще переполняли его высшей радостью. Опять: «если не Господь был мне помощником, вскоре вселилась бы душа моя в страну молчания» (Пс 93, 17), – свидетельствует, что по развращению свободы он давно бы уже был в аду, если бы не был спасаем помощью и покровительством Божиим.

Ибо Господом, а не от свободной воли утверждаются стопы такого человека. «Когда он будет падать, не разобьется». Почему же? «Ибо Господь поддерживает его за руку» (Пс 36:23–24). Сказать яснее, ни один праведник не имеет в себе достаточно сил стяжать праведность. Непрестанно колеблется он и в каждое мгновение готов пасть, потому милость Господа подкрепляет его рукою Своею, чтобы иначе, подвергшись падению по слабости произвола, совершенно не погиб он в падении своем.

[25] Глава 13. Устроение нашей жизни зависит от Бога

[26] И святые мужи никогда не надеялись собственным своим тщанием устроить тот путь, по коему надлежало идти, стремясь к полноте и совершенству в добродетелях, но всегда умоляли о том Господа: «направь меня на истину Твою» (Пс 24, 5), «уровняй предо мною путь Твой» (Пс 5, 9), «укажи мне, Господи, путь, по которому мне идти» (Пс 142, 8). Другой же пророк свидетельствует, что он познал это не только верою, но и из опыта, из самой природы вещей: «знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим» (Иер 10, 23). И Сам Господь так говорит к Израилю: «Я услышу его и призрю на него; Я буду как зеленеющий кипарис; от Меня будут тебе плоды» (Ос 14, 9).

[27] Глава 14. Знание закона сообщается от Бога

[28] И само познание закона не надеялись они приобрести только трудами чтения, но искали вразумления и просвещения от Бога, взывая к Нему: «укажи мне, Господи, пути Твои и научи меня стезям Твоим» (Пс 24, 4). «Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего» (Пс 118, 18). Еще: «научи меня исполнять волю Твою, потому что Ты Бог мой» (Пс 142, 10).

[29] Глава 15. Разум для познания повелений Божиих и расположение доброй воли даруются Богом

[30] Так святой Давид ищет у Господа вразумления, посредством которого мог бы познать заповеди Божий, и хотя уже знал их, как они написаны в книге закона, однако говорит: я раб Твой: «вразуми меня, и познаю откровения Твои» (Пс 118, 125). Хотя по самой природе своей он обладал разумом и имел уже действительное познание о заповедях, содержащихся в законе, однако, чтобы полнее постигнуть его, умоляет о том Господа, будучи уверен, что для духовного понимания закона и более ясного познания заповедей вовсе недостаточно того, что вложено в него природою, если не придет к тому Божественное просвещение и не осветит внутренних чувств его. И избранный сосуд гласно проповедует то же, что говорим мы: «Бог производит в нас и хотение и действие по *Своему* благоволению» (Флп 2, 13). И еще: «разумей, что я говорю. Да даст тебе Господь разумение во всем» (2Тим 2, 7). Можно ли сказать яснее, что и

добрые желания наши, и само исполнение их делом совершаются в нас Господом? Опять: «потому что вам даровано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Флп 1, 29). И здесь тоже свидетельствует, что как начало нашего обращения и веры, так и терпение в страданиях даруются нам от Господа. Понимая это, Давид умоляет милосердие Господа подать ему сие благо, говоря: «утверди, Боже, то, что ты соделал в нас» (Пс 67, 29), чем показывает, что мало того, чтобы только начало спасения было положено благодатью Божией, если потом они не будут возведены и к совершенству тем же милосердием и непрестанною помощью Его. Ибо не свободная воля, но «Господь разрешает узников»; не наша сила, но «Господь восставляет согбенных»; не прилежное чтение, но «Господь отверзает очи слепым»; не наша осторожность, но «Господь хранит пришельцев» (Пс 145:7–9); не наше мужество, но «Господь поддерживает всех падающих» (Пс 144, 14).

Впрочем, это говорим мы не для того, чтобы упразднить всякое свое попечение или труд, как будто бы они напрасно употреблялись, но для того, чтобы показать, что как само попечение не может у нас родиться без помощи Божией, так и все труды наши не сильны доставить нам совершенную чистоту, если она не будет дарована благостью и содействием Господа. «Коня приготовляют на день битвы, но победа – от Господа» (Притч 21, 31). «Ибо не силою крепок человек» (1Цар 2, 9). «Ненадежен конь для спасения» (Пс 32, 17). «Хвалящийся хвались Господом» (1Кор 1, 31). Итак, вместе с Давидом мы должны всегда воспевать: «Господь – сила моя и песнь, не собственная воля, но Он соделался моим спасением» (Пс

117, 14). И учитель язычников, сознавая, что поставлен служителем Нового Завета не за свои труды и заслуги, но по милости Божией, взывает: «не потому, чтобы мы сами были способны помыслить что от себя,... но способность наша от Бога» (2Кор 3, 5). Это иначе, хотя не совсем сообразно со свойством латинского языка, но зато более выразительно можно было бы так сказать: годность (idoneitas) наша от Бога.

[31] Глава 16. Сама вера даруется от Бога

[32] Апостолы в такой мере чувствовали, что всё, относящееся к спасению, подается от Господа, что даже самой веры просили себе у Него, говоря: Господи, «приложи нам веру» (Лк 17, 5), не присваивая ложно полноты ее свободе воли, но веруя, что она подается милостью Божьею. Сам Спаситель рода человеческого научает, как шатка вера наша, немощна, не может стоять сама по себе, если не будет подкреплена помощью Божией, говоря к Петру: «Симон! Симон! се сатана просил, чтобы сеять вас, как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя» (Лк 22, 31–32). Другой же некто, чувствуя в себе такую слабость и как бы сознавая, что вера его готова потерпеть кораблекрушение, разбиваемая волнами неверия, молит того же Господа о помощи вере своей: «Господи! помоги моему неверию» (Мк 9, 24).

Итак, мужи евангельские и апостольские вполне чувствовали, что всякое добро совершается не иначе, как с помощью Господа, и исповедали, что своими силами, или свободою воли они не могут сохранить невредимой даже веру свою; почему молили Господа то помочь ей, то

даровать ее. Если, таким образом, вера Петрова имела нужду в помощи Божией, чтобы не ослабеть, то кто будет настолько самонадеян и слеп, что для сохранения ее в себе думал бы не иметь нужды в непрестанном содействии Божием, особенно когда сам Господь в Евангелии ясно выразил: «как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. …ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин 15, 4, 5). Очевидно теперь, как неразумно и даже святотатственно присвоить какие-нибудь добрые дела своим усилиям, а не благодати и содействию Божию, когда Господне изречение свидетельствует, что без Его вдохновения или содействия никто не может приносить духовных плодов. «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов» (Иак 1, 17). И апостол постоянно внушает: «что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?» (1Кор 4, 7).

33 Глава 17. Умеренность и терпение в искушениях даруется нам от Бога

34 Что само терпение состоит не столько в нашей крепости, сколько в милосердии и утешении Божием, о том свидетельствует святой апостол: «вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1Кор 10, 13). Тот же апостол учит, что сам Бог располагает и укрепляет сердца наши на всякое дело благое и совершает в нас то, что Ему угодно: «Бог же мира, воздвигший из мертвых Пастыря овец великого Кровию завета вечного, Господа нашего Иисуса *Христа*,

да усовершит нас во всяком добром, деле, к исполнению воли Его, производя в нас благоугодное Ему» (Евр 13, 20–21). Сего же просит он и фессалоникийцам, говоря: «сам же Господь наш Иисус Христос и Бог и Отец наш, возлюбивший нас и давший утешение вечное и надежду благую во благодати, да утешит ваши сердца и да утвердит вас во всяком слове и деле благом» (2Сол 2, 16–17).

35 Глава 18. Страх Божий даруется нам также от Бога

36 Наконец, и страх Божий изливается в нас от Господа, как от лица Божия свидетельствует пророк Иеремия: «и дам им одно сердце и один путь, чтобы боялись Меня во все дни жизни, ко благу своему и благу детей своих после них. И заключу с ними вечный завет, по которому Я не отвращусь от них, чтобы благотворить им, и страх Мой вложу в сердца их, чтобы они не отступали от Меня» (Иер 32, 39–40). То же подтверждает и пророк Иезекииль: «и дам им сердце единое, и дух новый вложу в них..., а Я буду их Богом» (Иез 11, 19–20).

37 Глава 19. Начало благой воли и совершение ее зависит от Бога

38 Все это очевиднейшим образом убеждает нас, что как начало благого расположения полагается в нас особенным внушением Божиим, когда Он или Сам непосредственно, или посредством увещания через какого-нибудь человека, или крайними обстоятельствами привлекает нас на путь спасения, так равно и

совершенство добродетелей подается Им же. Наше же дело с большей или меньшей готовностью покоряться внушению Божию и принимать Его помощь. Мы заслуживаем награду или достойное наказание, судя по тому, нерадиво ли или заботливо, с благоговейной покорностью, сообразуем дела наши с распоряжениями и промышлением Божьим, простертым на нас благоволением Его. Это ясно изображается во Второзаконии: «когда введет тебя Господь, Бог твой, в землю, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы,... семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя, и предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их, тогда предай их заклятию, не вступай с ними в союз» (Втор 7, 1–2). То, что они вводятся в землю обетованную, что истребляются перед лицом их многие народы, что в руки их предаются племена многочисленнее и сильнее самого народа израильского, это Св. Писание приписывает благодати Божией. Но поразит ли их Израиль до истребления или пощадит и сохранит, вступит ли с ним в союз и соединится ли с ними супружеством или не соединится, это зависит от них самих. Этим свидетельством ясно определяется и то, что мы должны приписать свободной воле и что устроению или повседневному содействию Божию; именно благодать Божия подает случаи к спасению, устраивает благоприятные обстоятельства, доставляет победу; наше же дело – с жаром или равнодушием принимать благодеяния Божий.

Такое различие довольно ясно выразилось в исцелении иерихонских слепых. Что Господь проходил мимо них, это есть благодать Божественного промышления и снисхождения. Но что они взывали: «помилуй нас,

Господи, сын Давидов!» (Мф 20, 31), это дело их веры и упования. Само же прозрение опять от милосердия Божия. Но что и после получения какого-нибудь благодеяния и свободная воля, и благодать остаются в своей силе, это доказывает пример десяти прокаженных, которые все равно были исцелены (Лк 17:12–19). Когда один из них по доброму употреблению своей свободы принес благодарность, то Господь, порицая девятерых и похваляя одного, показал, что Он заботы Своего содействия не прекращает и в отношении к тем, кои не помнят Его благодеяний. Ибо то самое, что Он приемлет и одобряет благодарного или упрекает неблагодарных, есть дар Его попечения.

39 Глава 20. Ничего не делается в этом мире без Бога

40 Впрочем, мы непоколебимо должны быть уверены, что в мире ничего не бывает без Бога, но что все происходит или по Его воле, или по Его попущению; именно, все доброе совершается по Его воле и с Его содействием; противное же этому бывает только по Его попущению, когда покровительство Божие, оставляя нас за нечистоту и ожесточение сердца, попускает тиранствовать над нами дьяволу или бесчестным плотским страстям. В этом же очевиднейшим образом уверяют нас слова апостола, который говорит: «потому предал их Бог постыдным страстям». И опять: «и как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства» (Рим 1:26, 28). И сам Господь говорит через пророка: «но народ Мой не слушал гласа Моего, и Израиль не покорялся Мне; потому Я оставил их упорству сердца их, пусть ходят по своим помыслам» (Пс 80:12–13).

[41] Глава 21. Возражение о власти свободной воли

[42] **Герман**. Это свидетельство очевидно подтверждает силу свободной воли следующими словами: «О, если бы народ Мой слушал Меня; Но народ Мой не слушал гласа Моего» (Пс. 80:14, 12). Ибо когда говорит: «если бы народ Мой слушал», показывает, что в их власти состояло решение соглашаться или не соглашаться. Как же теперь не в нашей власти состоит наше спасение, когда Бог сам оставил на наш произвол слушать или не слушать?

[43] Глава 22. Ответ: наша свободная воля всегда нуждается в помощи Божией

[44] **Пафнутий**. Остроумно объяснили вы слова: «если бы народ Мой слушал Меня»; но нисколько не обратили внимания на то, кто говорит к слушающему или не слушающему, ни на то, что следует затем: «Я скоро смирил бы врагов их и обратил бы руку Мою на притеснителей их» (Пс.80:15). Пусть никто не покушается на слова, приведенные нами в доказательство того, что в мире ничего не бывает без Бога, не обращает в защиту свободной воли, с намерением отнять у человека благодать Божию и повседневное попечение, ссылаясь на то, что говорится: «но народ Мой не слушал гласа Моего»; и еще: «если бы народ Мой слушал Меня и Израиль ходил бы Моими путями» и проч. Но пусть лучше вникнет, что здесь как сила свободной воли доказывается неповиновением народа, так и попечение божественное о нем открывается из того, что Бог непрестанно взывает к нему и увещевает его. Ибо когда говорит: «если бы народ Мой слушал Меня», показывает тем, что Он всегда

говорит к ним первый и совершает это не только посредством писаного закона, но и ежедневными увещаниями, как Он говорит через пророка Исайю: «всякий день простирал Я руки Мои к народу непокорному, ходившему путем недобрым, по своим помышлениям» (Ис 65, 2).

Итак, этим свидетельством: «если бы народ Мой слушал Меня и Израиль ходил бы Моими путями, Я скоро смирил бы врагов их и обратил бы руку Мою на притеснителей их», может быть доказываемо и то, и другое. Ибо как сила свободы доказывается неповиновением народа, так попечение и содействие Божие подтверждается началом и концом сего стиха, где Господь свидетельствует, что Он первый начал говорить и что если бы народ послушал Его, то после Он уничижил бы всех врагов Его. Тем, что нами сказано, мы не хотим отнять свободу у воли человеческой, но только желаем доказать, что каждый день и каждое мгновение ей необходимы божественное содействие и благодать Божия. Итак, научив нас такими словами, авва Пафнутий наконец отпустил нас из своей кельи около полуночи. Не с охотою, а с сокрушением сердца мы оставили его, получив великую пользу от его собеседования. Ибо, совершив первое отречение, которое мы старались исполнить со всем усилием, мы думали, что скоро достигнем самого верха совершенства. Но теперь сознаемся, что еще не начали и мечтать о высших степенях монашества. О втором роде отречения еще знали мы от отцов в киновиях, а о третьем, в котором заключается все совершенство и которое несравненно выше двух первых, мы ничего не знали даже и по слуху.

Четвертое собеседование аввы Даниила. О борьбе плоти и духа

[1] Глава 1

[2] Между мужами, исполненными христианскою мудростью, увидели мы и авву Даниила, который, будучи равен обитавшим в скитской пустыне во всяком роде добродетелей, особенно украшался смирением и который за свою чистоту и кротость блаженным Пафнутием, настоятелем той пустыни, скоро был возведен в диаконы, несмотря на то, что был моложе других летами. Блаженный Пафнутий весьма утешался его добродетелями и, почитая равным себе по делам жизни и благодати, поспешил сравнять с собою и по сану священства. Мало того, не терпя долее видеть его в низшем служении и желая оставить после себя достойнейшего преемника, еще при жизни своей облек его честью старейшинства. Впрочем, авва Даниил, не изменяя прежнего своего смиренного нрава, никогда в присутствии его не позволял себе совершать что-либо, принадлежащее высшему чину, но всегда, когда авва Пафнутий приносил духовную жертву, он, как диакон, по-прежнему прислуживал. Впрочем, хотя блаженный Пафнутий был настолько высок и совершенен, что нередко являл в себе дар предвидения, но в настоящем случае его надежда преемства и избрания не оправдалась. Ибо спустя немного времени он предпослал к Богу того, кого готовил себе в преемники.

[3] Глава 2. Вопрос: отчего происходит внезапная перемена в духе, после неизреченной радости наступает глубокая скорбь?

[4] Итак, мы спросили блаженного Даниила, почему, сидя в келье, иногда исполняешься особенным каким-то вдохновением сердца, с неизъяснимою радостью и обилием сокровеннейших ощущений, которые, не говорю уже, выражать языком, даже воспринимать чувством бываем не в силах; тогда и молитва чиста и подвижна, и ум, исполняясь духовных плодов, чувствует, что его воздыхания, сильные и действенные, вознеслись к Богу даже и во сне; иногда же без всяких видимых причин вдруг находит печаль, начинает теснить какая-то безотчетная грусть; тогда не только в себе чувствуешь сухость, но досадуешь на келью, отвращаешься от чтения, в молитве неудержимо рассеиваешься и блуждаешь, не в силах восстановить в духе прежнее настроение; и чем сильнее устремляешь его к созерцанию Бога, тем стремительнее он (ум) как бы отбегает в плен непостоянных помыслов, расхищается и впадает в такое духовное изнеможение и бесплодие, что ни желанием Царства Небесного, ни страхом геенны не можешь пробудить его от этого как бы смертного сна.

[5] Глава 3. Ответ на предложенный вопрос

[6] Бесплодие ума, о котором вы говорите, зависит обыкновенно от трех причин: или от небрежения нашего, или от насилия бесовского, или по устроению и попущению Божию. От нашего небрежения бывает, когда,

при уменьшении внутренней теплоты, предаваясь невнимательности к себе и послаблению и в таком состоянии беспечности и лени питаясь вредными помыслами, позволяем земле сердца нашего производить терния и волчцы страстей, с размножением которых уже неизбежно становимся бесплодными, теряем способность к созерцанию и всякому духовному действию. От нападения дьявола бывает, когда он, и при добрых иногда занятиях наших, с хитрою тонкостью проникает в наш дух, и мы, совершенно против воли, отвлекаемся от благих расположений.

7 Глава 4. Причина распоряжения и попущения Божия бывает двоякая

8 А причина устроения или попущения Божия бывает двоякая: первая та, чтобы, на время оставленные Господом, смиренно усматривали мы слабость своего духа, не позволяли себе возноситься чистотою сердца, подаваемою благодатью Божией; испытывая при этом неспособность нашу возвратить прежнюю чистоту ума и отрадное расположение сердца, убедились, что как прежде жар ревности не нашим напряжением был возбужден в сердце, а посылался от Бога, так и теперь нужно искать его у Божией благодати и ожидать от Его озарения. Вторая причина попущения та, чтобы испытать нашу твердость, постоянство духа и желание сердца и видеть, с каким усердием сердечным и с какой неотступностью молитв мы будем опять искать скрывшегося от нас наития Св. Духа; давая же на опыте понять, с каким трудом радость духовная и потерянное блаженство чистоты приобретаются снова, побудить нас со всем тщанием и заботою хранить их и блюсти по

возвращении. Ибо обыкновенно с некоторым небрежением хранят то, что надеются легко вернуть.

9 Глава 5. Наше старание и труд без помощи Божией не могут иметь успеха

10 Таким образом, очевидно, что все добрые наши расположения происходят от благодати Божией. Почему, коль скоро она оставит, то своим трудом и тщанием уже ничего не успеешь, и без ее помощи не возвратишь себе прежнего состояния, как бы ни было велико собственное старание и усилие духа, так что над нами в точности исполняется тогда сказанное: «не от желающего, не от подвизающегося, но от Бога милующего» (Рим 9, 16). Сия благодать иногда даже нерадивых и беспечных посещает тем наитием святым и тем обилием благих помышлений, о коих вы говорили; она вдохновляет и недостойных, возбуждает усыпленных, просвещает одержимых слепотою неведения и, изливаясь в сердца наши, милостиво обличает и укоряет, чтобы хотя таким образом подвиглись мы восстать от сна беспечности. Иные же в ее сокровенных и неожиданных посещениях исполняются благоуханием духовным, превышающим всякую приятность мастей, составляемых человеческим искусством, так что дух, будучи проникнут этой сладостью, впадает в некоторое исступление духовное и забывает уже о том, в плоти ли он пребывает в то время.

[11] Глава 6. Иногда для нас полезно бывает оставление Бога

[12] Такое временное отсутствие благодати, или оставление Божие, святой Давид почитал столь полезным, что и не молился о том, чтобы совершенно ни в чем не быть оставляемым Богом, зная, что это и несообразно с человеческою природою и не совсем полезно для желающего достигнуть совершенства; а просил только, чтобы само оставление было в меру, говоря: «не оставляй меня совсем» (Пс 118, 8). Другими словами, он как бы говорил: знаю, что Ты для пользы оставляешь святых Твоих, чтобы испытать их; ибо иначе враг не мог бы искушать их, если бы, хоть на время, они не были оставляемы Тобою! Потому не прошу, чтобы Ты никогда не оставлял меня; ибо это не полезно мне, иначе я не приду в чувство слабости своей и не скажу: «благо мне, что я пострадал» (Пс 118, 71); не буду также иметь случая упражняться в борьбе, если неотступно будет осенять меня Твой божественный покров. Враг не осмелится искушать меня, охраняемого Тобою, а возымеет только смелость вопить против Тебя и меня, как обыкновенно клевещет он на подвизающихся ради Тебя: «разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него?» (Иов 1:9–10). Но молю, да не оставляешь меня во всем всюду и всегда, – вконец (как это читается по-гречески: μεχρι πρός αγαντειον). Ибо насколько спасительно мне кратковременное Твое оставление для испытания постоянства любви моей, настолько пагубно оставление конечное, какое заслуживаю я по грехам моим. Никакая сила человеческая, надолго оставляемая без Твоей помощи, во время искушения не может устоять в своей

непоколебимости, не может не пасть перед силою и хитростью врага, если Ты, единый, ведущий силы человеческие и с ними соразмеряющий попускаемые брани, «не попустишь нам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении дашь и облегчение, чтобы мы могли перенести» (1Кор 10, 13).

Подобное нечто таинственно изображено в распоряжении Божием касательно враждебных Израилю народов, как читаем в книге Судей: «вот те народы, которых оставил Господь, чтобы искушать ими израильтян,... чтобы знали и учились войне» (Суд.3:1–2). И немного спустя: «они были оставлены, чтобы искушать ими израильтян и узнать, повинуются ли они заповедям Господним, которые Он заповедал отцам их чрез Моисея» (Суд.3:4). Такую войну Господь устроил не потому, чтобы не желал покоя Израилю или не заботился о его благе, но потому, что видел, как она полезна для него. Подвергаясь почти непрестанному нападению тех народов, он не мог не чувствовать постоянной нужды в помощи Божией и потому должен был пребывать во всегдашнем мысленном обращении к Нему и молитве. Не имея возможности оставить войны, не имел времени и предаться беспечности или ослабеть от лености и праздности. Ибо часто безопасность и счастье низвергают того, кого не могли победить несчастья.

[13] Глава 7. О пользе той войны, какую апостол находит в борьбе плоти и духа

[14] Есть война и в членах наших, поселенная для нашей же пользы, как читаем у апостола: «плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу

противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы» (Гал 5, 17). По промыслительному распоряжению Божию она внедрилась как бы в самую природу нашу. И можно ли почитать ее чем иным, как не естественной принадлежностью человеческой природы после падения первого человека, если она всем без исключения обща? Можно ли не верить, что она находится в нас по воле Божией, во благо нам, а не во зло, если она всем присуща? Так, некоторым образом, самим промышлением Божиим оставлена в нас эта спасительная борьба, чтобы возбуждала нас и вела к высшему совершенству; и напротив, с прекращением ее должен настать опаснейший мир.

15 Глава 8. Вопрос: что значит, что в тексте апостола после изображения противоборства друг другу плоти и духа присоединяется третья воля?

16 **Герман**. Хотя несколько и прояснился для нас смысл этой борьбы, но так как мы все еще не можем во всей полноте представить учения апостольского, то желаем, чтобы оно яснее было раскрыто нам. Здесь, как видно, три предмета представляются: первый – борьба плоти против духа; другой – борьба духа против плоти; третий, как бы в средине их, – воля наша, о коей говорится: не то делаете, что хотели бы. О всем этом хотя мы и имеем некоторое представление из того, что уже сказано, однако желаем, чтобы сие было рассмотрено для нас и несколько подробнее.

[17] Глава 9. Ответ: о разуме правильно спрашивающего

[18] **Даниил**. Различать части и стороны вопросов есть доля рассудка, и наибольшая часть знания – знать, чего не знаешь. Ибо кто спрашивает, хоть и не знает силы предложенного вопроса, но благоразумно ищет и понимает, что он не понимал, тому и вменяется в мудрость то самое. Итак, по вашему разделению, три предмета называет апостол в приведенном месте: желания плоти и желания духа, взаимная борьба которых друг против друга, кажется, имеет то значение, чтобы мы не могли творить того, что хотим. Но здесь есть еще и четвертый предмет, которого вы не видите, именно то назначение борьбы, чтобы мы творили то, чего не хотим. Итак, прежде всего нам надлежит понять силу двух желаний, т.е. плоти и духа, тогда мы сможем решить, что есть и какова воля наша, положенная как бы в середине между ними; после чего определится и то, к чему не лежит наша воля.

[19] Глава 10. Слово «плоть» не в одном значении принимается

[20] Слово плоть в многих смыслах употребляется в Св. Писании. Иногда оно означает всего человека, поскольку он состоит из тела и души, как: «Слово стало плотию» (Ин 1, 14), и еще: «и узрит всякая плоть спасение Божие» (Лк 3, 6). Иногда означает грешников и людей плотских, как: «не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками [сими], потому что они плоть» (Быт 6, 3). Иногда оно понимается в смысле грехов, как: «вы не по плоти живете, а по духу» (Рим 8, 9), и опять: «плоть и кровь не могут

наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления» (1Кор 15, 50). Иногда употребляется в смысле родства и близости кровной, как: «мы – кости твои и плоть твоя» (2Цар 5, 1); и у апостола: «не возбужу ли ревность в *сродниках* моих по плоти и не спасу ли некоторых из них» (Рим 11, 14). Будем же искать, в каком из четырех значений следует здесь принять нам слово плоть. Очевидно, что в нашем месте оно не может стоять в том смысле, в каком положено в словах: «Слово стало плотию», и: «узрит всякая плоть спасение Божие»; как и в смысле: «не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками [сими], потому что они плоть»; потому что, когда говорится: «плоть желает противного духу, а дух – противного плоти»; то здесь слово плоть не означает человека-грешника, как там, к тому же и речь идет здесь не о существах, а о действиях, кои борются в одном и том же человеке – то вместе, то раздельно в некотором преемстве.

[21] Глава 11. Что апостол называет здесь «плотью» и что значит «вожделение плоти»

[22] Итак, слово плоть в этом месте надо принять не в смысле человека, как существа, а в смысле воли плотской, или злых похотей; равно и под словом дух понимать не какое-нибудь существо личное, а добрые и святые стремления души. Такой смысл апостол сам выше определил очень ясно: «я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти, плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы» (Гал 5:16–17). Так как теперь те и другие стремления находятся в одном и том же человеке, то и ведется внутри

нас непрерывная междоусобная война. Тогда как похоть плоти неудержимо стремится только к греховному и находит удовольствие только в том, что доставляет временный покой, дух, напротив, весь желает прилепиться к делам духовным, оставляя даже самые необходимые потребности плоти, желает предаться исключительно тем одним, не уделяя даже и малой заботы о тленной плоти. Плоть услаждается сластями и похотями; духу неприятны даже естественные нужды. Та желает насыщаться сном и наполняться пищею; этому питательнее бдения и посты, и он не хотел бы принимать пищи и сна даже столько, сколько это необходимо для жизни. Та желает изобиловать всякими сокровищами; этот неохотно имеет даже малую часть хлеба на каждодневное содержание. Та желает нежиться и окружать себя толпою ласкателей; этому отраднее уединение пустыни, удаленной от сопребывания смертных. Та пленяется похвалами и почестями человеческими; этот радуется, если терпит гонения и обиды.

23 Глава 12. Что это за воля наша, которая находится между вожделениями плоти и духа

24 Находясь в середине между этими двумя стремлениями, воля души нашей не услаждается греховными делами и не находит удовольствия в трудах ради добродетелей, располагаясь так воздерживаться от плотских страстей, чтобы нисколько не терпеть скорбей, неизбежных при исполнении требований духа, желая без озлобления плоти достигнуть телесной чистоты, без

трудов бдений стяжать чистоту сердца, с упокоением плоти изобиловать духовными добродетелями, без всякого оскорбления злословием получить благодать терпения, являть смирение Христово без ущерба в чести мирской, следовать простоте благочестия с гордостью века сего, служить Христу с похвалою и благоволением людским, говорить решительную правду, не встречая никаких оскорблений, вообще приобретать блага будущие, не теряя настоящих. Воля наша (если оставить ее в таком состоянии) никогда не повела бы нас к истинному совершенству, но, содержа в состоянии противной теплоты, только сделала бы такими, как и те, кому с укором изрекает Господь праведный суд Свой в Апокалипсисе: «знаю твои дела; ты не холоден, не горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Апок 3, 15–16). В таком состоянии теплоты мы оставались бы навсегда, если бы из него не выводила нас восстающая в нас борьба. Ибо когда, раболепствуя самоугодию, захотим сделать себе некоторое послабление, тотчас восстает плоть и, уязвляя нас жалами греховных движений и страстей, не дает пребывать в отрадной чистоте – желаемой и увлекает к охлаждающему удовольствию, – отвергаемому, увлекает как бы на путь, заросший тернием.

С другой стороны, если, воспламеняясь рвением духа и желая совершенно умертвить движения плоти, расположимся в возношении сердца всех себя предать непомерным подвигам в добродетелях, без всякого внимания к человеческой бренности; то немощь плоти скоро подает свой голос и, осаждая парение духа, отклоняет нас от таких несообразных крайностей. Но

между тем как то и другое стремление ведет войну взаимным противлением друг другу, воля души нашей, которая сама по себе не хотела бы ни совершенно предаться плотским пожеланиям, ни посвятить себя подвигам в добродетелях, сама собою избирает правильную меру. Ибо тот взаимный спор уничтожает опаснейшее состояние ее (равнодушия) и вместе с тем устанавливает на весах нашего существа некоторое равновесие, в котором верным рассуждением определяется свойственное плоти и духу и не допускается преобладания ни ума, воспламененного рвением духа, ни плоти, возбуждаемой жалами страстей. Ежедневно действуя на нас так благодетельно, борьба эта приводит нас и к тому четвертому, чего не хотим, т.е. чтобы, отвергнув пространную и беспечную жизнь, приобретать чистоту сердца с многим потом и сокрушением духа; хранить чистоту тела строгим постом, голодом, жаждою и бодрствованием; восходить в доброе настроение духа через чтение, бдения, непрестанные молитвы и скорби уединения; утверждаться в терпении опытами искушений, верно служа Творцу своему и среди злословия и поношений; держаться истины при неприязни и враждебности мира сего, если это необходимо будет. Так-то происходящая в нашем существе битва, извлекая нас из состояния беспечной холодности, призывает к ревности о добродетелях, учреждая в то же время прекрасную средину, в коей с одной стороны жар духа, с другой холодность плоти устанавливает соразмерную горячность ревности. Оттого ни необузданным страстям плоти увлекать душу нашу не попускает стремление духа, ни духу порываться непомерными желаниями добродетелей не позволяет немощь плоти, – чтобы иначе, в первом случае, не пустили корней всякого рода пороки,

а во втором – возношение не нанесло нам глубокой раны мечом гордости; правильное же уравновешение взаимного их противоборства, сохраняя разумную меру между тем и другим стремлением, научает воина Христова всегда шествовать путем царским. Вот откуда происходит, что когда душа, по причине охлаждения или нерадения воли, готова бы склониться к плотским похотям, ее обуздывает рвение духа, не удовлетворяющегося земными благами; и напротив, когда дух, в возношении сердца, с непомерным жаром порывается к превышающим силы наши подвигам, его возвращает к должным пределам немощь плоти, и он, возвышаясь над охлажденным состоянием воли нашей, с умеренною ревностью и с усердием к трудам, ровною стезею начинает восходить к предназначенному совершенству. Нечто подобное случилось при столпотворении, как читаем в книге Бытия (Быт.11), когда неожиданным смешением языков Господь уничтожил дерзкие и богоборные замыслы людей. Состоялось бы их злое намерение, в противность Богу и всем, благоговейно почитающим Божественное Его величие, если бы это разделение языка не понудило их обратиться к лучшему; и когда согласие пагубно воодушевляло их на зло, разногласие спасительно послужило во благо; потому что после разделения они должны были восчувствовать человеческую немощь, какой прежде не давало им понять возношение своим злым союзом.

[25] Глава 13. О пользе борьбы, происходящей между плотью и духом

[26] От этой борьбы зависит также очень полезное (Первая польза есть спасительное промедление, от которого зависит то, что задуманное зло не скоро исполняется, когда тому препятствует плоть, и мы легче отвлекаемся от него покаянием. Вторая польза – более удобное извинение перед Богом, получение прощения по причине немощи бренной человеческой природы, как говорит Псалмопевец: «помилуй меня, Господи, ибо я немощен» (Пс 6, 3), чего бесы не могут сказать, не могут извиняться немощью. Третья польза – большая осторожность и заботливость, чтобы враг, всегда готовый поразить нас, не повредил нам. Четвертая польза – смирение, так что и мужи духовные по причине немощи плоти и нечистоты, которой невольно подвергаются, спасительно смиряются и не превозносятся своими добродетелями, которые помогает совершать благодать Божия. Апостолу Павлу дан был пакостник плоти, чтобы не превозносился (2Кор 12, 7)) для нас промедление дела, и от этого спора – спасительное откладывание исполнения. Ибо когда, встречая препятствие в грубости плоти, мы вынуждены медлить в совершении того, что не к добру задумали, то нередко в этот промежуток приходим в лучшее настроение или через раскаяние в злом, или через исправление ошибки, которая может обнаружиться при новом рассмотрении дела во время промедления. Вот почему те, которые в исполнении своих желаний нисколько не замедляются сопротивлением плоти, т.е. демоны, или нечистые духи, должны быть почитаемы хуже людей, потому что как с их желаниями всегда неразлучна возможность исполнения: что бы ни задумали

злого, не медлят совершить то делом к невозвратной своей погибели, У них как ум скор в замыслах, так силы существа быстры и свободны в исполнении их. Потому, так как у них всегда есть полное удобство делать все, что ни захотят, то при этом не находит себе никакого места спасительное рассуждение, которое могло бы отвратить злое намерение.

27 Глава 14. О неисправимой злости злых духов

28 Сверх того, существо духовное, не обложенное грубою плотью, как не может иметь извинения в злых своих намерениях, так исключает всякое помилование в злодеяниях; ибо оно не наводится на грех никаким внешним возбуждением плоти, как мы, но замышляет его по одной своей злой воле, а потому грех его без прощения, болезнь без врачевания; духовное существо падает без увлечения со стороны земного вещества, потому нет для него никакого снисхождения, нет места покаянию. Отсюда само собою следует, что борьба между плотью и духом, в какой они поставлены в нас, не только не пагубна для нас, но напротив, доставляет нам большую пользу.

29 Глава 15. Какую пользу доставляет нам война плоти и духа

30 Во-первых, она прогоняет нашу беспечность, обличает нерадение и, как внимательнейший пестун, не позволяет в правилах жизни уклоняться от черты строгости. Если мы по беспечности своей хоть немного нарушим меру

законной строгости, она тотчас уязвляет бичом возбуждений, отрезвляет нас и возвращает к должной осторожности. Во-вторых, когда при помощи благодати Божией, укрепляясь в целомудрии и чистоте, мы столь долгое время бываем свободны от плотского осквернения (непроизвольного истечения), что начинаем думать, будто не обеспокоит нас больше даже простое возбуждение плоти, и тем в тайне сердца своего возносимся, как будто не носим на себе бренной плоти; тогда истечениями (ночными), хотя простыми и спокойными, она смиряет нас и своими уязвлениями возвращает к мысли, что мы все еще люди. Ибо, тогда как в отношении к другим порокам, даже важнейшим и опаснейшим, мы обычно более равнодушны и не так легко приходим в сокрушение, – в этом случае очень сильно смиряется и уязвляется наша совесть, почитая себя виновною, как в этом деле, так и во многих других, опущенных без внимания страстных движениях, ясно убеждаясь, что она стала нечистою от естественного разжигания (истечения), а прежде не сознавала, что еще более была нечиста от душевных страстей. А отсюда, обращаясь к исправлению допущенного нерадения, берет урок, что никогда нельзя слишком полагаться на свою чистоту, что она, как дар, получается единственно от благодати Божией, и потому тотчас можно погубить ее самым малым уклонением от Бога. Такого рода опыты более всего научают, что, если желаем утешаться постоянной чистотою, должны прежде со всей ревностью стяжать добродетель смирения.

[31] Глава 16. О разжигании плоти, от которого если бы мы не смирялись, то более тяжко падали бы

[32] А что возношение своею чистотою гибельнее всех пороков и преступлений и что при нем мы не получим никакой пользы от самой совершенной чистоты, в этом на опыте убеждают нас те силы (духовные), о коих мы упоминали. Ибо они, и не имея никаких щекотаний плоти, однако за возношение сердечное низвержены с высшей небесной области в неисходную бездну. Итак, мы навсегда оставались бы в состоянии равнодушия без надежды пробуждения, если бы не имели обличителя своей беспечности в своем теле или в своей совести; не старались бы с горячностью достичь совершенства; не получали бы никакого плода от своего воздержания и постоянства, если бы возникающее в нас щекотание плоти не смиряло и не укрощало нас, а вместе с тем не делало заботливыми и внимательными к очищению и духовных страстей.

[33] Глава 17. О равнодушии скопцов

[34] И от чего иного мы находим у скопцов по плоти душу спящую, как не от того, что по заблуждению, освободив себя от этой плотской потребности, думают, что не нуждаются ни в труде телесного воздержания, ни в сокрушении сердца; расслабленные такою беспечностью, не заботятся о стяжании истинного совершенства или об очищении духовных страстей. Такое состояние, возвышаясь над состоянием плотским, остается только душевным, которое, без сомнения, есть худшая степень;

оно – то самое, которое, от холодного переходя к теплому, словом самого Господа названо достойным отвержения.

[35] Глава 18. Вопрос: какое различие между плотским и душевным?

[36] **Герман**. Польза борьбы между плотью и духом раскрыта теперь так ясно, что мы осязаем ее, кажется, руками. Но желаем еще знать, какое различие между человеком плотским и душевным, и почему душевный хуже плотского?

[37] Глава 19. О трояком состоянии душ

[38] **Даниил**. По определению Св. Писания есть три состояния душ: первое – плотское, второе – душевное, третье – духовное. Они у апостола изображаются так: о плотском говорится: «Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские. Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы?» (1Кор 3, 2–3). И о душевном почти также упоминается: «душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием» (1Кор 2, 14). О духовном же пишется: «духовный судит о всем, о нем судить никто не может» (1Кор 2, 15). И опять: «вы, духовные, исправляйте такового духом кротости» (Гал 6, 1). Итак, в самом начале отречения, переставая быть плотскими, т.е. начиная отделяться от обычаев мирских и воздерживаться от явной плотской нечистоты, мы должны поспешать и всею силою стараться усвоить себе и состояние духовное, чтобы иначе, по одному тому, что

отреклись от мира по внешнему человеку или прекратили скверну плотского любодейства, мечтая о себе, как уже о достигших совершенства, не сделаться нам потом нерадивыми и беспечными в исправлении других страстей и, таким образом остановясь в средине между плотью и духом, не оказаться не достигшими степени совершенства духовного, думая, что для этого совершенства достаточно только внешне отделиться от жизни и удовольствий мира или быть только непричастным разврату и смешению плотскому. Ибо если останемся в этом состоянии теплоты (равнодушия), которое считается самым худшим, то должны знать, что будем изблеваны из уст Господа, как Он говорит: «о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Апок 3:15–16). Справедливо Господь объявил о тех, которые, будучи восприняты Им в утробу любви, потом охладели, что они будут Им изблеваны с некоторым омерзением. Ибо легче обращается к спасению и восходит на вершину духовного совершенства человек плотский, т.е. мирской, или язычник, нежели тот, кто, приняв монашество, не вступил на путь к совершенству по правилам благочиния и позволил охладеть первому огню духовной ревности. Ибо когда тот, смиряемый чувственными страстями, сознавая себя нечистым по причине плотского осквернения, придет в сокрушение и прибегнет к источнику всякой чистоты, то, гнушаясь тем холодным состоянием неверия, в коем находился, удобнее достигнет совершенства. Напротив, кто с холодностью, как мы сказали, принимает монашество, в самом начале злоупотребляя именем его, без смирения и должного усердия вступает на путь этого звания, тот, будучи однажды поражен этой бедственной заразою, не может

уже ни сам умудряться на лучшее, ни принимать вразумление от других. Ибо он, по слову Господа, говорит в сердце своем: я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды, хотя к нему всего приличнее приложить то, что следует: «не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и беден, и нищ, и слеп, и наг» (Апок 3, 17). Таким образом, он становится хуже мирского человека тем, что теряет сознание, как он беден, слеп и наг, как во многом требует исправления, сколь великую имеет нужду в наставлениях и вразумлении со стороны других; почему не принимает никакого увещания, спасительного слова, не понимая всей тяжести имени монаха и общего мнения, вследствие которого, так как все считают его святым и почитают как раба Божия, неизбежно в будущем веке подвергнется строжайшему суду и наказанию.

Зачем, впрочем, далее задерживаться на том, что довольно известно нам по опыту? Ибо часто наблюдаем, что во многих из молодых плотских, т.е. из мирских и язычников, разгорается огонь ревности духовной; а чтобы это случалось с теплыми и душевными, почти не видим. Господь через пророка засвидетельствовал такое решительное отвращение к ним, что мужам духовным и учителям повелел перестать учить их и увещевать, чтобы не тратить на них напрасно семени спасительного слова, как на землю негодную, бесплодную, заросшую бесполезным тернием, но, оставив ее, лучше возделывать землю новую, т.е. перенести возделывание учения и проповедь спасительного слова к язычникам и людям мирским. Об этом читаем так: ибо так говорит Господь к мужам Иуды и Иерусалима: «распашите себе новые нивы и не сейте между тернами» (Иер 4, 3).

[39] Глава 20. О тех, которые худо отрекаются от мира

[40] Наконец, о чем стыдно и говорить, многие, как видим, так отрекаются от мира, что из прежнего образа жизни и прежних нравов не изменяют ничего, кроме мирской одежды и сопребывания. Они заботятся о приобретении денег, хотя прежде и не имели их; или не перестают удерживать при себе, какие имели; или, что плачевнее, желают еще и умножить их, под тем предлогом, будто справедливость требует от них питать и содержать рабов или братьев, – или под тем, чтобы собрать братство, которое предполагают устроить, сделавшись аввами. Но если бы они истинно искали только совершенства, то прежде всего со всем усердием спешили бы, отказавшись не только от денег, но и от всех прежних страстей и всех утешений этой жизни, всецело предать себя власти старцев, не имея уже никакой заботы не только о других, но даже о себе. В противном же случае бывает, что, заботясь о том, чтобы стать выше других, сами не покоряются старшим и не удостаиваются ни принять истинное учение, ни совершить что-либо угодное Богу. Необходимым следствием этого бывает, что слепые, по слову Спасителя, сделавшись вождями слепых, равно и сами впадают в яму (Мф 15, 14). Хотя род такой гордости один, но видов ее два: один – в коем принимают личину строгости и важности, а другой – в коем с необузданной свободою разливаются в смехе и безумном хохоте. Та любит молчать, а эта не хочет стесняться молчанием и нередко не стыдится произносить слова бессмысленные и нелепые, опасаясь показаться ниже других или менее ученой. Одна по самомнению принимает должность клира, другая презирает ее, почитая низкой для себя и не

сообразной с прежним своим достоинством или с заслугами предков своих. Какая из них хуже – пусть всякий взвесит сам и определит своим рассуждением. Правда, один и тот же род непослушания – преступить повеление старца для усиления ли работы или по желанию праздности. Столь же вредно нарушить правила монастырские в соблюдении сна, сколько и в соблюдении бдения; столь же недопустимо преступить заповедь аввы касательно чтения, сколько презреть ее касательно спанья. Но более гибельны и трудны для врачевания те пороки, которые проявляются под личиною добродетелей и под образом духовных предметов, нежели те, которые совершаются явно для плотского удовольствия. Ибо эти, как явные, открытые недуги, скорее обличаются и врачуются. А те, прикрываясь видом добродетелей, остаются неисцеленными и всех, обольщенных ими, делают опасно и отчаянно больными.

[41] Глава 21. О тех, которые, презрев великое, привязываются к малому

[42] Как объяснить то достойное осмеяния дело, что многие, со всем усердием отрекшись от мира, охотно оставили множество житейских вещей, большие стяжания и сокровища мирские, и вступили в монастыри; но потом здесь так пристрастились к немногим и малозначительным вещам, без которых не могли уже обойтись, что забота о них превышала их прежнюю страсть к богатству мира. Таким, без сомнения, мало пользы принесет то, что оставили большое богатство и имущество, потому что те страсти, для искоренения которых и надлежало оставить их, они перенесли на другие, хотя и маловажные вещи. Не имея возможности

питать любостяжание и скупость вещами драгоценными, они удерживают их около вещей маловажных, и таким образом не отсекают страсти, а как бы переносят только на другие вещи. Связывая себя заботою о корзинке, мешочке, книге, рогожке и других подобных вещах, они терзаются такой же страстью, какой и прежде. Хранят же их и оберегают с такой рачительностью, что не стыдятся ради них гневаться на брата и, что еще хуже, заводить споры. Притом, мучаясь еще прежней страстью, они не довольствуются по числу и мере общей иметь то, что необходимо монаху для потребности телесной, и в том обнаруживают жадность своего сердца, когда необходимое для употребления стараются иметь обильнее или, превышая меру заботы, берегут с особенною рачительностью, не позволяют другим и дотрагиваться до того, что должно быть в общем употреблении у всех братьев. Как будто вся сила в различии металлов, а не в самой страсти; будто только за большие вещи гневаться грешно, а за маловажные извинительно, и будто не для того мы оставили великие вещи, чтобы удобнее презреть малые. И какое различие в том, терзается ли кто страстью к стяжаниям обширным и величественным или к чему-нибудь маловажному? Тот скорее будет осужден, кто, презрев большее, привязывается к меньшему. Итак, отречение от мира еще не составляет совершенства сердца; потому что, считаясь малоимущим, не отвергает воли богатого.

Пятое собеседование аввы Серапиона. О восьми главных страстях

[1] Глава 1

[2] В числе (обитавших в скитской пустыне) древнейших старцев был муж по имени Серапион[5], особенно отличавшийся даром рассуждения, и собеседование которого весьма полезно изложить на бумаге. Мы просили его, чтобы он что-нибудь сказал о борьбе со страстями, дабы нам яснее знать причины и происхождение их; и он говорил следующее.

[3] Глава 2. Перечень главных страстей, которые опустошают род человеческий

[4] Главных страстей восемь: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость.

[5] Глава 3. О двух родах пороков и четырех способах их действия

[6] Пороки эти разделяются на два рода: на естественные, к коим относятся чревоугодие и блуд, и неестественные, как сребролюбие. А способов действия их четыре. Некоторые из них не могут совершаться без содействия тела, например, чревоугодие и блуд; а некоторые совершаются без всякого содействия плоти, например,

тщеславие и гордость; некоторые принимают причины возбуждения извне, например, сребролюбие и гнев, а некоторые от внутренних причин происходят, например, уныние и печаль.

[7] Глава 4. Объяснение страсти чревоугодия и блуда

[8] Поясним это не только рассуждением, но и свидетельствами Св. Писания. Так как страсти чревоугодия и блуда присутствуют в нас от рождения, то иногда без всякого возбуждения души, по одному влечению плоти, происходят, впрочем, нуждаются в веществе для своего осуществления. Ибо, по словам апостола, «каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственною похотью; похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть» (Иак 1, 14, 15). Первый Адам не мог бы быть обольщен чревоугодием, если бы, имея в готовности снедь, не злоупотребил ею вопреки запрещению. И второй Адам не искушался без обольстительного представления вещества, когда было сказано Ему: «если Ты Сын Божий, то скажи, чтобы камни сии сделались хлебами» (Мф 4, 3). Также и блуд совершается только посредством тела, как всем известно. И потому эти две страсти, которые исполняются при посредстве плоти, кроме духовного попечения, особенно нуждаются также и в телесном воздержании. Для обуздания этих страстей недостаточно одной тщательности духа (как иногда это бывает относительно гнева или печали и других страстей, которые может подавить тщательность духа, без всякого сокрушения плоти), если не будет присоединено также и телесное укрощение, которое совершается постом, бдением,

сокрушением посредством труда; а к этому должно быть прибавлено и отшельничество, потому что как от порочности души и тела они происходят, так и побеждены быть могут не иначе, как трудом обоих.

Хотя блаженный апостол вообще все пороки назвал плотскими: вражду, гнев и ереси причислил к прочим плотским делам (Гал 5, 19–21); однако для врачевания и более точного обозначения природы мы разделили их на два рода. Ибо некоторые из них называем плотскими, а некоторые – духовными; именно плотские те, которые собственно принадлежат к возбуждению и чувству плоти, плотскими пороками она питается и услаждается, так что возбуждает и спокойные души, иногда невольно привлекая их согласиться со своим желанием. О таких пороках блаженный апостол говорит: «и мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие» (Еф 2, 3). А духовными называем те, которые, происходя только от склонности души, не только не доставляют никакого удовольствия плоти, но еще поражают ее тяжким недугом и только больной душе доставляют пищу жалким услаждением. И потому эти нуждаются в простом врачевании сердца; а плотские, как сказано, двояким лекарством врачуются. Потому заботящимся о чистоте весьма большую пользу доставляет то, чтобы они прежде всего удалили от себя сами предметы плотских страстей, от которых может податься для больной души повод или воспоминание об этих страстях. Ибо необходимо для двоякой болезни употреблять и двоякое врачевание. Чтобы плотская похоть не переходила в дело, необходимо удалить обольстительный предмет и изображение его; а душе,

чтобы она не воспринимала его и в помыслах, весьма полезно внимательное чтение Св. Писания, трезвенная бдительность и уединение. А в прочих страстях человеческое сообщество нисколько не вредит, даже приносит много пользы тем, которые искренно желают оставить их, потому что при частом сношении с людьми они обличаются, а когда чаще обнаруживаются, то, употребив против них лекарство, скорее можно достигнуть здоровья (См. Кн. 6, гл. 3).

[9] Глава 5. Как Господь наш один без греха был искушаем

[10] Итак, Господь наш Иисус Христос, по словам апостола (Евр 4, 15), был «искушаем во всем, подобно нам, кроме греха», т.е. без возбуждения страсти. Он вовсе не испытал жала плотской похоти, которым мы бессознательно и неизбежно уязвляемся, поскольку Его зачатие не подобно человеческому, без семени, как образ зачатия Его объясняет архангел: «Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим» (Лк 1, 35).

[11] Глава 6. Об образе искушения Господа от дьявола

[12] Спаситель, имея нетленный образ Божий и подобие, должен был также искуситься в тех страстях, в которых Адам был искушен, когда был еще в невинном состоянии, т.е. в чревоугодии, тщеславии, гордости. Ибо это – чревоугодие, по которому он съел плод запрещенного дерева; это – тщеславие, когда говорится: откроются

глаза ваши; это – гордость, о которой говорится: «и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт 3, 5). Итак, в этих трех страстях и Господь Спаситель был искушаем. Это – чревоугодие, когда дьявол говорил Ему: «скажи, чтобы камни сии сделались хлебами»; это – тщеславие: «если Ты Сын Божий, бросься вниз»; это – гордость, когда, показывая Ему все царства мира и славу их, говорил: «все это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне» (Мф 4, 3, 6, 8, 9). Спаситель допустил дьявола с искушением, чтобы Своим примером научить нас, как мы должны побеждать искусителя, именно теми же способами, какими Он отразил искусителя. И тот и другой называются Адамом. Тот первый послужил к падению и смерти; а Этот первый – к воскресению и жизни. Через того весь род человеческий осуждается, а через Этого весь род человеческий освобождается. Тот образуется из грубой, невозделанной земли; а Этот рождается от Девы Марии (1Кор 15, 22, 45, 47).

Итак, Иисусу Христу надлежало перенести сказанные искушения, а больше не было надобности переносить (Это место яснее можно изложить так: как второму Адаму, Иисусу Христу нужно было перенести и победить искушения страстями чревоугодия, тщеславия и гордости, которыми был искушен и пал первый Адам, так не было необходимости Иисусу Христу перенести еще другое искушение, т.е. плотской похотью, которой не был искушаем и первый Адам в состоянии невинности). Ибо победивший чревоугодие не мог быть искушаем похотью, которая происходит от пресыщения, как корня, которою и первый Адам не был бы искушаем, если бы, обольщенный лестью дьявола, не принял сперва породившую ее страсть. И поэтому о Сыне Божием не говорится, что

пришел в плоти греха, но – «в подобии плоти греховной» (Рим 8, 3); потому что в Нем хотя была плоть истинная: Он ел, пил, спал, истинно терпел мучения (на кресте), но греховной наклонности ее, которая произвела преступление, Он не имел. Ибо Он не испытывал огненного жала плотской похоти, которое по устроению природы уязвляет нас против нашего желания; Он принял только подобие нашей природы. Когда все, относящееся к нашей обязанности, Он истинно исполнил, понес все слабости людского рода, то думалось, что Он подвержен и этой страсти, так что из-за человеческих слабостей казалось, будто Он в своей плоти носит семя и этого греха. Наконец дьявол искушает Его только в тех (страстях), в которых обольстил и первого Адама, предполагая, что Он, как человек, также и в прочих страстях будет обольщен, если бы удалось искусить Его в том, чем низложен был первый Адам. Но побежденный в первой борьбе, он уже не мог нанести Ему второй болезни (т.е. возбудить плотскую похоть), которая происходит от корня начального порока (т.е. чревоугодия). Ибо видел, что Спаситель не имеет начальной причины этой болезни, и было напрасно ожидать от Него плода греха, семян или корней которого Он никак не принял. Евангелист Лука последним искушением называет следующее: «если Ты Сын Божий, бросься… вниз» (Лк 4:9). Здесь можно бы понимать страсть гордости. А в том, что дьявол, показывая все царства вселенной во мгновение времени, обещал Ему их (Лк 4:5–7), можно бы понимать страсть сребролюбия, потому что после победы над чревоугодием, будучи не в силах искусить Его похотью, перешел к сребролюбию, которое, как он знал, есть корень всех зол. Но, будучи опять побежден, не смея уже внушать Ему никакого порока из тех, которые за ним следуют (ибо он

знал, что они происходят от его корня и подстрекательства), перешел к последней страсти – гордости, которою после победы над всеми пороками можно искушать даже совершенных, от которой, как помнил, и сам он, когда был Люцифером, и многие другие ниспали с неба без подстрекательства предыдущих страстей. Итак, с этим порядком, который описывается у евангелиста Луки, и само подстрекательство и образ искушений, с которыми хитрейший враг приступал и к первому и ко второму Адаму, представляются сообразными. Ибо тому (первому Адаму) он говорит: откроются глаза ваши; этому (второму Адаму – Иисусу Христу) показывает все царства мира и славу их; там говорит: будете, как боги; здесь: если Ты Сын Божий.

13 Глава 7. О действии тщеславия и гордости без посредства тела

14 О прочих страстях (рассказ о которых заставило пересечь изъяснение чревоугодия, или искушение Господа), рассудим в том порядке, в каком предположили. Тщеславие и гордость без всякого посредства тела обыкновенно совершаются. Ибо какую нужду они имеют в телесном действии, когда, без стеснения и без вожделения, из-за одной воли – снискать похвалу и достигнуть славы человеческой, доводят до падения плененную душу? Или какое телесное действие имела древняя гордость вышесказанного Люцифера, которую он зачал только в душе и помышлении, как говорит пророк: «А говорил в сердце своем: «взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой; ...взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему» (Ис 14, 13–14). Он как не имел никакого подстрекателя к этой гордости, так

и совершение порока и падение его произошло от одного помышления.

15 Глава 8. О сребролюбии, которое чуждо нашей природе, и какое различие между ним и природными пороками

16 Сребролюбие и гнев хотя не одной природы (ибо первое вне нашей природы, а второй, по-видимому, начальное семя имеет в нас), однако происходят подобным образом: большею частью извне получают причины возбуждения. Ибо те, которые еще слабы, часто жалуются, что впали в эти пороки по раздражению или подстрекательству некоторых, и извиняют себя тем, что они по вызову других предались гневу или сребролюбию. Что сребролюбие вне природы, это ясно видно; потому что не имеет в нас главного начала, которое бы относилось к участию души или плоти, или сущности жизни. Ибо известно, что ничто не принадлежит к потребности нашей природы, кроме ежедневной пищи и пития; все прочие вещи, с каким бы старанием и любовью ни хранились, чужды человеческой потребности, как это видно из употребления в самой жизни; потому сребролюбие, как существующее вне природы нашей, искушает только холодных и худо расположенных монахов. А свойственные нашей природе страсти не перестают искушать даже опытнейших монахов и пребывающих в уединении. Что это совершенно истинно, доказывается тем, что мы знаем некоторых язычников совсем свободных от страсти сребролюбия[6], потому что они не приобрели этого порока употреблением и обычаем. Мы уверены, что также и первый мир, бывший до потопа, очень долго не знал

неистовства этой страсти[7]. Она также и в каждом из нас, при истинном самоотвержении, побеждается без всякого труда, когда, оставив все имущество, так держимся правил киновии, что не позволяем оставить себе ни одного динария[8]. В свидетели мы можем представить многие тысячи людей, которые, в короткое время расточив все свое имущество, до того истребили эту страсть, что уже не подвергаются никакому искушению от нее. Но от чревоугодия они не могут оградить себя, если не будут вести борьбу с особенной осмотрительностью сердца и воздержанием тела.

[17] Глава 9. Печаль и уныние рождаются без всякого внешнего возбуждения, не как прочие страсти

[18] Печаль и уныние, как выше сказано, обычно рождаются без всякого внешнего возбуждения. Ибо они часто и весьма жестоко удручают всех уединившихся и в пустыне пребывающих без всякого сообщения с людьми. Истинность этого легко докажет опытом всякий, пребывавший в уединении и испытавший борения внутреннего человека.

[19] Глава 10. О согласии шести страстей и сродстве двух, отличных от тех

[20] Итак, эти восемь страстей хотя имеют разное происхождение и разные действия, однако шесть первых, т.е. чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, соединены между собою каким-то сродством или связью, так что излишество первой страсти дает начало

последующей. Ибо от излишества чревоугодия обязательно происходит блудная похоть, от блуда сребролюбие, от сребролюбия гнев, от гнева печаль, от печали уныние; и потому против них необходимо сражаться подобным же образом, тем же порядком, и в борьбе всегда нам следует переходить от предыдущих к последующим. Ибо всякое вредное дерево скорее завянет, если корни его, на которые опирается, будут обнажены или высушены. И потоки вредной воды мало-помалу пересохнут, когда порождающий их источник и проточные жилы с тщательностью будут засыпаны. Поэтому, чтобы победить уныние, сначала надо подавить печаль; чтобы прогнать печаль, прежде нужно подавить гнев; чтобы погасить гнев, необходимо попрать сребролюбие; чтобы исторгнуть сребролюбие, надобно укротить блудную похоть; чтобы подавить блудную похоть, следует обуздать страсть чревоугодия. А остальные две страсти, т.е. тщеславие и гордость, соединяются между собою тем же способом, как и предыдущие страсти, так что усиление одной дает начало другой: от чрезмерного тщеславия рождается страсть гордости. Но от тех шести первых страстей они совершенно отличаются и не соединяются с ними подобным родством; не только не получают от них никакого повода к своему рождению, но даже противоположным образом и порядком возбуждаются. Ибо после истребления тех эти сильнее плодятся, и после умерщвления тех живее возникают и возрастают. Потому эти две страсти особенным образом нападают на нас. Ибо в каждый из тех шести пороков мы впадаем тогда, как будем уязвлены от предшествующих им; а в эти две страсти мы чаще впадаем после победы над прочими пороками. Итак, все страсти как от усиления предыдущих

рождаются, так уменьшением их подавляются. Таким же способом, чтобы истребить гордость, прежде следует подавить тщеславие. И таким образом, после подавления предыдущих последующие утихнут, и после истребления предшествующих остальные страсти без труда увянут. И хотя эти восемь страстей объединены между собою упомянутым образом и смешаны, однако они разделяются на четыре союза и сопряжения: ибо блудная похоть особенным союзом связана с чревоугодием, гнев со сребролюбием, уныние с печалью, а гордость тесно соединена с тщеславием.

21 Глава 11. О происхождении и качестве каждой страсти

22 Теперь подробнее рассмотрим роды каждой страсти. Чревоугодия три рода: первый понуждает спешить к обеду прежде установленного, законного часа; второй услаждается наполнением чрева и пожиранием некоторых кушаний; третий желает лакомой и отлично приготовленной пищи. Эти три рода вводят монаха в немалые расходы, если он не постарается воздерживаться от них с равным старанием и осторожностью. Ибо как окончание поста никак нельзя допускать прежде назначенного часа, так нужно отвергать и прожорливость чрева и дорогостоящее и изысканное приготовление кушанья. Ибо от этих трех причин происходят самые злые недуги души. От первой рождается ненависть к монастырю, а оттуда возрастает страх и несносность жительства в нем, за которою, без сомнения, тотчас последует скорое бегство. От второй возбуждаются огненные воспламенения сладострастия и похоти. А третья оплетает шеи пленников нерасторжимыми узами

сребролюбия и не позволяет монаху пребывать в совершенной нищете Христовой. Что зачатки этой страсти в нас есть, это мы познаем из того признака, когда, будучи удержаны каким-либо братом для обеда, не довольствуемся тем вкусом пищи, с каким она приготовлена, но с неблаговременной и необузданной свободой просим что-нибудь влить в нее или прибавить. А этого совершенно не должно быть по трем причинам: во-первых, потому, что монах должен приучаться к терпеливости и бережливости и, по апостолу (Флп 4, 11), «научиться быть довольным тем, что есть»; ибо не может обуздать тайных или больших вожделений тела тот, кто, оскорбляясь вкушением и малой неприятности, ни на минуту не хочет оставить услаждения своей гортани; во-вторых, потому, что иногда случается, что в то время нет той вещи, какой нам хочется, и мы причиняем хозяину стыд скудости или скупости, открывая его бедность, которую он хотел оставить известной одному Богу; в-третьих, потому, что иногда тот вкус, какого мы себе требуем, не нравится другим, и мы причиняем неприятность многим, когда желаем удовлетворить своему желанию и чреву. Потому всячески надо обуздывать в себе такую вольность.

Блудной страсти три рода: первый совершается через смешение полов; второй, за который поразил Господь Онана, сына патриарха Иуды (Быт 38:9–10), производится без смешения с женщиною, этот род блудной страсти в Св. Писании называется нечистотою, о чем апостол говорит: «безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не *могут* воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1Кор 7:8–9). Третий (род), о котором

Господь в Евангелии говорит: «кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф 5, 28), производится умом и сердцем. И блаженный апостол, также различая эти три рода, говорит: «умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, …похоть» и проч. (Кол 3:5). И еще о двух родах к ефесянам говорит: «блуд и всякая нечистота …не должны даже именоваться у вас. Знайте, что никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога» (Еф 5:3, 5). Одно исключение из Царства Христова должно устрашать нас, чтобы мы с одинаковой заботою остерегались этих трех родов.

Сребролюбия три рода: первый не позволяет отрекающимся от мира оставить богатство и имущество свое; второй убеждает нас с большею жадностью возвратить то, что нами было расточено или роздано бедным; третий побуждает желать и приобретать то, чего даже и прежде мы не имели.

Три рода и гнева: первый пылает внутри, что по-гречески называется θυμός (ярость), второй прорывается в слово и дело и называется ὀργή (гнев), о котором апостол говорит: «теперь вы отложите все: гнев, ярость» (Кол 3, 8); третий вспыхивает не на короткое время, но сохраняется через несколько дней, долгое время, что называется злопамятность. Всего этого с одинаковым опасением мы должны отвращаться.

Печали два рода: первый происходит после прекращения гнева, или от нанесенного вреда, или когда желание встретило препятствие, не исполнилось; второй

происходит от неразумной скорби сердца или отчаяния.

Уныния два рода: один повергает в сон во время жары (в полдень); а другой склоняет оставить келью и бежать.

Тщеславие хотя многолико, разделяется на разные виды, однако два рода его: первый заставляет превозноситься плотскими, видимыми вещами, а второй из-за духовных, невидимых предметов воспламеняет нас желанием суетной похвалы.

[23] Глава 12. В чем полезно тщеславие

[24] Тщеславие, впрочем, в одном отношении бывает и полезно для новоначальных, для тех только, которые еще подвергаются искушениям от плотских пороков, например, если в то время, когда разжигаются духом блуда, они в уме представляют достоинство священнической должности или мнение всех, которые считают их святыми, безукоризненными, и, таким образом, нечистые возбуждения похоти считая гнусными и недостойными (людского) мнения о них или сана своего, по крайней мере, этим размышлением подавляют их, меньшим злом отсекая большее. Ибо лучше всякому подвергнуться искушению от страсти тщеславия, нежели впасть в пламя блудной похоти, откуда уже не в силах будет выйти или едва сможет выйти после падения. Эту мысль от лица Божия один пророк хорошо выразил, говоря: ради Себя удалю ярость Мою, и хвалою Моею обуздаю тебя, чтобы ты не погиб, т.е. чтобы от увлечения тщеславными похвалами не низвергся в глубину ада и от совершения смертных грехов не погрузился невозвратно. Неудивительно, что у этой страсти есть такая сила, что и

впадающего в порок блуда может обуздать, когда доказано опытами многих, что она зараженного ядом ее делает неутомимым, так что заставляет не чувствовать двухдневного или трехдневного поста. Мы знали некоторых в этой пустыне, которые сознавались, что они, находясь в киновиях Сирии, без труда сносили воздержание от пищи в течение пяти дней, а теперь даже с третьего часа дня томятся таким голодом, что ежедневный пост едва могут продолжать и до девятого часа. Касательно этого предмета авва Макарий одному спрашивавшему, отчего он в пустыне чувствует голод и с третьего часа, а в киновии, часто постясь целую неделю, не чувствовал голода, хорошо отвечал: это оттого, что здесь нет свидетеля твоего поста, который бы питал и подкреплял тебя своими похвалами; а там похвалы людей и тщеславие насыщали тебя.

Образ этого дела, о котором мы сказали, что привходящим тщеславием устраняется порок блуда, довольно хорошо представляется в книге Царств (4Цар 23; 4Цар 24), где говорится, что, когда народ израильский был пленен царем египетским Нехао, ассирийский царь Навуходоносор, придя, отвел его от пределов Египта в свою область, но не для того, чтобы возвратить ему прежнюю свободу и родную страну, а чтобы отвести в свою землю, более отдаленную, нежели земля египетская. Этот образ прилично прилагается и здесь: хотя терпимее раболепствовать тщеславию, нежели пороку блуда, однако освободиться от владычества тщеславия труднее. Ибо пленнику, отведенному на более отдаленные места, труднее возвратиться в родную землю и отеческую свободу, и справедливо относится к нему пророческое порицание: для чего ты «состарился в земле

чужой»? (Вар. 3:10). Правильно называется состарившимся в чужой земле тот, кто не обновляется от земных пороков. И, наконец, гордости два рода: первый плотский, второй духовный, который гибельнее первого бывает. Ибо он особенно искушает тех, которые преуспели в некоторых добродетелях.

25 Глава 13. Страсти различным образом на нас нападают

26 Хотя эти восемь страстей искушают весь род человеческий, впрочем, не на всех одинаковым образом нападают. Ибо в одном главное место занимает дух блуда; в другом преобладает ярость; в ином властвует тщеславие; а в другом гордость господствует, так что хотя все страсти на всех нападают, но каждый из нас различным образом и порядком раболепствует им.

27 Глава 14. Надо вести борьбу со страстями сообразно с их нападением

28 Поэтому нам следует вести борьбу с этими страстями так, чтобы всякий, испытывая какую-либо страсть, особенно против нее и направлял оружие, употребляя всякое старание и заботу духа для наблюдения за нею и подавления ее, направляя против нее копья ежедневных постов, ежеминутно бросая в нее стрелы сердечных стенаний и воздыханий, непрестанно проливая слезы в молитве к Богу, постоянно прося Господа прекратить борьбу его. Ибо никто не может восторжествовать над страстью, пока не убедится, что своим тщанием или трудом не может одержать победу в битве; однако для

подавления страсти ему и со своей стороны необходимо стараться днем и ночью. А когда почувствует, что освободился от этой страсти, то опять должен с полным вниманием рассмотреть тайники своего сердца, приметить, какая в нем есть еще более злая (страсть), против нее употребить все духовное оружие, и таким образом, победив сперва сильнейшие, он скорее и легче одержит победу над остальными; потому что от успеха побед и дух его сделается сильнее, и последующая битва со слабейшими скорее доставит ему успех в борьбе. Как сражающиеся при глазах царей со зверями сначала высматривают сильнейших и свирепейших и с ними первыми вступают в борьбу, победив же их прочих, менее страшных и сильных, уже легче побеждают, так и мы, победив более сильные страсти, без труда одержим совершенную победу над последующими слабейшими.

Впрочем, следует остерегаться, чтобы, противоборствуя только главной страсти и не обращая внимания на стрелы прочих, не быть уязвленным неожиданным ударом. Кто, заботясь об очищении своего сердца, внимание ума будет напрягать для преодоления главной страсти, тому нельзя не иметь подобного опасения и бодрствования и по отношению к прочим страстям. Ибо одержать победу над той страстью, от которой хочет освободиться, как удостоится тот, кто заражен другими страстями и делает себя недостойным награды за очищение? Но когда кто с полным вниманием вступит в сражение против одной страсти, то он должен молиться преимущественно о ней, с особенной заботливостью и прилежнее наблюдать за ней, чтобы через это одержать скорую победу. Что таков должен быть порядок в борьбе со страстями и что не следует полагаться на свою силу, это показывает

Законодатель (Моисей) в следующих словах: «не страшись их, ибо Господь, Бог твой, среди тебя, Бог великий и страшный. И будет Господь, Бог твой, изгонять пред тобою народы сии мало-помалу; не можешь ты истребить их скоро, чтобы [земля, не сделалась пуста] и не умножились против тебя полевые звери; но предаст их тебе Господь, Бог твой, и приведет их в великое смятение, так что они погибнут» (Втор 7, 21–23).

[29] Глава 15. Мы не можем победить страсти без помощи Божией, и победою над ними нельзя превозноситься

[30] Но что нельзя превозноситься победою над страстями, этому также научает пророк Моисей, говоря: «когда будешь есть и насыщаться, и построишь хорошие дома и будешь жить в них, и когда будет у тебя много крупного и мелкого скота, и будет много серебра и золота, и всего у тебя будет много, – то смотри, чтобы не надмилось сердце твое и не забыл ты Господа, Бога твоего, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; Который провел тебя по пустыне великой и страшной» (Втор 8, 12–15). Также и Соломон в Притчах говорит: «когда упадет враг твой, не радуйся; и когда он споткнется, не давай веселиться сердцу твоему. А иначе увидит Господь, и это будет злом пред очами Его. И Он от него на тебя обратит гнев Свой (Притч 24, 17–18), т. е. увидев надмение твоего сердца, перестанет подавлять его, и ты, оставленный Им, опять начнешь мучиться той же страстью, которую победил было при помощи благодати Божией. Если бы пророк не знал, что некоторые за возношение сердца опять предаются тем же порокам,

чтобы смирились, то не молился бы, говоря: Господи, «не предай зверям душу, исповедающуюся Тебе» (Пс 73, 19). Поэтому мы должны быть уверены, научаясь как из собственного опыта, так и из бесчисленных свидетельств Св. Писания, что мы своими силами, без подкрепления помощи Божией, не можем победить стольких врагов и всегда должны приписывать Ему нашу победу. Об этом, по наставлению Господа, Моисей так говорит: «когда будет изгонять их (народы) Господь, Бог твой, от лица твоего, не говори в сердце твоем, что за праведность мою привел меня Господь овладеть сею [доброю] землею, и что за нечестие народов сих Господь изгоняет их от лица твоего; не за праведность твою и не за правоту сердца твоего идешь ты наследовать землю их, но за нечестие [и беззакония] народов сих Господь, Бог твой, изгоняет их от лица твоего» (Втор 9:4–5). Что яснее можно сказать против гибельного самомнения и самонадеянности нашей, по которой все, что делаем, хотим приписывать свободной воле или старанию нашему? Тогда, говорит: «будет изгонять их Господь, Бог твой, от лица твоего, то не говори в сердце твоем, что за праведность мою привел меня Господь овладеть сею землею». Не ясно ли Он изрек для тех, которые имеют душевные очи открытые и уши для слышания? Когда у тебя благополучно кончится битва с плотскими пороками и увидишь, что избавился от нечистоты их и от жизни мирской, то, вознесшись успехом борьбы и победы, не приписывай этого своей силе и мудрости, думая, что победу над духовными непотребствами и плотскими пороками ты одержал своими трудами, старанием и волей. Ты, без сомнения, не можешь преодолеть их ни в чем, если Господь не сообщит тебе помощи и не будет покровительствовать тебе.

[31] Глава 16. О значении семи народов, землю которых занял Израиль

[32] Это – те семь народов, земли которых Господь обещал дать вышедшим из Египта сынам Израилевым. Все это, по апостолу (1Кор 10, 6), было образом для нас, и мы должны принимать написанное для нашего назидания. Ибо так говорится: «когда введет тебя Господь, Бог твой, в землю, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы, хеттеев, гергесеев, аморреев, хананеев, ферезеев, евеев и иевусеев, семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя, и предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их» (Втор 7, 1–2). А что говорится, что они многочисленнее, то это потому, что пороков больше, нежели добродетелей. И хотя перечисляются только семь народов, но, когда говорится о поражении их, представляются без обозначения числа. Ибо так Читаем: «и истребит многие народы пред тобою». Потому что многочисленнее Израиля народ плотских страстей, который происходит от семеричного корня страстей. Ибо отсюда происходят человекоубийства, споры, ереси, воровство, лжесвидетельство, хула, пьянство, пиршества, поношения, игралища, сквернословие, ложь, клятвопреступления, глупые речи, кощунство, беспокойство, хищничество, досада, крик, негодование, презрение, ропот, искушение, отчаяние и много других пороков, которые долго было бы перечислять. Так как они у нас считаются легкими, то послушаем, что апостол о них думает, или какое мнение высказывает о них: «не ропщите, – говорит, – как некоторые из них роптали и погибли от истребителя» (1Кор 10:10; Чис 14:36–37). Об искушении говорит: «не станем искушать Христа, как

некоторые из них искушали и погибли от змей» (1Кор 10:9; Чис 21, 6). Об отчаянии: «они, дойдя до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытимостью» (Еф. 4, 19). А что крик, как и гнев, негодование, хула, осуждаются, этому научаемся из ясных слов апостола, который так заповедует: «всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас» (Еф 4:31) и т. п.

Хотя эти пороки многочисленнее добродетелей, однако с победою главных восьми страстей, от которых, как известно, те происходят, все тотчас прекратятся и вместе с ними навсегда погибнут. Ибо от чревоугодия рождаются пиршества, пьянство; от блудной страсти – сквернословие, шутовство, забавы, суесловие; от сребролюбия – ложь, обман, воровство, вероломство, жадность к корысти, лжесвидетельство, насилие, бесчеловечность, хищничество; от гнева – человекоубийство, крик, негодование; от печали – брюзгливость, малодушие, раздражительность, отчаяние; от уныния – праздность, сонливость, безвременность, беспокойство, бродяжничество, непостоянство ума и тела, говорливость, любопытство; от тщеславия – споры, ереси, самовыказывание, склонность к новизне, от гордости – презрение, зависть, неповиновение, хула, ропот, поношение. А что эти пороки сильнее, это ясно видим из борьбы самой природы (нашей). Ибо сильнее воинствует в членах наших услаждение плотских страстей или пороков, нежели ревность к добродетелям, которые только глубоким сокрушением сердца и тела приобретаются. Если же духовными очами будем созерцать и те бесчисленные полчища врагов, которые перечисляет апостол, говоря: «наша брань не против

крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф 6, 12); и что говорится о муже праведном: «падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя» (Пс 90, 7); то ясно увидим, что (враги) многочисленнее и сильнее, нежели мы – плотские и земные; потому что им дана духовная и воздушная субстанция[9].

33 Глава 17. Вопрос о сравнении семи пороков с семью народами

34 **Герман**. Если пороков, которые воюют против нас, восемь, то почему перечисленных Моисеем народов, которые противны народу Израильскому, только семь? И как удобно нам завладеть землею пороков?

35 Глава 18. Ответ: как по числу восьми пороков восполняется число восьми народов

36 **Серапион**. Это общее мнение всех, – что главных пороков, которые нападают на монаха, восемь. Эти пороки, образно представляемые под именем народов, теперь названы не все потому, что Моисей или Господь через него обращался к вышедшим из Египта и уже освободившимся от одного сильнейшего народа, т.е. египтян. Этот образ правильно относится и к нам, которые, отрешившись от мирских уз, не имеем порока чревоугодия. Мы сражаемся с этими остальными семью народами; а первый, как уже побежденный, не считается. Земля его не дается Израилю во владение; но заповедью

Господней подтверждается, чтобы он оставил ее навсегда и вышел из нее. И потому посты должны так соблюдаться, чтобы из-за чрезмерного воздержания, сопровождаемого расстройством или слабостью тела, не было необходимости опять возвращаться в землю египетскую, т.е. к прежней страсти чревоугодия, которую мы отвергли, когда отрекались от этого мира. Это образно потерпели те, которые, выйдя в пустыню добродетелей, опять пожелали котлов с мясом, над которыми сидели в Египте (Чис 11).

[37] Глава 19. Почему повелевается оставить один народ египетский, а семь истребить

[38] А что тот народ, среди которого родились сыны Израилевы, заповедуется не истреблять совершенно, а только оставить землю его, а эти семь народов повелевается истребить окончательно, этому причина следующая: с какой бы горячностью духа мы ни вышли в пустыню добродетелей, но никак не можем оставить соседства власти чрева и ежедневного общения с ним. Ибо всегда живет в нас врожденная, естественная потребность в пище, хотя мы должны стараться отсекать излишние позывы и желания ее, которые как нельзя истребить вовсе, так с некоторой осторожностью следует их ограничивать. Ибо об этом говорится: «попечения о плоти не превращайте в похоти» (Рим 13:14). Следовательно, когда мы продолжаем это попечение, которое повелевается не пресечь вовсе, но только не превращать в похоти, то очевидно, мы не истребляем египетского народа, а отделяемся от него некоторым различием, не заботясь об излишней или лакомой пище, но, по апостолу (1Тим 6, 8), довольствуясь ежедневной

пищею и одеждою. Об этом образно в законе предписывается так: «не гнушайся египтянином, ибо ты был пришельцем в земле его» (Втор 23, 7). В необходимом пропитании нельзя отказать телу без гибели для него, или без греха для души. А движения тех семи страстей, как совершенно вредных во всем, нужно вовсе изгонять из внутренности нашей души. Ибо о них так говорится: «всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас» (Еф 4, 31). И еще: «блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас... Также сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны вам» (Еф 5:3–4) Следовательно, мы можем отсечь корни тех пороков, которые прильнули к нашей природе; а употребления пищи для чрева не можем прекратить. Ибо сколько бы мы ни преуспевали, все же остаемся тем, чем рождаемся. Это доказывается как нашим опытом (хотя мы мало значим), так и жизнью всех совершенных; они хотя отсекли возбуждения прочих страстей и удалились в пустыню со всей горячностью духа и в нищете телесной, однако не могут освободиться от ежедневного приготовления пищи и от заботы о годовом запасе хлеба.

[39] Глава 20. О свойстве чревоугодия, сравниваемого с орлом

[40] Образ этой страсти, которой обязательно подчиняется даже монах духовной и высокой жизни, довольно верно обозначается подобием орла. Хотя он в возвышенном полете поднимается за облака и скрывается от глаз всех смертных и от лица всей земли, но по требованию чрева принужден опять спускаться на низменности долин, сходить на землю и питаться мертвечиною. Этим ясно

доказывается, что чревоугодия нельзя пресечь, как прочие пороки, или совершенно истребить, а только излишние возбуждения и пожелания его можно ограничить, обуздать силою души.

41 Глава 21. Разговор с философами о непрерывной борьбе с чревоугодием

42 Один старец, рассуждая с философами, которые, считая его простецом, думали поставить в затруднение, объясняя свойство чревоугодия, хорошо изобразил это следующей притчею. Отец мой, говорил он, оставил мне уплачивать долг многим кредиторам; заплатив всем сполна, я избавился от всякой неприятной докучливости их, только одному, ежедневно уплачивая, не могу удовлетворить. Когда же философы, не понимая значения предложенной притчи, просили объяснить ее, то он сказал: я по природе был подвержен многим порокам; но по внушенному Богом желанию – освободиться от них, отрекшись от этого мира и оставив все имение, доставшееся мне по наследству от отца, я удовлетворил всем им, как докучливым заимодавцам и совершенно освободился от них, а от нападения чревоугодия никак не мог освободиться. Хотя требования его я уже ограничил до возможно малой меры, но ни в один день не избегаю его нападения, обязательно подвергаюсь постоянной докучливости его, постоянно плачу некоторую неопределенную плату и по его требованиям приношу неоплатный долг. После этого философы сознались, что старец этот, которого они сначала презирали, как невежду и простака, весьма хорошо постиг первую часть философии, т.е. нравственную науку, и очень удивлялись тому, что он природным смыслом мог постигнуть то, чего

не доставила ему светская ученость, тогда как они с большим трудом и долгим учением не могли этого постичь. Этого довольно сказать в частности о чревоугодии; возвратимся к рассуждению об общем сродстве пороков, которое начали мы изъяснять.

43 Глава 22. Для чего Бог предсказал Аврааму, что десять народов будут побеждены народом Израильским

44 Когда Господь говорил Аврааму о будущем, о чем вы не спрашивали, то перечислил не семь, а десять народов, землю которых обещал дать семени его (Быт 15, 19–21; Исх 3, 17; Втор 7, 1). Это десятеричное число (т.е. пороков, обозначенное десятью народами) очевидно пополнится, когда будут присоединены (т.е. к восьми главным порокам, о которых здесь говорится) идолопоклонство и хула, коим было подвержено множество нечестивых язычников и богохульных иудеев, пока пребывало в духовном Египте, прежде познания Бога и благодати крещения. Если же кто, отрекшись от мира, выйдя оттуда по благодати Божией, победив чревоугодие (этот духовный Египет), вступит в духовную пустыню (т.е. на поприще добродетелей), то, освободившись от нападения трех народов, будет сражаться только против семи, исчисленных Моисеем.

45 Глава 23. Почему полезно нам завладеть землею пороков

46 А что нам спасительно заповедуется завладеть странами этих погибельных народов, то это так нужно

понимать: всякий порок в нашем сердце имеет свое место, занимая которое, вытесняет Израиля, т.е. вытесняет созерцание высших, святых предметов и непрестанно противится им. Ибо добродетели не могут вместе с пороками ужиться. «Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою» (2Кор 6, 14). Но когда пороки будут побеждены народом Израильским, т.е. добродетелями, воюющими против них, то место, которое занимал в нашем сердце дух похоти или блуда, потом займет целомудрие; какое захватила ярость, то присвоит терпение; какое занимала скорбь, причиняющая смерть, тем возобладает спасительная печаль, полная радости; какое попирала гордость, на том почиет смирение, и таким образом после изгнания каждого порока места их займут противоположные расположения – добродетели, которые справедливо называются сынами Израилевыми, т.е. душами, видящими Бога; после изгнания из сердца всех страстей они займут не чужие владения, а собственные возвратят.

[47] Глава 24. Земли, из которых выгнаны хананеи, предоставлены племени Сима

[48] По древнему преданию, земли хананеев, в которые введены сыны Израилевы, некогда при разделе вселенной получили в обладание сыны Сима, а затем потомство Хама при несправедливом нападении насильно завладело ими. В этом открывается праведный суд Божий, по которому Бог и хананеев выгнал из чужих мест, которые они неправильно заняли, и израильтянам возвратил древнее отеческое владение, которое племени их во время раздела вселенной досталось. Этот образ верно относится и к нам. Ибо воля Божия обладание сердцем

нашим предоставила не порокам, а добродетелям, которые после преступления Адама, по усилении пороков, – этих народов хананейских, из собственной области были выгнаны, а потом, по благодати Божией, нашим старанием и трудом опять возвращены ему, и они заняли не чужие, а свои земли.

[49] Глава 25. Разные свидетельства о значении восьми пороков

[50] Об этих восьми пороках и в Евангелии так говорится: «когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводными местам, ища покоя, и, не находя, говорит: возвращусь в дом мой, откуда вышел; и, придя, находит его выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там, – и бывает для человека того последнее хуже первого» (Лк 11, 24–26). Как там (в Ветхом Завете) упоминаются семь народов, исключая египтян, от которых вышли сыны Израилевы; так здесь (в Евангелии) говорится, что возвратились семь духов нечистых кроме того, который прежде вышел из человека. Об этом семеричном числе пороков и Соломон в Притчах говорит: «если враг твой попросит тебя нежным голосом, не верь ему, потому что в сердце его семь мерзостей» (Притч 26:25), т. е. если побежденный дух чревоугодия своим смирением начнет улещать тебя, упрашивая, чтобы ты несколько послабил ему, уменьшил ревность в воздержании и меру строгости, то ты не сдавайся на его покорность; видя, что немного успокоилось в тебе плотское разжигание, не думай, что ты защищен от нападений, не возвращайся к прежней невоздержности или прихотям чревоугодия. Ибо этим побежденный тобою дух говорит как бы так: возвращусь в

дом мой, откуда вышел. Тогда тотчас происходящие от него семь духов – пороков будут для тебя злее, нежели та страсть, которая вначале была побеждена тобою, и они скоро увлекут тебя к худшим грехам.

51 Глава 26. Победив страсть чревоугодия, надо приложить труд к приобретению прочих добродетелей

52 Потому старайтесь, чтобы, воздержанием и постом победив страсть чревоугодия, не оставлять душу нашу без необходимых добродетелей, но рачительно занимать ими все изгибы нашего сердца, чтобы дух чревоугодия, возвратившись, не нашел нас пустыми, не занятыми ими и, не довольствуясь открытием входа для себя одного, не ввел с собою в нашу душу семь страстей. Ибо после этого будет гнуснее, грязнее та душа, которая хвалится, что отвергалась этого мира, тогда как господствуют в ней все восемь страстей, и подвергнется более тяжкому наказанию, нежели когда была в мире и еще не обязывалась ни благочинием, ни именем монашеским. Ибо эти семь духов потому называются злейшими предыдущего духа, что пожелание чрева само по себе не было бы вредно, если бы не вводило за собою других более важных страстей, т.е. блуда, сребролюбия, гнева, печали или гордости, которые, без сомнения, вредны и гибельны душе. И потому никогда не может достигнуть совершенной чистоты тот, кто надеется приобрести ее одним воздержанием, т.е. телесным постом, если не познает, что воздержание нужно для того, чтобы, по усмирении плоти постом, легче мог вступить в борьбу с прочими страстями.

[53] Глава 27. Порядок борьбы различен от порядка пороков

[54] Впрочем, надо знать, что порядок борьбы не во всем бывает одинаков, потому что, как мы сказали, не все мы одинаковым образом искушаемся, и всякому из нас следует вступить в борьбу особенно с той страстью, которая больше нападает на нас, так что иному необходимо прежде вступить в сражение с третьей страстью, иному с четвертой или пятой. Смотря по тому, какие страсти сильнее в нас и как требует образ нападения их, так мы и должны установить порядок сражения, по которому бы последующий успех победы и торжества мог привести нас к чистоте сердца и полноте совершенства. Авва Серапион, рассуждая о свойстве восьми главных пороков, свойства скрывающихся в нашем сердце страстей, причины и связи которых мы прежде вовсе не могли различать, – раскрыл так ясно, что, казалось, они находились перед нашими глазами и мы увидели их, как в зеркале.

Шестое собеседование аввы Феодора. Об умерщвлении святых

[1] Глава 1

[2] В пределах Палестины, близ Фекойского селения, удостоившейся быть местом рождения пророка Амоса, лежит обширная пустыня, простирающаяся до самой Аравии и Мертвого моря, в котором исчезают впадающие в него воды Иордана и холмы пепла Содомского. Монахи, мужи высокой жизни и святости, с давнего времени живущие в этой пустыне, внезапно умерщвлены были толпою сарацинских разбойников. Мы знали, что тела этих убиенных тайно были взяты и погребены между мощами мучеников, и что как начальники сей страны, так и вообще все аравляне оказали такое уважение к ним, что народ, стекшийся из двух городов в несчетном количестве, из-за этой священной добычи вступил в жестокую распрю между собою, дошедшую до действительного сражения мечами. В благочестивом усердии своем они спорили, кто имеет больше прав владеть гробами и заключенными в них останками этих пустынных подвижников. Одни выставляли на вид близкое к себе жительство их, другие – родственное отношение с ними. Между тем некоторые из братьев и мы сами немало соблазнялись этим происшествием; оно возбуждало желание узнать: почему столь достойные и добродетельные мужи так умерщвлены разбойниками и почему Господь попустил совершиться над рабами Своими этому злодеянию, предав в руки нечестивых таких

мужей, дивных для всех? Опечалившись этим, мы пошли к святому Феодору[10], мужу отличному в деятельной жизни. Он жил в кельях[11], которые находились между Нитрией и Скитом, в пяти милях[12] от нитрийских монастырей и в восьмидесяти милях от Скитской пустыни, в которой мы пребывали. Мы изъявили перед ним наше сожаление об умерщвлении тех мужей, удивляясь вместе с тем такому великому снисхождению Божию, допустившему столь заслуженным мужам быть так убитыми. Мы желали знать, отчего те, которые силою своей святости могли бы избавить других от такого искушения, не могли избавить самих себя от рук нечестивых, или почему Бог попустил совершиться над рабами Своими такому злодейству?

[3] Глава 2. Ответ аввы Феодора на предложенный вопрос

[4] Блаженный Феодор отвечал: этот вопрос обыкновенно возмущает души тех, которые, имея мало веры и знания, думают, что заслуги святых вознаграждаются в этой временной короткой жизни. Но поскольку мы не только в этой жизни надеемся на Христа, иначе мы, по апостолу, были бы «несчастнее всех человеков» (1Кор 15, 19), потому что, не получая в этом мире обещанного, лишимся его и в будущем за свое неверие; то не должны увлекаться заблуждениями тех невежд, чтобы, колеблясь и страшась при недостатке верного и определенного понятия, не возмущаться нам в искушениях, когда подвергнемся им, или (что и сказать страшно) чтобы не приписывать Богу отсутствие правосудия и промысла о делах человеческих, как будто Он не был защитником добродетельных и святых мужей во время искушений и не воздавал в настоящей жизни добром за добро и злом за зло; чтобы

нам не подвергнуться осуждению с теми, о ком, обличая, говорит пророк Софония: «говорят в сердце своем: не делает Господь ни добра, ни зла» (Соф 1, 12), или чтобы не уподобиться тем, которые в богохульной жалобе своей говорят: «всякий, делающий зло, хорош пред очами Господа, и к таким Он благоволит, или: где Бог правосудия?» (Мал 2, 17). И еще присовокупляют к этому другие богохульные речи, следующие далее в пророческом писании: «тщетно служение Богу, и что пользы, что соблюдали постановления Его и ходили в печальной одежде пред лицом Господа Саваофа? И ныне мы считаем надменных счастливыми: лучше устраивают себя делающие беззакония, и хотя искушают Бога, но остаются целыми» (Мал 3:14–15). Итак, чтобы нам избежать неведения, которое служит главной причиной этого пагубнейшего заблуждения, мы должны прежде всего знать, в чем состоит истинное добро и в чем действительное зло. Если мы определим то и другое не по ложному людскому понятию, а по смыслу Св. Писания, то мы не увлечемся заблуждением неверующих людей.

[5] Глава 3. О трех предметах в этом мире: о зле, добре и среднем

[6] Все, что есть в этом мире, бывает троякого рода, т.е. добро, зло и среднее. Итак, мы должны знать, что собственно добро, зло и что среднее, чтобы вера наша, утвержденная на истинном знании, пребывала непоколебимой во всех искушениях. Во всем, что собственно касается человека, главным образом нужно почитать одну только душевную добродетель, которая приводит нас к Богу посредством чистой веры, побуждает непрерывно прилепляться к этому неизменному благу. И

напротив, злом следует называть один только грех, который, разлучая нас с благим Богом, заставляет входить в общение со злым дьяволом. Среднее между добром и злом есть то, что по воле и расположению человека может быть обращено в ту и другую сторону; таково, например, богатство, власть, честь, телесная крепость, здоровье, красота, сама жизнь или смерть, бедность, немощь плоти, обиды и тому подобное, что человек по свойству своему и расположению может употребить в добрую и худую сторону. Так и богатство часто служит ко благу, по слову апостола, который богатым в настоящем веке заповедует быть щедрыми, общительными, собирающими себе сокровище, обязанное быть добрым основанием для будущего, чтобы достигнуть истинной жизни (1Тим 6, 17–19), и, по Евангелию, оно полезно тем, которые приобретают себе друзей «богатством неправедным» (т. е. вещественным – Лк 16, 9). Но то же самое богатство обращается и во зло, как скоро собирается только для сбережения или для роскоши, а не употребляется для пользы нуждающихся. Также и то, что власть, честь, телесная крепость и здоровье составляют нечто среднее, безразличное, это легко доказывается тем, что многие из ветхозаветных святых, обладающие этими благами (т. е. имевшие и великие богатства, и высокие достоинства, и крепость телесную), были, как известно, угодны и Богу. Напротив, употребившие во зло эти блага и обратившие их на служение своему бесчестью были по заслугам наказаны или погублены, о чем часто повествуют книги Царств.

Что сама жизнь и смерть есть нечто среднее, это ясно показывает рождение св. Иоанна или Иуды. Ибо жизнь одного сама по себе настолько была благотворна, что

рождение его доставило радость и другим, как говорится в Евангелии: «и многие о рождении его возрадуются» (Лк 1, 14); между тем о жизни другого сказано: «лучше было бы этому человеку не родиться» (Мф 26, 24). О смерти Иоанна и всех святых говорится: «дорога́ в очах Господних смерть святых Его!» (Пс 115, 6); а о смерти Иуды и подобных ему: «смерть грешников люта» (Пс 33, 22). Насколько иногда бывает полезна и немощь плоти, это доказывается блаженством Лазаря, покрытого струпьями. Поскольку Св. Писание не упоминает ни о каких других заслугах его добродетелей, то это значит, что он заслужил блаженнейшую участь успокоения на лоне Авраама одним тем, что с величайшим терпением переносил нищету и телесную немощь (Лк 16, 20–25). Нищета, гонения, обиды обыкновенно считаются злом, но сколь они полезны и необходимы, это ясно доказывается тем, что святые мужи не только никогда не старались избегать, но еще со всею ревностью желали или со всею твердостью переносили их, через что сделались друзьями Божиими и получили награду вечной жизни, как говорит апостол: «посему я благодушествую в немощи, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен» (2Кор 12, 10). Итак, ни великие богатства этого мира, ни власть, ни отличия, сколько бы кто ни превозносился ими, не могут считаться существенным благом, которое заключается в одних добродетелях; они – нечто среднее между благом и злом; ибо как для праведных и правильно употребляющих их по нужде они бывают полезны и пригодны (поскольку подают случай к добрым делам и приносят плоды для вечной жизни), так, с другой стороны, для тех, которые во зло употребляют их, они бывают бесполезны и вредны, служа поводом к греху и смерти.

[7] Глава 4. Зло никому не может быть причинено другим

[8] Твердо помня это разделение и зная, что нет блага, кроме одной добродетели, проистекающей из страха и любви к Богу, и что нет зла, кроме одного греха и удаления от Бога, теперь тщательно исследуем: позволял ли Бог когда-нибудь Себе Самому или другому кому-либо подвергать святых Своих этому злу. Без сомнения, ты никогда не найдешь такого случая. Ибо если кто не сам хотел предаться греху и старался противиться, то другой никогда не мог подвергнуть его этому злу; подвергался же только тот, кто сам допускал к себе зло по невнимательности своего сердца и растлению воли. Когда и дьявол хотел подвергнуть этому греховному злу блаженного Иова, употребив все хитрые средства своей злобы, т.е. не только лишил его всего имущества и поразил тяжкой и неожиданной скорбью, умертвив семь сынов его, но и самого покрыл от головы до ног несносно мучительными ранами, – и дьявол никак не мог запятнать его грехом; поскольку он непоколебимо противостоял всем его искушениям и не изъявил ни малейшего согласия на богохульство.

[9] Глава 5. Возражение: как же о Боге говорится, что Он творит зло?

[10] **Герман**. В Св. Писании мы неоднократно читаем, что Бог причиняет людям или наводит на них зло. Так, например: «что нет кроме Меня; Я, Господь, и нет иного. Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия» (Ис 45, 6–7), и в другом месте: «бывает ли в

городе бедствие, которое не Господь попустил бы?» (Ам 3, 6).

[11] Глава 6. Ответ на предложенный вопрос

[12] **Феодор**. Св. Писание слово «зло» иногда полагает как озлобление, не потому, что они в существе своем были зло, но потому, что принимаются за зло чувством тех, которым с пользою причиняются. Божественная мудрость, вступая в рассуждение с людьми, по необходимости должна употреблять слова и страсти человеческие. Сечение или прижигание, нежно производимое врачом для исцеления гнилых и заразных ран, считают для себя злом те люди, которым приходится переносить это. И коню неприятно пришпоривание, и грешнику – исправление. Всякое учение для тех, кому преподается, сперва кажется горьким, как говорит апостол: «всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности». И еще: «ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает. …Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?» (Евр 12, 11, 6, 7). Таким образом, слово зло полагается иногда в значении скорбей, как в следующем изречении: «и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел» (Ион. 3, 10). И в другом месте: «Ты Бог благий и милосердный, долготерпеливый и многомилостивый и сожалеешь о бедствии» (Ион. 4, 2), т.е. о напастях и бедствиях, которые вынужден бываешь наводить на нас за грехи наши. Другой пророк, зная что эти бедствия для некоторых бывают полезны, не из враждебного к ним чувства, но из желания спасения для них, так молитвенно взывает к

Богу: «приложи им зла, Господи, приложи зла славным земли» (Ис 26, 15). И сам Господь говорит: «вот, Я наведу на них бедствие» (Иер 11, 11), т.е. скорби и опустошение, чтобы настоящим спасительным наказанием заставить их обратиться и прибегнуть ко Мне, Которым они пренебрегли в своем счастье. Поэтому мы не можем признать бедствия существенным злом: ибо многим они способствуют ко благу и служат источником вечных радостей.

Таким образом (обратимся к предложенному вопросу), все, что ни делают к озлоблению нашему враги наши или кто бы то ни был другой, не должно считаться злом; ибо такие озлобления не тем являются, чем считает причиняющий их в раздражении сердца, а чем признает их чувство переносящего. Следовательно, если нанесена будет и смерть святому мужу, нельзя думать, что этим нанесено было ему действительное зло – только нечто среднее, что для грешника хотя и составляет зло, но для праведника покой и избавление от зол. Муж праведный со смертью ничего не теряет и ничего особенного не терпит, но что должно было приключиться с ним по требованию природы, тому он подвергается по злобе врага не без награды в вечной жизни, и тот долг, который по непременному закону каждый должен отдать смерти, он отдает, приобретая обильнейший плод за свое страдание и мзду великого воздаяния.

[13] Глава 7. Вопрос виновен ли причиняющий праведному смерть, если праведный получает награду за смерть?

[14] **Герман**. Если умерщвленный праведник не только не потерпел никакого зла, но еще получает награду за свое страдание, то как можно обвинять того, кто таким умерщвлением не вред причинил ему, а доставил пользу?

[15] Глава 8. Ответ на предложенный вопрос

[16] **Феодор**. Мы рассуждаем о свойстве добра и зла или того, что мы назвали средним, а не о душевном расположении людей, которые совершают их. Человек нечестивый и беззаконный не может остаться ненаказанным, оттого что злобою своею не мог повредить праведнику. Ибо терпение и добродетель праведника привлекает награду не тому, кто был причиною его мучений и смерти, а тому, кто великодушно перенес их. Первый справедливо будет наказан за зверскую жестокость, по которой он хотел сделать зло, хотя последний и не потерпел от него никакого зла; потому что, терпеливо перенося искушения и скорби, через эту добродетель души своей он все, причиненное ему со злым намерением, обратил к улучшению своего состояния и к приобретению блаженства будущей жизни.

[17] Глава 9. Пример блаженного Иова, искушаемого дьяволом, и Господа, преданного Иудою; праведнику как счастье, так и несчастье служат к спасению

[18] Таким образом, терпение Иова приобрело награду не дьяволу, который своими искушениями сделал его более славным, а самому Иову, мужественно перенесшему их и Иуда не будет избавлен от вечного мучения из-за того, что его предательство послужило к спасению рода человеческого. Надо обращать внимание не на последствие дела, а на расположение делающего. Поэтому нам следует твердо сохранять в памяти ту мысль, что никому не может быть нанесено зло другим, если сам не навлечет его беспечностью своего сердца и малодушием. Ту же мысль подтверждает апостол в одном стихе: «знаем, что любящим Бога …все содействует ко благу» (Рим 8, 28). Под словом «все» он вообще понимает не только счастье, но и то, что почитается несчастьем, как в другом месте пишет о себе тот же апостол, говоря, что он испытал то и другое. «С оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: …нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем» (2Кор 6, 7, 8, 10). Следовательно, все то, что почитается счастьем и что святой апостол относит к правой руке, обозначая словами «честь» и «похвала»; также и все то, что почитается несчастьем и что, очевидно, апостол выражает словами «бесчестие» и «порицание», относя это к левой руке, – все это для мужа совершенного делается оружием правды, если он переносит великодушно, т.е. если эти несчастья он употребляет вместо оружия; если он действует ими, как неким луком, мечами, твердым щитом, наступательно

и оборонительно против нападающих на него врагов; то через это приобретает больше терпения и мужества, и тогда сами смертельные вражеские стрелы доставляют славное торжество его твердости. Ибо, не возносясь в счастье, он не отчаивается и в несчастии, но всегда идет ровным путем и царской стезею: приходит ли к нему радость и ведет его как бы на правую сторону или устремляются на него беды и овладевшая им скорбь как бы снова влечет его на левую сторону, он нисколько не теряет состояния спокойствия. Ибо «велик мир у любящих закон Твой, и нет им преткновения» (Пс 118, 165). А о тех, которые при каждом встречающемся им случае изменяются, в Св. Писании говорится так: «безумный изменяется, как луна» (Сир 27, 11). Как о совершенных и мудрых говорится: «мудрость разумного – знание пути своего»; так и о немощных и неразумных говорится: «глупость же безрассудных – заблуждение» (Притч 14, 8); поскольку он ни счастливыми обстоятельствами не пользуется, ни несчастными не исправляется. Ибо такое же мужество потребно для того, чтобы сохранить умеренность в радостях, какое нужно и для того, чтобы великодушно переносить скорби, и кого может преодолеть одно из этих искушений, тот, без сомнения, не может устоять и против другого. Впрочем, счастье легче губит человека, нежели несчастье. Ибо последнее иногда против воли обуздывает его и смиряет и, приводя в спасительное сокрушение, заставляет его меньше грешить или исправляет; между тем первое, обольстительными своими прелестями доставляя уму надменность, низвергает беспечного в глубочайшую бездну погибели.

[19] Глава 10. О мужестве совершенного мужа, который называется ободесноручным

[20] Эти-то совершенные мужи в Св. Писании исключительно называются ободесноручными, каким именно, по сказанию книги Судей, был Аод: ему та и другая рука служила правой (Суд. 3, 15). В духовном смысле это означает такую добродетель, которую и мы можем приобрести, если и то, что почитается правым – счастьем, и то, что называется левым – несчастием, будем уметь обращать к правой стороне, т.е. если будем уметь хорошо и правильно пользоваться и счастьем и несчастьем, так чтобы то и другое служило для нас «оружием правды» (2Кор 6, 7). Подлинно, мы усматриваем во внутреннем нашем человеке две стороны и, так сказать, две руки, и ни один святой не может обойтись без так называемой левой руки; но совершенная в нем добродетель обнаруживается тем, что он ту и другую руку, посредством доброго употребления, обращает в правую. Представим свои мысли яснее, для удобнейшего их понимания. Святой человек имеет у себя правую сторону, т.е. духовное преуспевание. На этой стороне он находится тогда, когда, горя духом, владычествует над всеми своими вожделениями и похотями; когда, не опасаясь никакого дьявольского нападения, без всякого труда и усилия отвергает или удаляет от себя плотские пороки; когда, возвысившись над землею, смотрит на все настоящее и земное, как на исчезающий дым, пустую тень, и презирает, как скоро преходящее; когда в восхищении ума не только пламенно желает будущего, но и ясно видит его; когда охотно предается духовному созерцанию; когда ясно видит открытые перед собою небесные таинства; когда

посылает к Богу чистые и усердные молитвы; когда таким образом, пламенея духом, всем сердцем стремится к невидимому и вечному, так что не думает о своем пребывании в плоти. Равным образом он имеет у себя и левую сторону, на которой находится тогда, когда бывает обуреваем искушениями; когда разжигается сильным огнем плотских вожделений; когда объемлется жестоким пламенем неистового гнева; когда подстрекается гордостью или тщеславием; когда подавляется печалью, причиняющей смерть; когда поражается оружием уныния и когда, утратив весь духовный жар, цепенеет от некоего охлаждения и безотчетной скуки, так что не только помыслы, горевшие чистым пламенем, оставляют его, но вместе с ними и псалмопение, чтение, молитва, келейное уединение становятся для него скучными, и все, что только служит руководством к добродетели, возбуждает в нем ужасное и несносное отвращение к себе. Когда монах подвергается этому, то пусть знает, что левая сторона угнетает его. Итак, кто, обладая совершенствами, которые мы отнесли к правой стороне, нисколько не увлечется легко обольщающим тщеславием и, мужественно сражаясь против пороков, принадлежащих к стороне левой, не впадет в отчаяние, но с обеих противоположных сторон воспримет оружие терпения, для упражнения своей Добродетели, у того обе руки будут служить как правые, и он, действуя победоносно той и другой, получит победный венец, как по отношению к правостороннему, так и левостороннему своему положению.

Так, мы читаем о блаженном Иове, что он заслужил этот победный венец. По отношению к правой стороне, он венчался им тогда, когда, будучи богатым и зажиточным

отцом семи сынов, ежедневно приносил жертвы Господу для их очищения, желая сделать их не столько угодными и близкими себе, сколько Богу; когда дверь отворена была у него всякому приходящему; когда он был ногою для хромых и оком для слепых; когда волною овец его согревались плечи немощных; когда он был отцом сирот и вдовиц; когда и в сердце своем не радовался о погибели врага своего. Тот же Иов, по отношению к левой стороне, высотою своей добродетели торжествовал над бедствиями, когда, в одно мгновение лишившись семи сынов, не предался жестокой печали, как естественно отцу, но, как прилично истинному рабу Божию, радовался исполнению над собою воли Творца своего; когда, из богатого сделавшись бедным, из изобилующего богатствами – нищим до наготы, из сильного – немощным, из знаменитого и славного – незнатным и презренным, сохранял непреоборимое мужество в душе своей; когда, наконец, лишившись всего своего имущества и богатства, принужден был сидеть в пепле и, как некий жестокий мучитель тела своего, должен был соскабливать черепицею текущий гной и, вложив персты в глубину ран, вынимать из всякой части телесного члена груду червей. При всем этом, он нисколько не впал в богохульное отчаяние, не возроптал на своего Создателя, и, не подавленный столь великой тяжестью жестоких искушений, даже последнюю одежду, которая от всего прежнего имущества оставалась еще на теле его и которая одна, служа ему единственным покровом, могла быть спасена от дьявольского расхищения, растерзал на себе и. сбросив ее, отдал тому же лютому врагу. Волосы с головы своей, которые одни оставались неприкосновенными, остригши, поверг перед своим жестоким мучителем, произнося к нему со всею силою

восторженного чувства эти небесные слова: «неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать? наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иов 2:10, 1:21).

Ободесноручным справедливо можно назвать и Иосифа, который в счастье был любезен отцу, почтителен к братьям, угоден Богу; в злосчастии целомудрен, верен своему господину, в темнице кроток, не помнил обид, готов делать добро врагам и, несмотря на всю ненависть братьев своих, не только был нежным братом, но и щедрым благотворителем их. Таковые и подобные им мужи справедливо называются ободесноручными. Ибо они той и другой рукою действуют как десницею и, проходя исчисляемые апостолом искушения, подобно ему говорят: с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах. О той правой и левой руке Соломон в Песни Песней говорит от лица невесты таким образом: «левая рука Его у меня под головою, а правая обнимает меня» (Песн 2, 6). Хотя та и другая представляются полезными, однако левую кладет невеста под голову свою; поскольку противная сторона (несчастья) должна подчиняться главной стороне – сердцу, т.е. несчастья служат только для того, чтобы в известное время упражнять нашу добродетель и совершенствовать в терпении; между тем правой рукою жениха она желает быть всецело объятой и неразрывно соединиться с ним для того, чтобы быть непрестанно хранимой и утешаемой.

Итак, и мы сделаемся ободесноручными, когда ни избыток, ни недостаток временных вещей не изменит нас;

когда ни первый не понудит нас предаться пагубному наслаждению, ни последний не повергнет в отчаяние и не исторгнет у нас жалобы; когда, напротив, за то и другое равно благодаря Бога, мы получим одинаковый плод от благоприятных и неблагоприятных своих обстоятельств. Действительно, таким ободесноручным был учитель язычников, как сам о себе свидетельствует, говоря: «я научился быть довольным тем, что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке» (Флп 4, 11–12).

[21] Глава 11. О двояком роде искушений, которые находят по трем причинам

[22] Хотя мы сказали, что искушение бывает двояким, т.е. в счастье и несчастье, однако нужно знать, что все люди искушаются по трем причинам: по большей части для испытания, иногда для исправления, нередко для наказания за грехи. Для испытания искушаемы были блаженный Авраам, Иов и многие святые, переносившие, как известно, бесчисленные скорби. Сюда же относится то, что во Второзаконии Моисей говорит народу: «и помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой, по пустыне, вот уже сорок, лет, чтобы смирить тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоем, будешь ли хранить заповеди Его, или нет» (Втор 8, 2); и то, что говорится в псалме: «Я услышал тебя, при водах Меривы испытал тебя» (Пс 80, 8); и к Иову: «ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?» (Иов 40, 3). Для очищения Господь искушает праведников Своих за некоторые малые и легкие грехи и для уничтожения высокого их мнения о чистоте своей,

дабы, очистив их от всякой скверны помыслов, говоря словами пророка: «как в щелочи очищу с тебя примесь» (Ис 1, 25), представить их в день будущего испытания подобными чистому золоту, не имеющими в себе ничего, что служило бы пищею искушающему судному огню и требовало бы мучительного очищения его. В этом смысле сказано: «много скорбей у праведного» (Пс 33, 20); также: «не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны» (Евр 12, 5–8); и в Апокалипсисе говорится: «кого Я люблю, тех обличаю и наказываю» (Апок 3, 19). К таковым, под образом Иерусалима, пророк Иеремия от лица Божия простирает следующее слово: «Я совершенно истреблю все народы, среди которых рассеял тебя, а тебя не истреблю; Я буду наказывать тебя в мере» (Иер 30, 11). Об этом спасительном очищении молится Давид: «искуси меня, Господи, и испытай меня» (Пс 25, 2). Понимая пользу этого искушения, пророк Иеремия также взывает: «наказывай меня, Господи, но по правде, не во гневе» (Иер 10, 24); и пророк Исайя говорит: «славлю тебя, Господи; Ты гневался на меня, но отвратил гнев Твой и утешил меня» (Ис 12, 1). В-третьих, человек подвергается ударам искушения в наказание за грехи; таким поражением Господь угрожает народу израильскому: «и пошлю на них зубы зверей и яд ползающих по земле» (Втор 32, 24); также: «вотще поражал Я детей ваших: они не приняли вразумления» (Иер 2, 30). Также в псалмах говорится: «много скорбей нечестивому» (Пс 31, 10), и в

Евангелии: «вот ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже» (Ин 5, 14).

Впрочем, мы находим и четвертую причину, по которой люди подвергаются некоторым страданиям и которая также открыта нам в Св. Писании: это есть явление над нами славы и дел Божиих, как именно говорится в Евангелии: «не согрешил ни он, ни родители его, но *это для того,* чтобы на нем явились дела Божии» (Ин 9, 3), и еще: «эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится чрез нее сын Божий» (Ин 11, 4). Есть еще и другие наказания, коими в настоящее время поражаются только те, которые перешли уже меру бесчестья. На такое наказание, как известно, осуждены были Дафан, Авирон и Корей, особенно же те, о которых говорит апостол: «потому предал их Бог постыдным страстям, …превратному уму» (Рим 1, 26, 28); и это наказание следует считать тягчайшим из всех прочих. Ибо поражаемых таким наказанием «на работе человеческой нет, – как говорит Псалмопевец, – и с *прочими* людьми не подвергаются ударам» (Пс 72, 5). Ибо они не заслуживают быть спасенными посещением Господа. Не получат лечения посредством временных наказаний те, которые, «дойдя до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытимостью» (Еф 4, 19) и которые ожесточением своего сердца и склонностью к грехам превышают способ очищения в этом кратком веке и меру наказания в настоящей жизни. К таковым слово Божие с укоризной взывает через пророка Амоса: «производил Я среди вас разрушения, как разрушил Бог Содом и Гоморру, и вы были выхвачены, как головня из огня, – и при всем том вы не обратились ко Мне, говорит Господь» (Ам 4, 11), и через пророка Иеремию: «гублю

народ Мой; но они не возвращаются с путей своих» (Иер 15, 7), и в другом месте: «Ты поражаешь их, а они не чувствуют боли; Ты истребляешь их, а они не хотят принять вразумления; лица свои сделали они крепче камня, не хотят обратиться» (Иер 5, 3). Тот же пророк, видя, что все средства, употребляемые в то время к исцелению этих людей, остались тщетными, с некоторым уже отчаянием возглашает: «раздувальный мех обгорел, свинец истлел от огня: плавильщик плавил напрасно, ибо злые не отделились; отверженным серебром назовут их, ибо Господь отверг их» (Иер 6, 29–30). Сам Господь жалуется, что Он напрасно употребил огненное, спасительное очищение для тех, которые ожесточились в своих злодеяниях, представляя их под образом горшка, глубоко покрытого ржавчиною. «Поставь его на уголья, чтобы он разгорелся, и чтобы медь его раскалилась, и расплавилась в нем нечистота его, и вся накипь его исчезла. Труд будет тяжелый; но большая накипь его не сойдет с него; и в огне *останется* на нем накипь его. В нечистоте твоей такая мерзость, что сколько Я ни чищу тебя, ты все нечист» (Иез 24, 11–13). Таким образом, Господь, подобно искуснейшему врачу, употребляет все средства к спасению людей Своих. Но поскольку видит, что не остается уже никакого лекарства против их немощи, то уступает непомерности их бесчестья и как бы вынужден отложить милостивое Свое наказание, и потому говорит им такие слова: «и отступит от тебя негодование Мое, и успокоюсь, и уже не буду гневаться» (Иез 16, 42). Между тем о других, у кого еще не ожесточилось сердце от множества грехов и которые не нуждаются в строгом и, так сказать, жгучем врачевании, а достаточно для них и наставления в спасительном слове Божием, говорится: «накажу их, как слышало собрание их» (Ос 7, 12).

Известны нам и другие причины, по которым тяжко согрешающие подвергаются наказанию не для препятствования их преступлениям, не для потребления грехов их, но для устрашения и исправления живущих. Так, мы знаем, что Иеровоам, сын Наватов, Вааса, сын Ахиин, также Ахав и Иезавель поражены были различными казнями, как говорится в Св. Писании: «Я наведу на тебя беды и вымету за тобою и истреблю у Ахава мочащегося к стене и заключенного и оставшегося в Израиле. И поступлю с домом твоим так, как поступил Я с домом Иеровоама, сына Наватова, и с домом Ваасы, сына Ахиина; за оскорбление, которым ты раздражил Меня и ввел Израиля в грех. Псы съедят Иезавель за стеною Иезраеля. Кто умрет у Ахава в городе, того съедят псы, а кто умрет на поле, того расклюют птицы небесные» (3Цар 21:21–24). Сюда же относится и эта страшная угроза: «тело твое не войдет в гробницу отцов твоих» (3Цар 13, 22). Нельзя думать, чтобы столь кратковременного наказания достаточно было для препятствия гнусному бесчестью Иеровоама, который первым поставил золотых тельцов для удержания народа во всегдашнем вероломстве и отступлении от Бога, или для уничтожения бесчисленных и ужасных преступлений, совершенных упомянутыми нечестивцами; но оно должно было постигнуть их для того, чтобы такой пример заставил страшиться подобных наказаний и других грешников, которые, не обращая внимания на будущее или совершенно не веря ему, могли заботиться об одном настоящем, открытом для их взора; чтобы такая строгость для этих последних служила доказательством того, что Верховное существо, при всем величии Своем, не оставляет без внимания дел человеческих и не откладывает ежедневного промышления о них; и чтобы из

тех ужасных примеров яснее видели, что Бог воздает каждому по делам его. Еще мы знаем и то, что некоторые за легчайшие провинности подпадали под то же наказание временной смертью, какой наказаны и вышесказанные виновники святотатственного вероломства. Такая участь постигла того, кто собирал дрова в субботу (Чис 15, 35), также Ананию и Сапфиру, которые, по заблуждению неверия, нечто утаили из своего имущества (Деян 5, 10); постигла не потому, что грехи их были одинаково тяжки, но потому, что они, как первые виновники нового преступления, подавшие прочим пример греха, должны были послужить примером наказания и страха, чтобы всякий, впоследствии покусившийся на то же, знал уже, что и он, подобно тем людям, осужден будет, и что если откладывается в настоящее время его наказание, то оно постигнет его в день будущего судного испытания. Но поскольку, желая обозреть виды искушений или наказаний, мы, кажется, несколько уклонились от предложенного объяснения, в котором раскрывали ту мысль, что муж совершенный среди искушения, какого бы рода оно ни было[13], всегда остается непоколебимым, то теперь снова обратимся к тому же предмету.

23 Глава 12. Муж праведный должен быть подобен не воску, а адамантовой печати

24 Итак, ум праведного мужа не должен уподобляться воску или другому какому-либо мягкому веществу, которое, придавливаясь наложением печати, всегда принимает ее вид или образ и только до тех пор удерживает его на себе, пока другая печать не придаст ему новой формы, таким образом, никогда не сохраняя

своего свойства, непрестанно изменяется соответственно тому, что на нем запечатлевается. Напротив, ум наш должен быть сам как бы адамантовой печатью, чтобы, постоянно сохраняя черты своего свойства неизгладимыми, запечатлевал и отражал на всем, прикасающемся к нему, качество собственного состояния, а сам был бы недоступен никакой силе.

[25] Глава 13. Вопрос: может ли дух наш пребывать в одном и том же качестве?

[26] **Герман**. Может ли ум наш непрерывно находиться в одном состоянии и всегда иметь одно и тоже качество?

[27] Глава 14. Ответ на предложенный вопрос

[28] **Феодор**. Необходимо, чтобы человек, «обновляясь духом ума» своего, преуспевал и «со дня на день обновлялся», как говорит апостол (Еф 4, 23; 2Кор 4, 16); или, если сделается нерадивым, он должен будет обратиться назад и впасть в худшее. Поэтому ум не может быть в одном и том же качестве, подобно тому, как если бы кто пытался плыть в лодке на веслах против течения бурной реки, то обязательно должен был бы или подниматься вверх, превозмогая силою мышц речное течение, или, если ослабеют руки, спускаться вниз по течению реки. Итак, если заметим, что мы ничего больше не приобретаем, то это очевидный признак нашей утраты; если в какой-либо день не почувствуем, что простерлись вперед, то не должны сомневаться, что мы непременно отступили назад, поскольку ум человеческий, как я сказал, не может постоянно пребывать в одинаковом

состоянии, и ни один из святых, пока находится в этой плоти, не достигнет той высоты добродетелей, чтобы смог уже остаться неподвижным. Они, по необходимости, всегда в чем-нибудь или увеличиваются, или уменьшаются, и во всякой твари не может быть такого совершенства, которое бы не терпело изменений, как читаем о том в книге блаженного Иова: «что такое человек, чтоб быть ему чистым, и чтобы рожденному женщиною быть праведным? Вот, Он и святым Своим не доверяет, и небеса нечисты в очах Его» (Иов 15, 14–15). Одного Бога мы признаем неизменяемым, каким называет Его и слово святого пророка: «но Ты – тот же» (Пс 101, 28), и каким Он сам себя именует: «Я – Господь, Я не изменяюсь» (Мал 3, 6); потому что Он один, по существу Своему, всегда благ и всегда и во всей полноте совершен, так что в Нем ничто и никогда не может ни увеличиться, ни умалиться. Итак, мы должны с неослабевающим старанием и ревностью устремляться к подвигам добродетели и непрестанно упражняться в них, чтобы из-за недостатка преуспевания не последовало тотчас оскудение. Ибо, как мы сказали, в одном и том же состоянии ум не может пребывать, т.е. чтобы не получал приращения в совершенстве добродетелей или не терпел ущерба в нем. Ибо не приобрести значит утратить: поскольку оставляющий желание преуспевать в совершенстве недалек от опасности потерять его.

[29] Глава 15. Какой бывает вред, если часто оставлять свою келью

[30] Из этого видно, что пребывание в келье должно быть неисходным. Ибо кто сколько раз выйдет из нее, столько же раз, по возвращении, придет в замешательство и

смущение, как будто новый и еще не привыкший обитатель ее. Поскольку если ослабеет духовное внимание, которое он приобрел, сидя в келье, то уже не сможет возвратить его без труда и скорби, а если и возвратит, то будет помышлять не о потерянном успехе, который мог получить, не оставляя своей кельи, а будет радоваться уже тому, что почувствует себя возвратившимся в то состояние, из которого выходил. Как утраченное и прошедшее время не может быть возвращено, так и потерянные выгоды уже не могут быть получены обратно. Ибо в каком бы напряжении ни было после того духовное внимание, это составляет успех текущего дня и приобретение настоящего времени, а не служит вознаграждением потерянной прежде выгоды.

[31] Глава 16. Об изменяемости небесных сил

[32] Изменению подлежат, как мы сказали, и сами вышние силы; это ясно показали на себе те, которые, по растлению воли своей, низверглись из числа их. Поэтому и тех, которые пребывают до сих пор в том же состоянии блаженства, в каком были сотворены, нельзя считать по природе своей неизменяемыми только потому, что они, подобно другим, не уклонились в противную сторону. Ибо одно значит иметь неизменяемую природу, и другое – приобрести качество неизменяемости собственным старанием и силою добродетели, при содействии благодати неизменяемого Бога. Поскольку то, что посредством усиленного старания приобретается или сохраняется, может быть и потеряно через нерадение. Потому-то и говорится: «прежде смерти не называй никого блаженным» (Сир 11, 28), т.е. если кто-то и привык к победам и часто получал победные венцы,

однако, пока еще находится в борьбе или на поле сражения, до тех пор не может быть свободен от страха и сомнения в успехе. И потому один Бог называется неизменяемым или благим: Он свойство благости не каким-либо усилием приобретает, но имеет его в природе Своей, и потому не может не быть существом благим. Человеческая же добродетель, какая бы ни была, не может быть неизменяемой: напротив, если кто, приобретя эту добродетель, захочет непрерывно обладать ею, тот обязательно должен всегда прилагать то же старание и тот же труд, с каким соединено было приобретение добродетели, и особенно нужна для сохранения ее помощь благодати Божией.

33 Глава 17. Никто не подвергается падению внезапно

34 Впрочем, не следует думать, что падение человека происходит внезапно: сперва он или обольщается каким-либо злым внушением, или от продолжительной невнимательности к самому себе теряет мало-помалу душевную силу, а страсти постепенно растут, и он подвергается бедственному падению. «Погибели предшествует гордость, и падению – надменность» (Притч 16, 18). Дом никогда не разрушается внезапным падением: до того или повреждается его основание, или ветшает его кровля, в которую сперва, от продолжительного пренебрежения живущих, проникают малейшие капли дождя, а потом, когда он в большей мере раскрывается и распадается, льется дождь уже ручьями из многоводных туч. «От лености обвиснет потолок, и когда опустятся руки, то протечет дом» (Еккл 10, 18). То же самое в духовном смысле бывает и с душою; прекрасно

сравнивается невнимательность души с оставленной в пренебрежении кровлею. Ибо через эту невнимательность сперва проникают в душу малейшие капли страстей, которыми по незначительности их сначала пренебрегли; они повреждают здание добродетелей, и тогда льется в него обильный дождь пороков, через которые душа, во время постигающего ее дьявольского искушения, будет изгнана из жилища добродетелей, где некогда утверждала свое пребывание и как в собственном доме обретала покой свой. Узнав это, мы вкусили беспредельную сладость духовной пищи, так что души наши от этого собеседования наполнились радостью гораздо большей, чем та скорбь, какой прежде поражены были из-за умерщвления святых Ибо мы познали не только то, в чем прежде сомневались и просили вразумления, но и то, о чем, по слабости своих понятий, и спросить не умели.

Седьмое собеседование аввы Серена (первое). О непостоянстве души и о злых духах

[1] Глава 1

[2] Желая представить вниманию усердных подвижников аввы Серена, мужа, отличавшегося высшей святостью и воздержанием, зеркало своего[14] имени, которому мы особенно удивлялись, думаем, что можем исполнить свое желание не иначе, как если постараемся собеседования его записать в наших книжках. Ему свыше всех добродетелей, которые не только в его поступках или движениях, но и в самом лице сияли по благодати Божией, сообщен был по особенному благодеянию Божию такой дар целомудрия, что даже и во сне не чувствовал естественных возбуждений (похоти). Впрочем, считаю необходимым сначала пояснить, как он при помощи благодати Божией достиг особенной чистоты плоти, потому-то она кажется выше природы человеческой.

[3] Глава 2. Славное чудо в получении телесной чистоты и вопрос старца о состоянии наших помыслов

[4] Итак, он, для внутренней чистоты сердца и души неутомимо пребывая в ночных и дневных молитвах, посте и бдении, когда увидел, что получил желаемое по своим молитвам и весь жар плотской похоти в его сердце погас,

усладившись как бы приятнейшим чувством чистоты, с большей силою воспламенился ревностью к целомудрию и стал предаваться более строгому посту и молитве, чтобы умерщвление этой страсти, которое по дару Божию дано было его внутреннему человеку, перешло и к чистоте внешнего человека настолько, чтобы ему не чувствовать даже того простого естественного движения (похоти), которое возбуждается и в детях. По благодати Божией, а не своими трудами, получив дар сердечной чистоты, он сильнее воодушевился к получению и телесной чистоты, будучи уверен, что если Бог по Своей благодати даровал ему чистоту душевную, которая выше телесной и которую невозможно приобрести человеческим трудом или старанием, то также может совершенно истребить похоть плоти и даровать чистоту телесную. Когда он в постоянной молитве со слезами неутомимо умолял Бога об этом, то пришедший к нему ангел в ночном видении, как бы раскрыв его чрево, из чресл его вырвал какой-то огневик, желвак мяса, и, все внутренности уложив на своих местах, как были, сказал: вот похотник твоей плоти отсечен. Знай, что ты в этот день получил постоянную чистоту тела, которую с верою просил. Мы сказали коротко о благодати Божией, которая упомянутому мужу особенным образом была дарована. Впрочем, о тех общих добродетелях, таких же, как у прочих высоких мужей, думаю, излишне что-нибудь упоминать, чтобы это частное повествование о нем не отняло у других того, что было бы сказано в особенности о нем. Итак, воспламенившись сильным желанием наставления, мы постарались увидеть его в дни Четыредесятницы. Когда он совершенно спокойным тоном спросил нас о качестве наших помыслов и о состоянии внутреннего человека, или что доставило

для чистоты его пребывание в пустыне столько времени, то мы начали высказывать ему такие жалобы.

[5] Глава 3. Ответ наш о непостоянстве души

[6] Продолжительное пребывание в пустыне, в которой нам следовало бы созерцанием, как ты думаешь, достигнуть совершенства внутреннего человека, доставило нам только то, что мы узнали, чем мы не можем быть. Мы не сделали того, чтобы стать тем, чем стараемся, ибо сознаем, что не приобрели ни твердого постоянства желаемой чистоты, ни силы воли и знания, а только умножение смущения и стыда. Во всякой науке с усердием ежедневно упражняются и совершенствуются для того, чтобы, от слабых начал переходя к верному и постоянному искусству, овладеть тем, что сначала сомнительно знали или вовсе не знали, и чтобы, постепенно преуспевая в этой науке, овладеть ею совершенно. Напротив, я нахожу, что трудясь в подвиге душевной чистоты, я только то осознал, чем я не могу быть; чувствую, что из этого ничего другого не вышло для меня, кроме плача с таким сокрушением сердца, что никогда не будет недостатка о чем плакать; однако я не перестаю быть тем, чем не должен быть. И потому что пользы узнать о самом главном, если нельзя достигнуть познанного? Ибо когда мы попытались устремить сердце свое к определенному созерцанию, то дух, неприметно уклонившись, с быстрым стремлением впадает в прежнюю рассеянность и, ежедневно находясь в развлечении, непрестанно отводится в плен, так что мы почти уже отчаиваемся в желаемом исправлении, и это наблюдение за собою оказывается излишним, так как душа ежеминутно развлекается непостоянными

помыслами. Когда она приводится к страху Божию или духовному созерцанию, то прежде чем утвердится в нем, опять вскоре развлекается. И когда как бы проснувшись, заметим, что мысли наши уклонились от предпринятого намерения, и, приводя их к тому созерцанию, от которого уклонились, хотим более напряженным вниманием сердца, как бы некоторыми узами связать, то и при самом усилии нашем они быстрее угря выскальзывают из святилища духа. Поэтому, тревожась такими ежедневными наблюдениями и не видя, чтобы какая-нибудь сила постоянства прибывала в нашем сердце, мы, сокрушаемые отчаянием, приходим к тому мнению, что такие блуждания души бывают в роде человеческом не по нашей вине, а по испорченности природы.

[7] Глава 4. Рассуждение старца о состоянии души и силе ее

[8] **Серен**. Это опасное предубеждение – не исследовав правильно предметов, не найдя верной причины, делать предположение, определение о свойстве какой-либо вещи и из рассмотрения своей слабости делать догадку, а не на основании состояния и качества самой науки или опыта других произносить мнение. Ибо если кто, не умея плавать и зная, что вода не может поднимать тяжесть его тела, по опыту своего неуменья захочет утверждать, что никто, имеющий тяжелую плоть, не может поддерживаться жидкой стихией, то поэтому нельзя еще считать истинным его мнение, которое он высказал по своему опыту, тогда как это не только не невозможно, но и очень легко делается другими. Итак, ум всегда бывает подвижен и многозаботлив. В книге премудрого Соломона

о нем написано так: «земная храмина подавляет многозаботливый ум» (Прем. 9, 15). Он по состоянию природы своей никогда не может быть праздным, и если кто намеренно не будет упражнять его известными действиями и постоянно занимать его, то разум обязательно будет рассеиваться и повсюду летать, пока долговременным упражнением и употреблением не узнает, какие предметы следует запечатлевать в своей памяти какими непрестанно заниматься, пока долгими занятиями не приобретет крепость и таким образом сможет отражать противные внушения врага, коими развлекался, и пребывать в том состоянии и качестве, какого желает. Следовательно, мы не должны приписывать это развлечение нашего сердца ни человеческой природе, ни Богу, Творцу ее. Ибо истинно изречение Св. Писания, что «Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы» (Еккл 7, 30). Следовательно, от нас зависит качество помыслов. Ибо помысел добрый, говорится, приближается к знающим его, и человек благоразумный найдет его. А все, что может быть найдено, подлежит нашему благоразумию и тщательности; если же не будет найдено, то, без сомнения, это надо вменить нашей беспечности или неблагоразумию, а не пороку природы.

Согласно с этой мыслью и Псалмопевец говорит: «блажен человек, которого сила в Тебе и у которого в сердце стези направлены к Тебе» (Пс 83, 6). Видите, что в нашей власти положить в сердцах своих или восхождения, т. е. помыслы, устремляющиеся к Богу, или нисхождения, т. е. ниспадающие к земному и плотскому. Если бы помыслы не состояли в нашей власти, то Господь не порицал бы фарисеев: «для чего вы мыслите худое в сердцах ваших?»

(Мф 9, 4). И через пророка повелел: «удалите худые помыслы ваши от очей Моих» (Ис 1, 16). «Доколе будут гнездиться в тебе злочестивые мысли?» (Иер 4, 14) И в день суда не потребовался бы от нас отчет в качестве помыслов, как и дел, как через пророка Исайю угрожает Господь: «ибо Я знаю деяния их и мысли их; и вот, приду собрать все народы и языки, и они придут и увидят славу Мою» (Ис 66, 18). Также во время страшного и ужасного испытания мы не заслуживали бы ни осуждения, ни оправдания свидетельством помыслов, по изречению блаженного апостола, который так говорит: «свидетельствует совесть и мысли их то обвиняющие, то оправдывающие одна другую, в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков» (Рим 2, 15, 16).

9 Глава 5. О совершенстве души, представляемой в образе евангельского сотника

10 Итак, этот совершенный ум прекрасно представляется в образе евангельского сотника. Его сила и постоянство, по которому он не увлекается всякими приходящими помыслами, но по своему суждению или допускает добрые, или прогоняет противные без всякого затруднения, представлены в этом переносном значении.«Ибо я и подвластный человек; но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идет, и другому: приди, и приходит, и слуге моему: сделай то, и делает» (Мф 8, 9). Итак, если бы и мы, также мужественно сражаясь против возмущений и пороков, могли подчинить их своей власти и рассуждению и,

воинствуя, подавить страсти в своей плоти или непостоянную толпу наших помыслов покорить власти разума и спасительным знамением креста Господня прогонять от пределов нашего сердца свирепые полки противных властей; то за заслуги таких побед мы были бы возведены в чин этого духовного сотника, которого Моисей таинственно изображает так. «Поставь их... тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками» (Исх 18, 21). Так и мы, поднявшись на высоту этого достоинства, будем иметь власть повелевать и силу, по которой не будем увлекаться теми помыслами, какими не хотим, но сможем пребывать в тех или заниматься теми, какими духовно услаждаемся, а худым внушениям приказывать: отойдите, и отойдут; а добрым скажем придите, и придут; также и слуге нашему, т. е. телу прикажем то, что принадлежит к целомудрию или воздержанию, и оно без всякого прекословия будет повиноваться уже не производя в нас противных возбуждений похоти но оказывая всякую покорность духу. А какое оружие этого сотника или к каким упражнениям для сражения они приготовляются, слушай, что проповедует блаженный апостол: «оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом» (2Кор 10:4). Он сказал, какое оружие, т.е. не плотское, не слабое, но духовное и сильное Богом. Потом последовательно внушает, для каких сражений необходимо употреблять его: «на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия и пленяем всякое помышление в послушание Христу, и готовы наказать всякое непослушание, когда ваше послушание исполнится» (2Кор 10:4–6).

Теперь хочу показать вам свойства и виды оружия, препоясавшись которым, мы постоянно должны ходить, если хотим вести войну Господню и вместе с евангельскими сотниками сражаться. «Возьмите, – сказано, – щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого» (Еф 6:16). Следовательно, вера есть щит, который, отражая раскаленные стрелы похоти, умерщвляет ее страхом будущего суда и верованием в Царство Небесное. «И облекитесь в броню любви"[15] (Еф 6:14). Она, окружая и ограждая важнейшие части нашей груди, противостоя смертоносным ранам страстей, отражает удары противников и не допускает стрелам дьявола проникать до внутреннего нашего человека. Ибо она все покрывает, все терпит, все переносит (1Кор 13:4–7). И шлем спасения возьмите. Шлем есть защита головы. Поскольку голова наша есть Христос, то мы должны всегда ограждать ее надеждою будущих благ, как несокрушимым шлемом, во всех искушениях и гонениях, и сохранять веру в Него ненарушимой, неповрежденной. Ибо у кого отняты другие члены, тот хотя и слаб, однако может еще как-нибудь жить, а без головы никому нельзя и краткого срока прожить. «Возьмите и меч духовный, который есть слово Божие» (Еф 6:17). «Ибо слово Божие острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (Евр 4, 12), именно отделяя и отсекая все то, что найдет в нас плотского или земного. Кто будет вооружен этим оружием и всегда защищен от стрел и нападений врагов, тот не будет отведен, как пленник покоренный, в неприятельскую землю помыслов,

будучи связан путами грабителей, и не услышит от пророка: для чего состарился в земле чужой? (Вар. 3, 10). Но как торжествующий победитель останется в той стране помыслов, в какой захочет. Хочешь ли узнать саму силу и мужество этого сотника, с которыми он носит эти вышесказанные виды оружия, не плотские, но сильные Богом? Слушай самого царя, собирающего храбрых мужей на духовную войну, который избранных назначает и ободряет: «слабый пусть говорит: я силен» (Иоил. 3, 10). Итак, видите, что войну Господню могут вести только терпеливые и немощные, с той, без сомнения, немощью, о которой тот евангельский сотник с надеждою говорил: «когда я немощен, тогда силен» (2Кор 12, 10). Об этой немощи один из пророков говорит: «самый слабый между ними в тот день будет как Давид» (Зах 12, 8). Также и терпеливый будет вести эту войну, именно имеющий то терпение, о котором говорится: «терпение нужно вам, чтобы, исполнив волю Божию, получить обещанное» (Евр 10, 36).

11 Глава 6. О постоянном пребывании на страже помыслов

12 А что мы должны и можем соединяться с Господом, это знаем и из собственного опыта, если в нас умерщвлены похоти и отсечены желания мирские; знаем и из свидетельства тех, которые, беседуя с Господом, дерзновенно говорят: «к Тебе прилепилась душа моя» (Пс 62, 9). «Я прилепился к откровениям Твоим, Господи» (Пс 118, 31). «А мне благо приближаться к Богу» (Пс 72, 28). «Соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1Кор 6, 17). Итак, утомляемые устремлением помыслов души к Богу, мы не должны оставлять упражнения в этом.

Ибо «кто возделывает землю свою, тот насытится хлебом; а кто подражает праздным, тот насытится нищетою» (Притч 28, 19). И в напряженном наблюдении за этим мы не должны ослабевать и впадать в гибельное отчаяние, поскольку «от всякого труда есть прибыль, а от пустословия только ущерб» (Притч 14, 23). И еще: «трудящийся трудится для себя, потому что понуждает его к тому рот его» (Притч 16, 26). «Царствие Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф 11, 12). Ибо никакая добродетель без труда не совершенствуется, и без большого сокрушения сердца никто не может достигнуть того постоянства духа, какого вы желаете. Ибо «человек рождается на труд» (Иов 5, 7). Чтобы он мог придти «в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф 4, 13), необходимо ему всегда бодрствовать с большим вниманием и трудиться с постоянной заботою; иначе полноты[16] этой меры никто не достигнет в будущем, если не будет размышлять и не приучится к ней в настоящее время, находясь еще в этом веке, не будет предвкушать ее, и если, назначенный быть драгоценным членом Христовым, не получит залог[17] того соединения со Христом, которым мог бы еще в этой плоти соединиться с Его телом, одного только желая, одного жаждая, к одному всегда направляя не только все свои действия, но и помыслы, чтобы удержать в себе уже данное в залог в настоящей жизни то, что говорится о блаженном пребывании святых в будущей жизни, т.е. чтобы «Бог был все во всем» (1Кор 15, 28).

[13] Глава 7. Вопрос о непостоянстве души и о нападении злых духов

[14] **Герман**. Эта рассеянность ума, кажется, могла бы быть несколько сдерживаема, если бы окружающие враги непрестанно не побуждали разум к тому, чего не хочет, и к чему увлекает его и сама подвижность природы его. Поскольку окружают его столь бесчисленные, столь сильные и страшные враги, то нам думалось, что невозможно противиться им особенно в этой бренной плоти; при этом мнении мы ободрились вашим наставлением, как бы небесным изречением.

[15] Глава 8. Ответ о помощи Божией и власти свободной воли

[16] **Серен**. Испытавшие борьбу по внутреннему человеку не могут сомневаться в том, что враги непрестанно вредят нам. Но они так противоборствуют нашим успехам, что только подстрекают, а не принуждают к злу. Впрочем, никакой человек не мог бы совершенно избежать греха, какой бы они ни захотели запечатлеть в наших сердцах, если бы им дана была власть насильно внушать и понуждать. Поэтому как им дана власть подстрекать, так и нам дана сила отвергать или свобода соглашаться. Впрочем, если мы боимся их могущества и нападения, то должны просить покровительства и помощи Божией против них, о чем говорит апостол: «Тот, кто в вас (Христос), больше того (дьявола), кто в мире» (1Ин 4:4). Помощь Его гораздо с большей силою борется за нас, нежели сколько воюет против нас врагов. Ибо Бог не только внушает добрые мысли, но и покровительствует и способствует, так что иногда невольно, без ведома нашего

привлекает нас к спасению. Бог это делает, благоприятно располагая обстоятельства; Он не принуждает, не делает насилия вашей воле, но, просвещая ум светлыми мыслями, наполняет сердце чувствами умиления, действенно, приятно располагает, влечет волю к добру, препятствия устраняет, устраняет страх суда Божия, вечного мучения и другими способами действует так, что как бы невольно заставляет нас располагаться к тому, о чем прежде мы не думали, не желали, даже противились, а теперь с охотою следуем, ищем того. Потому Спаситель и говорит: «никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, Пославший Меня» (Ин 6, 44). Итак, верно, что никто не может быть обольщен дьяволом, если не захочет дать ему согласие по своей воле. Екклезиаст это ясно выражает такими словами: «не скоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло» (Еккл 8, 11). Итак, отсюда очевидно, что всякий грешит оттого, что при нападении худых помыслов не отвергает их тотчас противоречием. Ибо сказано: «противостаньте диаволу, и убежит от вас» (Иак 4, 7).

[17] Глава 9. Вопрос о соединении души с демонами

[18] **Герман**. Что же, спрашиваю, значит это столь неудобообъяснимое и удобосмесительное общение души со злыми духами, по которому они так могут, не говорю уж, сочетаться с нею, но соединяться, нечувствительно разговаривать с нею, сеять и вдыхать в нее все, чего бы ни захотели, могут подстрекать ее к тому, что им угодно, помышления и движения ее видят, рассматривают, и такое между ними и душою единение бывает, что без

благодати Божией почти нельзя различить, что происходит по их внушению и что по нашей воле?

[19] Глава 10. Ответ: каким образом нечистые духи соединяются с душою человека

[20] **Серен**. Неудивительно, что дух может нечувствительно сочетаться с духом и имеет силу скрытно склонять к тому, что угодно ему. Ибо между ними, как и между людьми, есть некоторое подобие и родство субстанции; так как свойство природы души сходно со свойством их существа. Но совершенно невозможно им смешиваться или соединяться между собою, так чтобы друг друга могли вмещать в себе. Ибо это правильно присваивается только Божеству.

[21] Глава 11. Возражение: могут ли нечистые духи смешиваться или соединяться с душами тех, в кого вошли?

[22] **Герман**. Думаем, что этому объяснению противоречит то, что видим на бесноватых, когда они, объятые нечистыми духами, говорят и делают то, чего не знают. Как же не верить, что души их соединяются с теми духами, для которых они делаются как бы органом и, оставив свое естественное состояние, переходят к их движениям и страстям, так что выказывают уже не свои, а их слова, действия и волю?

[23] Глава 12. Ответ: каким образом нечистые духи овладевают бесноватыми

[24] **Серен**. Вышесказанному объяснению нашему не противоречит то, что бывает с бесноватыми, когда схваченные нечистыми духами говорят или делают то, чего не знают. Известно, они не одинаково терпят влияние духов. Ибо некоторые так бывают овладеваемы, что нисколько не сознают того, что делают или говорят, а некоторые сознают и после вспоминают. О таком влиянии нечистого духа не следует думать, что он, проникая в самое существо души, как бы соединившись с нею и некоторым образом облекшись ею, произносит слова и речи устами страдальца. Нельзя верить, чтобы это было для них возможно. Это происходит не через какое-либо умаление души, а через ослабление тела, когда в тех членах, в которых заключается сила души, нечистый дух, заседая и налагая на них невыносимую, чрезмерную тяжесть, умственные способности ее покрывает густейшим мраком и прерывает чувства. Это, как видим, иногда приключается также от вина и лихорадки или от чрезмерного холода и от других болезней. Чтобы блаженному Иову дьявол, получив власть над его плотью, не постарался причинить это, Господь запретил ему, говоря: «вот, он в руке твоей, только душу его сбереги» (Иов. 2:6), т. е. только не делай его безумным, ослабив жилище души, овладев рассудком или повредив орган разума, посредством которого ему необходимо противиться тебе; своею тяжестью не подавляй рассудка и мудрости противящегося.

[25] Глава 13. Дух не может проникать в духа, это возможно одному Богу

[26] Хотя дух соединяется с этим грубым, твердым веществом, т.е. плотью, что очень легко может быть; но отсюда нельзя заключать, что потому и с душою, которая есть дух, он может соединяться и сделать ее вместилищем своего существа[18]. Это возможно одному Божеству, которое всю разумную природу так пронизывает, что может не только объять ее и овладеть ею, но и войти в нее и как бестелесное влиться в тело. Только Бог может проникать во все духовные и разумные существа, потому что Он один весь везде и во всем пребывает, так что и помыслы людей, внутренние движения и все сокровенности духа Он видит и освещает. О Нем одном блаженный апостол говорит: «слово Божие[19] живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его» (Евр 4, 12–13). И блаженный Давид говорит: «Он создал сердца всех их» (Пс 32, 15). Также Соломон говорит: «Ты один знаешь сердце сынов человеческих» (2Пар 6, 30).

[27] Глава 14. Возражение: надо думать, что демоны видят мысли человеческие

[28] **Герман**. По этому объяснению выходит, что духи не могут видеть наших мыслей. Такое мнение мы считаем неправильным. Как можно думать, что им неизвестны наши мысли, семена которых по большей части они сеют и внушают нам, как мы чувствуем?

[29] Глава 15. Ответ: что могут демоны сделать в помыслах человеческих и чего не могут

[30] **Серен**. Нет сомнения, что нечистые духи могут познавать качества наших мыслей, но извне, узнавая о них по чувственным признакам, т.е. из нашего расположения или слов и занятий, к которым видят нас более склонными. Но они вовсе не могут знать те мысли, которые еще не обнаружились из сокровенности души. Да и те мысли, кои они внушают, узнают не по природе самой души, т.е. не по внутреннему движению, скрывающемуся, так сказать, в мозгах, но по движениям и признакам внешнего человека; например, когда внушают чревобесие, если видят, что монах с любопытством устремляет глаза в окно или на солнце, или заботливо спрашивает о часе, то узнают, что у него родилось желание есть. Если, внушая блуд, примечают, что он терпеливо принял стрелу похоти, или видят, что плоть возмутилась или, по крайней мере, он не вздохнул, как нужно, против внушения нечистого сладострастия, то понимают, что во внутренность души его вонзилась стрела похоти. Если они подстрекают кого к печали, гневу, ярости, то, залегли ли те в сердце, узнают из движения тела и возмущения чувств, именно когда видят, что он молча возмутился или с каким-нибудь негодованием вздыхает, или лицо по крылось бледностью, или краскою, и таким образом тонко познают, кто какому пороку предан. Ибо они верным способом узнают, чем всякий из нас услаждается, когда замечают, к внушению чего тотчас показал сочувствие и согласие каким-нибудь мановением или движением тела. И не удивительно, что эти воздушные силы узнают это; очень часто и разумные

люди узнают состояние внутреннего человека по фигуре, по лицу или другому внешнему качеству. Тем вернее могут узнавать это те, которые, как духи, без сомнения, гораздо тоньше и проницательнее людей.

31 Глава 16. Подобие, которым объясняется, как нечистые духи узнают мысли людей

32 Как некоторые разбойники в тех домах, которые хотят обокрасть, обычно находят спрятанное имущество людей, – в густой тьме ночи осторожно рукою разбрасывая мелкий песок, узнают скрытое богатство, которого нельзя видеть глазами, по некоторому звуку, издаваемому от падения песка, именно по звуку догадываются о качестве вещей. Так и бесы, чтобы испытать сокровище нашего сердца, сеют в нас вредные внушения, как песок какой; когда видят, что по качеству их произошла телесная страсть, по этому, как по какому-нибудь звуку, происходящему из внутренних частей, узнают, что скрыто в тайниках внутреннего человека.

33 Глава 17. Не все демоны возбуждают все страсти в людях

34 Впрочем, и то мы должны знать, что не все демоны возбуждают все страсти в людях; но ко всякому пороку подстрекают известные духи: иные подстрекают услаждаться нечистотою и скверною похоти, иные располагают к богохульству, иные – к гневу и ярости, иные располагают к печали, иные внушают тщеславие и гордость; и всякий сеет в сердца человеческие ту страсть, какой сам преимущественно болен; но не все вместе

внушают свои пороки, а попеременно, смотря по тому, как будет благоприятствовать время или место, или приемлемость человека.

35 Глава 18. Вопрос: соблюдается ли между демонами порядок нападений?

36 **Герман**. Следовательно, надо думать, что у них соблюдается некоторый порядок сменяемости и разумная тактика нападений; между тем известно, что разумный порядок может быть только у добрых и честных, как говорится в Св. Писании: поищешь мудрости у злых и не найдешь (Притч 14, 6). Враги наши бессмысленны (Втор 32, 31). Еще: «нет мудрости, нет мужества, нет совета у нечестивых» (Притч 21, 30).

37 Глава 19. Ответ на предложенный вопрос

38 **Серен**. Это верное мнение, что между злыми не бывает единомыслия во всем, не может быть согласия даже и в тех самых пороках, которыми сообща утешаются. Ибо никогда не может соблюдаться правильный порядок в делах беспорядочных. Впрочем, в некоторых случаях необходимо им иметь временное согласие, когда этого требует общение в действовании или нужда, или соучастие в какой-нибудь выгоде. Мы ясно видим, что это бывает в войне нечистых духов, так что не только время и очередность между собою соблюдают, но знаем, что они и к местам некоторым особенно привязываются и в них постоянно заседают. Ибо им необходимо совершать свои нападения с переменой искушений, известных пороков и времен; это ясно доказывается тем, что никто не может

обольщаться суетою тщеславия и одновременно разжигаться похотью блуда; не может возноситься духовной гордостью и одновременно с унижением подчиняться плотскому чревобесию, никто не может разливаться глупом смехе и в то же время раздражаться гневом или предаваться скорби, грусти; необходимо каждому духу отдельно нападать на душу, так что когда побежденный отходит, то уступает другому духу сильнее нападать на нее; или если останется победителем, то все-таки предоставляет другому также и обольщать.

39 Глава 20. Не все злые духи имеют одинаковую силу, и власть искушать не состоит в их воле

40 Также и то мы должны знать, что не все они имеют одинаковую свирепость и желание, даже не одинаковую силу и злость: к начинающим и слабым допускаются для борьбы только более слабые духи, а после победы подвижника Христова над этими злыми духами всегда следует более яростное нападение. А с приобретением сил и успехов для человека увеличивается и трудность борьбы. Ибо никто из святых не в состоянии был бы выдержать злость таких врагов, не мог бы противиться их наветам, даже не мог бы снести их жестокости и свирепости, если бы всемилостивый заступник и подвигоположник Христос, присутствующий при нашей борьбе, не уравнивал силы борющихся, не отражал и не обуздывал сильные нападения их, и при искушении не подавал облегчения, чтобы мы могли перенести (1Кор 10, 13).

[41] Глава 21. Демоны не без труда сражаются с людьми

[42] Мы верим, что демоны ведут сраженье не без труда. Ибо и сами они в этой борьбе имеют некоторое беспокойство и скорбь, особенно когда сразятся с более сильными соперниками, т.е. святыми и совершенными мужами. А иначе им приписывались бы не сражение, не борьба, а только простое и, так сказать, спокойное обольщение людей. И как бы сталось сказанное апостолом: «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф 6, 12). «Я... бьюсь не так, чтобы только бить воздух» (1Кор 9, 26). Еще: «подвигом добрым я подвизался» (2Тим 4, 7). Где есть подвиг, сражение, битва или борьба, там обязательно бывают усилие, труд, беспокойство. Одинаково и у них бывают скорбь и стыд поражения или радость победы. А когда один состязается с усилием, а другой в сражении остается праздным и беспечным и для низложения соперника довольствуется одной волею вместо употребления всех сил, то это следует назвать не битвою, не борьбою, не сражением, а каким-то нечестивым и насильственным поражением. Но ясно, что и сами нападающие на род человеческий не меньше употребляют труда, силятся одержать над всяким ту победу, какой желают, чтобы не пало на них то посрамление, которое осталось бы на нас, если бы мы были поражены ими, по следующему изречению: «да покроет головы окружающих меня зло собственных уст их» (Пс 139, 10). «Злоба его обратится на его голову» (Пс 7, 17). «Да придет на него гибель неожиданная, и сеть его, которую он скрыл *для меня,* да уловит его самого, да

впадет в нее на погибель» (Пс 34, 8). Итак, и сами они не меньше скорбят и как нас уязвляют, так и сами уязвляются, и побежденные не уходят без посрамления. Тот, кто имел здравые очи по внутреннему человеку, ежедневно усматривая поражения и падения их, видя, что они радуются поражению и падению каждого, и опасаясь, чтобы они не обрадовались и касательно его, умоляет Господа: «просвети очи мои; да не усну я *сном* смертным, да не скажет враг мой: «я одолел его». Да не возрадуются гонители мои» (Пс 12, 4, 5). «Господи, Боже мой, и да не торжествуют они надо мною, да не говорят: «хорошо! [хорошо!] по душе нашей!» Да не говорят: мы поглотили его» (Пс 34:24–25). «Скрежетали на меня зубами своими. Господи, долго ли будешь смотреть на это?» (Пс 34:16–17). «Подстерегает в потаённом месте, как лев в логовище: подстерегает в засаде, чтобы схватить бедного» (Пс 9, 30). «И просят у Бога пищу себе» (Пс 103, 21).

Когда, истощив все усилия, они не смогут обольстить нас, то, кроме напрасного труда своего, они обязательно испытывают стыд и посрамление; те, которые замышляют зло, ищут наши души, чтобы похитить их, облекаются стыдом и срамом. Также пророк Иеремия говорит: «пусть постыдятся гонители мои, а я не буду постыжен; пусть они вострепещут, а я буду бестрепетен; наведи на них день бедствия и сокруши их сугубым сокрушением» (Иер 17, 18). Нет сомнения, что когда они будут побеждены нами, то будут сокрушены двояким сокрушением, во-первых, потому, что люди стремятся к святости, а они, когда-то владея ею, потеряли ее и сделались причиною гибели людей; во-вторых, потому, что духовные существа побеждены земными существами, одетыми плотью. Итак, видя эти поражения врагов и свои победы, каждый из

святых с восторгом восклицает: «я преследую врагов моих и настигаю их, и не возвращаюсь, доколе не истреблю их; поражаю их, и они не могут встать, падают под ноги мои» (Пс 17, 38, 39). Против них тот же пророк, молясь, говорит: «вступись, Господи, в тяжбу с тяжущимися со мною, побори борющихся со мною; возьми щит и латы и восстань на помощь мне; обнажи меч и прегради путь преследующим меня; скажи душе моей: «Я – спасение твое!» (Пс 34, 1–3). Когда, покорив и подавив все страсти, мы победим врагов, то удостоимся услышать этот благословенный голос: «поднимется рука твоя на врагов твоих, и все неприятели твои будут истреблены» (Мих 5, 9).

Итак, читая все это и тому подобное, заключающееся в священных книгах, если не будем понимать, что написано это против тех злых духов[20], которые вредят нам днем и ночью, то не только не получим никакого назидания в кротости и терпении, но еще усвоим жестокое и противное евангельскому совершенству расположение. Ибо не только научимся не молиться за своих врагов, не любить их, но еще будем отворачиваться от них с неумолимой ненавистью, злословить и постоянно изливать молитву против них. Но было бы беззаконно и нечестиво думать, будто в таком духе изрекли это святые мужи и друзья Божий, которым до пришествия Христова не был положен закон, потому что, превышая повеления его, они желали повиноваться евангельским заповедям и стараться достичь апостольского совершенства, предваряя устроение времени.

[43] Глава 22. Демонам не дана власть вредить по произволу

[44] А что бесы не имеют власти вредить всякому человеку, это ясно доказывает пример блаженного Иова, которого враг не смел искушать больше, нежели дозволено ему распоряжением Божиим, и свидетельствует изложенная в евангельской истории исповедь злых духов, которые говорили: «если выгонишь нас, то пошли нас в стадо свиней» (Мф 8, 31). Тем более нужно верить, что они не могут по своему произволу войти ни в какого человека, созданного по образу Божию, когда без позволения Божия они не имели власти войти в нечистых и немых животных. Даже никто, не говорю, из молодых, которых видим постоянно пребывающими в этой пустыне, но и из совершенных, окруженный полчищем таких врагов, не мог бы обитать в пустыне одиноким, если бы у них была власть и свобода по своей воле вредить или искушать. Это подтверждает изречение нашего Господа и Спасителя, которое Он по смирению воспринятого Им человечества произнес Пилату, говоря: «ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше» (Ин 19, 11).

[45] Глава 23. Об ограничении власти демонов

[46] Впрочем, нам достаточно известно и из нашего опыта, и из предания старцев, что демоны ныне не имеют такой силы, как в прежнее время, в самом начале отшельничества, когда еще редкие монахи жили в пустыне. Ибо тогда такая была лютость их, что немногие, очень твердые и преклонные возрастом, едва могли сносить жизнь в пустыне. Хотя и в самих киновиях, в

которых жили по восемь, десять человек, они нападали столь часто и явно, что монахи не смели все в одно время спать ночью. Когда одни предавались сну, другие, бодрствуя, занимались пением псалмов, молитвою или чтением. Когда требование природы побуждало этих ко сну, другие, пробудившись, становились на стражу для охраны тех, которые должны были спать. Если же ныне такой безопасностью или благонадежностью пользуемся не только мы, которые по-видимому от опыта старости несколько укрепились, но и юные возрастом, то отсюда следует одно из двух: или силою креста, проникающей даже в пустыни, и блистающей везде благодатью его обуздана злость демонов, или наше нерадение делает их менее злыми в нападении, чем прежде, так как они не удостаивают вооружаться против нас с таким усилием, с каким прежде свирепствовали против искуснейших воинов Христовых; и этой хитростью невидимых искушений более жестоко поражают нас. Ибо мы видим, что некоторые впали в такое равнодушие, что необходимо увещевать их более снисходительно, чтобы они только, не оставляя своих келий, не вдавались в более гибельные хлопоты и, бродя повсюду и скитаясь, не предавались более грубым порокам. И надо верить, что они получат большой плод, если только, хоть и с некоторым нерадением, заставят себя оставаться в пустыне, и старцы обычно предлагают им как важное средство: сидите в своих кельях, и сколько угодно ешьте, пейте и спите, только постоянно пребывайте в них.

[47] Глава 24. Каким образом демоны открывают себе вход в тьму тех, которыми хотят овладеть

[48] Итак, ясно, что нечистые духи не могут иначе проникнуть в тех, телами которых хотят овладеть, если сперва не овладеют их умом и мыслями. Когда лишат их страха и памяти Божией или духовного размышления, то как на обезоруженных, лишенных помощи и охранения Божия, и потому легко побеждаемых, смело нападают, потом устраивают в них жилище, как в предоставленном им владении.

[49] Глава 25. Более жалки те, которые преданы порокам, нежели одержимые бесами

[50] Впрочем, верно то, что тяжелее и сильнее удручаются те, которые хотя по телу, видимо, и не бывают одержимы бесами, но по душе гибельнее бывают обладаемы, так как предаются их порокам и удовольствиям. Ибо, по изречению апостола, «кто кем побежден, тот тому и раб» (2Пет 2, 19). Разве в том безнадежнее болезнь бесноватых, что они, будучи рабами бесов, не сознают того, что терпят от них нападение и подверглись господству их. Впрочем, мы знаем, что и святые мужи за какие-нибудь самые легкие погрешности были предаваемы по телу сатане или большим недугам; поскольку милосердие Божие не допускает, чтобы оказалось в них даже самое малое греховное пятно в день страшного суда, – Бог очищает их в настоящей жизни, чтобы переселились в вечность, как золото или серебро,

очищенное огнем, не имея нужды ни в каком очищении посредством наказания. И выплавлю, говорит Бог, дочиста ржавчину твою, и сниму с тебя все олово твое, и после этого назовешься городом праведным, городом верным (Ис 1, 25, 26). Еще: как искушается серебро и золото в горниле, так испытывает сердца Господь (Притч 17, 3). Еще: «золото и серебро испытывается в огне, а человек, испытывается в горниле уничижения» (Сир 2, 5). Также и это: «Господь кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает» (Евр 12, 6).

[51] Глава 26. Об убиении пресытившегося пророка и о немощи аввы Павла, которой он подвергся для своего исправления

[52] Мы ясно видим, что это исполнилось на том пророке, человеке Божием, который за неповиновение, допущенное, однако, не намеренно, не по порочности своей воли, а по обману другого, тотчас был умерщвлен львом; о нем так говорится в Св. Писании: «это тот человек Божий, который не повиновался устам Господа; Господь предал его льву, который изломал его и умертвил его, по слову Господа, которое Он изрек ему» (3Цар 13, 26). И то, что хищный, прожорливый зверь не смел ничего есть от пораженного им трупа, показывает, что настоящий грех, неосторожная погрешность, за которую Господь своего пророка временно предал мучителю, прощена ему; показывает также и заслуги праведности. Ясное доказательство этого и в наши времена проявилось на авве Павле[21] и Моисее, который обитал в этой пустыне, в месте, называемом Калам[22]; а первый пребывал в пустыне, прилегающей к городу Панефису[23].

Мы знаем, что пустыня эта некогда сделалась такой от наводнения соленой воды, которая, сильным северным ветром гонимая от озера, разлившись по окрестным землям, покрыла всю поверхность этой страны, так что древние селения, давно опустевшие по этой причине, сделались как бы островами. Итак, этот авва Павел в покое и безмолвии пустыни достиг такой чистоты сердца, что не позволял представляться своему взору, не говорю, лицу женскому, но и одежде этого пола. Когда он вместе с аввою Архебием[24], обитателем той же пустыни, шел к келье одного старца, и случайно встретилась женщина, то он, смутившись от встречи, так быстро побежал опять в свой монастырь (оставив обязанность благочестивого посещения, которое предпринял было), как никто не стал бы убегать от льва или свирепого дракона, так что не послушался голоса и просьбы упомянутого аввы Архебия, звавшего его назад, чтобы начатый путь продолжить для посещения старца, как предположили было. Хотя это сделано по ревности к целомудрию, по любви к чистоте, однако сделано не по разуму, эта осторожность превзошла уже меру справедливой строгости и благоразумия. (Ибо он думал, что следует отвращаться не только обращения с женщинами, которое точно бывает вредно, но и самого лицезрения этого пола). Он тотчас был поражен потрясением так, что все тело его подверглось болезни паралича, и никакой член в нем не мог исполнять своей обязанности – не только ноги и руки, но и язык, и сам орган слуха лишились чувства, так что в нем ничего больше не осталось от человека, только неподвижная и бесчувственная фигура. Он был доведен до того, что в его недуге усердие мужчин никак не в состоянии было помочь ему, разве только женская рачительность могла услужить. После отнесения его в

киновию святых дев, пищу и питье, которые он не мог просить даже знаками, доставляли ему женщины. Они, исполняя все потребности природы, усердно служили почти четыре года, т.е. до конца его жизни. Хотя он и был поражен такой слабостью, что никакой член в нем не имел жизненного движения и чувства, однако от него происходила такая благодать и сила, что когда елеем, касавшимся его тела (которое лучше назвать трупом), помазывались недужные, то тотчас исцелялись от всех болезней. Из этого ясно открывалось даже самым неверным, что он подвергся ослаблению всех членов по распоряжению и любви Господа, и благодать исцелений силою Св. Духа дарована ему в знак свидетельства чистоты и заслуг его.

[53] Глава 27. Об искушении аввы Моисея

[54] Авва Моисей, о котором мы сказали выше, будучи сам отличным и несравненным мужем, одно укорительное слово, которое при рассуждении, по какому-то предубеждению, несколько жестоко высказал касательно аввы Макария (египетского), тотчас предан был такому злому демону[25], что одержимый им стал класть себе в рот человеческие извержения. Что этот бич для очищения послал ему Господь, чтобы не оставалось в нем пятна даже и кратковременной погрешности, это Господь доказал скоростью исцеления его через виновника лечения. Ибо когда авва Макарий тотчас, повергшись перед Богом, стал молиться о Моисее, то злой дух, гонимый им, быстрее слова удалился.

[55] Глава 28. Нельзя презирать одержимых нечистыми духами

[56] Из этого ясно усматривается, что нельзя отвращаться или презирать тех, которые подвергаются разным искушениям или нечистым духам; ибо мы должны твердо верить, во-первых, что никто не подвергается им без воли Божией; во-вторых, что все, что посылается нам от Бога, кажется ли оно прискорбным в настоящее время или радостным, посылается как от нежнейшего отца и сострадательного врача для нашей пользы. Потому они, подвергаясь им (злым духам и искушениям), смиряются, чтобы, переселяясь из этого мира, перейти в другую жизнь более очищенными или понести более легкое наказание. По апостолу, такие в настоящей жизни бывают преданы сатане для «изможднения плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа» (1Кор 5, 5).

[57] Глава 29. Вопрос: для чего одержимые злыми духами отлучаются от причащения Господня?

[58] **Герман**. Как же мы видим, что люди не только презирают и боятся их, но и постоянно отлучают их от причащения Господня в наших странах, по изречению Евангелия: «не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями» (Мф 7, 6), тогда как нужно верить, как ты говоришь, что им посылается это смиряющее искушение для очищения, или для пользы?

[59] Глава 30. Ответ на предложенный вопрос

[60] **Серен**. Если мы будем иметь такое мнение, веру, как я выше сказал, что все производится Господом и все делается для пользы душ, то не только не будем презирать их, но еще будем непрестанно молиться о них, как о своих членах, и станем сострадать им всем сердцем, с полным расположением. Ибо когда «страдает один член, то страдают с ним и все члены» (1Кор 12, 26). Должны знать, что без них, как своих членов, мы не можем вполне совершенствоваться, как читаем, что и предки наши без нас не могли достигнуть полноты обещанного, как говорит о них апостол: «все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного, потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства» (Евр 11, 39–40). А святое причащение нашими старцами, помним, не запрещалось им, напротив, они думали, что им даже ежедневно, если возможно, следует давать его. Ибо нельзя думать, что святое причащение, по изречению евангельскому (которое вы неверно приложили к этой мысли), не давайте святыни псам, – поступает в пищу демону, а не в очищение и охранение тела и души. Будучи принято человеком, оно, как пламя дожигающее, прогоняет того духа, который в его членах заседает или скрывается. Мы недавно видели, что таким способом был исцелен авва Андроник и многие другие. Ибо враг больше и больше будет нападать на одержимого им, когда увидит, что тот отлучен от небесного целительства, и тем злее и чаще будет мучить, чем дольше тот будет уклоняться от духовного целительства.

[61] Глава 31. Жалки те, которые не удостаиваются временных искушений

[62] Но следует считать истинно несчастными и достойными сожаления тех, которые, оскверняя себя всеми пороками и преступлениями, не терпят явно не только никакого нападения дьявольского, но и не подвергаются никакому искушению, соответствующему их делам, и никакому бичу для исправления[26]. Ибо не заслуживают скорого и легкого излечения в этом времени те, чье упорство и нераскаянность сердца, превосходя наказание настоящей жизни, собирает им гнев и негодование в день гнева и откровения праведного суда Божия (Рим 2, 5), когда «червь их не умрет и огонь их не угаснет» (Ис 66, 24). Против таких пророк, как бы огорченный скорбью святых, видя, что они подвергаются разным горестям и искушениям, а грешники, напротив, не только без всякого смиряющего наказания проходят поприще этого мира, но еще пользуются обилием богатства и полным благополучием всех обстоятельств, воспламенившись безудержной ревностью и горячностью своего духа, восклицает: «едва не пошатнулись ноги мои, едва не поскользнулись стопы мои, – я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых, ибо им нет страданий до смерти их, и крепки силы их; на работе человеческой нет их, и с прочими людьми не подвергаются ударам» (Пс 72, 2–5); именно в будущей жизни должны быть наказаны с демонами те, которые в настоящей не заслужили быть наказанными вместе с прочими людьми, как свойственно сынам.

Также и пророк Иеремия препирается с Богом о таком благополучии нечестивых, хотя не сомневается в правде

Господней, говоря: «праведен будешь, Ты, Господи, если я стану судиться с Тобою»; однако, исследуя причины такой несоразмерности (счастья с несчастьем), присоединяет: но изложу пред Тобою дело; «почему путь нечестивых благоуспешен, и все вероломные благоденствуют? Ты насадил их, и они укореняются, выросли и приносят плод. В устах их Ты близок, но далек от сердца их» (Иер 12, 1, 2). Пророк, оплакивая падение таких, заботливо приглашая врачей и учителей к врачеванию их и как бы призывая их к подобному оплакиванию, говорит: «вдруг упал Вавилон и расшибся. Рыдайте о нем, возьмите бальзама для раны его: может быть, он исцелеет». Ангелы, которым поручена забота о спасении человеческом или пророк от лица апостолов или духовных мужей и учителей, видящих упорство духа и нераскаянное сердце (нечестивых), отчаиваясь, отвечают: «врачевали мы Вавилон, но не исцелился; оставьте его, и пойдем каждый в свою землю, потому что приговор о нем достиг до небес и поднялся до облаков» (Иер 51, 8, 9). Итак, об отчаянной болезни таких пророк Исайя от лица Бога говорит к Иерусалиму: «от подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необвязанные и не смягченные елеем» (Ис 1, 6).

63 Глава 32. О разности занятий и воли нечистых духов

64 У нечистых духов, без сомнения, столько же занятий, сколько и у людей[27]. Некоторые из них (которых простой народ называет также фавнами, лесными богами) бывают обольстители и шутники, постоянно занимая известные места или пути, не развлекаются мучением тех

проходящих мимо, коих могли бы уловить в сеть, а довольствуясь только насмешкою и озорством, стараются скорее обеспокоить их, нежели повредить[28] им; некоторые только производят во сне безвредные кошмары[29]; иные бывают столь яростны и свирепы, что не довольствуются тем, чтобы жестоким терзанием мучить тела тех, в кого вошли, но спешат еще напасть на проходящих вдали и поразить их жестокими ударами, описанными в Евангелии, и «никто не смел проходить тем путем» (Мф 8, 28). Иные, насыщая сердца одержимых гордостью, внушают казаться то величавыми тщеславными великанами, то униженными, льстивыми, то знаменитыми, достойными внимания всех, то показывать, что они поклоном отдают почтение высшим властям и другие действия совершают гордо или униженно. Иные стараются внушить людям не только ложь, но и богохульство. Мы были свидетелями этого дела, слышали, что демон явно сознавался, что он через Ария и Евномия учил бесчестному святотатству. Также читаем, что один из этих духов говорил: «я выйду и сделаюсь духом лживым в устах, всех пророков его» (Израиля) (3Цар 22, 22; 2Пар 18, 21). Апостол, обличая обольщающихся ими, так говорит о них: «отступят… от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников» (1Тим 4, 1, 2). Евангелие свидетельствует, что есть и другие демоны – немые и глухие (Лк 11, 14; Мк 9, 25). Пророк упоминает, что также есть некоторые духи, разжигающие похоть и сластолюбие: «дух блуда обольстил их, и они блудят, отступив от Бога своего» (Ос 4, 12). Св. Писание учит, что есть также бесы дневные и полуденные[30] (Пс 90, 6). Было бы слишком долго подробно рассуждать о различии их, рассматривая все места Св. Писания, в которых они

называются – кто кентаврами, кто косматыми, кто сиренами, кто кикиморами, кто совами, кто страусами, кто ежами (Ис 13:21–22, 34:11, 14), кто аспидом и василиском, кто львом, кто драконом (Пс 90, 13), кто скорпионом (Лк 10, 19), кто «князем этого мира» (Ин 14, 30), кто «мироправителями тьмы века сего», кто «духами злобы» (Еф 6, 12). Мы думаем, что эти имена даны им не случайно, не без намерения, но названием этих зверей, которые бывают более или менее вредны, обозначается их жестокость и ярость, называются именами их по сходству ядовитой злости или главенства, которое дает им среди прочих зверей или змей превосходство их злости, поэтому иной получил название льва по причине сильной ярости и свирепости своего зверства, иной – имя василиска по причине смертоносного яда, который убивает прежде, чем почувствуется, а иной – имя кентавра или ежа и страуса – по причине вялости своей злости.

[65] Глава 33. Вопрос: отчего происходит такое различие злых духов?

[66] **Герман**. Мы не сомневаемся, что к этим относятся и те чины, которых перечисляет апостол: «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф 6, 12). Однако хотим знать, от чего такое различие между ними, или каким образом произошло столько степеней зла, или для того ли они сотворены, чтобы заняли эти чины зла и служили этому злу?

[67] Глава 34. Разрешение предложенного вопроса откладывается до другого времени

[68] **Серен**. Хотя предложения ваши отняли у наших очей все время ночного покоя, так что мы и не заметили приближение зари и до восхода солнца ненасытно увлеклись этой беседою; однако, поскольку разрешение предложенного вопроса введет нас в обширнейшее и глубочайшее море следующих вопросов, а краткость настоящего времени не дозволяет его пройти, думаю, удобнее отложить исследование его до следующей ночи, чем и мне доставит духовную радость и более обильный плод от вашего задушевного разговора по случаю этого вопроса. Поэтому, вкусив немного сна, отгоним прильнувшую на рассвете к очам нашим дремоту, потом вместе пойдем в церковь, так как к этому побуждает нас праздник дня Господня. По возвращении от богослужения с двойной радостью предложим то, что Господь по вашему желанию дарует для общего назидания.

Восьмое собеседование аввы Серена (второе). О начальствах и властях

[1] Глава 1

[2] Совершив то, чего требовало празднество дня Господня, и после собрания церкви возвратившись в келью старца, мы сначала были весьма хорошо угощены обедом. Ибо вместо рыбного рассола, который с несколькими каплями масла предлагался ежедневно на обед, он приготовил немного похлебки и влил масла несколько больше обычного. Ибо эту толику масла каждый ежедневно вливает не для того, чтобы доставить какую-нибудь сладость гортани (потому что вливается его такая малость, что едва ли достаточна бывает, не говорю, смазать, даже и пройти в глотку), но для того, чтобы этим употреблением подавить тщеславие сердца и побуждение к возношению, которое при строгом воздержании обычно льстиво и неприметно подкрадывается. Ибо чем сокровеннее бывает само воздержание, когда никто из людей не бывает свидетелем, тем тоньше оно искушает своего укрывателя. Потом он предложил по три маслины, приправленные солью, после того принес корзинку с приправленными бобами, которые они называют сластью (вместо десерта), из которых мы взяли только по пять зерен, по две сливы, по одной смокве (фиге); а больше этого числа взять считается в той (скитской) пустыне неприличным. После обеда, когда мы стали просить об обещанном разрешении вопроса, старец сказал:

повторите ваш вопрос, исследование которого мы отложили до этого часа.

3 Глава 2. Второй вопрос о различии злых духов

4 **Герман**. Откуда, спрашиваем, произошло такое различие противных человеку властей? Блаженный апостол так перечисляет их: «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф 6, 12). И еще: «ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ...ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим 8, 38, 39). Откуда же произошло такое различие злых духов, враждебных нам? Неужели следует думать, что эти власти для того сотворены Господом, чтобы в этих степенях и чинах воевать против людей?

5 Глава 3. Ответ о многообразной пище Священного Писания

6 **Серен**. Божественное Писание о том, чему хотело научить нас, даже и не имеющим острого ума так ясно и очевидно изрекло нечто, что не только никакой тенью сокровенного смысла не помрачено или не прикрыто, но и не нуждается в помощи толкования, выражает свои понятия и мысли в собственном, буквальном значении слов. А некоторые места так прикрыты и как бы затемнены таинственностью, что в исследовании и понимании их представляется для нас неизмеримое поле упражнения и заботы. Это так Бог устроил по многим

причинам: во-первых для того, чтобы божественные тайны не открывались всем людям, т.е. как верным, так и неверным, с одинаковым знанием и пониманием; через это между нерадивыми и рачительными не было бы такого различия касательно добродетели и благоразумия; во-вторых, для того, чтобы и между самими верующими, когда простирается перед ними неизмеримое поле понимания, обличалась нерадивость беспечных и открылась ревность и тщательность усердных. Потому Божественное Писание хорошо сравнивается с тучным, плодоносным полем, которое рождает и приносит много таких плодов, которые полезны для пищи людей без приготовления на огне. Некоторые, если от варения и умягчения на огне не потеряют жестокость своей терпкости, признаются негодными для употребления людей или вредными; а некоторые признаются удобными для употребления в том и другом виде, так что, и невареные, они при своей терпкости не противны или не вредны, однако сваренные на огне становятся более полезными. Многие растения также вырастают в пищу только неразумным скотам и животным или зверям и птицам, а в пищу людям не полезны; они, оставаясь в своей суровости, без всякого варения на огне доставляют животным жизненную сытость.

Подобное видим и в этом плодоносном саду духовных писаний, в котором некоторые места сияют ясным, очевидным, буквальным значением, так что не нуждаются в высшем истолковании и только простым буквальным смыслом достаточно питают слушающих, как например: «слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть; и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими» (Втор 6, 4, 5). А

некоторые изречения, если не будут утончены аллегорическим изъяснением и размягчены испытанием духовного огня, то без причинения расстройства никак не послужат спасительной пищею для внутреннего человека, и от принятия их последует скорее вред, нежели какая-либо польза, каково следующее: «да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи» (Лк 12, 35). «Кто не берет креста своего и следует за Мною, тот недостоин Меня» (Мф 10, 38). Некоторые весьма строгие монахи, имеющие ревность Божию, но не по разуму, понимая это просто, сделали себе деревянные кресты и, нося их постоянно на плечах всем видящим доставили не назидание, а смех. А некоторые изречения удобно прилагаются к тому и другому пониманию, т.е. как историческому, так и иносказательному, так что то и другое объяснение доставляет жизненные соки душе, каково следующее: «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф 5, 39); «когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой». «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф 10:23, 19:21). Взращивает оно и сено скотам, каковой пищею наполнены все поля Св. Писания, т.е. содержит простое и чистое повествование истории, от которого все более простые и менее способные к совершенному и чистому пониманию, по состоянию и мере своей, делаются здоровее и сильнее только к работе и труду деятельной жизни.

[7] Глава 4. О двояком смысле священного писания

[8] Поэтому о том, что ясными словами выражено, мы можем твердо определить и смело произнести свое мнение. А те предметы, которые, предоставляя нашему размышлению и упражнению, Дух Божий поместил в Св. Писании, желая, чтобы о них заключали по некоторым знакам и предположениям, неспешно и осторожно должны обсуждаться, так что удостоверение или утверждение их зависит от произвола рассуждающего или принимающего. Ибо иногда, когда об одном предмете произносится различное мнение, то и другое может считаться разумным, и без ущерба для веры может быть принято или положительно, или в среднем смысле, т.е. так, чтобы не принимать их с полной уверенностью и не отвергать совершенно. Другое мнение не следует отвергать, если оно, как и предыдущее, не оказывается противным вере; пример тому, что Илия пришел в лице Иоанна (Мф 11, 14) и опять придет перед пришествием Христовым; и мнение о мерзости запустения, которая стояла на месте святом (Дан 9, 27), под которой понимают изображение Юпитера, поставленное в храме Иерусалимском, и еще будет стоять она с пришествием антихриста; также понимают и все то, что изображается в Евангелии (Мф 24), что исполнилось и перед пленением Иерусалима, и в конце мира исполнится. Из этих ни одно мнение не опровергает другого, и первое толкование не упраздняет последующего.

[9] Глава 5. Предложенный вопрос должен считаться средним, проблематическим

[10] Потому предложенный вами вопрос, как недостаточно ясный, не часто встречается между людьми, очень многим он и неизвестен, и потому некоторым кажется сомнительным то, о чем мы говорим. Так как тут нет ничего противного вере в Св. Троицу, мы должны так постановить свое мнение, чтобы считать его средним (неопределенным), хотя не в том смысле, до которого обычно доходят только по предположениям и догадкам, но где все доказывается ясными свидетельствами Св.Писания.

[11] Глава 6. Богом не сотворено ничего злого

[12] Итак, мы не должны думать, что Бог сотворил что-нибудь злое по существу, когда Св. Писание свидетельствует: все, что Бог сотворил, «весьма хорошо» (Быт 1, 31). Ибо если бы духи были сотворены Богом такими или для того сотворены, чтобы занять эти ступени зла и всегда заниматься обольщением людей, то вопреки приведенному изречению Св. Писания мы обесславим Бога, как творца и изобретателя зла, как будто Он сотворил злые силы, и притом для того, чтобы они, всегда пребывая в злости, никогда не могли прийти в расположение доброй воли. Такое мнение мы приняли по преданию отцов из источника Св. Писания.

[13] Глава 7. О сотворении начальств, или властей

[14] Никто из верных не сомневается, что прежде сотворения этой видимой твари Бог сотворил духовные и небесные силы, которые, зная, что они из ничтожества сотворены для такой славы блаженства по благости Творца, воссылают Ему всегдашнее благодарение и непрестанно занимаются прославлением Его. Апостол, перечисляя их по порядку, пишет: «Им (Христом) создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано» (Кол 1, 16).

[15] Глава 8. О падении дьявола и ангелов

[16] Итак, некоторые начальники из числа их пали; это ясно доказывает сетование пророков Иезекииля и Исайи, у которых князь Тира или тот Люцифер, который поутру восходил, слезным плачем оплакиваются. О первом Господь так говорит Иезекиилю: «сын человеческий! Произнеси плачевную песнь о царе Тирском и скажи ему: так говорит Господь Иегова: ты печать совершенства, полный мудростью, и совершенный, ты находился в Эдеме, в саду Божием; всякими дорогими камнями блистало облачение твое; рубин, хризолит и алмаз, топаз, оникс и яспис, сапфир, карбункул и изумруд и золото, все, искусно усаженное у тебя в гнездышках и нанизанное на тебе, было у тебя приготовлено в день сотворения твоего. Ты был ширококрылый, осеняющий херувим; и Я поставил тебя как бы на святой горе Божией, ты ходил среди огнистых камней. Ты совершен был в путях твоих со дня сотворения твоего, доколе не нашлось в тебе беззакония.

От обширности торговли внутреннее твое исполнилось неправды, и ты согрешил; и Я низринул тебя с горы Божией, изгнал тебя, херувим осеняющий, из среды огнистых камней. От красоты твоей возгордилось сердце твое, ты потерял мудрость твою и блеск твой; за то Я повергну тебя на землю, перед царями отдам тебя на позор. Множеством беззаконий твоих, неправедною торговлею своею ты опорочил святилища твои» (Иез 28, 12–18). И пророк Исайя говорит о другом: «как упал ты с неба, денница (Люцифер), сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе, в сонме Богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему»[31] (Ис 14:12–14). Впрочем, не об одних этих Св. Писание упоминает, что они пали с высоты блаженного состояния, говоря, что дракон вместе с собою увлек «третью часть звезд» (Апок 12, 4). Также один из апостолов яснее говорит: «ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище, соблюдает в вечных узах, под мраком, на суд великого дня» (Иуд 1, 6). А то, что говорится к нам: «вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей» (Пс 81, 7), – что другое означает, как не то, что многие князья пали? Из этих указаний ясно, что эти различия чинов, кои разные власти имеют подобно святым, небесным силам, они и ныне удерживают или от степени прежнего чина, в котором всякая (власть) сотворена, или низвергнутые с неба, по подобию сил, пребывающих там постоянно, они сохранили между собою эти степени и названия чинов с противной стороны от степени своей злости, в которой каждая (власть) возросла, делая зло[32].

[17] Глава 9. Вопрос: падение дьявола не от обольщения ли Евы последовало?

[18] **Герман**. Мы до сих пор верили, что причиною и началом преступления дьявола, за которое он низвержен из ангельского состояния, была особенно зависть, когда он завистливой хитростью обольстил Адама и Еву.

[19] Глава 10. Ответ о начале падения дьявола

[20] **Серен**. Книга Божия показывает, что не то было началом преступления или низвержения; потому что еще прежде обольщения их он заклеймен был именем змея, как говорится: «змей был мудрейший», или как еврейские книги выражают: «хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог» (Быт 3, 1). Из этого видите, что прежде обольщения первого человека он отпал от ангельской святости, так что не только заслужил такое бесславное имя, но в излитии зла еще предпочитается прочим зверям земным. Ибо Св. Писание таким словом не обозначило бы доброго ангела и о пребывающих в блаженстве не сказало бы: «змей был хитрее всех зверей полевых». Это название никак не может быть присвоено не только Гавриилу или Михаилу, но и доброму какому-либо человеку неприлично. Итак, очевидно, что слово змей и сравнение со зверями означает не достоинство ангела, а бесчестье преступника. Наконец, повод к зависти, которой он подстрекался к обольщению человека, происходил от причины прежнего его падения: он видел, что недавно образованный из земли призывается к той славе, от которой он, быв одним из начальников, отпал. И потому за первым его падением, когда он пал от гордости, за что и заслужил название

змея, последовало второе падение через зависть. По определению Господню он низвержен в преисподнюю, чтобы не ходил уже возвышенным, как прежде, видя в себе нечто высокое, но чтобы, прильнув к земле, ползал на чреве, униженный питался земной пищею, делами пороков; потом Бог объявляет его скрытным врагом и кладет между ним и человеком полезную вражду и спасительный раздор, чтобы он обманчивой дружбою уже не мог повредить человеку, когда тот будет бояться его, как вредного врага.

21 Глава 11. О наказании обольщающего и обольщаемого

22 Это должно научать нас в особенности уклоняться от злых советов; потому что хотя виновник обольщения подвергается осуждению и соответственному наказанию, но и тот, кто обольщается, не избавляется от наказания, хотя и несколько меньшего, чем виновник обольщения. Это мы ясно видим в следующем: Адам, который прельстился или, говоря словами апостола (1Тим 2, 14), не прельстился, а по доверию к обольстившейся согласился с нею на погибель, за то осуждается только на труд в поте лица, который назначается ему вследствие проклятия и бесплодности земли. А жена, которая была советницею, заслужила умножение стенаний, болезней и скорбей, подверглась всегдашнему игу подчиненности. Змей же, который был первым подстрекателем к этому греху, наказывается вечным проклятьем. Поэтому с большой заботливостью и осмотрительностью надо остерегаться злых советов. Ибо как виновника наказывают, так и обольщенный не избавляется от греха и наказания.

[23] Глава 12. О скоплении и беспокойстве демонов, пребывающих в воздухе

[24] А злых духов такое множество наполняет воздух, который разливается между небом и землею и в котором они летают в беспокойстве и непраздно, что провидение Божие для пользы скрыло и удалило их от взоров человеческих; иначе от боязни нападения их или устрашающих лиц, в которые они по своей воле, когда захотят, преобразуются и превращаются, люди поражались бы невыносимым ужасом до изнеможения, будучи не в состоянии видеть их телесными очами или ежедневно становились бы злее, будучи развращаемы их постоянными примерами, и через это между людьми и нечистыми, воздушными властями, было бы некоторое вредное содружество и гибельный союз. Ибо те преступления, которые ныне допускаются между людьми, скрываются или оградою стен, или расстоянием мест, или по стыдливости. А если бы постоянно видели их открытым взором, то возбуждались бы к большему безрассудству, неистовству страстей; потому что не было бы никакого промежутка времени, в который видели бы их удерживающимися от этих злодеяний; поскольку ни усталость телесная, ни занятие домашним делом, ни забота о ежедневном пропитании не удерживают их, как иногда заставляют нас даже невольно удерживаться от предпринятых намерений.

[25] Глава 13. Злые духи и между собою ведут такую же борьбу, какую ведут с людьми

[26] Достоверно, что злые духи какую борьбу с людьми ведут, такую же взаимно ведут и между собою. Ибо из-за

некоторых народов, принятых по некоторому, свойственному им, содружеству со злом, они с неослабевающим усилием непрестанно производят раздоры и сражения.

[27] Глава 14. Отчего злые духи получили имена властей или начальств

[28] Думаем, что начальства или власти потому так называются, что господствуют и начальствуют над разными (Так называются не потому, чтобы от Бога они получили власть, начальство, а из-за бесчестия и порочности тех, над которыми господствуют, и которые через грехи подверглись власти бесов. Кроме этого алые духи называются начальствами, властями, вероятно, и потому, что они отпали из всех девяти чинов ангельских и после падения удержали за собою название чинов добрых ангелов) народами или имеют начальство над низшими духами, демонами, о которых в Евангелии говорится, что они сами себя называли легионом (Лк 8, 30). Ибо они и не могли бы называться господствами, если бы не имели господства над кем-либо; не могли бы называться властями или начальствами, если бы не имели власти, начальства над кем-либо. Это ясно указывается и в Евангелии хулящими фарисеями, которые о Иисусе Христе говорили, что Он «силою веельзевула, князя бесовского, изгоняет бесов» (Мф 12, 24). Они называются также «мироправителями тьмы века сего» (Еф 6, 12) и «князем мира сего» (Ин. 14, 30). Впрочем, блаженный апостол утверждает, что в будущем веке будут упразднены эти степени, когда все покорится Христу, «когда Он предаст царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу» (1Кор 15, 24);

а это будет не иначе, как с лишением власти над теми, над коими в этом веке имеют власть, господство или начальство.

29 Глава 15. Не без причины даны святым небесным силам имена ангелов или архангелов

30 Нет сомнения, что и добрым духам те же названия чинов даны не без основания и суть имена должностей, или заслуг, или достоинств. Ибо ясно, что ангелами, т.е. вестниками, они называются по обязанности возвещать, архангелами – потому, что начальствуют над ангелами, как показывает значение самого имени; господствами называются потому, что господствуют над некоторыми; начальствами – также потому, что имеют начальство над некоторыми; престолами – потому, что прилепляются к Богу, служат Ему как домашние слуги, приближенные, так что Божественное величие преимущественнее на них почивает, как бы на престоле, и как бы тверже полагается на них.

31 Глава 16. О подчинении демонов своим начальствам

32 А что нечистые духи управляются более злыми властями и подчинены им, этому, кроме тех свидетельств Св. Писания, которые читаем в Евангелии, в описании ответа Господа клеветавшим фарисеям: «если Я силою веельзевула, князя бесовского, изгоняю бесов» (Мф 12, 27), – учат нас также ясные видения и многие опыты святых. Когда один из наших братьев путешествовал в

этой пустыне, то, после наступления вечера найдя некую пещеру, остановился там и захотел совершить в ней вечернюю молитву. Пока он по обычаю пел псалмы, время прошло уже за полночь. По окончании молитвенного правила, желая немного успокоить утомленное тело, он лег и вдруг начал видеть бесчисленные толпы собирающихся отовсюду демонов, которые шли бесконечной вереницею и весьма длинным рядом – иные предшествуя своему начальнику, иные следуя за ним. Наконец пришел князь, который и величиною был выше всех, и видом страшнее, и по установлении престола, когда он сел на возвышенном трибунале (судейском месте), то с рачительным исследованием стал разбирать действия каждого и тех, которые говорили, что еще не смогли обольстить своих соперников, приказывал выгонять от своего лица с замечанием и бранью, как недеятельных и нерадивых, с яростным рыканием укоряя, что они напрасно потратили столько времени и труда. А тех, которые объявляли, что обольстили назначенных им, отпускал с большими похвалами, при восторге и одобрении всех, как храбрейших воителей, в образец для всех прославившихся. Один злейший дух из числа их со злорадством доносил, как о знаменитейшей победе, что он хорошо известного монаха, имя которого назвал, после пятнадцати лет непрестанного искушения наконец одолел, в эту самую ночь вовлек в блуд. И не только побудил впасть в порок блуда с одною посвященною отроковицею, но и убедил взять ее себе в жены. При этом донесении демонами возобладала необыкновенная радость, и он, возвеличенный князем тьмы высокими похвалами и увенчанный большой славою, ушел. При наступлении зари, когда все это множество демонов исчезло, брат, сомневаясь в донесении нечистого духа и

больше разгневавшись, что демон по закоренелой своей привычке к лжи захотел насмеяться над ним и невинного брата заклеймить пороком кровосмешения, помня евангельское изречение, что он «не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин 8, 44), – пошел в Пелузу[33], где, какой знал, пребывал тот, о котором говорил нечистый дух. Этот брат был очень известен ему. Когда стал разыскивать его, узнал, что он в ту самую ночь, в которую тот отвратительный демон объявил своему князю и его полчищу о падении монаха, оставив монастырь, ушел в селение и подвергся жалкому падению с означенной отроковицею.

[33] Глава 17. При каждом человеке всегда находятся ангел и бес

[34] Священное Писание свидетельствует, что при каждом из нас находятся два ангела – добрый и злой. О добрых Спаситель говорит: «смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их всегда видят на небесах лицо Отца Моего Небесного» (Мф 18, 10). Еще: «Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его и избавляет их» (Пс 33, 8). Также и в книге Деяний апостольских говорится о Петре: «это Ангел его» (Деян 12, 15). Об обоих ангелах полно говорится в книге «Пастырь»[34]. Если же мы обратим внимание на того, который искушал блаженного Иова, то ясно узнаем, что это был тот злой дух, который, всегда препятствуя ему, никогда не мог увлечь в грех и потому просил у Бога позволения, как будто он был побеждаем не добродетелью Иова, а защитою Господа, Который всегда

покровительствовал тому. Об Иуде также говорится, что «дьявол… станет одесную его» (Пс 108, 6).

35 Глава 18. Разность злости у злых духов подтверждается свидетельством двух философов

36 О различии демонов много сведений мы получили также и от тех двух философов, которые некогда волшебными искусствами испытали бездействие их или силу и свирепую злость. Они, презирая блаженного Антония, как человека неученого и неграмотного, и желая хотя бы выгнать его из своей кельи наваждением бесовским, наслали на него злейших духов, завидуя тому, что к этому рабу Божию ежедневно приходили большие толпы народа. Когда он стал изображать крестное знамение на челе и на груди своей и совершать смиренную молитву, то свирепые демоны не смели даже и приблизиться к нему и без всякого действия возвратились к тем, которые послали их. Они послали к нему опять, более сильных в злости, и эти напрасно употребляли все усилия – безуспешно возвратились; несмотря на это еще более сильные посланы были против воина Христова и победителя, и эти совершенно ничего не в силах были сделать. Такие наветы их, устроенные с таким волшебным искусством, имели последствием только то, что было ясно доказано, сколь великая сила заключается в христианском исповедании, так что столь свирепые, столь сильные демоны, о которых думали, что они могли бы даже солнце и луну помрачить, если бы послать их к ним, не только не сделали никакого вреда св. Антонию, но не в

состоянии были даже на короткое время выгнать его из своего монастыря.

37 Глава 19. Демоны ничего не могут сделать людям, если сперва не овладеют их душою

38 Удивляясь этому, философы поспешно пришли к авве Антонию, раскрыли, сколь великую напасть, проделки и наветы совершали по тайной зависти, и просили тотчас сделать их христианами. Спросив о дне произведенной ими напасти, авва сказал, что тогда он был искушаем сильнейшими прилогами. Этим опытом блаженный Антоний доказал и подтвердил наше мнение, которое мы высказали вчера в беседе, что демоны никак не могут овладеть чьим-либо духом или телом, не имеют власти ворваться в чью-либо душу, если сначала не лишат ее всех святых помышлений и не сделают пустой и лишенной духовного созерцания. Но следует знать, что нечистые духи двумя способами покоряются людям: или благодатью и силою Божией подчиняются святости верных, или жертвами нечестивых, или, будучи улещаемы какими-либо стихами, как к своим близким, бывают благосклонны. Прельстившиеся таким мнением фарисеи также думали, что и Господь Спаситель этим искусством повелевал демонами, говоря: «Он изгоняет бесов не иначе, как силою веельзевула, князя бесовского» (Мф 12, 24), именно по той дружбе, по которой волхвы или волшебники через призывание имени его и обрядов жертвоприношения, коими он увеселяется, как короткие друзья, имеют власть над подчиненными ему демонами.

[39] Глава 20. Вопрос о павших ангелах, о которых в книге бытия говорится, что имели сожительство с дочерями человеческими

[40] **Герман**. Мы хотим знать, что нужно думать о тех павших ангелах, о которых говорится, что они сожительствовали с дочерями человеческими (Быт 6, 2). Может ли это буквально приличествовать духовной природе? Также и о том, что говорится в Евангелии о дьяволе, что «он лжец и отец лжи» (Ин 8, 44). Мы желаем услышать, кого надо понимать под отцом лжи?

[41] Глава 21. Разрешение предложенного вопроса

[42] **Серен**. Вы предложили два немаловажных вопроса, на которые отвечу, насколько могу, в том же порядке. Никак не следует думать, что духовные существа могут плотски совокупляться с женщинами. Если бы это когда-нибудь могло совершаться буквально, то отчего и ныне не случается того же самого хотя бы изредка, и мы не видим, чтобы кто-нибудь также рождался от женщин через зачатие от демонов, без совокупления или семени мужа, особенно, когда известно, что демоны очень услаждаются блудной нечистотою, которую, если бы это как-нибудь могло исполниться, они лучше желали бы производить сами, нежели через людей? Предложенный вопрос так объясняется. После убиения праведного Авеля, чтобы от нечестивого братоубийцы не произошел весь род человеческий, на место умершего брата рождается Сиф, который не только дал потомство, но и последовал

братской праведности и благочестию. Поколение его, следуя праведности отца, всегда пребывало отделенным от общения и союза родства с тем поколением, которое происходило от нечестивого Каина, как это ясно показывает и описание родословия (Быт 5:3–30, 4:17–22). Итак, тот род, который происходил от поколения праведного Сифа, всегда соединяясь родством со своим племенем, по своей линии, много веков пребывал в отеческой и прародительской святости, нисколько не заражаясь нечестивостью и развращенностью негодного племени, носящего в себе семена нечестивости как бы по прародительскому преданию. Итак, пока продолжалось такое разделение этих родов, семя Сифа, как происходящее от лучшего корня, по заслугам святости называлось ангелами Божиими или, как читается в еврейском экземпляре, сынами Божиими; те, напротив, за нечестивость свою или отцов своих и за дела земные назывались сынами человеческими. Итак, сыны Сифа, бывшие сынами Божиими, видя дочерей, родившихся от поколения Каинова, и воспламенившись похотью от красоты их, стали брать себе из них жен, которые, передавая своим мужьям непотребства своих отцов, вовсе отвлекли их от природной святости и простоты отеческой, развратили.

43 Глава 22. Возражение: как нечестивое смешение с дочерями Каина могло вмениться в грех роду Сифа прежде запрещающего закона?

44 **Герман**. Грех в таком супружестве мог бы справедливо вменяться, если бы дана была им заповедь касательно

удаления от нечестивого племени. Но так как заповеди такой не было, то как могло вменяться им в вину смешение рода, которое никакой заповедью не было запрещено?

45 Глава 23. Ответ: вначале люди по закону естественному подлежали суду, или наказанию

46 **Серен**. Бог, сотворив человека, запечатлел в его природе знание закона, который если бы человеком, по намерению Господа, был сохранен, как получен, то не было бы необходимости давать другой, обнародованный после посредством письма. Ибо было бы лишним извне подавать средство, если бы насажденное внутри еще имело силу. Но поскольку этот закон, как мы сказали, был уже поврежден свободою и делами греховными, то как наблюдатель его, исполнитель, защитник и, говоря словами Священного Писания, помощник дан был закон Моисеев со строгим обязательством, чтобы хоть из страха настоящего наказания благое естественное знание не истребилось совершенно, по изречению пророка, который говорит: «обращайтесь к закону» (Ис 8, 20), который, и по словам апостола (Гал 3, 24), дан был как руководитель детям, научающий и охраняющий их, чтобы они от того учения, в каком природою были наставлены, не отступали по какому-либо забвению. Поскольку всякое знание закона от начала творения внушено было человеку, то этим ясно доказывается, что все святые, как мы знаем, соблюдали заповеди закона без чтения письма, прежде закона, даже прежде потопа. Ибо как мог узнать Авель, когда еще не было закона заповедавшего, что он должен

приносить Богу жертву от первородных своих овец, если бы не был научен запечатленным в его природе законом? Как Ной различал бы, какое животное чистое, какое нечистое, когда еще не было различающей заповеди закона, если бы не был вразумлен природным знанием? Откуда Енох научился ходить с Богом, не получив ни от кого никакого знания закона? Где Сим и Иафет вычитали: да не откроешь срамоты отца своего, – так что, идя задом, покрыли наготу отца? Откуда научен был Авраам отказаться от добычи врагов, которая ему давалась как воздаяние за его труд? Или как отдал десятую часть священнику Мелхиседеку, которая предписывалась законом Моисеевым (Быт 14:18–20)? Как тот же Авраам и Лот покорно исполняли долг человеколюбия и омывали ноги прохожим и странникам, когда еще не было евангельской заповеди (Быт 18:4, 19:2)? Как Иов приобрел такую набожность в вере, такую чистоту целомудрия, такое знание смирения, кротости, милосердия, человеколюбия, какого не видим даже и у тех, которые в памяти содержат Евангелие? О ком из святых прежде появления закона читаем, что он нарушил какую-либо заповедь? Кто из них не соблюдал этого: «слушай Израиль: Господь, Бог наш, Господь один есть» (Втор 6, 4)? Кто из них не исполнил этого: «не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли» (Исх 20, 4)? Кто из них не соблюдал: «почитай отца твоего и матерь твою», или того, что следует в десяти заповедях: «Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства. Не желай жены ближнего твоего» (Исх 20, 12–16), и другое, еще большее, чем они предварили заповеди не только закона, но и Евангелия?

[47] Глава 24. Согрешившие прежде потопа наказаны справедливо

[48] Итак, мы понимаем так, что вначале Бог сотворил все совершенным и не было ничего такого, что, к начальному распоряжению Его, как непредусмотрительному и несовершенному, необходимо было бы присоединить, или что после надлежало бы прибавить, если бы все пребывало в том состоянии и расположении, в каком сотворено было Им. И потому мы докажем, что Бог праведным судом наказал тех, которые согрешили прежде закона и прежде потопа, потому что, преступив естественный закон, они заслужили наказание без всякого извинения. И мы не должны впадать в хулу и клевету подобно тем, которые, не зная этой причины, укоряют Бога за Ветхий завет, понося нашу веру, и, насмехаясь, говорят: что Богу нашему вздумалось, что захотел обнародовать закон после стольких тысяч лет, допустив стольким векам пройти без закона? Хотя после нечто лучшее вышло, но видно, что в начале мира Он помышлял ниже или хуже, а после этого, как бы научившись опытом, начал совершать правильнее, начальные распоряжения свои исправлять на лучшие. Это совершенно не может быть сообразно с беспредельным предвидением Бога, только безумие еретиков так необыкновенно богохульно говорит о Нем. Екклезиаст говорит: «познал .., что все, что вначале сотворил Бог, то пребудет вовек; к тому нечего прибавлять и от того нечего убавить» (Еккл 3, 14). И потому «закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокорливых, нечестивых и грешников, развратных и осквернённых» (1Тим 1, 9). Ибо, имея здравое, неиспорченное знание закона естественного, запечатленного в них, они не

нуждались в этом законе, в Св. Писании начертанном, который дан был в помощь естественному закону. Из этого выходит ясное заключение, что вначале не нужно было давать этот закон, начертанный в Св. Писании; ибо это было излишне, пока еще сохранялся естественный закон, пока не был нарушен всецело; до исполнения закона не могло быть преподано и евангельское совершенство. Ибо еще не могли слышать: «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф.5:39) те, которые не довольствовались ответить за свои обиды равным воздаянием, но за легкую пощечину воздавали смертельные удары пяткою и раны стрелами; за один выбитый зуб требовали жизни ударивших. Нельзя было говорить: «любите врагов ваших» (Мф.5:44) тем, среди которых считалось большим плодом и пользою любить своих друзей, а от врагов удаляться, оставить их одной ненависти, не притеснять их и не убивать.

[49] Глава 25. Как следует понимать сказанное в Евангелии о дьяволе, что он есть ложь и отец лжи

[50] А то, что вы спросили о дьяволе, что «он есть лжец и отец лжи» (Ин 8, 44), т.е. кажется, будто Господь сказал, что как сам он, так и отец его есть лжец; так понимать – нелепо и легкомысленно. Ибо, как мы немного раньше сказали, дух не рождает духа, так же как и душа не может рождать душу, хотя не сомневаемся, что плоть зачинается от человеческого семени и растет. Так апостол ясно различает то и другое существо (substantia), т.е. плоть и душу, какая какому виновнику приписывается, говоря: «если мы, будучи наказываемы плотскими родителями

нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить?» (Евр 12, 9). Что могло быть яснее этого различения, когда апостол отцами плоти нашей называет людей, а отцом душ – одного Бога? Хотя и в самом зачатии этой плоти человеку нужно приписывать только посредничество, а сущность творения – Творцу всех, Богу, как говорит св. Давид: «руки Твои сотворили меня и устроили меня» (Пс 118, 73). И блаженный Иов говорит: «не Ты ли вылил меня, как молоко, и, как творог, сгустил меня, кожею и плотью одел меня, костями и жилами скрепил меня» (Иов 10, 10–11). И Господь к Иеремии говорит: еще не образовав тебя в чреве, Я знал тебя (Иер 1, 5). Екклезиаст, показывая природу плоти и души, начало и происхождение, т.е. откуда та и другая произошла, к какой цели та и другая стремится, и рассуждая о разлучении души с этим телом, говорит: «и возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его» (Еккл 12, 7). Что можно сказать яснее того, что плоть, названная прахом земным, потому что от семени человека получила начало, как взятая из земли, опять возвратится в землю; а дух, который не зарождается от совокупления того и другого пола, а присваивается только одному Богу, к виновнику своему и возвратится? Это же ясно выражается и тем дуновением Божиим, которым Он первоначально воодушевил Адама (Быт 2, 7). Из этих свидетельств ясно заключаем, что отцом духов может называться только один Бог, Который из ничего сотворил их, когда захотел; а люди называются отцами только нашей плоти. Так и дьявол никакого отца не имел, кроме Бога, Создателя своего. Когда он превознесся гордостью и в своем сердце сказал: «взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему» (Ис 14, 14), то сделался лжецом и в истине

не устоял, но, из своей сокровищницы зла произнося ложь, сделался не только лжецом, но и отцом самой лжи (Ин 8, 44); потому что, обещая человеку обожение и говоря: «будете, как боги» (Быт 3, 5), в истине не устоял, но сделался человекоубийцею: Адама ввел в состояние смертности и своим подстрекательством умертвил Авеля рукою брата. Однако рассуждение наше, длившееся почти две ночи, прекратила наступающая заря.

Девятое собеседование аввы Исаака Скитского (первое). О молитве

[1] Глава 1

[2] Собеседования старца аввы Исаака[35], которые мы теперь предлагаем, при помощи Божией, исполнят то, что во второй книге постановлений (гл. 9) мы обещали сказать о непрестанной молитве. Изложив это, думаю, я удовлетворю и заповеди блаженной памяти папы Кастора и вашему желанию, блаженнейший папа Леонтий и святой брат Елладий, извиняясь сначала в обширности книги, которая, при всем нашем старании – сократить повествуемое не только сжатой речью, но и многое обходя молчанием – вышла гораздо больше, нежели как мы предполагали. Итак, предпослав рассуждение о разных постановлениях, которое мы сократили, наконец предлагаем следующее учение блаженного Исаака.

[3] Глава 2. Учение аввы Исаака о качестве молитвы

[4] Цель всякого монаха и совершенство сердца состоит в постоянстве молитвы и, насколько возможно для бренного человека, в невозмущаемом спокойствии ума и всегдашней чистоте его. Для достижения этого нужны: неослабевающий телесный труд и сокрушение духа, так чтобы между тем и другим находилась тесная, взаимная связь. Ибо как все добродетели стремятся к совершенству

молитвы, так и сами они не могут быть твердыми и постоянными, если не будут соединены и скреплены ею. Как без добродетелей нельзя вполне приобрести постоянного молитвенного покоя, так и без этого покоя невозможно в точности исполнить добродетелей, способствующих ему. Поэтому непристойно было бы в беседе о свойстве молитвы вдруг приступить к рассмотрению главной ее цели, состоящей в деятельном исполнении всех добродетелей, не исследовав предварительно, что необходимо оставить или сделать для достижения ее, по учению евангельской притчи, не вычислив сперва и тщательно не приготовив всего, что нужно для того, чтобы воздвигнуть высочайшую духовную башню (Лк 14, 28). Впрочем, и сами приготовленные материалы останутся бесполезными и не допустят безопасно возложить на себя высокого совершенства, если не будет откинута нечистота пороков и не будет удален склонный к разрушению щебень страстей нашего сердца – этой земли хрящеватой, а что всего более, если на евангельском камне (Лк 6, 48) не будут положены твердейшие основания простоты и смирения, поддерживаясь коими, эта воздвигаемая из духовных добродетелей башня могла бы стоять неподвижно и в своей надежной прочности возносить главу свою к высоте небесной. Когда эта башня будет утверждена на таких основаниях, то пусть прольется обильнейший дождь страданий, пусть притекут с ужасным стремлением быстрые реки гонений, пусть наляжет свирепая буря противных духов – она не только не падет, но даже не потерпит никакого повреждения от этих нападений.

[5] Глава 3. Что нужно, чтобы молитва была чистая, задушевная?

[6] Чтобы молитва возносилась с надлежащей горячностью и чистотою, нужно непременно соблюдать следующее: во-первых, необходимо отложить всякое попечение о телесных вещах и не только не заботиться, но и думать не следует о каком-либо занятии или предприятии. Надо избегать всяких развлечений, пустословия или многословия, равно как и всяких шуток, но сперва, что важнее, исторгнуть с корнем расположение к гневу или унынию и вовсе истребить пагубное разжигание плотской похоти и любостяжание. Отбросив эти и подобные им пороки, легко представляющиеся взорам каждого, и произведя таким образом извержение непотребных веществ, совершаемое чистотой простоты и невинности, затем следует положить незыблемое основание глубокого смирения, которое могло бы держать на себе башню, имеющую вознестись до неба, и потом уже на этом основании воздвигать духовное здание добродетелей, удерживая дух от всякого опасного для него развлечения и рассеяния, чтобы он таким образом мог постепенно возвышаться к созерцанию Бога и к другим духовным видениям. Ибо то, чем бывает занята душа наша до молитвы, обязательно приходит на память и во время ее. Поэтому до начала молитвы мы должны держать себя в таком состоянии, в каком желаем находиться в продолжение ее. Ибо ум во время молитвы получает настроение, сообразное с предыдущим состоянием; представляющийся его очам образ прежних наших действий, слов или чувств произведет то, что мы, и приступив к молитве, по свойству предварительного расположения, или будем гневаться, или унывать, или

возбуждать в себе прежние вожделения и наклонности, или станем с безрассудностью (что и сказать стыдно) забавляться каким-нибудь смешным изречением или происшествием, или устремимся к прежней рассеянности. Итак, поспешим еще до молитвы изгнать из внутренности сердца нашего то, чего не желали бы иметь во время ее, дабы можно было исполнить нам апостольскую заповедь: «непрестанно молитесь» (1Сол 5, 17), – и еще: «желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения» (1Тим 2, 8). Ибо нельзя исполнить этой заповеди, если ум наш не очистится от всякой скверны пороков, если не облечется в одни добродетели, как в свойственную себе красоту, и не будет питаться непрерывным созерцанием всемогущего Бога.

[7] Глава 4. О подвижности души, сравниваемой с пухом

[8] Качество души хорошо сравнивают с легким пером или пухом. Не будучи омочен никакой посторонней жидкостью, при самом слабом дыхании ветерка он обыкновенно, по своей легкости, возносится на высоту; а если бывает отягщен какой-либо влажностью, то вместо того, чтобы подниматься на воздух, от тяжести принятой им влаги прилегает к недрам земли. Так и ум наш, если будет свободен от бремени стремящихся к нему пороков и мирских забот и чужд растления вредных похотей, то, облегчаемый силою природной чистоты своей, при самом тихом веянии духовного размышления, оставляя все суетное и земное, переносится к небесному и невидимому. Поэтому-то и заповедует нам Господь: «смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались

объядением, и пьянством, и заботами житейскими» (Лк 21, 34). Итак, если хотим, чтобы молитвы наши восходили не только до небес, но и превыше небес, то постараемся поставить ум наш в естественное состояние его духовности, очистив его от всех земных пороков и скверны страстей, чтобы молитва его, не отягчаясь более никаким бременем пороков, могла вознестись к Богу.

[9] Глава 5. О причинах, отягощающих наш дух

[10] Надо отметить причины, производящие отягщение в уме нашем, на которые указывает Господь. В числе этих причин Он не полагает прелюбодеяние, блуд, убийство, богохульство, воровство, которые все признают грехами смертными, гибельными; но обжорство, пьянство, печали и заботы житейские, коих не только мирские люди не берегутся и не почитают гибельными, но даже некоторые (о чем стыдно и говорить), называющие себя монахами, предаются этим занятиям, как безвредным или полезным. Хотя эти три причины, даже буквально понимаемые, отягчают душу, разлучают ее с Богом и пригибают к земле; впрочем, легко уклониться от них, особенно нам, нарочно удаленным от всякого общения с миром и не имеющим никакого повода предаваться мирским заботам, пьянству и объедению. Но есть и другое объедение и пьянство – духовное, коих труднее избежать, и есть особенные заботы и попечения житейские, в которых часто принимаем участие и мы, несмотря на то, что совершенно отреклись от всех владений наших, воздерживаемся от вина и всяких пиршеств и находимся в уединении. О них-то говорит пророк Иоиль: восстаньте упившиеся, и не от вина (Иоил. 1:5), и также другой

пророк говорит: «изумляйтесь и дивитесь: они ослепили других, и сами ослепли; они пьяны, но не от вина» (Ис 29, 9). Из этого следует, что вино, причиняющее это пьянство, по словам пророка, есть «отрава аспидов» (Втор 32:33). Заметь, откуда ведет свое начало такое вино: «виноград их от виноградной лозы Содомской и с полей Гоморрских». Хочешь ли также знать плод этого винограда и этого отродья? «Ягоды их ягоды ядовитые, грозди их горькие» (Втор 32:32). Поэтому, если мы не будем чисты от всех пороков и от упоения всех страстей, то и без употребления пьянящего вина, и без роскошных пиршеств сердце наше отягчится пьянством и объедением еще более вредным. Ибо если житейские заботы могут касаться и нас, чуждых мирских дел, то этим самым очевидно оправдывается правило отцов, которые относили к числу житейских забот все то, что превышает необходимость ежедневного пропитания нашего и непременные потребности тела. Так, например, когда мы стараемся всеми мерами приобрести два или три сольда[36], между тем как и одного было бы достаточно для наших нужд; когда заботимся о стяжании трех или четырех одеяний, между тем как для употребления днем и ночью довольно было бы двух; или когда, увлекаясь житейскою гордостью и пышностью, мы стараемся строить четыре или пять келий, и притом великолепнейших, хотя для жительства достаточна была бы одна или две, и вообще, когда слишком уважаем мучительные мирские пожелания.

[11] Глава 6. О видении одного старца касательно беспокойного труда одного брата

[12] Очевидные опыты показывают, что это происходит не без наущения демонов. Один старец, добродетельнейшей жизни, проходя мимо кельи брата, страдавшего этим душевным недугом, о котором мы сказали (ибо он, беспокоясь об излишних постройках и починках, ежедневно изнурял себя трудом), издали увидел, что тот разбивает тяжелым молотом твердый камень. Тут еще он увидел, что при этом брате находился эфиоп, который, соединив свои руки с его руками, вместе с ним делал удары молотом и пылающими факелами побуждал его к постоянному продолжению работы. Старец долго стоял, удивляясь и жестокому нападению демона, и столь коварному обольщению. Ибо когда брат этот, ослабев от чрезмерного труда, намеревался успокоиться, оставив труд свой, то, наущением того же духа, был вынужден снова брать молот и не оставлять начатого дела, так что уже не чувствовал тяжести труда, будучи поддерживаем непрестанным подстреканием демона. Наконец тот старец, тронутый видом столь жестокого надругательства демона, подходит к келье брата и, приветствуя, говорит ему: «Над чем столько трудишься, брат?» – «Обделываем этот твердейший камень, – отвечал он, – и едва только могли мы разбить его». – «Правду говоришь ты: едва мы могли, – сказал старец. – Ибо ты был не один, когда разбивал камень, с тобою был еще некто другой, коего ты не видел, и который не столько помогал тебе в этой работе, сколько со всей жестокостью понуждал тебя к ней».

Итак, это еще не показывает, что душа наша свободна от

свойственной мирским людям болезни, если мы воздерживаемся только от тех забот, которые хоть и желали бы исполнить, но не можем, и если оказываем презрение к таким вещам, домогательство которых в глазах как духовных людей, так и мирских с первого взгляда представляется предосудительным; но верный знак таковой свободы состоит в том, когда мы с хладнокровием отвергаем даже и то, что можем сделать и что имеет вид приличия. В самом деле, эти, по-видимому, незначительные мелочи не меньше отягчают ум монаха, как и те великие заботы, которые обычно омрачают чувства мирских людей. Ибо и они также не допускают, чтобы монах, отложив всякую земную нечистоту, возносился к Богу, к Которому всегда должна быть обращена мысль наша, и малейшее уклонение от Которого, как высочайшего блага, есть настоящая смерть и бедственная гибель. А чей ум, отрешившись от уз всяких плотских страстей, придет в твердое состояние спокойствия, чье сердце всей крепостью прилепится к одному верховному благу, тот в состоянии будет исполнить апостольскую заповедь: «непрестанно молитесь» (1Сол 5, 17), и еще: «желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения» (1Тим 2, 8). Ибо, коль скоро сердечные помышления будут, так сказать, поглощены чистотою и из земных сделаются духовными и ангельскими, то, что бы ни входило в них, чем бы они ни были заняты, молитва всегда будет чистейшей и искреннейшей.

[13] Глава 7. Что труднее: сохранять благие помыслы или приобретать их?

[14] **Герман**. О, если бы таким же образом и с одинаковой удобностью можно было непрестанно сохранять духовные помыслы, как и приобретать иногда семена их! Ибо когда они возродятся в нашем сердце посредством чтения Св. Писания, или при воспоминании каких-нибудь духовных подвигов, или во время созерцания небесных таинств, то, незаметно убегая от нас, скоро исчезают. Иногда ум наш находит и другой какой-нибудь случай к духовным чувствованиям, но при появлении иных, случайно встретившихся чувствований, те из них, которые занимали нас прежде, тотчас оставляют нас, так что с вероятностью можно думать о душе, всегда самой в себе непостоянной и потому не имеющей собственной силы твердо удержать святые помыслы, что она и в то время, когда удерживает несколько помыслов, получила их случайно, а не по собственному старанию Ибо как можно приписать свободной воле нашей начало тех помышлений, постоянное пребывание которых не состоит в нашей воле? Но чтобы из-за решения этого вопроса не уклониться далеко от предполагаемого исследования и первоначально предпринятого нами рассуждения о молитве, оставляя этот предмет до другого времени, неотступно просим тебя объяснить нам качество молитвы, тем более, что и святой апостол заповедует совершать ее во всякое время, говоря: непрестанно молитесь. Итак, сперва мы желаем знать качество молитвы, т.е. какую молитву нужно всегда воссылать, а потом каким образом можно непрестанно продолжать ее или заниматься ею. Ибо и каждодневный опыт показывает, что она не может быть совершаема при слабом напряжении сердца, и

предложенная тобою мысль внушает, что последняя цель монаха и верх всякого совершенства состоит в надлежащем совершении молитвы.

15 Глава 8. Ответ о разных качествах молитвы

16 **Исаак**. Объять все виды молитв без высочайшей чистоты сокрушенного сердца и просвещения Св. Духа, мне кажется, невозможно. Они столь же многочисленны, как и те состояния, в коих может находиться всякая душа. Хотя мы и совершенно уверены, что не можем, судя по холодности нашего сердца, обозреть все виды молитв, впрочем, попытаемся изложить их, насколько позволяет нам малая опытность наша. По мере чистоты, в какой преуспевает чей-либо ум, и по свойству состояния, в какое он или случаями приводится, или своим старанием приходит, ежеминутно изменяется и сам вид молитвы, и потому очевидно, что никто не может воссылать молитвы всегда однообразные. Ибо всякий молится в веселье иначе, нежели когда отягчен бременем печали и отчаяния; иначе, когда укрепляется в духовном преуспевании, нежели когда притесняется нападениями врага; иначе, когда испрашивает отпущения грехов, нежели когда просит приобретения благодати, или какой-нибудь добродетели, или уничтожения какого-либо порока; иначе, когда сокрушается мыслью о геенне и страхом будущего суда, нежели когда воспламеняется желанием будущих благ и надеждою; иначе, когда находится в нужде и напастях, нежели в безопасности и спокойствии; иначе, когда просвещается откровениями небесных тайн, нежели когда скорбит о бесплодии своих добродетелей и сухости чувствований.

[17] Глава 9. О четырех видах молитв

[18] Изложив понятие о качестве молитвы, хотя не столь подробно, как требовала бы важность предмета, но насколько позволяет краткость времени, или лучше, слабость нашего ума и огрубелость сердца, теперь предстоит нам еще большая трудность в раздельном изъяснении всех видов молитв, коих апостол полагает четыре, говоря об этом так: «прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения» (1Тим 2, 1) Такое разделение, без сомнения, сделано апостолом не напрасно. Поэтому нужно сперва определить, что значит молитва, моление, прошение, благодарение, далее необходимо исследовать, все ли эти четыре вида должны быть вместе употребляемы молящимся, так чтобы во всякой молитве все они соединялись, – или должны быть приносимы порознь и попеременно, т.е. иногда молитвы, иногда моления, а иногда прошения или благодарения, или один должен воссылать Богу молитвы, а другой моления, один прошения, а другой благодарения, сообразуясь с мерою возраста, какой соответствует чей-либо ум, смотря по напряжению своей деятельности.

[19] Глава 10. О порядке видов молитвы

[20] Итак, прежде всего нам следует вникнуть в свойство самих названий и показать различие между молитвою, молением и прошением; потом рассмотреть, должны ли они возноситься порознь или вместе; в-третьих, надо размыслить, не внушает ли чего-нибудь важного и сам порядок слов апостола или надо просто почитать его лишь обыкновенным разделением и понимать его безразлично,

что, впрочем, кажется мне невероятным; ибо не следует думать, что Св. Дух устами апостола произнес что-либо мимоходом и без намерения. Рассмотрим же теперь, при содействии Божием, каждый вид молитвы в том именно порядке, какой предложен нами.

[21] Глава 11. О молитве (absecratione)

[22] «Прежде всего прошу совершать молитвы» (1Тим.2:1). Молитва есть умилостивление за грехи, посредством которого человек кающийся испрашивает прощение или в настоящих, или в прежних своих беззакониях.

[23] Глава 12. О молении (oratione)

[24] В молениях мы что-либо приносим или обещаем Богу, что по-гречески называется ευχή – моление обетное, или просто, обет. Почему, где в греческом стоит: τας ευχας μου τω Κυρίω αποδώσω, в латинском переводе читается: vota mea domino reddam – «обеты мои воздам Господу» (Пс 115, 9). Согласно же с обычным значением слов, греческий текст может быть истолкован и таким образом: моления мои Господу воздам. Равно и в Екклезиасте мы читаем: когда даешь обет Богу, то не медли исполнить его (Еккл 5, 3). Греческий текст, соответствующий нашему, есть следующий: εαν ευξης ευχην Κυρίω и проч., который может быть переложен таким образом: если принесешь моление (обетное) Богу, не медли исполнить его. А исполнить его может каждый из нас. Так, мы приносим эти обетные моления, когда, отрекаясь от мира, обещаемся служить Господу со всей ревностью сердца своего и умереть для всякого общения с миром и для всех

дел его; приносим эти моления, когда, презрев мирские почести, отвергнув земные стяжания, обязываемся во всяком сокрушении сердца и в нищете духа прилепляться Господу; мы приносим эти моления, когда даем обет непрестанно сохранять совершенную чистоту тела и непреодолимое терпение или вовсе исторгнуть из сердца своего корень производящего смерть гнева и уныния. Если же по своей беспечности и склонности к прежним порокам, мы не исполним тех благих намерений, то будем виновны в наших молениях и обетах, и к нам отнесутся тогда слова: «лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить» (Еккл 5, 4). Что в греческом можно понимать так: лучше не молиться, нежели, молясь, не исполнять молитвенных обетов.

[25] Глава 13. О прошении (postulatione)

[26] На третьем месте у апостола поставлены прошения, которые мы, находясь в горячности духа, обычно воссылаем за других, прося о тех, кого любим, или о мире всего мира, выражаясь же словами самого апостола, за всех человеков: «за царей и за всех начальствующих» (1Тим 2, 2).

[27] Глава 14. О благодарении

[28] Напоследок, на четвертое место, ставятся благодарения, которые ум в неизъяснимом восторге приносит Богу, когда вспоминает прошедшие благодеяния Божии или созерцает настоящие, или когда, прозревая будущность, усматривает, какие и сколь великие блага уготовил Бог любящим Его. В этом

последнем случае обычно изливаются обильнейшие молитвы, когда дух наш, взирая чистейшими очами на награды, уготованные святым в будущем веке, побуждается с безмерной радостью воссылать Богу неизреченные благодарения.

29 Глава 15. Всем ли необходимы четыре вида молитв и вместе или каждому порознь и отдельно?

30 Каждый из показанных четырех видов молитвы может иногда делаться приношением тучным; ибо известно, что и молитва, рождающаяся от сокрушения о грехах, и моление, проистекающее от верности приношений и точного исполнения обетов в чистой совести, и прошение, происходящее от пламенной любви, и благодарение, рождающееся от созерцания благодеяний, величия и милосердия Божия, весьма часто производит в нас горячайшие и пламенные молитвы. Отсюда видно, что все вышеупомянутые четыре вида полезны и необходимы всякому человеку, так что один и тот же человек, смотря по различию внутреннего своего расположения, может приносить иногда молитвы, иногда моления, иногда прошения, иногда – благодарения, чистые и горячайшие. Впрочем, первый вид, кажется, особенно приличен начинающим, которые, как жалом, уязвляются еще воспоминанием своих пороков; второй – тем, которых преуспевание в добродетелях поставило на некоторую высшую степень духовного совершенства; третий – тем, которые, исполняя обеты свои на самом деле, принимают на себя ходатайство и за других по любви и снисхождению к их немощи, четвертый же свойствен тем,

которые, исторгнув из сердец своих терны наказующей совести, спокойно и совершенно чистым умом созерцают милости и щедроты Господни, или прежде оказанные им, или настоящие, или в будущей жизни уготованные, и через то пламенеющим сердцем возбуждаются к горячайшей и устами человеческими невыразимой молитве. Случается, впрочем, что ум, достигший такого совершенства чистоты и начавший уже утверждаться в нем, вдруг объемлет все эти виды молитв и, обтекая их, наподобие некоего непостижимо быстрого пламени, проливает перед Богом неизъяснимые, чистейшей силы исполненные моления, которые Сам Дух, без нашего ведения, возносит к Богу в воздыханиях неизреченных (Рим 8, 26), т.е. в сию минуту человек воодушевляется такими чувствованиями и столь непостижимо изливается в молитве, что в другое время он не только не может пересказать этого, но даже и возобновить в своей памяти. А из этого видно, что в какой бы мере возраста кто ни находился, может иногда воссылать чистые и усердные молитвы. Ибо и тот, кто стоит на первой и низшей ступени, возмущаясь помыслом о грядущем суде, страшась испытания и ужасаясь наказания, и тот приходит иногда в такое сокрушение, что является готовым утучнить[37] (Пс 62, 6) молитвенную жертву свою не менее, чем и тот, кто наслаждается неизреченным весельем и радостью при созерцании чистым сердцем Божеских благодеяний; ибо он, зная, что ему много прощено, начинает, по слову Господа, много любить (Лк 7, 47).

[31] Глава 16. Восходить к означенным видам молитв следует постепенно

[32] Впрочем, для преуспевания в духовной жизни и для совершенного исполнения добродетелей, мы особенно должны располагать себя к тем видам молитв, воссылать которые побуждают нас или созерцание будущих благ, или сила пламенной любви, или, по крайней мере, стремление снискать какую-нибудь добродетель или истребить какой-нибудь порок. Ибо нельзя иначе достигнуть тех высших видов молитвы, о которых мы уже сказали, если ум наш мало-помалу и постепенно не пройдет сперва ряд низших молитв.

[33] Глава 17. И Христос употреблял эти четыре вида молитв

[34] Господь наш собственным примером благоволил освятить четыре вида молитв, дабы и в этом случае исполнилось то, что о Нем сказано: «что Иисус делал и чему учил от начала» (Деян 1, 1). Он приносит молитву, когда говорит: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф 26, 39), или как воспевается в псалме от лица Его: «Боже мой! Боже мой! [внемли мне] для чего ты оставил меня?» (Пс 21, 2) и т.п. Моление Его выражается в словах: «Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить» (Ин 17:4), или: «и за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною» (Ин 17:19). Прошение Его выражается в следующих словах: «Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне» (Ин 17:24), или: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк 23, 34).

Благодарение выражается в следующих словах: «славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам. Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение» (Лк 10, 21), или в словах: «Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня» (Ин 11:41–42). Хотя эти примеры показывают, что все четыре рода молитв можно воссылать порознь и в различное время; впрочем в совершенной молитве они могут и соединяться, – чему также учит пример Господа нашего, представленный в той пространной молитве, которую читаем в конце Евангелия Иоанна (Ин 17). Текст ее, по своей обширности, не может быть приведен здесь, но в справедливости сказанного может увериться всякий читатель после внимательного рассмотрения ее содержания. Ту же мысль очевидно выразил и апостол в послании к филиппийцам, где он несколько меняет порядок четырех видов молитвы и показывает, что иногда, объятые молитвенным пламенем, мы должны приносить их вместе. «Но всегда, – говорит он, – в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом» (Флп 4, 6), тем самым он в особенности хотел внушить нам, что к молитве и молению надо присоединять и благодарение с прошением.

[35] Глава 18. О молитве Господней

[36] За четырьмя видами молитв следует состояние возвышеннейшее и совершеннейшее, которое заключается в созерцании единого Бога и в пламенной любви к Нему, и где ум наш, объятый и проникнутый этой любовью, беседует с Богом ближайшим образом и с особенной искренностью, как с Отцом своим. То, что мы

должны стараться достигать такого состояния, внушают нам слова молитвы Господней (Мф 6, 9–13). Мы говорим: «Отче наш!» Если таким образом Бога, Господа вселенной собственными устами исповедуем Отцом своим, то вместе с тем исповедуем и то, что мы из состояния рабства совершенно приведены в состояние усыновленных чад Божиих. Далее мы присоединяем: «сущий на небесах», чем изъявляем свою готовность со всем ужасом отвращаться настоящей земной жизни, как страннической и весьма далеко уклоняющей нас от Отца нашего, а напротив, с величайшим желанием стремиться к той области, в которой предполагаем обитель Отца нашего, и не позволять себе ничего такого, что делало бы нас недостойными высокого усыновления, лишало нас, как незаконных детей, отеческого наследия и подвергало всей строгости праведного суда Божия. Достигнув столь высокой степени сынов Божиих, мы тотчас воспылаем свойственной добрым детям любовью, которая заставит нас во всем искать не своей пользы, но славы Отца нашего. Почему мы говорим Ему: «да святится имя Твое», чем свидетельствуем, что наше чаяние, наша радость есть слава нашего Отца, следуя тому, кто сказал: «говорящий сам от себя ищет славы себе; а Кто ищет славы Пославшему Его, Тот истинен, и нет неправды в Нем» (Ин 7, 18).

Сосуд избранный, будучи исполнен такими чувствами, желает быть отлученным от Христа (Рим 9, 3), чтобы только приобрести Ему многочисленное семейство и присовокупить к славе Отца своего спасение всего Израиля, Ибо тот безопасно желает погибнуть за Христа, кто знает, что никто не может умереть, умирая за жизнь. И в другом месте тот же апостол говорит: «мы радуемся,

когда мы немощны, а вы сильны» (2Кор 13, 9) Да и нужно ли удивляться, что сосуд избранный желает быть отлучен от Христа для славы Его, для обращения своих братьев и для сохранения преимуществ своего народа, когда и пророк Михей желает быть лживым и чуждым вдохновения Св. Духа, чтобы только народ иудейский мог избежать тех казней и бедствий плена, которые он предсказывал ему в своем пророчестве? О, когда бы, говорит он, я не был мужем, имеющим Духа, и лучше говорил бы ложь (Мих 2, 11 с подл.). Мы не упоминаем уже о той готовности законодателя Моисея погибнуть вместе с заслужившими погибель своими братьями, которую он выражает в следующих словах: «о, народ сей сделал великий грех: сделал себе золотого бога; прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал» (Исх 32, 31, 32). Впрочем, слова: да святится имя Твое – справедливо могут давать и ту мысль, что священие Бога есть наше совершенство. Поэтому говоря Ему: «да святится имя Твое», мы говорим как бы следующее. Отче! сделай нас такими, чтобы мы могли понимать величие Твоей святости или удостоиться приятия ее, или, лучше, да открывается святость Твоя в духовной жизни нашей А это только тогда исполняется в нас действительно, когда люди «видят добрые дела наши и прославляют Отца нашего Небесного» (Мф 5, 16).

[37] Глава 19. О словах: «да приидет царствие Твое»

[38] Вторым прошением ум, достигший высшей степени чистоты, умоляет: «да приидет Царствие Твое», понимая под этим то всегдашнее царствование Христа во святых, которое наступает тогда, когда, по истреблении смрадных

пороков в сердцах наших, власть дьявола прекращается, и Бог, по причине благоухания добродетелей, начинает в нас владычествовать, – когда вместо побежденной плотской похоти воцаряется в уме нашем чистота, вместо подавленного гнева – спокойствие, вместо попранной гордости – смирение, или то царство, которое в предопределенное время обещано всем вообще достигшим совершенства и сделавшимся сынами Божиими, когда Христос скажет им: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф 25, 34). К этому-то царствию бывают устремлены и как бы пригвождены взоры, желания и ожидания чистой души, когда она взывает к Богу: «да приидет Царствие Твое!» Ибо она твердо уверена свидетельством своей совести, что тотчас наследует это царство, когда оно откроется Напротив, никто из беззаконников не осмелится желать этого; ибо тот конечно не захочет и видеть престола Судии, кто знает, что в день пришествия Его получит он за дела свои не венец и награду, а наказание.

[39] Глава 20. О словах: «да будет воля Твоя»

[40] Третье прошение есть сыновнее: «да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Не может быть молитвы выше той, которой мы желаем, чтобы земное удостоилось сравниться с небесным. Ибо что значат слова: «да будет воля Твоя и на земле, как на небе», как не то, что да будут люди подобны – ангелам, и как ангелы исполняют волю Божию на небе, так и все, живущие на земле, да творят не свою, а Его волю. И этого прошения никто не может произнести с полным чувством, кроме того, кто верует, что Бог все, что кажется нам несчастьем или счастьем,

устраивает к нашей пользе, и что Он больше промышляет и печется о нашем спасении и благе, нежели мы сами о себе. Впрочем, можно понимать это и иначе. Воля Божия состоит в спасении всех людей, по словам св. Павла: «чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1Тим 2, 4). Итак, взывая к Богу: «да будет воля Твоя и на земле, как на небе», мы иными только словами умоляем Его так: Отче! через познание Тебя да спасутся все живущие на земле, подобно тем, которые пребывают уже на небе.

[41] Глава 21. «Хлеб наш насущный дай нам на сей день»

[42] Далее: «хлеб наш επιουσιον т. е. насущный», или, по другому евангелисту, ежедневный «дай нам на сей день». Первым словом означается существенное его достоинство, по которому он превышает все сущности и превосходит все твари высокой своей святостью, а вторым выражается естественное употребление его и польза. Ибо когда говорится: ежедневный, то этим показывается, что без него мы не можем ни одного дня продолжать духовной жизни; а когда говорится: «на сей день», то этим показывается, что надо принимать его ежедневно, и что вчерашнее вкушение его недостаточно, если он подобным образом не будет и ныне преподан нам. Поскольку же нет дня, в который бы не нужно было укреплять сердце внутреннего нашего человека принятием и вкушением этого хлеба, то таковая ежедневная потребность должного заставляет нас во всякое время проливать о нем молитву. Впрочем слова: «на сей день» – можно принимать и в отношении к настоящей жизни, т.е. подавай нам хлеб сей, пока мы находимся в здешнем веке;

ибо знаем, что и в будущей жизни он будет подаваться Тобою тем, которые заслужили его, но мы просим даровать нам его еще на сей день; ибо кто не удостоится принять его в настоящей жизни, тот не сможет причаститься и в будущей.

43 Глава 22. «Прости нам долги наши»

44 «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Невыразимо Божие милосердие! Оно не только дало нам образ молитвы, не только изложило нам правила нравственности, через исполнение которых мы можем угодить Богу, и не только исторгает сами корни гнева и уныния силою предписанного образа непрестанной молитвы; но даже подает молящимся средство к снисканию себе милости и любви в день откровения суда Божия и некоторым образом сообщает нам власть смягчить определение Судии нашего и как бы обязать Его к прощению наших согрешений примером собственного нашего прощения: «прости нам», говорим Ему, «как и мы прощаем». Итак, в надежде на эту молитву смело может просить отпущения грехов всякий, кто только отпустил своим должникам, но не должникам своего Господа. Ибо некоторые из нас (что всего хуже) бывают обычно милостивы и весьма снисходительны к тем поступкам, которые оскорбляют Бога, хотя бы они были великими преступлениями, и, напротив, являются жестокими и неумолимыми мстителями за собственные малейшие оскорбления. Поэтому кто от всего сердца не отпустит согрешающему против него брату, тот этой молитвою будет испрашивать себе не помилование, а осуждение, и сам собственным признанием призывает судить себя, говоря: прости мне, как и я простил. Ибо

если эта молитва его будет услышана, то в соответствии с примером его что иное должно последовать, как не гнев неумолимый и непременное определение наказания. Итак, если мы хотим быть судимы милостиво, то и сами должны быть милостивы к тем, которые против нас согрешили; ибо столько отпустится нам, сколько мы отпустим тем, которые причинили нам какой-либо вред своей злостью. Некоторые, страшась показать, что произнесением этих слов молитвы они больше обвиняют себя, нежели извиняют, молча пропускают их, когда весь народ поет эти слова в церкви. Но напрасно стараются употреблять эти хитрости перед Судией всех, Который захотел наперед показать своим подсудимым, как Он будет судить их, т.е. Он показал нам такой образ суда, по которому не хочет явиться строгим и неумолимым, но как мы хотим быть судимы Им, так должны судить и братьев наших, если они в чем-либо согрешат против нас: «ибо суд без милости не оказавшему милости» (Иак 2, 13).

[45] Глава 23. О словах: «не введи нас в искушение»

[46] Далее следует: «и не введи нас в искушение». При этом рождается немаловажный вопрос. Если молимся о том, чтобы не подвергаться искушению, то как можем доказать твердость своей добродетели, которой требует Св. Писание? «Кто не имел опытов, – говорит оно, – тот мало знает» (Сир 34, 10). И еще: «блажен человек, который переносит искушение» (Иак 1, 12). Итак, слова молитвы: «не введи нас в искушение», не то значат, что не позволь нам когда-либо искуситься, но не допусти нам быть побежденными в искушении. Искушаем был Иов, но не введен в искушение, ибо «во всем этом не согрешил»

(Иов 1, 22) и не осквернил уст богохульством, к чему хотел привлечь его искуситель. Искушаем был Авраам, искушаем был Иосиф, но ни тот, ни другой не введен был в искушение, ибо ни один не исполнил воли искусителя. Наконец следует: «но избавь нас от лукавого», т.е. не позволь искуситься от дьявола сверх нашей силы. «Но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1Кор 10, 13).

[47] Глава 24. Не следует просить чего-либо другого, кроме того, что содержится в молитве Господней

[48] Итак, видите, какой образ молитвы предложен нам от самого Судии, Которого мы должны умолять ею. Здесь нет прошения и даже воспоминания ни о богатстве, ни о почестях, ни о власти и силе, ни о телесном здоровье или временной жизни. Творец вечности не хочет, чтобы мы просили у Него чего-нибудь суетного, маловажного. Итак, тот нанесет величайшее оскорбление Его величеству и благости, кто, презрев эти вечно благие прошения, захочет умолять Его о чем-либо скоропреходящем и тленном; такой человек маловажностью прошений скорее навлечет на себя негодование Судии своего, нежели привлечет Его благоволение.

[49] Глава 25. О качестве высшей молитвы

[50] Хотя предложенная молитва, будучи изречена или постановлена самим Господом, по-видимому, заключает в себе всю полноту совершенства; впрочем, присных своих она направляет к тому, прежде сказанному нами,

возвышеннейшему состоянию, к той пламенной и весьма немногими познанной и испытанной или, точнее сказать, неизреченной молитве, которая, превосходя всякое человеческое понятие, не может быть выражена ни звуками голоса, ни движениями уст и никаким сочетанием слов, но которую ум, озаренный блистанием небесного света, произносит не человеческой слабой речью, а от избытка чувств произвольно изливает из себя, как бы из некоего обильнейшего источника, и неизъяснимо воссылает к Господу. В это краткое время ум наш бывает исполнен таких ощущений, что и обратись в самого себя, не может ни изречь, ни обозреть их. Такое состояние также показал нам Господь в тех молитвах, которые Он, как пишется в Евангелии, возносил уединенно на горе (Лк 5, 16) или в молчании, когда, находясь в подвиге молитвы, проливал даже капли крови (Лк 22, 44). Пример неподражаемый!

51 Глава 26. Горячность духа молитвы разными способами возбуждается

52 Кто же, обладая какою-нибудь опытностью, достаточно может объяснить различия, причины и происхождение сокрушений, от которых дух, воспламенившись и разгораясь, возбуждается к чистой и пламенной молитве? Немногие из этих причин, насколько можем теперь при просвещении Господа вспомнить, предложим для примера. Иногда стих какого-либо псалма подавал повод к пламенной молитве, иногда сладкозвучное пение брата возбуждало души бесчувственных к усердной молитве. Знаем, что внятность и важность поющего псалмы доставляла много горячности предстоящим, также увещевание совершенного мужа, духовное собеседование

возбуждает в нерадивых расположение к обильнейшим молитвам. Знаем также, что мы не меньше были приводимы к полному сокрушению погибелью брата или приятеля какого-нибудь. Также воспоминание о нашей холодности и нерадивости иногда возбуждало в духе спасительную горячность. Таким образом, находим бесчисленные случаи, при которых благодать Божия может пробуждать души наши от равнодушия и сонливости[38].

[53] Глава 27. О разных проявлениях сокрушения в молитве

[54] А каким образом или какими способами это сокрушение проявляется из сокровенности души, исследовать это составляет не меньшую трудность. Ибо часто плод спасительного сокрушения обнаруживается неизреченной радостью и бодростью духа, так что от чрезмерности неудержимой радости переходит в какой-то вопль, который доходит до кельи соседа при услаждении сердца и великом восхищении. А иногда дух погружается в такое молчание в глубокой тишине уединения, что исступление от внезапного озарения прекращает всякий звук голоса, и все чувства изумленный дух удерживает внутри или воздыхает и желания свои изливает к Богу неизъяснимыми стонами. А иногда он исполняется столь великим искушением и скорбью, что нельзя привести его в надлежащее состояние иначе, как излиянием слез.

[55] Глава 28. Вопрос о том, что излияние слез не состоит в нашей власти

[56] **Герман**. Это свойство сокрушения отчасти знает и мое убожество. Ибо часто, когда появлялись слезы от воспоминания моих грехов, я, по посещению Божию, ободрялся такой, как ты сказал, неизреченной радостью, что неизмеримость этого веселья внушала, что мне нельзя отчаиваться в прощении их. Думаю, что нет ничего выше этого состояния, если бы приобретение его зависело от нашей воли. Иногда, желая всеми силами возбудить в себе подобное сокрушение со слезами и все свои заблуждения и грехи представляя перед взором, не могу вызвать обильный плач, и глаза мои до того делаются твердыми, наподобие жесткого камня, что ни одной капли влаги не капнет из них. И потому сколько я радуюсь излиянию слез, столько же скорблю о том, что не могу вызвать их, когда бы хотелось.

[57] Глава 29. Ответ о различии духовных слез

[58] **Исаак**. Не всякое излияние слез происходит от одного расположения, или одной силою. Иначе плач бывает от уязвления нашего сердца сознанием грехов, о чем говорится: «утомлен я воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою» (Пс 6, 7). Еще: «лей ручьем слезы день и ночь, не давай себе покоя, не спускай зениц очей твоих» (Плач 2, 18). Иначе происходит от созерцания вечных благ и от желания будущей славы, ради которой истекают обильные слезы, от неудержимой радости и безмерной живости, когда душа наша жаждет к Богу – источнику живому, говоря: «когда приду и явлюсь пред лице Божие!

Слезы мои были для меня хлебом день и ночь» (Пс 41, 3, 4). Иначе текут слезы, хоть без представления своих грехов, но от страха геенны и от воспоминания о страшном суде, пораженный таким страхом пророк молится Богу, говоря: «не входи в суд с рабом Твоим, потому что не оправдается пред Тобой ни один из живущих» (Пс 142, 2). Есть также и другой род слез, который происходит не от сознания своих грехов, а от сожаления об ожесточении и грехах других, как плакал Самуил о Сауле, пророк Иеремия и Господь Иисус Христос об Иерусалиме (1Цар 15, 35; Лк 19, 41). Пророк Иеремия говорит: «кто даст голове моей воду и глазам моим – источник слез! я плакал бы день и ночь о пораженной дщери народа моего» (Иер 9, 1) Таковы же и те слезы, о которых говорит: «я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами» (Пс 101, 10). Ясно, что эти слезы происходят не от того расположения духа, от какого текут у Псалмопевца, когда он от лица кающегося говорит: «я утомлен воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою» (Пс 6:7); но от скорбной этой жизни, от притеснений и горестей, какими праведники угнетаются в этом мире. Это ясно доказывает не только содержание псалма, но и написание, которое от лица нищего (о втором в Евангелии говорится: блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное (Мф 5:3))), – так гласит: молитва нищего, когда он унывает и изливает пред Господом печаль свою (Пс 6:1). Итак, намного отличаются от этих слез те, которые при ожесточении сердца выжимаются из сухих глаз и которые не считаем совсем бесплодными, ибо они происходят от доброго намерения, особенно у тех, у кого не смогли еще достигнуть совершенного знания или

вполне очиститься от скверны прежних или настоящих пороков.

[59] Глава 30. Не нужно стараться извлекать слезы, когда они не текут сами собою

[60] Но те, которые уже утвердились в расположении к добродетелям, не должны таким (насильственным) образом исторгать течение слез, и не нужно усердно домогаться плача по внешнему человеку; да если бы он как-нибудь и был произведен, то никогда не сможет достигнуть плодотворности самопроизвольных слез. Ибо своими усилиями больше развлекая душу молящуюся, он будет понижать, погружать вниз, низведет с небесной высоты, на которой изумительный дух молящегося неуклонно должен быть утвержден, и по ослаблении внимания к молитве заставит его скорбеть о бесплодных и вынужденных каплях слез.

[61] Глава 31. Мнение аввы Антония о стоянии на молитве

[62] А чтобы вам получить расположение к истинной молитве, я выскажу вам мнение не свое, а блаженного Антония. Мы знаем, что он иногда стоял на молитве до того, что когда во время молитвы взошедшее солнце начинало его жечь, мы слышали, что он в горячности духа взывал: солнце! что ты препятствуешь мне, как будто для того и восходишь, чтобы отвлечь меня от блеска этого истинного света? Ему также принадлежит и это небесное, более чем человеческое мнение о цели молитвы: несовершенна та молитва, говорил он, в которой монах

сознает себя или то, что молится. К этому духовному мнению осмеливаемся и мы нечто прибавить по мере нашего убожества, – покажем признаки, насколько мы испытали, услышана ли Господом молитва.

63 Глава 32. О знаке услышания молитвы

64 Когда во время молитвы не смущает нас никакое сомнение, и ничто надежды нашего прошения не низлагает каким-нибудь отчаянием; если в самом излиянии молитвы чувствуем, что мы получили то, чего просим, то не сомневаемся, что молитвы наши действительно проникли к Богу. Ибо настолько молящий удостаивается быть услышанным и получить, насколько будет верить, что Бог на него взирает или Бог может исполнить просимое. Ибо непреложно изречение нашего Господа: «все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам» (Мк 11, 24).

65 Глава 33. Возражение: надежда на услышание, кажется, приличествует только святым

66 **Герман**. Мы верим, что эта надежда на услышание происходит от чистоты совести. Но мы, у которых сердце еще уязвляется жалом грехов, как может иметь надежду, когда у нас нет никаких заслуг, положившись бы на которые, мы были бы уверены, что молитвы наши услышаны?

[67] Глава 34. Ответ о разных причинах услышания молитвы

[68] **Исаак**. Евангельские или пророческие слова свидетельствуют, что разные бывают причины услышания[39]. Так, по словам Господа, причина услышания заключается в согласии двоих: «если двое из вас, – говорит Он, – согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного» (Мф 18, 19). Другая причина услышания заключается в полноте веры, которая сравнивается с зерном горчицы: «если вы, – говорит Спаситель, – будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф 17, 20). Еще причина в частом повторении молитв, которое, по причине неослабевающего пребывания в прошении, Спаситель назвал неотступностью: «если, говорю вам, он (друг) не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит» (Лк 11, 8). Причина заключается и в плоде милостыни, как говорит Премудрый: запри милостыню в сердце нищего, и она будет молиться за тебя во время несчастия (Сир 29, 15). Заключается также в исправлении жизни и делах милосердия, как говорится у пророка: «сними оковы неправосудия, разреши узы ярма», показав, чем исправляется бесплодность поста, Господь говорит: «тогда ты воззовешь, и Господь услышит тебя; возопиешь, и Он скажет: вот Я!» (Ис 58:6, 9). Иногда и чрезмерные несчастья способствуют услышанию, как говорит Псалмопевец: «к Господу воззвал я в скорби моей, и Он услышал меня» (Пс 119, 1). И еще: «пришельца не притесняй; …когда они возопиют ко Мне, Я услышу; ибо Я

милосерд» (Исх 22:21, 27).

Итак, видите, сколькими способами приобретается благодать услышания, так что никто для испрошения спасительных и вечных благ не должен предаваться отчаянию от сознания своей греховности. Ибо глядя на свое убожество, положим, что мы вовсе не имеем всех вышеупомянутых добродетелей, не имеем ни похвального согласия двоих, ни веры, сравниваемой с горчичным зерном, ни дел благочестия, описанных пророком; но неужели не можем иметь и неотступности, которая всякому желающему удобна? Ради нее одной Господь обещал дать все, что будет просимо. Потому без колебаний неверия надо быть настойчивым в молитвах и не сомневаться, что постоянством их получим все, что будем просить у Бога. Ибо Господь, желая доставить вечные и небесные блага, увещевает, чтобы мы неотступностью некоторым образом вынуждали Его, и Он нас, докучающих, не только не презирает, не отвергает, но еще побуждает, хвалит и благосклонно обещает доставить нам все, чего настойчиво будем ожидать, говоря: «просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам. Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Лк 11, 9, 10). И еще: «все, чего вы попросите в молитве с верою, полу́чите» (Мф 21, 22). И потому, если бы у нас и не было ни одной из вышесказанных причин услышания молитвы, по крайней мере, должно воодушевлять нас постоянство неотступности, которая находится во власти каждого желающего, без всякого затруднения со стороны заслуг или труда.

Но всякий молящийся должен знать, что он точно не

будет услышан, если будет сомневаться в услышании. А что надо молиться Господу неутомимо, этому научаемся из примера блаженного Даниила, который был услышан в первый день, в который начал молиться, а получил исполнение своего прошения уже после двадцать первого дня (Дан 10, 12–14). Потому мы не должны прекращать начатое совершение наших молитв, хотя они и не скоро бывают услышаны[40], чтобы по распоряжению Божию как-нибудь не продлился путь для услышания нас, или чтобы ангел, переносящий к нам благодеяние Божие[41], выйдя от лица Всемогущего, по сопротивлению дьявола не замедлился[42], а он, верно, не сможет принести пересылаемого дара, если найдет, что мы прекратили молитву. Это, без сомнения, могло бы приключиться и с вышесказанным пророком, если бы он с особенной силою не продолжил своих молитв до двадцать первого дня. Итак, от твердости этой веры мы не должны уклоняться и впадать в отчаяние, когда не видим исполнения нашей молитвы, не должны сомневаться касательно обещания Господа, Который говорит: «все, чего ни попросите в молитве с верою, получите» (Мф 21, 22).

Здесь кстати изложить учение блаженного Иоанна, евангелиста, в котором ясно разрешается сомнение этого вопроса: «вот какое дерзновение мы имеем к Нему, – говорит он, – что, когда просим чего по воле Его, Он слушает нас» (1Ин 5, 14). Следовательно, он повелел иметь полную и несомненную надежду на услышание только касательно того, что согласно не с нашими выгодами, временными утешениями, а с волею Божией. Это и в молитве Господней велено нам говорить: «да будет воля Твоя» (Мф 6, 10), а не наша. Если вспомним и слова апостола: «мы не знаем, о чем молиться, как должно»

(Рим 8, 26), то поймем, что мы иногда просим противного нашему спасению, и потому Бог, правильнее, истиннее нас знающий нашу пользу, справедливо отказывает нам в том, чего просим. Без сомнения, это же случилось и с учителем язычников, когда он просил, чтобы от него удален был ангел сатаны, который, по воле Божией, с пользою был приставлен к нему для смирения: «трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его (искусителя) от меня. Но Господь сказал мне: довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2Кор 12, 8–9). В этом же смысле Господь, молясь от лица воспринятого человечества, чтобы Своим примером преподать нам образец молитвы, как и прочего поведения, так выразился в молитве: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф 26, 39), тогда как воля Его не разнилась с волею Отца. Ибо Он пришел спасти погибшее и дать душу Свою в искупление за многих, о чем Сам говорит: «никто не отнимет ее у Меня, но Я сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее» (Ин 10, 18). От лица Его касательно единства воли Его с волею Бога Отца блаженный Давид говорит: «Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой» (Пс 39, 9). О Боге Отце мы так читаем: «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного» (Ин 3, 16). А о Сыне Божием говорится, что Он предал Себя «за грехи наши» (Рим 4:25). Как об Отце говорится: «Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас» (Рим 8, 32), так и о Сыне говорится, что Он принесен был, потому что Сам захотел (Ис 53). Таким образом, воля Отца и Сына одна во всем бывает, так что в самой тайне воскресения Господа действие было обоюдно согласное. Ибо как воскресение тела Его блаженным апостолом приписывается Богу Отцу

(Гал 1, 1), так и о Сыне свидетельствуется, что Он воздвигнул храм тела Своего (Ин 2, 19). Итак, из сказанных примеров Господа научившись, мы должны также все прошения свои заключать подобными словами: «впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Мф 26, 39). Известно, что кто молится не с внимательным расположением, тот не может соблюдать и троекратную молитву, совершаемую обычно в собраниях братьев при окончании богослужения[43].

[69] Глава 35. О совершении молитвы внутри кельи, по затворении дверей

[70] Прежде всего нам необходимо прилежно исполнять евангельскую заповедь, чтобы, войдя в свою келью и затворив двери, мы молились Отцу нашему. Это мы исполняем таким образом: внутри своей кельи молимся, когда, сердце свое отвлекая совершенно от смятения всех помыслов или забот, мы приносим свои молитвы Господу некоторым тайным образом и с дерзновением. При запертых дверях молимся, когда с закрытыми устами, молча молимся испытующему не слова, а сердца. В сокровенном месте молимся, когда только сердцем и внимательным умом приносим свои прошения одному Богу, так что и самые противные власти не могут узнать род нашего прошения. Для этого нужно молиться с совершенным безмолвием, чтобы нам своим шепотом или возгласами не только не развлекать стоящих впереди братьев и не возмутить чувства молящихся, но чтобы и от самих врагов наших, строящих наветы нам, особенно во время молитвы, укрылось усердие нашего прошения. Таким образом мы исполним и эту заповедь: «от лежащей на лоне твоем стереги двери уст твоих» (Мих 7, 5).

[71] Глава 36. О пользе краткой и безмолвной молитвы

[72] Для этого часто, но кратко нужно молиться[44], чтобы при продолжительной молитве враг-наветник не мог всевать что-нибудь в наше сердце. Это есть истинная жертва, потому что «жертва Богу – дух сокрушенный» (Пс 50, 19). Это – спасительное приношение, чистое возлияние, жертва правды, жертва хвалы (Пс 49, 14), истинная и тучная жертва, это – мозговое всесожжение (Пс 65, 15), которое приносится сокрушенным и смиренным сердцем; и принося их по тому правилу и с тем усердием духа, о которых сказано, мы можем деятельной добродетелью воспевать: «да направится молитва моя, как фимиам, пред лицо Твое, воздеяние рук моих – как жертва вечерняя» (Пс 140, 2). Ночное время особенно располагает нас совершать это с благопристойным благоговением. Хотя по мере нашего убожества мы, кажется, много говорили, и долго продлилась беседа, однако по возвышенности и трудности предмета рассуждение это считаем очень кратким. Этими святыми речами больше изумленные, нежели удовольствованные, после окончания вечерней службы мы немного подкрепили себя сном, а при первом признаке рассвета опять намерены были обратиться с просьбою о дальнейшем рассуждении.

Десятое собеседование аввы Исаака Скитского (второе). О молитве

[1] Глава 1

[2] Между высокими постановлениями отшельников, изложенными при помощи Божией, хотя и не искусным пером, порядок повествования заставляет кое-что вставить, присовокупить, хотя это и кажется родимым пятном, положенным на красивое тело. Впрочем, я не сомневаюсь, что этим будет доставлено всем простецам немалое вразумление касательно образа Всемогущего Бога, о котором читается в книге Бытия, особенно когда это касается такого важного догмата, так что незнание его без большого богохульства и ущерба для кафолической веры не может оставаться.

[3] Глава 2. Об обычае праздновать Пасху в Египте

[4] В египетской стране, по древнему преданию, соблюдается такой обычай, что после дня Богоявления (под которым священники той области понимают Крещение Господне и Рождество по плоти, и потому торжество того и другого таинства празднуют не в два дня, как в западных областях, а в один день), александрийский первосвященник рассылал послания по всем церквам Египта, в которых назначал начало Четыредесятницы и день Пасхи не только по всем

городам, но и по всем монастырям. Итак, по этому обычаю, немного дней спустя после предыдущей беседы с аввою Исааком, пришли «праздничные послания епископа вышесказанного города, Феофила, в которых с назначением дня Пасхи он поместил длинное рассуждение против нелепой ереси антропоморфистов и опроверг ее обильной речью. Это почти всеми монахами, обитавшими по всему Египту, по ошибке от простоты было принято с таким огорчением, что большая часть старцев всего братства определила отвращаться упомянутого епископа, как зараженного весьма важной ересью, а именно, казалось противным Св. Писанию – отвергать, что Всемогущий Бог имеет образ подобный человеческому, поскольку ясно свидетельствуется, что Адам сотворен по образу Его! Наконец и теми, которые обитали в скитской пустыне и которые совершенством и познаниями превосходили всех, живших в египетских монастырях, это послание было отвергнуто, так что кроме аввы Пафнутия, пресвитера нашего общества, никто из прочих пресвитеров, бывших в той же пустыне настоятелями над другими тремя церквами, вовсе не позволял ни читать, ни объявлять на своих собраниях.

5 Глава 3. Серапион впал в ересь антропоморфистов

6 Итак, среди державшихся этого заблуждения был старец древней строгости в воздержании и в деятельной жизни, во всем совершенный, по имени Серапион. Он по неучености, вопреки всем, содержащим истинную веру, столько погрешал во мнении о вышесказанном догмате, сколько заслугами жизни и летами превосходил почти всех монахов. Он после многих увещеваний святого

пресвитера Пафнутия не смог стать на стезю правой веры, оттого что это мнение казалось ему новизною, которой предки не открывали и не передали. В то время случилось, что один диакон, именем Фотий, муж высокой учености, желая увидеть братьев, обитавших в той пустыне, пришел из Каппадокии. Блаженный Пафнутий, с большой ласкою приняв его, для утверждения веры, изложенной в письмах вышесказанного епископа, поставив на средину, при всех братьях стал спрашивать: кафолические церкви всего Востока как толкуют то, что говорится в книге Бытия: «сотворим человека по образу… и по подобию Нашему» (Быт 1, 26)? Когда он объяснил, что все начальники церквей понимают образ Божий и подобие не в простом буквальном, а духовном смысле, обильной речью и многими свидетельствами Св. Писания доказывал, что к неизмеримому, необъятному и невидимому величию неприложимо что-либо такое, что может быть изображено в человеческом составе и подобии, потому что Бог имеет бестелесную, несложную, простую природу, которую нельзя как глазами видеть, так и умом объять; то старец, тронувшись многими и сильными доказательствами ученого мужа, склонился к вере, кафолическому преданию. Когда беспредельная радость наполнила авву Пафнутия и нас всех по случаю этого согласия его, а именно, что такому древнему мужу, совершенному в стольких добродетелях, погрешавшему по одной неучености и сельской простоте, Бог не позволил до конца уклоняться от стези правой веры, и когда мы, встав для возблагодарения, вместе изливали молитвы Господу, то старец в молитве смутился духом оттого, что почувствовал, как из сердца его исчез тот образ божества антропоморфистов, который он привык представлять себе в молитве, так что вдруг горько

заплакал, часто всхлипывая и повергшись на землю, с сильным воплем восклицал: «о, несчастный я! отняли у меня Бога моего; кого теперь держаться, не имею, или кому кланяться и молиться, уже не знаю». После этого мы возвратились к авве Исааку и, увидав его, приступили к нему с такою речью.

[7] Глава 4. О возвращении к авве Исааку и выведении из заблуждения вышесказанного старца

[8] Хотя новость недавно случившегося дела и желание начатой беседы о состоянии молитвы заставили нас, оставив все прочее, прийти к твоему блаженству, но к этому желанию присоединилось и тяжкое заблуждение аввы Серапиона, в которое он впал, как мы думаем, по хитрости нечистых демонов. Ибо мы колеблемся немалым отчаянием, видя, что он по неведению не только совершенно погубил столько трудов, которые похвально совершал пятьдесят лет в этой пустыне, но и подвергся опасности вечной смерти. Итак, во-первых, мы желаем знать, откуда или для чего приключилось с ним такое тяжкое заблуждение; потому просим научить, как мы можем достигнуть того качества молитвы, о котором ты прежде рассуждал не только обильно, но и возвышенно? Ибо до того подействовала на нас удивительная эта беседа, что привела дух наш только в изумление, а не показала, как мы могли бы совершать ее или научиться ей.

[9] Глава 5. Ответ о происхождении вышеупомянутой ереси

[10] **Исаак**. Не нужно удивляться тому, что человек простейший, никогда не учившийся пониманию сущности и природы Божества, по невежеству мог до сих пор удержаться в привычке древнего заблуждения или обольщаться, а, вернее сказать, закоснеть в прежнем заблуждении, которое разносится не новым обольщением демонов, как выдумаете, а познанием древнего язычества. По привычке к тому заблуждению, по которому почитали демонов, представляемых в образе людей, и ныне также думают, что необъятное и неизреченное величие истинного Божества надо почитать под каким-нибудь начертанным образом, который, стоя на молитве, постоянно умоляли и всегда держали перед глазами. Против этого заблуждения прямо направлено следующее изречение: «славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку» (Рим 1, 23). Также пророк Иеремия говорит: «народ Мой променял славу свою (Бога) на идола!» (Иер 2, 11). Это заблуждение хотя по сказанному происхождению и срослось с чувствами некоторых, однако под предлогом следующего свидетельства: сотворим человека по образу Нашему и подобию, по неискушенности или невежеству привилось и в душах тех, которые никогда не были осквернены языческим суеверием, так что ересь антропоморфистов произошла от превратного толкования, и поэтому с упорным извращением настаивают, что безмерное и простое существо Божие сложилось с нашими чертами, в образе человеческом. Но кто наставлен в православных догматах, тот отвращается этого, как языческого богохульства, и таким образом достигает такой чистоты

молитвы, что не представляет в уме никакого видимого изображения Божества или телесного Его очертания.

11 Глава 6. По каким причинам Иисус Христос кому-либо из нас является то смиренным, то славным?

12 По мере чистоты своей, как я сказал в прежней беседе, всякий ум в молитве своей или возвышается, или вращается в образах, именно настолько отрешается от представления земных, материальных предметов, насколько возвысилось состояние его чистоты, и это бывает причиною того, что внутренним взорам души Иисус является то смиренным, т.е. в плоти, то прославленным, во славе Своего величия. Ибо не могут видеть Иисуса, идущего в Царство Свое те, которые, находясь еще как бы в иудейской немощи, не могут говорить с апостолом: «если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем» (2Кор 5, 16). Но лишь те чистыми очами созерцают Его Божество, которые, отрешаясь от низких, земных дел и помыслов, восходят с Ним на высокую гору уединения, которая свободна от шума всех земных помыслов и смятений, удалена от примеси всех пороков, возвышена чистой верою и превосходством добродетелей, открывает славу лица Его и образ Его светлости тем, которые заслуживают видеть Его чистыми взорами души. Впрочем, является Иисус и тем, которые пребывают в городах, селах и деревнях, т.е. которые находятся в деятельной жизни и трудах, но не в такой ясности, как являлся тем, которые могут восходить с Ним на сказанную гору добродетелей, т.е. Петру, Иакову и Иоанну. Ибо так Он явился в пустыне Моисею и Илие

говорил. Господь наш, желая подтвердить это и оставить нам пример совершенной чистоты, хотя Сам, как невозмутимый источник святости, для приобретения чистоты не нуждался в отшельничестве и внешнем уединении (ибо полнота чистоты не могла очертиться какими-нибудь нечистотами толпы, не мог осквернриться общением с людьми Тот, Кто все нечистое очищает и освящает), однако удалился один на гору молиться, именно этим примером Своим научая нас, чтобы мы, если хотим молиться Богу с чистым и непорочным расположением сердца, также удалялись от всякого беспокойства и смятения толпы, чтобы, в этом теле пребывая, мы могли хоть отчасти приближаться к некоторому подобию того блаженства, которое в будущем обещается святым, и чтобы Бог для нас был «все во всем» (1Кор 15, 28).

13 Глава 7. В чем состоит цель и совершенство наших молитв

14 Тогда вполне совершится в нас молитва нашего Спасителя, которою Он за своих учеников молился Отцу, говоря: «любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них; да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин 17, 26, 21), когда та совершенная любовь Божия, которой Он первый возлюбил нас (1Ин 4, 19), перейдет в расположение и нашего сердца, по исполнении этой молитвы Господней, которая, как мы уверены, никак не может остаться тщетной. Это будет тогда, когда всякая любовь, всякое желание, всякое упражнение, всякое старание, всякое помышление наше, все, что видим, что говорим, на что надеемся, будет Бог, и то единение, которое ныне

существует у Отца с Сыном и у Сына с Отцом, перейдет и в наши чувства и умы, т.е. чтобы как Он любит нас искренней, чистой и неразрушимой любовью, так и мы прилеплялись к Нему всегдашней и неразлучной любовью, именно так соединялись с Ним, чтобы все, на что надеемся, о чем помышляем, что говорим, был Бог, стремясь к вышесказанной цели, исполнения которой желает и молящийся Господь: «да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершенны воедино. ...Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною» (Ин 17, 21, 24). Итак, вот назначение уединенного монаха, таково должно быть намерение, чтобы он удостоился еще в этом теле обрести некоторое подобие будущего блаженства, и начал в этом сосуде предвкушать начатки небесной жизни и славы. Вот, говорю, цель всего совершенства, чтобы дух, очищенный от всякой плотской нечистоты, ежедневно возвышался к небесному, пока всякая деятельность его, всякое стремление сердца сделается одной и постоянной молитвою.

[15] Глава 8. Вопрос: как научиться всегдашнему памятованию Бога?

[16] **Герман**. Удивление от прежней беседы, для которой мы пришли сюда, теперь возрастает до большого изумления. Ибо насколько от этого учения мы воспламеняемся к желанию совершенного блаженства, настолько же впадаем в отчаяние, не зная, каким бы образом мы могли усвоить столь высокое учение Поэтому просим, терпеливо позволь нам объясниться касательно того, с чего нам начать в келье заниматься долговременным размышлением. Хотя мы знаем, что твое

блаженство не оскорбляется никакой глупостью слабых, которая для того и должна быть обнаружена, чтобы исправить то, что есть в ней нелепого. Итак, по нашему мнению, необходимо, чтобы во всяком искусстве или науке, начиная с самых основ, сперва преподавали легкие, слабые начатки, чтобы, воспитывая и насыщая разумным молоком, мало-помалу взращивали, и ученики таким образом, от низшего к высшему, мало-помалу, постепенно восходили[45]. Как какой-либо отрок сможет произнести простые слоги слов, если сначала не узнает начертания букв? Или как приобретет искусство читать тот, кто неспособен еще сопрягать краткие начертания имен? Не учившийся грамматике как приобретет ораторское красноречие или философское знание? Потому я не сомневаюсь, что и в этой возвышенной науке, которая нас учит постоянно прилепляться к Богу, есть какое-нибудь основание наставления, на котором сначала утвердившись, можно было бы подняться и к самому верху совершенства. Думаем, что начало это составляет то, чтобы знать, каким размышлением удерживать Бога в памяти, или как размышлять о Боге; потом нужно знать, как этот предмет твердо сохранять, что составляет высокое совершенство. И потому мы желаем, чтобы нам указали какой-нибудь предмет для этой памяти, посредством которого мы умом восприняли бы и всегда содержали бы Бога, чтобы, держа этот предмет перед глазами, в случае уклонения от Него, мы были готовы, глядя на него, возвратиться к Богу и могли воспринять Его без всякого промедления и без трудности искания.

[17] Глава 9. Ответ на предложенный вопрос

[18] **Исаак**. Ваше столь тонкое изыскание служит знаком близкой чистоты. Ибо никто не может даже спрашивать об этом, не говорю рассуждать, кроме того, кто с прилежным и деятельным старанием и трезвой заботливостью ума глубоко исследует эти вопросы и при постоянном внимании к жизни, руководясь опытом, подступает к порогу этой чистоты и стучится в двери. Поскольку вижу, что вы, не говорю, стоите у дверей той истинной молитвы, о которой рассуждаем, но как бы руками опытности осязаете внутренности и сокровенности ее и некоторых членов ужо касаетесь, то думаю, что мне не много придется потрудиться, чтобы вас, уже как бы ходящих во дворе ее, ввести и в святилище, как Господь направит, и вы не будете замедлены никаким препятствием в рассмотрении того, что нужно показать. Ибо близок к познанию тот, кто толково понимает, что он должен исследовать, недалек от знания и тот, кто начинает понимать, чего он не знает. И потому я не опасаюсь, что подвергнусь порицанию за предательство или легкомысленность, если раскрою то, что в предыдущем трактате о совершенстве молитвы я оставил без рассмотрения; думаю, что вам, ревностно подвизающимся в этом деле, благодатью Божьей сила этого открыта и без нашего наставления.

[19] Глава 10. Об установлении непрестанной молитвы

[20] Итак, по тому наставлению, которое вы разумно сравнили с учением детей, которые иначе не могут понять первого урока азбуки и узнать начертание букв, не

могут твердой рукою написать черты, если сперва после тщательного начертания на воске[46] некоторых отпечатков и формул, постоянно рассматривая и ежедневно подражая, не привыкнут выражать изображения их, – также и вам следует преподать формулу этого духовного учения, на которую всегда твердо устремляя свой взор, вы научились бы непрестанно повторять ее с пользою, и при употреблении ее, размышляя, вы могли бы восходить к высшим взглядам. Итак, предлагается вам такая формула желаемого вами учения и молитвы, о которой (формуле) всякий монах, стремящийся к непрестанному памятованию о Боге, должен привыкнуть постоянно размышлять в сердце, после изгнания всех разнообразных помыслов, потому что он сможет удержать ее не иначе, как отрешившись от всех телесных забот и беспокойств. Она как нам преподана немногими, оставшимися древними отцами, так и нами передается только очень редким и истинно желающим. Итак, для приобретения постоянной памяти о Боге вам предлагается такая формула благочестия: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне» (Пс 69, 2) Этот стишок по достоинству выбран из всего состава Св. Писания. Ибо он объемлет все расположения, какие только могут относиться к природе человеческой, и прилично прилагается ко всякому состоянию и всем случаям. Именно он заключает призывание Бога во всех опасностях, заключает смирение благочестивого исповедания, постоянное бодрствование с заботливостью и страхом, содержит сознание своей слабости, чаяние быть услышанным, надежду на настоящую и всегда присущую помощь. Ибо кто непрестанно призывает своего покровителя, тот уверен, что Он всегда присущ.

(Этот стих) содержит горячность любви и расположения, содержит усмотрение наветов, страх врагов; и мы, видя себя окруженными врагами днем и ночью, сознаемся, что без помощи своего Защитника не можем избавиться от них. Этот стишок есть непреоборимая стена для всех, подвергающихся нападению демонов, непроницаемая броня и крепкий щит. Он находящимся в унынии и смущении духа или угнетаемым печалью или какими-нибудь помыслами не позволяет отчаиваться в средствах к спасению, показывая, что Тот, Кого призываешь, всегда видит нашу борьбу и присущ нашим мольбам. А когда мы имеем духовный успех и веселье сердца, то он увещевает, что не следует превозноситься счастливым состоянием, которое мы не можем удержать без покровительства Бога, когда умоляем Его не только всегда, но и скоро помочь нам.

Этот стишок всякому из нас необходим и полезен во всяком состоянии. Ибо кто всегда и во всем желает себе помощи, тот показывает, что он не только в обстоятельствах трудных и печальных, но и в счастливых и радостных одинаково нуждается в помощнике Боге, чтобы Он содействовал ему как в избавлении от тех, так и в пребывании в этих (счастливых обстоятельствах), зная, что слабость человеческая ни в том, ни в другом не устоит без Его помощи. Докучает ли мне страсть чревобесия, требует пищи, какой нет в невозделанной пустыне, и навевает на меня запах царских кушаний, и я чувствую невольное влечение к ним, тогда говорю: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Подстрекает ли меня мысль предварить установленный час обеда или с большой скорбью сердца силюсь сохранить правильную, обычную умеренность, тогда со

стенанием взываю: поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне. Когда нуждаюсь в более строгом посте для укрощения плоти, а слабость желудка не позволяет мне, сухость и спазмы чрева устрашают, то чтобы придать силу своему желанию или без помощи более строгого поста охладить жар плотской похоти, мне необходимо молиться: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Приступая к обеду в назначенный час, боюсь принимать хлеб, и от всякой пищи удерживает меня естественная необходимость, – надо мне с плачем взывать. поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне. Когда хочу заняться чтением для утверждения сердца, а беспокоящая болезнь головы не позволяет, и в третьем часу сон склоняет лицо мое к священной книге, и я вынужден определенное для покоя время пропустить или предварить, наконец, тяжелый гнет сна заставляет меня прервать положенное по уставу богослужение и псалмопение, также надо мне вопить: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Вижу, что я крайне ослабел от того, что по наваждению дьявольскому отлетел от очей моих сон и от век моих удалилось всякое отдохновение ночное, – с воздыханием тогда молюсь: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Опять, когда я нахожусь в борьбе со страстями, вдруг щекотание плоти уязвляет меня и обольстительным удовольствием во время сна заставляет меня склониться к согласию, то, чтобы разгорающийся чуждый огонь не сжег благовонные цветки целомудрия, надо мне взывать: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Чувствую ли, что возбуждения похоти прекратились и жар в детородных членах моих охладел; чтобы

родившаяся эта добродетель и благодать Божия дольше или постоянно пребывали во мне, с усердием говорю: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Беспокоит ли меня страсть гнева, сребролюбия, печали и принуждает меня нарушать предпринятую и любезную для меня кротость, то, чтобы возмущением гнева не увлечься в желчную раздражительность, с глубоким стенанием взываю: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Искушает ли меня уныние, тщеславие, гордость и дух мой обольщается тонким помыслом о нерадивости или холодности других; то, чтобы не возобладало мною это гибельное внушение врага, со всем сокрушением сердца молюсь: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Благодать ли смирения и простоты, отвергнув гордость, приобрел я постоянным сокрушением духа; то, чтобы опять не наступила на меня нога гордости, рука грешника не изгнала меня (Пс 35, 12), и не потерпеть мне большего поражения от возношения своей победою, всеми силами мне необходимо восклицать: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Возмущаюсь ли бесчисленными блужданиями души и непостоянством сердца, не могу ли удержать рассеяния помыслов и саму молитву свою не могу изливать без перерыва, без мечтаний, суетных образов, без воспоминания о словах и делах, и чувствую себя стесненным такой сухостью этой бесплодности, что не сознаю в себе никакого возникновения духовных чувств; то, чтобы мне освободиться от этой нечистоты души, от которой не могу избавиться многими стонами и воздыханиями, обязательно буду взывать: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Чувствую ли,

что посещением Святаго Духа я опять владею душою, достиг постоянства помыслов, бодрости сердца с неизреченной радостью и восхищением духа, полнота духовных чувств изобилует, при внезапном озарении Господа получил ли я откровение священнейших понятий, прежде совсем скрытых от меня; то, чтобы мне удостоиться дольше пребывать в этом, заботливо и часто надо мне взывать: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Тревожат ли меня ночными ужасами демоны, окружающие меня, беспокоят ли мечтаниями нечистые духи, даже надежда спасения и жизни исчезает от страшного трепета, то, прибегая к спасительной пристани этого стишка, всеми силами я буду взывать: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Когда утешением Господа буду ободрен, воодушевленный Его пришествием, буду чувствовать, что как будто огражден бесчисленными тысячами ангелов, так что вдруг осмеливаюсь искать сраженья с теми, кого я прежде боялся больше смерти, и прикосновение которых, даже приближение я чувствовал с трепетом духа и тела; то, чтобы по благодати Божией дольше продлилась во мне такая стойкость, всеми силами мне надо взывать: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Итак, чтобы избавиться от несчастий, а в счастье сохраниться от превозношения, молитва этого стишка должна изливаться с неослабевающим постоянством. Размышление об этом стишке постоянно должно обращаться в твоей груди. Во всяком деле или служении, или в пути не переставай воспевать его, размышляй, о нем и во время сна, и во время обеда, и в последних потребностях природы. Это размышление сердца, сделавшись для тебя как бы спасительным образцом (formula), не только сохранит

тебя невредимым от всякого нападения демонов, но и, освободив от всех пороков земной нечистоты, приведет тебя к невидимому, небесному созерцанию и сообщит неизреченную и немногими испытанную горячность молитвы. Засыпай с размышлением об этом стишке, пока через постоянное упражнение не привыкнешь воспевать его даже во сне. После пробуждения пусть он первый встречается тебе; во время бодрствования пусть он предваряет все помыслы; когда встаешь с постели, пусть он заставляет тебя преклонять колена, отсюда пусть ведет тебя на всякую работу и дело. Пусть он сопровождает тебя во всякое время; ты будешь размышлять о нем, по заповеди Законодателя (Втор 6), сидя в доме, ходя по пути, засыпая и пробуждаясь; напишешь его на пороге и дверях уст твоих; поместишь его на стенах твоего дома и во внутренних покоях твоей груди, так чтобы в тебе звучало это возвышенное пение, когда кланяешься на молитве, когда поднимаешься и когда приступаешь ко всякому необходимому употреблению жизни, пусть будет эта готовая и постоянная молитва.

[21] Глава 11. О совершенстве молитвы, которого можно достигнуть при помощи предыдущего наставления

[22] Эту формулу ум должен содержать непрестанно, пока, укрепившись непрерывным употреблением ее и постоянным размышлением, не отвергнет богатство и обширное имущество всех помыслов. Таким образом, стесненный нищетою этого стишка, с большей легкостью достигнет того евангельского блаженства, которое имеет первенство между другими блаженствами: «Блаженны, –

сказано, – нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5, 3). Таким образом, став отличным нищим, посредством такой нищеты он исполнит и это пророческое изречение: «нищий и убогий да восхвалят имя Твое» (Пс 73, 21). И точно, чья нищета может быть больше или святее, как не того, кто, сознавая, что он не имеет никакой помощи, никаких сил, ежедневно просит помощи от чужой щедрости и, полагая, что его жизнь и существо ежеминутно поддерживается помощью Божией, справедливо признает себя нищим Господним, с покорностью ежедневно взывает к Нему: «я беден и нищ… Ты – помощь моя и избавитель мой, Боже мой! не замедли» (Пс 39, 18). И таким образом восходя к многообразному знанию Бога при Его озарении, начинает потом насыщаться более возвышенными и сокровенными тайнами, согласно с тем, что говорится пророком: «высокие горы – сернам; каменные утесы – убежище ежам"[47]. (Пс 103, 18). Это – довольно близко к сказанной мысли; потому что всякий, пребывающий в простоте и невинности, никому не бывает вреден или неприятен, но, довольствуясь своей простотою, только желает предохранять себя от врагов, не стать их добычею; как бы сделавшись духовным ежом, он постоянно защищается покровом евангельского камня (Иисуса Христа) (1Кор 10, 4; Пс 136, 9), т.е. будучи огражден памятью о страданиях Господа и постоянным размышлением о вышесказанном стишке, избавляется от наветов нападающего врага. Об этих духовных ежах и в книге Притчей говорится: «ежи[48]. – народ слабый – жилища свои сделали в скалах» (Притч 30, 26). И точно, что слабее христианина? Что немощнее монаха[49], которому не только не предоставляется никакого мщения за обиды, но не позволено даже легкое молчаливое возмущение внутри? А всякий,

преуспевающий в этом состоянии, не только приобретает простоту безвредности, но и, огражденный силою рассудительности, становится истребителем ядовитых змей, имея сокрушенного сатану под своими ногами, и по образу разумного оленя, быстротою духа восходит и пасется на пророческих и апостольских горах, т.е. возвышенных и превосходных тайнах их. Напитанный их пищею постоянной, воспринимая все чувствования псалмов, он начинает воспевать их не как составленные пророком, а как им самим сочиненные, как собственную молитву выражает их с глубоким сокрушением сердца, или, по крайней мере, считает их относящимися к нему и сознает, что изречения их не только исполнились через пророка или на пророке, но над ним ежедневно исполняются. Ибо тогда Божественные Писания для нас становятся яснее, как бы жилы и мозги их открываются, когда опытность наша не только приобретает, но и предваряет понимание их, и смысл слов раскрывается нам не через изъяснение, а через дела. Ибо, воспринимая то же расположение сердца, с каким воспет или написан псалом, становясь как бы сочинителями его, мы больше предваряем понимание его, нежели последуем. Постигая сперва силу слов, нежели знание, размышляя о них, мы некоторым образом припоминаем, что в нас произошло или происходит ежедневно, что породило в нас нашу нерадивость, или приобрело усердие, или доставило божественное провидение, или обольстило внушение врага, или похитило легкое, тонкое забвение, или причинила человеческая слабость, или ввело в обман тупое незнание; воспевая псалмы, мы это вспоминаем. Ибо мы находим все эти выраженные в псалмах состояния. Поэтому, ясно рассматривая как в чистом зеркале все, что произошло с нами, более действенно

познаем, и таким образом научившись у действий, мы не как услышанное, а как совершенное нами, осязательно понимаем, не как усвоенное памятью, а как впечатанное в саму природу вещей, порождаем из внутреннего расположения сердца, так что проницаем смысл их не по чтению, а по предшествующему опыту. И таким образом дух наш достигает той чистоты молитвы, о которой сказано в предыдущем собеседовании, и которая не только не занимается видением какого-либо образа, но и не развлекается никаким голосом, никаким произношением слов, при горячем напряжении ума, при неизреченном восторге сердца, с непобедимой живостью духа возносится; и эту молитвенную чистоту дух, ставши вне всех чувств и видимых вещей, изливает Богу неизъяснимыми стонами и воздыханиями.

[23] Глава 12. Вопрос: как помыслы удержать от рассеяния?

[24] **Герман**. Мы думаем, что нам не только преподано это духовное учение, которого мы просили, но ясно и приятно высказано и само совершенство его. Ибо что может быть совершеннее и возвышеннее, как содержать в памяти Бог а таким кратким размышлением, повторением одного стишка выйти из пределов всего видимого и некоторым образом заключить в краткой речи чувства всех молитв? И потому остается одно, что просим изъяснить нам, каким образом мы могли бы постоянно содержать тот, преподанный нам вместо формулы (правила) стишок (т.е. «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши»), так чтобы по благодати Божией нам освободиться от суетных мирских помыслов и постоянно удерживать духовные?

[25] Глава 13. Об изменяемости помыслов

[26] Ибо ум наш, поняв заглавие какого-либо псалма, незаметно отвлекаясь от него, без сознания, как бы в исступлении, переходит к другому тексту Св. Писания. А когда начнет сам в себе размышлять о нем, еще не обозрит его всецело, как приходит на память другое свидетельство, а от этого еще переносится размышлением к следующему, и таким образом дух, всегда, переходя от псалма к псалму, от евангельского текста к апостольскому чтению, от этого к пророческим словам, а отсюда к каким-нибудь священным историям, переносится по всему составу Св. Писания, как непостоянный, как бы блуждающий; ничего не может по своей воле отвергнуть или удержать, полно что-нибудь обсудить, исследовать, только, так сказать, осязает и пробует духовные чувства, а породить, приобрести что-либо не может. Таким образом, дух, колеблясь и блуждая, даже и во время богослужения, как пьяный, развлекается разными предметами, никакой обязанности не исполнит, как должно; например, когда молится, то вспоминает псалом или что-либо другое прочитанное; когда поет, то размышляет о чем-нибудь другом, нежели что содержит текст самого псалма; когда читает, то думает, что то-то надо сделать, или вспоминает о сделанном, и, таким образом, ничего правильно и благо-временно не принимает и не удаляет от себя, водится как бы случайными впечатлениями, не имеет власти удержать то, чем услаждается, или останавливаться на том. Следовательно, нам необходимо прежде всего знать, как мы могли бы надлежащим образом исполнять эти духовные обязанности или, по крайней мере, этот стишок, который ты преподал нам

вместо правила, неизменно сохранять, так чтобы возникновение и конец всех чувствований не волновались в своем круговращении, а состояли в нашей власти.

[27] Глава 14. Ответ: как может быть приобретена неразвлекаемость сердца или помыслов

[28] **Исаак**. Хотя прежде, когда мы рассуждали о состоянии молитвы, думаю, достаточно сказано об этом предмете, однако поскольку просите повторить вам то же самое, я коротко скажу об утверждении сердца. Три средства делают рассеивающийся ум постоянным: бдение, размышление и молитва[50]. Непрестанное упражнение в них и непрерывное внимание доставляют душе постоянную твердость, которая, впрочем, не может быть приобретена иначе, как посредством непрерывного, неутомимого занятия делом, совершаемым не по сребролюбию, а в пользу киновии; заранее будут совершенно отвергнуты все заботы и попечения настоящей жизни, чтобы таким образом мы могли исполнить апостольскую заповедь: «непрестанно молитесь» (1Сол 5, 17)[51]. Ибо весьма мало молится тот, кто привык молиться только в то время, когда преклоняет колена; но никогда не молится тот, кто даже, преклоняя колена, развлекается блужданием сердца где-либо. И потому, какими хотим быть во время молитвы, такими должны быть и до начала молитвы. Ибо дух наш во время своей молитвы обязательно получает настроение от предшествующего состояния и, молясь, возносится к небесному или погружается в земное теми же помыслами, какими занимался перед молитвою. Авва

Исаак до этого места довел второе собеседование с нами о качестве молитвы. Очень удивляясь его учению касательно размышления о вышесказанном стишке («поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне»), держаться которого он предал новоначальным как бы для образования, и желая твердо усвоить, мы думали, что оно, как сокращенное, легко; но испытали, что оно труднее для соблюдения, нежели то наше старание, с которым мы обыкновенно разным размышлением пробегали по всему составу Св. Писания без всякого постоянства (т.е. пристально не останавливаясь ни на чем). Итак, видно, что никто не исключается от совершенства сердца по неграмотности, необразованность не препятствует приобретению чистоты сердца и души, которая (чистота) удобно достается всем, если только постоянными размышлением об этом стишке («поспеши, Боже, избавить меня, поспеши…») сохранять здравое и непорочное расположение духа к Богу.

Предисловие к части 2

[1] Хотя добродетели вашего совершенства, которым вы, как какие-нибудь светила в этом мире, сияете с удивительным блеском, многие из святых, поучающихся вашим примером, едва могут подражать; однако вы, святые братья, Гонорат и Евхерий[85], похвалою тех высоких мужей, от коих мы приняли первые постановления отшельничества, воспламенились так, что один из вас, начальствуя над большим общежитием[86] братьев, желает, чтобы общество его, которое поучается ежедневным видением вашей святой жизни, было наставляемо еще и заповедями тех отцов, а другой захотел отправиться в Египет, чтобы поучаться и телесным видением их, так что, оставив эту область, оцепеневшую от суровости галльского холода, как чистая горлица, полетел бы в те земли, которые ближе освещаются солнцем правды и изобилуют зрелыми плодами добродетелей. Это невольно возбудило во мне любовь, так что я, утешаясь желанием одного и трудом другого, не уклонился от опасности коротко написать, лишь бы только у первого увеличился авторитет между монахами, а у второго отклонилась необходимость опасного мореплавания. Поскольку вере и горячности вашей не могли удовлетворить ни те постановления киновий, которые в двенадцати книгах мы написали, как могли, к епископу блаженной памяти Кастору, и десять собеседований отцов, пребывающих в скитской пустыне, которые мы кое-как изложили святым епископам Елладию и Леонтию, по их повелению, – то теперь, чтобы был известен способ и порядок нашего пути, я решился посвятить вам написанные таким же слогом семь собеседований трех, увиденных нами первых отцов,

обитающих в другой пустыне, чтобы этими собеседованиями восполнить то, что в прежних наших писаниях о совершенстве, может быть, темно выражено или опущено. А если и эти писания не смогут насытить святую жажду вашего усердия, то думаю, что другие семь собеседований, которые будут посланы к святым братьям, пребывающим на Стихадских[87] островах, исполнят ваше пламенное желание.

Одиннадцатое собеседование аввы Херемона (первое). О совершенстве

[1] Глава 1

[2] Во время пребывания нашего в Сирийском общежитии, когда мы, не довольствуясь первыми опытами веры, начали несколько преуспевать в ней и желать большей благодати совершенства, то вознамерились немедленно отправиться в Египет и проникнуть в самую дальнюю фивскую пустыню, в особенности посетить там тех святых, слава о которых носилась всюду, если не по ревности к подражанию им, то, по крайней мере, из желания узнать их. Итак, совершив путь водою, мы прибыли в египетский город Феннез. Поскольку жители этого города со всех сторон окружены частью морем, частью соленым озером и земли у них нет, то они занимаются одной морской торговлею, от которой приобретают богатство и все для себя необходимое, так что материалы для строения домов своих вынуждены привозить на судах издалека; ибо собственная земля не может им дать их.

[3] Глава 2. О епископе Архебие

[4] Бог, способствующий исполнению нашего желания, в одно с нами время устроил путь сюда блаженному и отличнейшему мужу, епископу Архебию. Отторгнутый от сонма отшельников, он поставлен был епископом города Панефиса (См Кн. 5, гл 37); но на всю жизнь свою

постоянно сохранил расположение к уединению, так что нисколько не ослабел в прежнем своем смирении и не почитал для себя лестным то достоинство, в которое возведен был. Он ясно говорил, что не был способен к прохождению этого звания, в которое был призван, и скорбел о том, что отлучили его от отшельников, как недостойного быть в их обществе; потому что, пребывая в нем тридцать семь лет, никак не мог достигнуть чистоты их жизни. Этот муж, по прибытии нашем в город Феннез, куда привел его случай избрания тамошнего епископа, принял нас весьма благосклонно и ласково, и когда узнал о желании нашем посетить святых отцов в самых отдаленных странах Египта, то сказал нам: идите и посмотрите пока старцев, находящихся в недальнем расстоянии от нашего монастыря. Многолетняя жизнь их обнаруживается на согбенных телах их, и святость сияет даже в самом взоре их, так что одно воззрение на них может быть весьма поучительно. Не столько из слов их, сколько из самого примера их святой жизни вы можете научиться тому, о потере чего я скорблю и чего, как уже утраченного, не могу сообщить вам. Впрочем, думаю, что моя скудость несколько восполнится тем, если постараюсь, по крайней мере, указать вам, где вы можете удобнее найти искомую вами евангельскую жемчужину (Мф 13, 46), хотя сам и не имею ее.

[5] Глава 3. Описание пустыни, в которой пребывали Херемон, Нестор и Иосиф

[6] Итак, взяв посох и суму, как обычно отправляются в путь все тамошние монахи, он сам, вместо проводника, повел нас в свой город Панефис. Земля, на которой стоит этот город, и большая часть сопредельной с ним страны

некогда была самая плодоносная; ибо с нее, как говорят, доставлялась пища для всей области. Но после случившегося землетрясения, когда всколыхнувшееся море вышло из берегов своих, затопило и истребило на ней почти все селения, и эта некогда тучная земля покрылась солеными болотами, так что к ней, в буквальном значении, можно отнести то пророчество, которое у Псалмопевца имеет смысл духовный: «Он превращает реки в пустыню и источники вод – в сушу, землю плодородную – в солончатую, за нечестие живущих на ней» (Пс 106, 33–34). Таким образом, в этих местах, из многих разрушенных наводнением селений, после удаления из них жителей, образовались возвышенные холмы и составили собою как бы некие острова, которые доставляют приятное уединение для святых отшельников, в числе коих находились тогда три самых ветхих старца: Херемон, Нестор и Иосиф.

[7] Глава 4. Об Авве Херемоне и об отказе в наставлении

[8] Блаженный Архебий захотел привести нас прежде к Херемону, который находился ближе к его монастырю и был годами старше двоих других. Хотя он был еще бодр духом, но поскольку протекал уже сотый год его жизни, то и от старости, и от непрерывного пребывания в молитвах хребет его был так согбен, что он, как малолетнее дитя, ходил с опущенными и до самой земли простертыми руками. Мы с удивлением смотрели как на его лицо, так и на необыкновенное хождение его. Хотя все члены его были изможденны и умерщвлены, но он никак не оставлял прежнего строгого образа жизни своей. Когда мы стали покорно просить его, чтобы он сказал нам

что-нибудь в назидание, и когда объявили ему, что только желание духовных наставлений заставило нас придти к нему, то он, тяжко вздохнув, сказал: что я могу сказать вам в назидание, когда немощь старости ослабила во мне прежнюю бодрость и вместе с тем отняла дерзновение у языка моего? Ибо как я начну учить тому, чего сам не делаю? Или как стану наставлять другого в том, в чем и сам я, как сознаю, уже мало и слабо упражняюсь? Поэтому-то, чтобы мне примером своим не ослабить усердия другого, я до сих пор никому из юных не позволял жить вместе со мною. Ибо наставление никогда не будет действительно, если наставник не укоренит его в сердце наставляемого собственным примером своим.

[9] Глава 5. Ответ наш на отказ его

[10] Приведенные такими словами в немалое смущение, мы отвечали: хотя бы ты был безмолвен, мы можем получить здесь достаточное для себя назидание; одно неудобство настоящего местоположения и сама уединенность жизни, которую и полная силами юность едва ли может переносить, уже довольно вразумляют нас и приводят в сокрушение. Но мы еще просим тебя: оставь, хоть на малое время, свое безмолвие и удостой слышать от тебя наставление в том, как мы можем сделаться способными не только удивляться, но и подражать той добродетели, которую видим в тебе. Ибо хоть по недостатку ревности, который конечно не сокрыт от тебя, мы не заслуживаем получить то, чего просим; но, по крайней мере, должны получить это за понесенный нами труд в столь дальнем пути, какой мы предприняли сюда из Вифлеемского общежития, желая слышать ваши наставления и стараясь в собственном преуспевании.

[11] Глава 6. Ответ аввы Херемона о том, что тремя способами побеждаются пороки

[12] Тогда блаженный Херемон сказал: три побуждения заставляют людей уклоняться от пороков, т. е. страх будущего мучения в геенне или боязнь настоящей строгости законов; надежда и желание получить Царство Небесное; наконец расположение и любовь к самой добродетели. Что страх гнушается скверны зла, о том говорится в Притчах: «страх Господень – ненавидеть зло» (Притч. 8:13). Надежда также удерживает от увлечения пороками; ибо сказано: «никто из уповающих на Него не погибнет» (Пс.33:23). Любовь также не боится падения греховного; «ибо любовь, – сказано, – никогда не перестает» (1Кор.13:8), и в другом месте: «любовь покрывает множество грехов» (1Пет.4:8). Потому-то святой апостол все дело спасения заключил в исполнении трех этих добродетелей. «А теперь пребывают, – говорит он, – сии три: вера, надежда, любовь» (1Кор.13:13). Вера страхом будущего суда и мучений отклоняет нас от скверны пороков; надежда ожиданием небесных воздаяний, отторгая ум наш от настоящего, заставляет презирать все плотские удовольствия; любовь, огнем своим воспламеняя в душе нашей любовь к Христу и к преуспеванию в духовных добродетелях, побуждает с совершенной ненавистью отвращаться всего, что противно им. Хотя эти три добродетели ведут нас, по-видимому, к одному концу, т. е. побуждают воздерживаться от всего запрещенного, но степенями своего превосходства сильно различаются между собою. Две первые свойственны тем людям, которые стараются преуспевать в добродетелях, но не имеют еще постоянного расположения к ним; третья же особенно

принадлежит Богу и тем людям, которые восстановили в себе образ и подобие Божие. Ибо один Бог творит все благое не из побуждений какого-либо страха или воздаяния, но по одной Своей благости. «Все сделал Господь ради Себя», – говорит Соломон (Притч.16:4), т. е. ради благости Своей. Он обильно изливает всякие блага на достойных и недостойных; поскольку не может быть ни огорчен обидами, ни раздражен беззакониями людей, как вечно совершенная и по природе Своей неизменяемая благость.

13 Глава 7. По каким степеням можно восходить на высоту любви, и какая в ней твердость

14 Поэтому кто стремится к совершенству, тот с первой ступени страха, собственно называемого рабским, по словам Господа: когда исполните все повеленное вам, говорите: «мы рабы ничего не стоящие» (Лк.17:10), – должен постепенно восходить на стезю надежды. Здесь человек уподобляется уже не рабу, а наемнику, ибо действует в ожидании будущего воздаяния. Уверенный в прощении грехов своих, он уже не страшится наказания за них, а сознавая в себе добрые дела, думает получить за них милостивую награду. Но, несмотря на то, он еще не имеет в себе такого расположения, какое прилично сыну, который в полном уповании на отеческое благоволение к себе не сомневается усвоить себе все, что принадлежит отцу. Так распутный тот юноша, который, расточив имение отца своего, вместе с тем утратил и имя сына, не смеет даже помыслить о своем сыновнем состоянии, когда говорит: я «уже недостоин называться сыном

твоим» (Лк.15:19). Ибо после тех рожков, которые ели свиньи и которыми наполнить чрево свое никто не давал ему, т. е. после гнусной пищи пороков, когда он пришел в себя и поражен был спасительным страхом, начал ужасаться этой свиной нечистоты и мучений жестокого голода, он стал уже как раб, который, помышляя о награде, уже желает быть в числе наемников. «Сколько наемников у отца моего, – говорит он, – избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих» (Лк.15:17–19).

15 Глава 8. Насколько превосходнее те, которые по любви к Богу уклоняются от пороков

16 Едва же он произнес эти слова, выражающие смиренное раскаяние его, как отец, поспешно выйдя навстречу ему, принял его с любовью больше прежней и тотчас, миновав обе низшие степени, возвратил ему прежнее достоинство сына, не довольствуясь меньшими дарами. Поэтому и мы должны ускорять свое шествие, чтобы посредством никогда не перестающей благодати любви взойдя на третью степень сынов, почитающих своим все, принадлежащее отцу, удостоились воспринять на себя образ и подобие Небесного Отца и, следуя примеру истинного Сына Его, могли взывать: «все, что имеет Отец, есть Мое» (Ин.16:15). Святой апостол по отношению к нам говорит: «все ваше: Павел ли, или Аполлос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, – все ваше» (1Кор.3:21–22).

Также и слова Спасителя побуждают нас к тому, чтобы мы старались уподобляться Богу: «будьте совершенны, – говорит он, – как (Это означает не равенство, а подобие качеств, мы не можем сравняться с Богом, а только можем подражать, уподобляться Ему) совершен Отец ваш Небесный» (Мф.5:48). Ибо у тех, которые находятся в состоянии рабов и наемников, расположение к добру иногда прерывается, т. е. когда душа, по причине некоторого охлаждения ее чувства и по причине развлечения мирскими удовольствиями и радостями, перестает поражаться страхом геенны или желанием будущих благ. Некоторая же ступень совершенства, на которой они находятся, дает нам понять только то, что мы, начав уклоняться от пороков из страха наказаний или в надежде наград, можем взойти и на ступень любви: ибо "в любви, – говорит апостол, – нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мученье. Боящийся несовершен в любви. Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас» (1Ин.4:18–19). Итак, мы можем достигнуть того истинного совершенства не иначе, как возлюбив Бога единственно по побуждению любви, а не по чему-либо другому; поскольку и Он прежде возлюбил нас единственно ради нашего спасения, а не по какой-либо другой причине. Для того-то мы должны стараться с пламенной ревностью восходить от страха к надежде, от надежды на ступень любви к Богу или к совершенству добродетелей, чтобы, снискав расположение к добру, смогли пребывать в нем неуклонно, насколько это возможно для человеческой природы.

[17] Глава 9. Любовь не только делает нас из рабов сынами, но и восстанавливает в нас образ и подобие Божие

[18] Великое различие находится между тем, кто страхом геенны или надеждою будущего воздаяния погашает в себе пламя пороков, и между тем, кто отвращается порочности и нечистоты по чувству любви божественной, – кто обладает благом чистоты единственно по любви к святости, и делает все, не обращая уже внимания на обещанную в будущем награду или наказание, но услаждаясь сознанием настоящего доброго дела своего. В таком состоянии человек, хоть и не имел бы ни одного свидетеля дел своих, не решится воспользоваться случаем к греху и не может увлечься самыми сокровенными, обольстительными помыслами; ибо, питая искреннейшую любовь к добродетели, он не только не приемлет сердцем ничего противного ей, но и с величайшим ужасом отвращается этого. Поистине, иное дело – иметь ненависть к порокам и плотским сквернам из чувства удовольствия, получаемого от совершения доброго дела, иное – обуздывать беззаконные похоти, имея в виду будущую награду; иное – опять бояться настоящего вреда, и иное – страшиться будущего наказания. Наконец, гораздо больше значит не хотеть отстать от добра ради самого добра, нежели не соглашаться на зло из боязни зла. Ибо в первом случае добродетель является свободной, а в последнем – как бы принужденной, как бы против воли, насильно исторгнутой страхом наказания или желанием награды. Ибо кто из страха уклоняется от обольщений пороков, тот, после отнятия страхом полагаемого препятствия, снова обратится к тому, что любит, и потому не всегда будет тверд в своей

добродетели и никогда не свободен от нападения пороков; поскольку не будет иметь твердого и непрерывного мира внутренней чистоты. Где не перестают войны, там невозможно не опасаться поражений. Сколь бы кто мужественно ни сражался, хотя бы часто наносил противникам смертельные раны, но если он находится среди самой битвы, то по необходимости должен иногда терпеть удары меча вражеского. Напротив, кто, преодолев нападение пороков, уже наслаждается спокойствием мира и проникнут любовью к самой добродетели; тот неуклонно пребудет в этом состоянии добродетели; коей весь уже предан, поскольку не считает ничего для себя гибельнее, как потерять внутреннюю чистоту. Вместе с тем ничего приятнее, ничего драгоценнее этой чистоты не находит для себя тот, для кого гибельное нарушение правил добродетели или заражение себя сквернами порока служит тяжким наказанием. Ему нисколько не прибавит честности опасение присутствия людей, и уединение нисколько не уменьшит ее, но, всюду и всегда нося с собою судью не только дел, но и помышлений своих – совесть, он более старается угождать Тому, Кого нельзя ни обмануть, ни укрыться.

[19] Глава 10. Совершенство любви составляет молиться за врагов, и по какому признаку можно узнать, что душа еще не очищена

[20] Кто, надеясь на помощь Божию, а не на собственное старание, удостоится достигнуть этой степени совершенства, тот из рабского состояния, в котором

действует страх, и из состояния наемнического, в котором обнаруживается не столько признательность к благости дающего, сколько желание заслуженной награды, переходит в состояние усыновления, в коем не имеют места ни страх, ни корыстное желание, но непрерывно действует никогда не перестающая любовь. Кому приличен этот страх, а кому любовь, сам Господь ясно открывает нам, когда укоряет некоторых в недостатке этих добродетелей. «Сын чтит отца и раб – господина своего; если Я отец, то где почтение ко Мне? и если Я Господь, то где благоговение предо Мною?» (Мал.1:6) Таким образом, необходимо бояться тому, кто раб; «раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много» (Лк.12:47–48). А кто посредством любви достигнет уподобления Богу, тот будет находить удовольствие в добре по самому уже расположению к добру. Обретя терпение и кротость, подобные отчасти Божеским, он не будет гневаться на согрешающих ни за какие пороки, но скорее станет умолять о их прощении, помня, что и сам был одержим подобными страстями, пока милосердие Господа не спасло его от них. Понимая же, что не своим старанием избавился он от плотской борьбы, но Божие покровительство спасло его, он, станет изливать на заблуждающихся не гнев, а милость, обращая к Богу, в полном спокойствии сердца, этот стих: «Ты разрешил узы мои. Тебе принесу жертву хвалы» (Пс.115:7–8). Также: «если бы не Господь был мне помощником, вскоре вселилась бы душа моя в *страну* молчания" (Пс.93:17). А находясь в таком смирении духа, он может исполнить и такую высокую, евангельскую заповедь: «любите врагов ваших,... благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф.5:44); и таким

образом может получить и ту награду, которая состоит в том, что удостаиваемся не только носить на себе образ и подобие Божие, но и называться сынами Божиими, и о которой тут же говорится: «да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Там же, (Мф.5:45). Св. Иоанн, сознавая, что он достиг такой любви, говорит: «имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он» (1Ин.4:17). Ибо чем человек, по природе своей немощный и бренный, может быть таким, как Он, если не любовью, которую он, подобно Богу, в невозмутимой кротости сердца своего способен изливать на добрых и злых, на праведных и неправедных? Итак, тот должен творить благое из любви к самому благу, кто хочет достигнуть истинного усыновления, о чем тот же апостол говорит так: «всякий, рожденный от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нем; и он не может грешить, потому что рожден от Бога» (1Ин.3:9), и еще: «мы знаем, что всякий, рожденный от Бога, не грешит; но рожденный от Бога хранит себя, и лукавый не прикасается к нему» (1Ин.5:18). Это, впрочем, нужно понимать не о всяком роде грехов, а только о грехах смертных. Кто не хочет удерживать и очищать себя от них, о том и молиться не следует, как говорит апостол же Иоанн: «если кто видит брата своего согрешающего грехом не к смерти, то пусть молится, и Бог даст ему жизнь, то есть согрешающему грехом не к смерти. Есть грех к смерти: не о том говорю, чтобы он молился» (1Ин.5:16). А от тех грехов, которые называются грехами не к смерти, не могут быть свободны и самые верные рабы Христовы, с каким бы вниманием ни охраняли себя от них. Ибо говорится: «если говорим, что не имеем греха,

обманываем самих себя» (1Ин.1:8), и еще: «если говорим, что мы не согрешили, то представляем Его лживым, и слова Его нет в нас» (1Ин.1:10). Поистине, невозможно и самым святым не впасть в те малые прегрешения, которые бывают в слове, в мысли, в желании, по неведению, по забвению, по какой-нибудь крайности, по нечаянному случаю. Хотя они отличны от того греха, который называется грехом к смерти, однако не могут быть безвинны и безукоризненны; итак, если кто, как мы выше сказали, приобретет любовь к добру и сделается подражателем Богу, тот, облекшись в милосердие и долготерпение Господне (Кол.3:12), будет молиться и за своих гонителей, взывая подобно своему Господу: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк.23:34). Очевидный же признак души, не очищенной еще от скверн пороков, состоит в том, когда не имеющий чувства сожаления к чужим проступкам произносит на них строгий суд. Ибо как может обладать совершенством сердца такой человек, который не имеет того, что, по словам апостола, составляет исполнение закона? «Носите бремена друг друга, – говорит он, – и таким образом исполните закон Христов» (Гал.6:2). Он не имеет и той добродетели любви, которая не превозносится,... не раздражается, не мыслит зла, которая все покрывает, все переносит, всему верит (1Кор.13:4–5, 7). Ибо «праведник печется и о жизни скота своего; сердце же нечестивых жестоко» (Притч.12:10). Следовательно, если монах с беспощадной, бесчеловечной строгостью осуждает другого, то это верный знак, что он сам предан тем же порокам. «Кто затыкает ухо свое от вопля бедного, тот и сам будет вопить, – и не будет услышан» (Притч.21:13)

[21] Глава 11. Вопрос: почему страх и надежда называются несовершенными?

[22] Герман. Подлинно, сильна и возвышенна беседа твоя о совершенной любви к Богу; но смущает нас то, что ты столько восхвалив эту добродетель, страх Божий и надежду вечного воздаяния признал несовершенными, между тем как пророк, кажется, судит о них иначе, когда говорит: «бойтесь Господа, [все] святые Его, ибо нет скудости у боящихся Его» (Пс.33:10); и в другом месте он ясно открывает, что к сохранению оправданий Господних побуждала его мысль о воздаянии. "Приклонил, – говорит он, – сердце мое к исполнению уставов Твоих навек, до конца» (Пс.118:112). Апостол также говорит: «верою Моисей, придя в возраст, отказался называться сыном дочери фараоновой, и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение, и поношение Христово почел большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища; ибо он взирал на воздаяние» (Евр.11:24–26). Следовательно, как можно счесть эти добродетели несовершенными, когда св. Давид хвалится тем, что он творил оправдания Господни, имея в виду воздаяние, и когда говорится, что Законодатель, взирая на будущие награды, пренебрег достоинством царского сына и тягчайшее страдание предпочел египетским сокровищам.

[23] Глава 12. Ответ о различии совершенств

[24] Херемон. Божественное Писание побуждает свободную волю нашу стремиться к различным степеням совершенства, смотря по состоянию и мере духовных способностей каждого. Оно не могло предложить

одинакового для всех венца совершенства, потому что не у всех одинаковы силы к достижению его или не все имеют одинаковое расположение и стремление к тому; потому слово Божие и назначило различные степени и различные меры в самих совершенствах. Это ясно показывает различие евангельских блаженств. Ибо, хотя блаженными называются и те, коим принадлежит Царство Небесное, блаженны и те, которые наследуют землю, блаженны и те, которые утешатся, блаженны и те, которые насытятся; однако, думаем, большое различие между обитанием в Царстве Небесном и наследованием земли, какая бы она ни была, между восприятием утешения и полным насыщением правдою; также большое различие между теми, которые получат помилование, и теми, которые удостоятся наслаждаться славным видением Бога. Ибо «иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе. Так и при воскресении мертвых» (1Кор.15:41–42). Когда же таким образом Божественное Писание хвалит боящихся Бога и обещает им полное блаженство, говоря: «блажен всякий, боящийся Господа» (Пс.127:1), а в другом месте говорит: в любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. «Боящийся несовершен в любви» (1Ин.4:18); также, когда служение Богу почитает делом достославным, говоря: «служите Господу со страхом» (Пс.2:11); «мало того, что Ты будешь рабом Моим» (Ис.49:6); «блажен тот раб, которого господин его, придя, найдет поступающим так» (Мф.24:46), и, однако, Сам Господь говорит к апостолам: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Ин.15:15), и выше: «вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам»

(Ин.15:14), то из этого можете видеть, что степени совершенства различны, и что Господь побуждает нас восходить со степеней высоких к более высшим. Если кто, сделавшись, например, блаженным и совершенным в страхе Божием, приходит, как говорит Св. Писание, «от силы в силу» (Пс.83:8) и от совершенства к новому совершенству, т. е. перейдет от страха к надежде, восходя с бодростью духа, то таковой призывается к новому, блаженнейшему состоянию, которое есть любовь; он поступит в число друзей и чад Божиих, когда сделается рабом верным и мудрым (Мф.24:45). В этом-то смысле нужно понимать и наши слова. Мы не говорим, что мысль о вечном наказании или обещанном святым блаженнейшем воздаянии ни к чему не служит; напротив, такие мысли полезны, поскольку приводят руководствующихся ими к началу блаженства. Но что касается любви, то она, будучи преисполнена большим дерзновением и непрестанной радостью, возводит преданных ей со степени рабского страха и наемнической надежды на степень сыновней любви к Богу и из совершенных делает их некоторым образом более совершенными. Ибо «в доме Отца Моего, – говорит Спаситель, – обителей много» (Ин.14:2). И хотя все светила видятся на небе, но между светлостью солнца и луны, также денницы и прочих звезд различие большое (1Кор.15:41), так и по отношению к любви апостол, предпочитая ее не только страху и надежде, но и всем великим и чрезвычайным дарованиям, показал, что она превосходит все прочие добродетели. Именно, по исчислении всех духовных дарований, желая описать свойства этой добродетели, он говорит: «я покажу вам путь еще превосходнейший. Если я говорю языками человеческими и ангельскими… Если имею дар

пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять… И если раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1Кор.12:31, 13:1–3). Итак, видите, что нельзя найти ничего драгоценнее, ничего совершеннее, ничего выше и ничего, так сказать, долговечнее любви. Ибо «любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1Кор.13:8); без нее не только все превосходнейшие роды дарований, но и слава самого мученичества ничто.

[25] Глава 13. О страхе, рождающемся от великой любви

[26] Итак, кто будет утвержден на основании совершенной любви, тот непременно взойдет на высшую степень того особенного страха, который рождается не от опасения наказаний и не от желания наград, но от великой любви. Это такой страх, которым сын страшится нежнейшего отца, или брат брата, или друг друга, или супруг супруги; здесь мы боимся не наказания или укоризны, а малейшего оскорбления любви и всегда находимся в величайшем опасении, чтобы не только каким-нибудь поступком, но даже и словом не охладить горячности любви к нам. Один из пророков, Исайя, хорошо изобразил достоинство этого страха, когда сказал: богатство спасения – мудрость и разум; страх Господень, сие есть сокровище его (Ис.33:6). Он не мог очевиднее выразить достоинство и пользу этого страха, как сказав, что им сохраняется богатство спасения нашего, состоящее в божественной премудрости и разуме. К такому страху призываются пророческим вещанием не грешники, а

святые. «Бойтесь Господа, – говорит Псалмопевец, – [все] святые Его, ибо нет скудости у боящихся Его» (Пс.33:10), т. е. ни в чем не нуждается совершенство тех, которые убоятся Господа сим страхом. О другом ее мучительном страхе ясно говорит апостол Иоанн: «боящийся несовершен в любви, потому что в страхе есть мучение» (1Ин.4:18). Следовательно, великое находится различие между тем страхом, коему ничего не недостает, который есть сокровище премудрости и разума, и тем несовершенным страхом, называющимся «началом премудрости» (Пс.110:10), и который, имея в себе муку, по достижении полноты любви изгоняется из сердец людей совершенных. «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх» (1Ин.4:18). Поистине, если страх составляет начало премудрости, то в чем будет заключаться совершенство ее, если не в любви к Христу, которая, совмещая в себе страх совершенной любви, называется уже не началом, а сокровищем премудрости и разума? Таким образом, две степени страха, и одна из них – начинающих, т. е. тех, которые находятся еще под игом рабского страха, о коем говорится у пророка: раб чтит господина своего (Мал.1:6), также в Евангелии: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его» (Ин.15:15), и потому говорит: «раб не пребывает в доме вечно» (Ин.8:35). Спаситель побуждает нас переходить из состояния мучительного страха в состояние полной свободы любви и дерзновения друзей и чад Божиих. Также и святой апостол, перешедший силою Господней любви низшую степень рабского страха, свидетельствуя об обогащении себя от Господа большими дарованиями, говорит: «ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви и целомудрия» (2Тим.1:7); – и тем, которые горели

совершенной любовью к Небесному Отцу, и которых божественное усыновление из рабов сделало уже сынами, увещевает в следующих словах: «потому что вы не приняли духа рабства, *чтобы* опять *жить* в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: Авва Отче!» (Рим.8:15). И пророк при описании семиобразной благодати Св. Духа, имевшей низойти на воплотившегося Сына Божия, сказав: «и почиет на Нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия», как нечто особенное присовокупляет: «и страхом Господним исполнится» (Ис.11:2–3). Здесь в особенности нужно обратить внимание на то, что пророк не сказал: и почиет на Нем Дух страха Божия, как говорил о прежних дарах, но говорит: и страхом Господним исполнится. Ибо Дух тот столь обилен, что если он однажды обымет кого своей силою, то овладеет всей его душою, а не одной только частью ее. Так и должно быть, потому что страх, соединенный с любовью, никогда не перестающей, не только исполняет того, кем овладеет, но и непрерывно и неразлучно пребывает с ним, не уменьшаясь ни от каких временных удовольствий и радостей, как это иногда бывает со страхом вон изгоняемым. Поэтому тот страх, которым, как сказано, исполнен был Богочеловек, пришедший не только искупить род человеческий, но и показать образец совершенства и примеры всех добродетелей, есть страх совершенства. Рабского страха мучений истинный Сын Божий, Который «не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его» (1Пет.2:22), иметь не мог.

[27] Глава 14. Вопрос о совершенстве чистоты

[28] Герман. До сих пор речь была о совершенстве любви; мы хотим кое-что узнать также и о конце целомудрия. Ибо мы не сомневаемся, что высокое совершенство любви, посредством которой, как сказано, восходят к образу и подобию Божию, не может быть достигнуто без совершенства чистоты. Но мы хотим узнать, можно ли приобрести постоянную чистоту, так чтобы раздражение похоти никогда не нарушало чистоты нашего сердца, и, живя в теле, можем ли быть свободны от этой плотской страсти, так чтобы никогда не воспламеняться огнем похоти?

[29] Глава 15. Ответ на предложенный вопрос

[30] Херемон. Конечно, составляет высшее блаженство и особенную заслугу – постоянно учиться или учить тому расположению, посредством коего соединяемся с Господом, так чтобы размышление об этом, по изречению Псалмопевца (Пс.1:2), занимало нас все дни и ночи нашей жизни, и дух наш, ненасытно алчущий и жаждущий правды, постоянно питало этой пищею. Но надо позаботиться и о теле нашем по благому промышлению нашего Спасителя, чтобы оно не ослабело в пути (жизни). Ибо «дух бодр, плоть же немощна» (Мф.26:41); и ныне надо подкрепить ее принятием хотя бы малого количества пищи, чтобы после подкрепления ее и духу придать больше силы для более прилежного исследования того, чего вы желаете.

Двенадцатое собеседование аввы Херемона (второе). О чистоте

[1] Глава 1

[2] Тотчас по окончании обеда, который нам, желающим пищи учения, показался скорее обременительным, нежели приятным, старец, заметив, что мы ожидаем обещанного слова, начал говорить: мне приятно не только напряженное внимание вашего ума к учению, но и мысль предложенного вопроса. Точно, вы соблюли разумный порядок вопроса. Ибо необходимо, чтобы за полнотою столь превосходной любви последовали и безмерные награды за совершенную и постоянную чистоту, и была равная радость при таком равенстве наград. Ибо они соединяются между собою таким сродством, что одна без другой не может быть приобретена. Итак, ваше предложение заключается в том, чтобы мы подобным рассуждением раскрыли, может ли быть совсем истреблен огонь похоти, который, как врожденный жар, ощущает эта плоть. Сначала прилежно исследуем, что думает об этом блаженный апостол. Он говорит: «умертвите земные члены ваши» (Кол.3:5). Итак, прежде рассмотрения прочего исследуем, что такое члены, которые он заповедует умерщвлять. Блаженный апостол этой заповедью побуждает нас не руки или ноги, или детородные члены отсекать, но тело греха, которое также состоит из членов, как можно скорее разрушать ревностью к совершенной святости, о каковом теле он в другом месте говорит: «да упразднится тело греховное» (Рим.6:6). От него с плачем просит освободить его, говоря:

«бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим.7:24).

[3] Глава 2. О теле греха и членах его

[4] Итак, это тело греха состоит из многих членов – пороков, к его части относится всякий грех, совершенный делом, или словом, или помышлением, члены которого правильно называются земными. Ибо те, которые пользуются их услужением, не могут истинно исповедать: «наше же жительство – на небесах» (Флп.3:20). Итак, в этом месте апостол, описывая члены этого тела, говорит: «умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть (Услаждение нечистыми помыслами), злую похоть (Вожделение к женщине) и любостяжание, которое есть идолослужение» (Кол.3:5). Итак, на первом месте он поставил блуд, который совершается плотским совокуплением. А второй член он назвал нечистотою, которая, без всякого прикосновения к женщине, иногда случается во время сна или и во время бодрствования по беспечности неосмотрительного ума, и потому замечается и запрещается в законе Моисеевом, который всем нечистым не только не позволил есть священное мясо, но и повелел отлучать из среды лагерей, чтобы прикосновением своим не осквернили святыни, говоря: «если… какая душа (т. е. человек), имея на себе нечистоту,… прикоснувшись к чему-нибудь нечистому,… будет есть мясо мирной жертвы Господней, то истребится душа та из народа своего» (Лев.7:20–21), и во Второзаконии говорится: «если у тебя будет кто нечист от случившегося [ему] ночью, то он должен выйти вон из стана и не входить в стан, а при наступлении вечера должен омыть [тело свое] водою, и по захождении солнца

может войти в стан» (Втор.23:10–11). Потом, третьим членом греха апостол поставляет страсть, которая, находясь в сокровенности души, может воспламеняться и без плотской похоти (ибо libido – страсть называется так от слова libet – угодно, желательно). После этого, от больших грехов переходя к меньшим, он четвертым членом поставил злую похоть, которая может относиться не только к вышесказанной страсти нечистоты, но и вообще ко всем вредным вожделениям и которая есть только болезнь развращенной воли. О ней Господь в Евангелии говорит: «кто смотрит на женщину с вожделением, тот уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф.5:28). Ибо тогда гораздо труднее обуздать вожделение сердца, когда представляется ему случай обольстительного взгляда. Этим ясно доказывается, что для совершенства целомудрия не может быть достаточно только чистоты телесного воздержания, если не будет к ней присоединена и непорочность духа. После всего этого последний член греховного тела апостол называет любостяжанием, внушая, что не только следует воздерживаться от пожелания чужих вещей, но и свои нужно великодушно презирать. Так поступало упоминаемое в книге Деяний общество верующих, о котором говорится: «у множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее.... Ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду» (Деян.4:32, 34–35). А чтобы не показалось, что принадлежит немногим, то апостол свидетельствует, что любостяжание есть идолопоклонство (Кол.3:5), и справедливо. Ибо кто не подает необходимого бедным и

деньги свои, которые бережет по недоверчивой скупости, предпочитает заповедям Христовым, тот впадает в порок идолопоклонства, так как любовь к мирскому веществу предпочитает любви Божией.

[5] Глава 3. О подавлении блудной страсти и нечистоты

[6] Итак, если видим, что многие ради Христа отвергли свое имущество, так что не только обладание деньгами, но и желание их отсекли от сердец своих, то следует, что таким же образом можно погасить и блудное разжигание. Ибо апостол не соединил бы невозможного дела с возможным; но, признавая то и другое возможным, заповедал равным образом умерщвлять. И настолько блаженный апостол уверен, что можно из наших членов искоренить блудную страсть или нечистоту, что повелел не только умерщвлять их, но даже не называть, говоря: «блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас.... Также сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны *вам*" (Еф.5:3–4). Он учит, что это одинаково гибельно, одинаково удаляет нас от Царства Божия, говоря: «знайте, что никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога» (Там же, (Еф.5:5). И еще: «не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители... ни хищники – Царствия Божия не наследуют» (1Кор.6:9–10). Потому не должно быть сомнения, что страсть блуда и нечистоты может быть истреблена из наших членов; потому что апостол повелел отсекать их так же, как и любостяжание, суесловие,

смехотворство, пьянство, воровство, отсечение коих удобно.

[7] Глава 4. О том, что для приобретения чистоты целомудрия недостаточно усилия человеческого

[8] Впрочем, мы должны знать, что хотя бы мы соблюдали всю строгость воздержания: голод, жажду, бдение, постоянный труд – и с неослабевающим усердием занимались чтением; однако посредством этих подвигов мы не можем приобрести постоянную чистоту целомудрия, если, постоянно упражняясь в них, по опыту не познаем, что чистота подается по милости благодати Божией. Всякий пусть знает, что он должен неутомимо упражняться в этих подвигах только для того, чтобы ради скорби их, приклонив милосердие Божие, удостоиться, по божественному дару, освободиться от борьбы плоти и господства преобладающих страстей, и пусть не надеется, что будто он сам посредством их (т. е. поста, бдения, чтения и проч.) получит ненарушимую чистоту тела, которой желает. А для приобретения целомудрия должен воспламеняться таким желанием и любовью, с каким жадный корыстолюбец желает денег, честолюбец – высших почестей, или увлекаемый нестерпимой любовью к красивой женщине с невыносимым жаром хочет исполнить свое желание. От того бывает, что когда мы воспламеняемся ненасытным желанием всегдашней непорочности, то пренебрегается и желанная пища, необходимое питье бывает противно, наконец, даже сон, требуемый природою, отгоняется или, по крайней мере, как коварный обольститель целомудрия и как ревнивый

противник чистоты, допускается боязливым и подозрительным умом; и таким образом всякий поутру, испытав свою непорочность, радуется сохранившейся у него чистоте и сознает, что он приобрел ее не своим старанием и бдением, а покровительством Божиим, и понимает, что она столько будет пребывать в его теле, сколько Господь даст по Своему милосердию. Кто постоянно имеет такую уверенность, тот, не думая о себе высоко, не полагается на свою добродетель, не обольщаясь долгим отсутствием нечистого истечения, не предается обманчивой обеспеченности, зная, что он тотчас будет осквернен истечением нечистой влаги, если хоть немного отступит от него покровительство Божие. Потому для продолжения покровительства он со всем сокрушением и смирением сердца неослабно принадлежит молитве.

9 Глава 5. О пользе борьбы, которая бывает от воспламенения страсти

10 Хотите ли получить ясное доказательство истинности сказанного, по которому бы одобрили сказанное и уразумели, что эта плотская напасть, которая считается враждебной нам и вредной, с пользою дана нашим членам от рождения? Пожалуй, посмотрите на скопцов телом: какая особенно причина делает их вялыми в желании добродетелей и холодными. Не от того ли это, что, по их мнению, они не имеют уже опасности растлить целомудрие? Впрочем, на основании сказанного мною никто не должен думать, будто я утверждаю, что среди них нет никого, кто бы имел горячее расположение к совершенному самоотвержению, но что они некоторым образом должны побеждать свою природу, если только

кто из них, при высшей строгости по отношению к душе, стремится к предположенной пальме совершенства. Кого это пламенное желание совершенства однажды воспламенило, того заставляет не только терпеливо, но и охотно сносить голод, жажду, бдение, наготу и все телесные труды. «Трудящийся трудится для себя, потому что понуждает его *к тому* рот его" (Притч.16:26), и еще: «голодной душе все горькое сладко» (Притч.27:7). Ибо иначе желания настоящих вещей не могут быть подавлены или отвергнуты, если вместо этих вредных расположений, которые желаем отсечь, не будут восприняты другие, спасительные. Ибо живость духа никак не может поддерживаться без возбуждения какого-либо желания или страха, радости или печали, если они (эти чувства) не будут обращены в добрую сторону. И потому, если желаем плотские вожделения истребить из наших сердец, то на их место должны тотчас насадить духовные желания, чтобы дух наш, всегда занятый ими, имел чем постоянно заниматься и отвергал прелести временных (мирских) радостей. И когда дух наш, наученный ежедневным упражнением, придет в это состояние, тогда на опыте поймет и смысл того стишка, который хотя все мы воспеваем обыкновенным способом пения, но силу его понимают только немногие опытные: «всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную Меня; не поколеблюсь» (Пс.15:8). Ибо тот один действительно постигает силу и смысл этого стиха, кто, достигнув той чистоты тела и духа, о которой говорим, сознает, что он каждую минуту охраняется Господом, чтобы опять не уклониться на прежнее, и что десница его, т. е. святые действия постоянно ограждаются Им. Ибо Господь всегда присутствует при святых Своих не по левую сторону, потому что святой муж не имеет ничего

левого, т. е. худого, но по правую, а для грешников и нечистых Он бывает невидим, потому что они не имеют правой стороны, на коей Господь обыкновенно находится, и не могут говорить с пророком: «очи мои всегда к Господу, ибо Он извлекает из сети ноги мои» (Пс.24:15). Чего никто не может сказать справедливо, кроме того, кто все, что есть в этом мире, считая вредным или излишним или, по крайней мере, ниже высоких добродетелей, весь свой взор, все старание, всю заботу приложит к образованию своего сердца и к чистоте целомудрия; таким образом дух, очищенный такими упражнениями и усовершенствованный успехами достигнет совершенной чистоты души и тела.

[11] Глава 6. Терпение подавляет разжигание похоти

[12] Сколько кто преуспеет в кротости сердца и терпении, столько же преуспеет и в чистоте тела и, чем дальше прогонит страсть гнева, тем лучше приобретет чистоту. Ибо тот не выгонит жара из тела, кто сперва не подавит волнения души. Это ясно доказывает учение Спасителя о блаженствах: «блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф.5:5). Следовательно, не иначе мы завладеем нашею землею, т. е. мятежная земля нашего тела подчинится нашей власти, если сначала дух укрепится в кротости и терпении; и никто не сможет прекратить войну похоти, восстающей на свою плоть, если сперва не будет снабжен оружием кротости. Ибо «кроткие наследуют землю... и будут жить на ней вовек» (Пс.36:11, 29). Как мы можем завладеть этой землею, это пророк объясняет в следующих словах псалма: «уповай на Господа и держись пути Его: и Он вознесет тебя, чтобы ты

наследовал землю» (Пс.36:34). Ясно, что никто не может восходить к получению во владение этой земли, кроме тех, которые, с непоколебимой кротостью и терпением соблюдая пути Господни и заповеди, из грязи плотских страстей будут Им извлечены и возвышены. Следовательно, «кроткие наследуют землю», и не только наследуют землю, но «и насладятся множеством мира» (Пс.36:11), которым никто постоянно не будет наслаждаться, в чьей плоти еще восстает борьба похоти. Ибо он обязательно будет подвергаться жестоким наказаниям демонов и будет уязвляем огненными стрелами сладострастия, будет выгоняем из владения своей земли, пока Господь прекратит войны до края земли его, сокрушит лук, переломит копье, колесницы сожжет огнем (Пс.45:10), именно тем, какой приходил Господь повергнуть на землю (Лк.12:49); также переломит лук и копье, которыми духовные враги, днем и ночью сражаясь против него, уязвляли сердце его огненными стрелами страстей. Таким образом, когда Господь, прекращающий битвы, освободит его от всякого воспламенения похоти, то он придет в такое состояние чистоты, что по удалении смятения, которым пугал себя, т. е. свою плоть во время борьбы, начнет наслаждаться ею, как в чистом шатре. Ибо «не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему» (Пс.90:10), по пророческому слову, силою терпения он достигнет того, что посредством кротости не только наследует свою землю, но и насладится множеством мира (Пс.36:11). А где еще остается смятение борьбы, там не может быть множество мира. Псалмопевец не говорит: насладятся миром, но множеством мира. Этим очевидно показывается, что терпение есть такое действительное лечение сердца, как говорит Соломон: «кроткий муж –

сердцу врач» (Притч.14:30), – что истребляет страсть не только гнева, печали, уныния, тщеславия, гордости, но и похоти и вообще всех страстей. Кто всегда бывает кроток и спокоен, тот не возмущается гневом, не снедается горечью печали и уныния, не увлекается суетностью тщеславия, не возвышается гордостью. Ибо велик мир у любящих закон Господень, и нет им преткновения (Пс.118:165). И потому справедливо говорится: «долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою *лучше* завоевателя города» (Притч.16:32). Итак, пока мы заслужим приобрести такой твердый и постоянный мир, необходимо нам перенести много искушений. Также надо нам часто со стенанием и слезами повторять этот стишок: «я же беден и нищ,... ибо чресла мои полны воспалениями, и нет целого места в плоти моей... от гнева Твоего; нет мира в костях моих от грехов моих» (Пс.39:18, 37:4, 8). Это тогда, поистине, мы будем с плачем говорить, когда после долговременной чистоты нашего тела думая, что мы уже совершенно избавились от плотской скверны, станем чувствовать, что опять восстает против нас похоть плоти за возношение сердца, и от мечтаний во сне у нас приключается нечистота истечения. Часто бывает, что при продолжительной чистоте сердца и тела человек в самом себе тщеславится, думая, что он уже не может лишиться этой чистоты, и говорит: «я говорил в благоденствии моем: не поколеблюсь вовек» (Пс.29:7). Но, когда для пользы оставленный Господом, он почувствует, что чистота его возмущается, касательно которой он полагался на себя самого, и увидит, что он сам по себе не имеет успеха, то тотчас прибегает к Виновнику чистоты и, сознавая свою слабость, исповедуется и говорит: «по благоволению Твоему, Господи, Ты укрепил гору мою; но Ты сокрыл лицо Твое, *и* я смутился» (Пс.29:8). И слова

блаженного Иова: «хотя бы я омылся и снежною водою и совершенно очистил руки мои, то и тогда Ты погрузишь меня в грязь, и возгнушаются мною одежды мои» (Иов.9:30–31). Впрочем, кто по своей вине погрязает в нечистоте, тот не может говорить это своему Творцу. Пока кто не достигнет совершенного состояния чистоты, тот обязательно будет часто подвергаться возмущениям страсти до тех пор, пока, по благодати Божией укрепившись в желаемой чистоте, удостоится деятельно говорить: «твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне, и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои, и утвердил стопы мои» (Пс.39:2–3). [89]

13 Глава 7. О разных степенях целомудрия

14 Много степеней целомудрия, по которым восходят к ненарушимой чистоте, и хотя обозреть и исчислить их как подобает сил наших недостает, однако поскольку порядок собеседования требует того, то по мере наших опытов попытаемся объяснить, предоставляя совершенным более совершенное объяснение и не предупреждая своим мнением тех, которые, по горячему усердию приобретя более совершенное целомудрие, чем больше имеют старания, тем больше превосходят других силою самого понимания. Итак, лестницу совершенства целомудрия я разделю на шесть степеней, которые впрочем по высоте далеко отстоят друг от друга, так что некоторые средние, которых много, я опущу, потому что тонкость их неуловима для человеческих чувств, так что ни ум усмотреть ее, ни язык не может высказать, с какими успехами мало-помалу ежедневно возрастает совершенство самой чистоты. Ибо по подобию земных

тел, которые каждый день незаметно прирастают без нашего ведома до совершенного вида, также приобретается и сила души и зрелость чистоты. Итак, первая степень целомудрия состоит в том, чтобы монах не подвергался возмущению плотской похоти в состоянии бодрствования, второй, чтобы ум не занимался сладострастными помыслами; третий, чтобы от взгляда на женщину нисколько не склонялся к вожделению; четвертый, чтобы в бодрствующем состоянии не допускал и простого движения похоти; пятый, чтобы даже самое тонкое согласие на сладострастное действие не помрачало ума, когда рассуждение или необходимость чтения приведет на память человеческое рождение, а должен смотреть на это спокойным и чистым взглядом сердца, как на дело простое и необходимо назначенное для размножения рода человеческого; при воспоминании о нем ничего больше не должен представлять, как действие чресл, или другой какой-нибудь части тела. Шестая степень целомудрия состоит в том, чтобы даже во сне не было соблазнительных мечтаний о женщинах. Хотя это мечтание мы и не считаем грехом, однако это бывает знаком того, что похоть еще скрывается в членах. Мечтания эти бывают различные. Смотря по тому, кто каким делом обычно занимается или о чем думает, тот тем и искушается во время сна. Иначе обольщаются те, которые узнали плотское совокупление; иначе те, которые не испытали совокупления с женщиною. Так как у последних сны обычно бывают простые и более чистые, то им легче приобрести чистоту. А те подвергаются обольщению нечистых и более впечатлительных мечтаний, до тех пор пока мало-помалу, по мере чистоты, к которой всякий стремится, дух даже во сне не возненавидит то дело, к которому прежде произвольно

питал сочувствие, и пока ему не дается от Господа то, что через пророка обещается храбрым мужам в высшую награду за труды: «и лук, и меч, и войну истреблю из земли той, дам им жить в безопасности» (Ос.2:18); и таким образом достигнет чистоты блаженного Серена (См. Соб. 7, гл. 1 и 2) и немногих подобных ему мужей. Эту чистоту я отделил от других шести степеней целомудрия, поскольку не только приобрести, но даже и верить ей очень редкие могут, и поскольку, что по особенному дару Божию ему (авве Серену) дано, то не может быть предложено в образец заповеди общей для всех, а именно, чтобы дух наш до того возвысился в чистоте целомудрия, чтобы после умерщвления самого естественного движения плоти вовсе не иметь нечистого истечения. Я не должен умолчать и о мнении тех, которые о плотском истечении говорят, что будто оно происходит у спящих не от того, что производят его сонные грезы, а от того, что скопление этой влаги возбуждает обольстительные мечты в болезненном сердце. Наконец говорят, что в то время, когда не беспокоит скопление влаги, не бывает ни истечения ее, ни обольстительного мечтания.

15 Глава 8. Не испытавшие не могут рассуждать о свойстве и действиях целомудрия

16 Но принять это, одобрить и точным исследованием доказать, возможно ли это или невозможно, не может никто, кроме того, кто посредством долгого опыта и чистоты сердца, под руководством слова Божия, проникнет до самых оснований (То есть приобретет

познания – что свойственно духу, что плоти, что согласно с их свойствами и потребностями, что нужно приписать одному, что другому и т. п.) плоти и духа. Об этом блаженный апостол говорит: «слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (Евр.4:12). И таким образом, став как бы между их пределами, как наблюдатель и судья, правильным исследованием определит, что человеческому состоянию необходимо, что неизбежно должно быть присвоено или что приключилось от порочной привычки и беспечности юности. И касательно действия и природы их (духа и плоти) не полагается на ложные людские мнения, а на верных весах своего опыта и с точным испытанием взвешивая чистоту, не обольщается заблуждением тех, которые, оскверняясь по своей небрежности истечением более частым, нежели побуждает природа, извиняют себя естественным состоянием; а между тем известно, что они больше делают насилие природе, вынуждают у нее истечение, которого она сама собою не производит, свою невоздержанность относят к потребности плоти, даже к Творцу ее, собственную вину слагая на немощь природы. О таких в Притчах хорошо говорится: «глупость человека извращает путь его, а сердце его негодует на Господа» (Притч.19:3). Если же кто не хочет верить этому рассуждению нашему, то прошу вступать в спор с нами по предвзятому мнению не раньше, чем исполнив правила этого учения. И когда будет исполнять их хоть немногие месяцы с той воздержанностью, какая заповедуется, то сказанное нами совершенно может подтвердить, как истинное суждение. Но тот напрасно будет спорить о цели какого-либо искусства или науки, кто сначала с

особенным усердием и рачительностью не исполнит всего того, что принадлежит к совершенству их. Например, если бы я утверждал, что можно произвести из пшеницы подобие меда, или из семян редьки и льна приятное масло; если бы кто, не зная этого, стал говорить, что это противно природе вещей, и меня осмеял, как лжеца; если я представлю ему бесчисленных свидетелей, показывающих, что они это видели и вкушали; кроме того, если бы я объяснил способ и порядок, как эти вещества превращаются в масло или в мед, а он, упорно оставаясь в глупом предубеждении, стал бы отвергать возможность произвести из этих семян какую-нибудь сладость или масло, то не больше ли должно быть порицаемо неразумное упрямство его, нежели осмеиваема истинность моих слов, которая подтверждается важностью многих и верных свидетелей, ясными доводами и, что еще важнее, достоверностью опыта. И потому кто постоянным усилием сердца достигнет того состояния, что уже после совершенного освобождения духа от раздражения этой страсти плоть его во время сна будет выгонять избыток переполнившейся влаги, тот верно поймет состояние и способ природы. Таким образом, когда, пробудившись, найдет, что плоть его после долгого времени, без его ведома и сознания, осквернилась (истечением), тогда он извиняется естественной необходимостью, без сомнения, достигнув того состояния, чтобы он обретался таким и ночью (т. е. во время сна), каким днем (в бодрствующем состоянии), таким на постели, каким на молитве, таким один, каким среди людей. Находясь в уединении, он никогда не должен видеть себя таким (нагим), каким стыдно предстать перед людьми, нужно, чтобы и всевидящее око (Божие) не усматривало в нем чего-либо

такого, что он желал бы скрыть от взоров человеческих. Таким образом, когда он начнет постоянно наслаждаться приятным светом чистоты, то может говорить с пророком: «может быть, тьма сокроет меня, и свет вокруг меня *сделается* ночью»; но и тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день: как тьма, так и свет» (Пс.138:11–12). Наконец, какой приобрел такое состояние, которое кажется выше природы человеческой, это показывает тот же пророк, говоря: «Ты устроил внутренности мои» (Пс.138:13), т. е. я заслужил эту чистоту не своим старанием и добродетелью, а потому, что Ты погасил вложенный в мои внутренности жар сладострастия.

[17] Глава 9. Вопрос: можно ли избежать возбуждения похоти плоти даже во время сна?

[18] Герман. Мы отчасти испытали, что бодрствующие по благодати Божией могут приобрести постоянную чистоту тела; не отвергаем и того, что у бодрствующих, при рассудительности и строгости воздержания, может не случаться возбуждение похоти плоти. А мы желаем знать, может ли она не беспокоить нас и во время сна? Мы не думаем, чтобы это было возможно, по двум причинам, которые хотя без стыда не можем высказать, однако, поскольку этого требует необходимость самого лечения, просим милостиво выслушать, если что, может быть, и не совсем стыдливо будет открыто. (Первая) причина та, что из-за ослабления строгости ума покоем сна он никак не может наблюдать за возбуждением похоти. Вторая та, что скопление урины, когда во время сна непрестанным прибытием влаги переполняется вместимость пузыря,

возбуждает увядшие члены, что, однако, по тому же закону случается и у детей или скопцов. От того бывает, что если сладострастное услаждение не уязвит дух согласием, то нечистота членов смирит его стыдом.

19 Глава 10. Ответ: возбуждающаяся во сне похоть плоти не вредит целомудрию

20 Херемон. Видно, что вы еще не узнали добродетели истинного целомудрия, когда верите, что ее имеют только бодрствующие при помощи воздержания, и потому думаете, что спящие, из-за ослабления строгости духа, не могут сохранять чистоту. Целомудрие сохраняется не строгостью (воздержанием), как вы думаете, а любовью к нему и удовольствием от собственной чистоты. То называется не целомудрием, а воздержанием, когда еще остается противное ему услаждение. Итак, видите, что тем, которые по благодати Божией приобрели искреннее расположение к целомудрию, прекращение строгости (бдительности) во время сна не вредит, между тем она одна (строгость) не надежна и для бодрствующих, которые не избавляются от возбуждения похоти. Ибо что с трудом подавляется, то дает сражающемуся только временное перемирие, а не постоянный покой после труда; а что побеждено крепкой силою, уложено без всякого подозрения беспокойства, то победителю доставляет постоянную твердость мира. Поэтому, пока чувствуем беспокоящую похоть плоти, должны знать, что мы еще не достигли совершенства целомудрия, но, находясь еще в слабом состоянии воздержания, подвергаемся борьбе, исход в которой всегда бывает сомнителен. А что будто возбуждение похоти плоти неизбежно, как вы предположили, то следует знать, что у

них недостает не плотского жара и возбуждения похоти, а только способности изливать детородное семя. Отсюда ясно, что и они, если хотят достигнуть того целомудрия, к которому мы стремимся, не должны оставлять смирения, сокрушения сердца и строгости воздержания, хотя надо думать, что они с меньшим трудом и усилием могут достигнуть целомудрия.

[21] Глава 11. Большое различие между целомудрием и воздержанием

[22] Совершенство целомудрия от многотрудных начал воздержания отличается постоянным спокойствием. Ибо совершенство истинного целомудрия составляет то, что оно не только подавляет возбуждение плотской похоти, но и со всем ужасом отвращается, постоянно сохраняет ненарушимую свою чистоту и не может быть ничем иным, как святостью. А это будет тогда, когда плоть, уже перестав воинствовать против духа, будет согласовываться с его желаниями и добродетелью, они начнут соединяться между собою твердым миром и, по изречению Псалмопевца, как братья будут жить заодно (Пс.132:1), достигнув обещанного Господом блаженства, о котором говорится: «если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного» (Мф.18:19). Итак, кто перейдет степень умственного Иакова, т. е. запинателя, тот от борьбы воздержания и от запинания пороков, после ослабления силы чресл, при постоянном управлении сердцем взойдет к заслуге Израиля (Иаков значит запинатель, потому что он задерживал Исава при рождении и потом при получении благословения от отца Исаака, и означает борьбу со страстями и пороками; а

Израиль значит зрящий Бога, и означает высшую духовную жизнь, созерцание Бога). Такой порядок и блаженный Давид, по пророчеству Св. Духа, так разделил, говоря сначала: ведом в Иудее Бог, т. е. в душе, которая еще задерживается в исповедании грехов; ибо Иудея значит исповедание; а в Израиле, т. е. в том, кто видит Бога (или, как некоторые толкуют, праведник Божий), не только ведом, но и велико имя Его. Потом, призывая нас к высшему и желая показать и само место, в котором Господь утешается, говорит: и сделалось в мире место Его (Пс.75:2–4), т. е. не в смятении сражения и борьбе с пороками, а в мире целомудрия и в постоянном спокойствии сердца. Итак, если кто удостоится завладеть этим местом мира после подавления плотских страстей, то, восходя с этой ступени и постепенно становясь духовным Сионом, т. е. зрящим Бога, будет также и обителью Его. Ибо Господь пребывает не в подвиге воздержания, а в постоянном наблюдении добродетелей, где уже не притупляет, не подавляет, где навсегда сокрушил силу луков, из которых против нас некогда бросались огненные стрелы похоти. Итак, видите, что как место Господне не в подвиге воздержания, но в мире целомудрия, так и обитание Его в наблюдении и созерцании добродетелей. Потому справедливо врата Сиона предпочитаются всем селениям Иакова, ибо любит Господь врата Сиона более всех селений Иакова (Пс.86:2). Вы рассуждаете, будто возбуждение похоти плоти бывает неизбежно, что урина, постоянным прибытием переполнив пузырь, раздражает покойные члены, хотя истинным последователям чистоты нисколько не препятствует это раздражение, которое иногда во время сна производит только это жизненное отправление, но необходимо знать, что если и бывают (члены)

возбуждены, однако по силе целомудрия возвращаются к своему покою, так что не только без всякого истечения, но и без малейшего воспоминания о похоти улегаются. И потому, чтобы с законом души согласовался и закон телесный, и в питье воды следует избегать излишества, так чтобы ежедневное скопление влаги, притекая к высохшим членам, не только очень редко производило то возбуждение тела, которое вы считаете неизбежным, но и делало этот огонь, если можно так сказать, тихим, теплым, холодным, без всякого жжения, наподобие дивного видения Моисея (Исх.3:2), так чтобы купина нашей плоти, объятая безвредным огнем, не сжигалась; или наподобие тех трех отроков, для коих пламя халдейской печи духом росным охлаждалось, так что огонь не коснулся ни волос их, ни одежды, так что мы уже и в этом теле начинаем некоторым образом приобретать то, что через пророка обещается святым: «пойдешь ли через огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя» (Ис.43:2).

[23] Глава 12. О дивных делах, производимых Богом в святых

[24] Подлинно велики, дивны дары, которые Господь верным Своим, находящимся еще в этом тленном теле, дарует с неизреченною щедростью, и никому из людей, кроме только испытавших, неизвестны. Пророк, понимая под этим чистоту духа, как от своего, так и от лица тех, которые достигли этого состояния и расположения, воскликнул: «дивны дела Твои, и душа моя вполне сознает это» (Пс.138:14). Иначе пророк ничего нового и великого не сказал бы, если бы с другим расположением сердца или о других делах Божиих произнес это. Ибо нет никого

из людей, кто бы и из величия самого творения не познавал, что дивны дела Божии. Впрочем, что Он в святых Своих ежедневным действием производит и по особенной щедрости обильно изливает, то знает только душа пользующегося, которая в тайне своего сознания бывает единственной ценительницей благодеяний Его, так что не только никаким словом не может выразить их, но и чувством и помышлением объять, когда, выходя из состояния огненной горячности, спускается к материальным, земным видениям. Ибо кто не удивится делам Божиим в себе когда увидит, что ненасытная жадность чрева и гибельная роскошь прожорливости подавлены в нем так, что даже самую малую и самую дешевую пищу редко и нехотя принимает? Кто не удивится делам Божиим, когда почувствует, что тот огонь похоти, который прежде считал естественным и неугасимым, теперь охладел так, что не чувствует в себе и простого возбуждения плоти? Как не возблагоговеет перед силою Божией всякий, когда увидит, что люди прежде жестокие, свирепые, которые раздражались и при раболепном услужении, приходили в большую ярость, теперь пришли в такую кротость, что не только не возмущаются никакими обидами, но еще с большим великодушием радуются им? Подлинно, кто не удивится делам Божьим и с полным расположением не воскликнет: «я познал, что велик Господь» (Пс.134:5), когда увидит себя или другого кого-либо, что из хищного сделался щедрым, из расточительного – воздержным, из гордого – смиренным, из щеголеватого и изнеженного – пренебрегающим щегольством и изнеженностью и добровольно переносящим бедность и тесноту настоящих обстоятельств? Точно, дивны эти дела Божии, которые пророк и подобные ему признают, изумляясь при

созерцании их. Это те чудеса, которые Бог положил на земле, и тот же пророк призывает все народы к удивлению им, говоря: придите и видите дела Господа, – какие произвел Он опустошения на земле: «прекращая брани до края земли, сокрушил лук и переломил копье, колесницы сжег огнем» (Пс.45:9–10). Какое чудо может быть больше, как в самое короткое время из хищных мытарей сделаться апостолами, из жестоких гонителей самыми терпеливыми проповедниками Евангелия, так что ту самую веру, которую преследовали, потом распространяли даже пролитием своей крови? Это те дела Божии, о которых Сын Божий свидетельствует, что Он ежедневно вместе с Отцом делает, говоря: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю» (Ин.5:17). Об этих делах Божиих блаженный Давид, воспевая в духе, говорит: «благословен Господь Бог, Бог Израилев, един творящий чудеса» (Пс.71:18). О них и пророк Амос говорит: «смертную тень претворяет в утро, а день делает темным, как ночь» (Ам.5:8). Это именно есть изменение десницы Всевышнего (Пс.76:11). Об этом спасительном делании Божием пророк молит Господа: «утверди, Боже, то, что Ты соделал для нас!» (Пс.67:29). Я уже не говорю о тех тайных, сокровенных действиях Божиих, которые дух всех святых каждую минуту видит совершающимися внутри себя особенным образом, о том небесном излиянии духовного веселья, вследствие которого унылый дух живостью нечаянной радости возвышается к тем неведомым восторгам сердца, к неизреченным, неслыханным утешениям радости, коими мы, иногда цепенеющие в унылой бесчувственности, как бы от глубокого сна возбуждаемся к пламеннейшей молитве. Это есть та радость, о которой говорится: «того не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце

человеку» (1Кор.2:9), о которой блаженный апостол говорит тому, кто расслаблен земными пороками, привязан к человеческим страстям и не видит ничего из этих даров Божиих. Наконец, тот же апостол как о себе, так и о подобных ему, вышедших уже из сожительства человеческого, прибавил: «а нам Бог открыл *это* Духом Своим» (1Кор.2:10).

[25] Глава 13. Одни испытавшие знают сладость целомудрия

[26] Итак, во всем этом, насколько дух возвысится в чистоте, настолько же возвышеннее будет созерцать Бога, и будет возрастать в нем больше удивление в самом себе, нежели раскрываться способность высказаться. Ибо как не испытавший не может постигнуть умом силу этого веселья, так испытавший не в состоянии будет изъяснить словом, подобно тому, как если бы кто-нибудь захотел на словах объяснять сладость меда тому, кто никогда ничего сладкого не вкушал; точно, и этот не поймет ушами приятности вкуса, коей никогда устами не отведывал, и тот не сможет словами объяснить сладость, которую узнал вкусом, а только вследствие узнавания приятности, молча, будет удивляться сладости испытанно, о вкуса. Так и всякий, кто удостоится достигнуть вышесказанного состояния добродетелей, молча, умом рассматривая все то, что Бог по особенной благодати делает в Своих рабах, и при размышлении о всем этом изумляясь, с искренним расположением сердца будет взывать: «дивны дела Твои, и душа моя вполне сознает это» (Пс.138:14). Итак, это есть дивное дело Божие, что человек, находясь в плоти, отверг плотские страсти и при таком разнообразии обстоятельств и вражеских нападений держится в одном

состоянии духа и пребывает непоколебим при всяком случае. Укрепленный такой добродетелью, один старец, когда близ Александрии, окруженный толпою неверных, стал подвергаться не только злословию, но и тяжким обидам толкающих, и когда с насмешкою говорили ему: что удивительного сделал ваш Христос, Которого вы почитаете? – ответил: «то, что я не возмущаюсь и не оскорбляюсь этими и даже большими обидами».

[27] Глава 14. Вопрос о качестве воздержания и о времени, в которое может усовершенствоваться целомудрие

[28] Герман. Поскольку удивление этой не человеческой, не земной, но совершенно небесной и ангельской чистоте вдруг привело нас в такое изумление, что породило скорее страх, нежели возбудило души наши к желанию ее, то просим преподать нам более полное наставление касательно качества воздержания и количества времени, в которое она может быть приобретена или усовершенствована; поскольку мы верим, что она усовершенствоваться может, и мы потом, с течением определенного времени, будем воодушевляться к снисканию ее. Ибо мы считаем ее неудободостижимой для находящихся в этой плоти, если нам верным образом не будет объяснен некоторый порядок и путь, коим можно достигнуть ее.

[29] Глава 15. Ответ: за какое время может быть приобретена чистота

[30] Херемон. Для усовершенствования чистоты, о которой говорим, довольно безрассудно, особенно при таком разнообразии удовольствий, назначать известную меру времени, которую нельзя назначать и для материальных искусств и видимых наук; ибо каждому необходимо усваивать их, смотря по усердию души и по качеству дарований. Впрочем, мы можем верно определить образ воздержания и количество времени, в течение которого узнается возможность усовершенствования чистоты. Итак, кто, устранившись от праздных разговоров и умерши для всякого гнева, беспокойства и попечения мирского, для ежедневного питания будет довольствоваться только двумя хлебцами (Хлебец в 1/2 фунта весом) и, избегая сытости в воде, будет ограничивать покой сна тремя или, как иные постановляют, четырьмя часами; однако будет верить, что он приобретет ее не заслугою своих трудов или воздержания, а по милосердию Божию (ибо без этой веры суетно все усилие человеческого труда), не более, как в шесть месяцев узнает, что не невозможно для него усовершенствование в ней. Впрочем, это очевидный знак близкой чистоты – начинать ее тем, чтобы не надеяться на тщательность своего труда. Ибо если кто истинно поймет силу этого стиха: «если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его» (Пс.126:1); то не будет возноситься заслугами своей чистоты, понимая, что он приобрел ее не своим прилежанием, но по милосердию Божию; и к другим не относится с строгостью, зная, что человеческая добродетель ничего не значит, если не будет способствовать ей сила Божия. [88]

[31] Глава 16. О конце и средстве приобретения и сохранения целомудрия

[32] Потому для всякого из нас, всеми силами подвизающегося против духа блуда, единственную победу составляет то, чтобы не ожидать средства от своего старания. Хотя эта вера для всех кажется легкой, удобной, однако новичками приобретается также трудно, как и совершенство самого целомудрия. Ибо когда хоть немного улыбнется им чистота и они в тайне своего сознания тонким подкравшимся возношением услаждаются, думают, что достигли ее ревностью своего прилежания, то бывает необходимо, чтобы они, лишившись немного помощи Божией, до того были обеспокоены страстями, которые Божественная сила подавляла, пока по опыту не познают, что они своими силами и старанием не могут приобрести чистоты. Чтобы нам рассуждение о конце полного целомудрия, состоящее из длинного объяснения, коротко заключить, собрав воедино все, что обширно и рассеянно было изложено, скажем, что совершенство целомудрия состоит в том, чтобы монах в бодрствующем состоянии не допускал никакого услаждения похотью, чтобы и во сне не имел обольстительных грез; но когда бы во время сна, при беззаботности усыпленного ума, и произошло раздражение плоти, то как оно возбудилось без всякого ощущения удовольствия, так чтобы и успокоилось без всякой плотской нечистоты (т. е. истечения). Это, о конце целомудрия, насколько могли, изложили мы не голословно, а по опыту. Хотя, думаю, ленивыми и нерадивыми это, может быть, будет сочтено невозможным; однако я уверен, что ревностными и духовными мужами будет признано и одобрено. Ибо

столько различия между людьми, сколько разнятся между собою цели, к коим стремятся души их, или сколько отстоит небо от ада, или Христос от Велиара, по изречению Господа Спасителя: «кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет» (Ин.12:26), и еще: «где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф.6:21). Так блаженный Херемон рассуждал о совершенстве целомудрия и удивительное учение о возвышенной чистоте заключил таким словом, советуя нам, приведенным в изумление, чтобы мы, поскольку большая часть ночи уже прошла, немного предавшись телом покою, не отказывали ему в естественной пище сна, чтобы дух, ослабев от расслабления тела своего, не лишился силы святого намерения.

Тринадцатое собеседование аввы Херемона (третье). О покровительстве Божием, или о том, как благодать Божия содействует совершению добрых дел

[1] Глава 1

[2] Когда после сна мы шли на утреннюю молитву, то авву Германа весьма занимала произнесенная во вчерашнем собеседовании мысль старца о том, что человек без содействия Божия не может сделаться добродетельным, хотя бы и много старался. Блаженный Херемон, увидев, что мы беспокоимся и дивимся чему-то, по окончании обычных молитв и псалмопения спросил нас о причине нашего беспокойства.

[3] Глава 2. Вопрос: почему успех в добродетелях не присваивается старанию трудящегося?

[4] Герман на это сказал ему: насколько высокая добродетель, о коей ты рассуждал вчера вечером, кажется нам недостижимою, настолько же не согласно с истиною то мнение, что усовершенствование в целомудрии не есть плод усилий человеческих; ибо, по моему мнению, нельзя не приписать земледельцу плода, если он возделывает землю.

[5] Глава 3. Ответ: без помощи Божией невозможно не только усовершенствование в целомудрии, но и ничего доброго нельзя сделать

[6] Херемон на это отвечал так: предложенный вами пример и доказывает, что усилия трудящегося без помощи Божией ничего не могут совершить. Ибо земледелец хотя и много трудится над возделыванием земли, но не может ожидать обильного плода, если на обработанную им землю не падет благовременного дождя и не будет благоприятной погоды; случается, что и созревшие уже плоды пропадают от того, что Бог не благословляет трудов земледельца. Итак, как ленивым земледельцам, которые не стараются обрабатывать сохою свою землю, Бог не дает обильного плода, так и трудолюбивым не принесет пользы всенощная забота, если милосердие Божие не будет споспешествовать. Впрочем, человек не должен мечтать, что будто его труды привлекают благодать Божию и будто потому Бог благословляет его обилием плодов, что он трудится. Чтобы истребить в себе эту гордость, пусть он представит себе, что если бы Бог не укреплял его, то он не мог бы и трудиться, и что если бы милосердие Божие не споспешествовало его действиям, то и желание и силы его остались бы без действия. И тогда как Бог дает нам силы, здоровье и споспешествует нашим делам, мы должны молить, чтобы небо не было медяным и земля железной, и чтобы не случилось, что оставшееся от гусениц ела саранча, и оставшееся от саранчи ели черви (Иоил.1:4). Но земледелец нуждается в помощи Божией не только тогда, когда поля его засеяны, но и когда жатва окончена и плоды собраны в житницу. Из этого видно, что

Бог есть начальный виновник не только дел, но и благих помышлений; Он внушает нам и Свою святую волю, и дает силу и удобный случай исполнить то, чего правильно желаем; «ибо всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов» (Иак.1:17). По словам апостола, Он и начинает в нас добродетель, и совершает ее, «дающий же семя сеющему и хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей» (2Кор.9:10). А мы должны со смирением покоряться непрестанно влекущей нас благодати, чтобы, противясь ей, не услышать того же, что сказано было иудеям через Иеремию: «разве, упав, не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются?» (Иер.8:4). «Для чего этот народ, Иерусалим, находится в упорном отступничестве? они крепко держатся обмана и не хотят обратиться» (Иер.8:5).

[7] Глава 4. Возражение: как же язычники и без благодати Божией, говорят, имели целомудрие?

[8] Герман. Этому мнению, благочестие которого мы не можем вовсе отвергнуть, кажется, противоречит то, что оно ведет к уничтожению свободной воли. Ибо когда видим, что многие язычники, не заслуживавшие помощи благодати Божией, отличались добродетелями не только воздержности и терпения, но, что удивительнее, даже целомудрия, то как можно думать, что они сообщены им благодатью Божией, между тем как последователи мирской мудрости, не зная не только благодати Божией, но и Самого истинного Бога, как мы узнали из истории и

из предания некоторых, тщательным своим трудом приобрели высшую чистоту целомудрия?

[9] Глава 5. Ответ о воображаемом целомудрии философов

[10] Херемон. Мне приятно, что вы, воспламенившись любовью к познанию истины, предлагаете и некоторые нелепости, от рассмотрения которых добродетель христианской веры окажется одобрительнее и, так сказать, испытаннее. Благоразумный человек станет ли делать такие противоречивые предложения, что небесную чистоту целомудрия, как вы вчера рассуждали, будто бы никто из смертных не может приобрести и при содействии благодати Божией, а теперь думаете, что и язычники собственной силою приобретали его? Но так как вы предлагаете это, без сомнения, для испытания истины, то слушайте, что мы думаем об этом. Не следует верить, что философы имели такую чистоту души, какая требуется от нас, коим вменяется в обязанность, чтобы не только блуд, но и нечистота даже и не назывались у нас. Имели же они некоторую частичку целомудрия, т. е. воздержание плоти, а именно, удерживали только похоть от совокупления, а внутреннюю, совершенную и постоянную чистоту духа и тела, не говорю делом приобрести, но и думать о ней не могли. В этом не стыдился сознаться и знаменитый между ними Сократ. Когда один человек, глядя на Сократа, сказал, что у того глаза, как у растлителя детей, и когда ученики его, напав, хотели отомстить за оскорбление, нанесенное учителю их, то Сократ, говорят, удержал их негодование такими словами: «успокойтесь, дети, я точно таков, но сдерживаю себя». Итак, не только нашим рассуждением, но и

сознанием их ясно доказывается, что они с принуждением удерживались только от совершения плотского совокупления; но желание и услаждение этой страстью не было изгнано из сердец их. С каким омерзением надо произносить изречение Диогена! Случилось, что философ этого мира не постыдился высказать как нечто достопамятное, чего мы не можем, не покраснев от стыда, ни сказать, ни слышать. Он одному, подвергшемуся наказанию за прелюбодеяние, как говорят, сказал: «что даром продается, того не покупай смертью» (За дешевую вещь нельзя платить дорогой ценою, т. е. за маловажное дело, прелюбодеяние, не следует подвергать тяжкому наказанию – смерти. Вот как язычники смотрели на плотский грех). Итак, видно, что они и не знали добродетели истинного целомудрия, какое требуется от нас. И потому верно, что нашего обрезания, совершаемого в духе, невозможно иметь иначе, как по благодати Божией, и его имеют только те, которые служат Богу с полным сокрушением духа.

[11] Глава 6. О том, что без благодати Божией мы не можем ничего сделать

[12] Хотя из многих случаев видно, что люди всегда имеют нужду в помощи Божией, и что человек без нее ничего не может сделать для своего спасения, но очевиднее всего эту истину доказывает трудность, с которой достигается и сохраняется целомудрие. Не говоря о трудности его, скажем о трудности средств к нему. Кто, даже и из ревностных, может сам собою перенести суровость пустыни, скудость пищи и ежедневный голод? Кто может без божественного утешения непрестанно жаждать, лишать себя сна в утреннее время, в которое сон особенно

сладок, и спать постоянно только четыре часа, беспрерывно читать и заниматься рукоделием без прибыли для себя? О всем этом даже и подумать нельзя без вдохновения Божия. Чтобы совершенно доказать это, стоит только вспомнить, как часто какой-нибудь ничтожный случай препятствует исполниться и спасительным нашим желаниям, и как весьма немногие из желающих сделаться добродетельными могут вполне совершить свои желания. Исполнение наших желаний не всегда подлежит нашей власти даже и тогда, как мы не чувствуем бессилия. Ибо весьма часто встречающиеся обстоятельства против нашей воли не допускают нам быть в совершенном уединении, сохранить пост во всей его строгости, заниматься чтением, не развлекаясь ничем, – так что мы должны просить у Бога удобного места и времени для совершения всего этого, и если Он не пошлет благоприятствующих обстоятельств, то наши желания остаются без исполнения. В таких именно обстоятельствах был апостол, ибо он к солунянам писал: «и потому мы, я и Павел, и раз и два хотели прийти к вам, но воспрепятствовал нам сатана» (1Сол.2:18). Так же и мы против воли удерживаемся от духовных занятий и уступаем немощи плоти для некоторых спасительных целей, об одной из которых апостол говорит, когда пишет, что он трижды молил Господа, чтобы удалил его от меня, но Бог отвечал ему: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2Кор.12:8–9).

13 Глава 7. О главном намерении Божием и ежедневном промышлении

14 Воля Божия всегда желает, чтобы созданный Им человек не погиб, но вовеки жил. Бог, если заметит в

нашем сердце хоть искру расположения к добру, по благосердию Своему не дает ей угаснуть; но, желая, чтобы все спаслись и в разум истины пришли, всячески способствует обращению ее в пламя; ибо, по словам Господа: «нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих» (Мф.18:14); Бог истинный отвращается лжи, с клятвою уверяет: «живу Я, не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был» (Иез.33:11). Итак, если Бог не желает, чтобы погиб один из малых, то не богохульно ли думать, будто Он хочет спасения только для некоторых, а не для всех? Напротив, те, которые погибают, – погибают вопреки воле Божией; Бог непрестанно взывает: «обратитесь, обратитесь от злых путей ваших; для чего умирать зам, дом Израилев?» (Иез.33:11); или: «сколько раз Я хотел собрать детей твоих, как птицы собирают птенцов своих под крылья, и вы не захотели» (Мф.23:37). «Для чего этот народ, Иерусалим, находится в упорном отступничестве? Они крепко держатся обмана и не хотят обратиться» (Иер.8:5). Благодать Божия близка ко всем; она всех без изъятия призывает к спасению и к тому, чтобы все пришли в познание истины, ибо говорит: «придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф.11:28). Если бы благодать призывала только некоторых, то следовало бы, что не все заражены грехом первородным или деятельным, и что несправедливо говорится: «все согрешили и лишены славы Божией» (Рим.3:23), или: «смерть перешла во всех человеков» (Рим.5:12). Что погибающие вопреки воле Божией погибают, это доказывается тем, что «Бог не сотворил смерти и не радуется погибели живущих» (Прем.1:13). Поэтому Он иногда долго или совсем не внемлет молитвам нашим, когда исполнение их вредно

для нас; а иногда против воли нашей посылает на нас несчастья, как сострадательный врач для нашего спасения; нередко не дает исполниться нашим гибельным замыслам, и тогда, когда мы по неведению стремимся к смерти, обращает нас на путь спасения, исторгает из пасти ада.

15 Глава 8. О благодати Божией и о свободе воли

16 Это промышление и попечение свое о нас Богу пророка Осии (Ос.2) представляет под образом блудницы, с гибельной ревностью стремящейся к почитанию идолов, которой Он преграждает путь, когда она говорит: «пойду за любовниками моими, которые дают мне хлеб и воду, шерсть и лен, елей и напитки» (Ос.2:5), чтобы она, не найдя пути к ним, пришла в себя и сказала: «пойду, и возвращусь к первому мужу моему; ибо тогда лучше было мне, нежели теперь» (Ос.2:7). У другого же пророка упорство наше и непокорность спасительным возбуждением Его изображаются под видом жены, оставляющей мужа своего: «ты будешь называть Меня отцом твоим и не отступишь от Меня. Но поистине, как жена вероломно изменяет другу своему, так вероломно поступили со Мною вы, дом Израилев» (Иер.3:19–20); а любовь свою и постоянство своего расположения Бог представляет под видом любящего мужа, оставляемого женою своей, который обычно тем сильнее воспламеняется любовью к ней, чем холоднее она к нему. Такова и любовь Божия к роду человеческому; оскорбления наши не охлаждают Его заботы о нашем спасении; неправды наши не отвлекают Его от главного намерения. Он непрестанно покровительствует нам и так

любит создание Свое, что промысел Его не только сопутствует нам, но еще постоянно предваряет нас. Испытавший эту любовь пророк говорит: «Бог мой, милующий меня, предварит меня» (Пс.58:11). Если Он видит зародыш доброго расположения в нас, то сразу возбуждает его и всячески содействует возрастанию, ибо говорит: «прежде нежели они воззовут, Я отвечу» (Ис.65:24), и не только внушает святые желания, но еще устраивает случаи к исполнению их и заблудшим указывает спасительный путь.

[17] Глава 9. О силе доброй воли и о благодати Божией

[18] Уму человеческому непонятно, как это Бог дает просящим, обретается ищущими, отверзает толкущим и вместе с тем является не ищущим Его, обретается не вопрошающими о Нем, весь день простирает руки к людям не покоряющимся и пререкающимся, упорных и удаляющихся призывает, не хотящих влечет к спасению; у желающих грешить отнимает случаи к исполнению своих желаний и милостив к неправдам их. Как спасение это принадлежат и нашей воле, ибо говорится: «если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли» (Ис.1:19), и вместе с тем оно есть дело не хотящего, не текущего, но милующего Бога (Рим.9:16); как это Бог воздаст каждому по делам его, и вместе с тем Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению (Флп.2:13), «и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (Еф.2:8–9); почему это говорится: «никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец» (Ин.6:44); почему повелевается нам сотворить себе новое сердце и новый дух (Иез.18:31), и

вместе с тем говорится: и дам вам сердце новое и новый дух дам вам, и возьму сердце каменное от плоти вашей и дам вам сердце из плоти, как это Господь велит Иерусалиму: «смой злое с сердца твоего» (Иер.4:14), а пророк просит самого Господа создать в утробе его сердце чистое и говорит: «омой меня, и буду белее снега» (Пс.50:9); как это говорится: «образумьтесь, бессмысленные люди! когда вы будете умны, невежды?» (Пс.93:8), и: «Господь отверзает очи слепым» (Пс.145:8). Не трудно будет решить эти сомнения, если мы будем помнить, что в деле спасения нашего участвует и благодать Божия, и свободная воля наша, и что человек, хотя может иногда сам желать добродетели, но чтобы исполнить желания свои, всегда нуждается в помощи Божией; подобно как для больного недостаточно одного желания быть здоровым, необходимо, чтобы податель жизни – Бог дал силы для здоровья. Но чтобы совершенно увериться в том, что и от природной способности, данной милосердым Творцом, иногда возникающие добрые расположения можно исполнить только при помощи Божией, для этого довольно вспомнить слова апостола: «желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу» (Рим.7:18).

[19] Глава 10. О слабости свободной воли

[20] Что мы имеем свободу воли, в этом уверяет нас слово Божие, когда говорит: «больше всего хранимого храни сердце твое» (Притч.4:23); а слабость его доказывает апостол, когда говорит: «мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе» (Флп.4:7). Св. Давид показывает силу и власть свободной воли, говоря: «приклонил сердце мое к

исполнению уставов Твоих» (Пс.118:112), или: «удерживай язык свой от зла и уста свои от коварных слов» (Пс.33:14); а когда говорит: «приклони сердце мое к откровениям Твоим, а не к корысти» (Пс.118:36), или: «положи, Господи, охрану устам моим, и огради двери уст моих» (Пс.140:3), то показывает бессилие его. Также на произвол наш указывается следующими словами: «сними цепи с шеи твоей, пленная дочь Сиона» (Ис.52:2), а бессилие его доказывают слова пророка: «Господь разрешает узников» (Пс.145:7), и: «Ты разрешил узы мои. Тебе принесу жертву хвалы» (Пс.115:7–8). Что мы имеем произвол и что он сам по себе бессилен, это доказывают также следующие слова Господа: «придите ко Мне все труждающиеся и обремененные» (Мф.11:28), и: «никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня» (Ин.6:44). Апостол говорит: «так бегите, чтобы получить» (1Кор.9:24), а Иоанн Креститель: «не может человек ничего принимать *на себя,* если не будет дано ему с неба» (Ин.3:27); далее нам повелевается сохранять души наши (Иер.17:21) и со страхом и трепетом совершать спасение наше (Флп.2:12), и вместе с тем говорится: «если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж» (Пс.126:1), и: «Бог производит в нас и хотение и действие по Своему благоволению» (Флп.2:13).

21 Глава 11. Благодать Божия следует ли за нашей доброй волей или предваряет ее?

22 Многие спрашивают: когда в нас действует благодать Божия? Тогда ли, когда в нас обнаружится доброе расположение, или доброе расположение тогда в нас обнаруживается, когда посетит нас благодать Божия? Многие, решая этот вопрос, преступили границы, от чего

и впали в противоречия и погрешности. Ибо, если скажем, что наше доброе расположение предшествует явлению благодати, то нам возразят: что же хорошего было в Савле и мытаре Матфее, первый из которых призван к спасению в то время, как шел губить невинных, а второй – среди насилий обществу и хищничества? А если скажем, что благодать Божия изначально производит доброе расположение, то этому будет противоречить то, что вера Закхея и разбойника, покаявшегося на кресте, предварила их частное призвание. Если мы сами можем исполнить заповеди Божии и сделаться добродетельными, то зачем молимся: «утверди, Боже, то, что Ты соделал для нас» (Пс.67:29), и: «и в деле рук наших споспешествуй нам, в деле рук наших споспешествуй» (Пс.89:17)? Валаам был нанят, чтобы проклинать Израиля, но ему не дозволено было проклясть их, хотя он и желал. Авимелеху сказано, чтобы он не касался Ревекки, дабы не согрешить перед Богом. Братья из зависти продали Иосифа; но это позволено для того, чтобы детям Израилевым переселиться в Египет, и чтобы проданный кормил их во время голода, как объяснил это он сам, когда открылся братьям: «но теперь не печальтесь, говорил он, и не жалейте о том, что вы продали меня сюда... Бог послал меня перед вами, чтобы оставить вас на земле и сохранить вашу жизнь великим избавлением. Итак, не вы послали меня сюда, но Бог, Который и поставил меня отцом фараону и господином во всем доме его» (Быт.45:5, 7–8). Когда, после смерти отца, братья боялись мщения его, то он говорил им: не бойтесь, ибо я боюсь Бога; вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы сохранить то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей (Быт.50:19–20). Об этом премудром распоряжении Божием говорит Давид в сто

четвертом псалме: «и призвал голод на землю; всякий стебель хлебный истребил. Послал пред ними человека: в рабы продан был Иосиф» (Пс.104:16–17). Итак, хотя благодать Божия и произвол человеческий, по-видимому, друг другу противны, но оба действуют согласно и в деле спасения нашего равно необходимы, если не хотим отступить от правил истинной веры. Когда Бог видит, что мы хотим склониться к добру, то направляет и укрепляет нашу готовность. Ибо Он тотчас отвечает на вопль наш: «призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня» (Пс.49:15). Но если мы не хотим добра или охладели к нему, то дает нам спасительные советы, через которые доброе расположение образуется или возобновляется.

23 Глава 12. Благое расположение не всегда надо приписывать благодати, не всегда и человеку

24 Нельзя думать, что Бог не дал человеку желания и возможности делать добро; ибо иначе не дал бы ему свободной воли, если бы человек мог желать и делать только зло. Это мнение также доказывают слова, сказанные Господом после совершения Адамом преступления: «вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло» (Быт.3:22). Не следует думать, будто до этого времени он совсем не знал добра; иначе он был бы животным неразумным и не чувствующим существом; но так думать совершенно противно православной вере, напротив, по мнению Соломона, Бог создал человека правым, т. е. он постоянно обладал знанием только добра, но сами люди пустились во многие помыслы (Еккл.7:29),

потому что стали понимать злое и доброе; поэтому Адам получил познание зла после падения, не утратив, впрочем, познания добра. Что род человеческий действительно после падения не утратил познания добра, в этом уверяет апостол, который говорит: «когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим.2:14–16). В этом смысле Богу пророк Исайя жалуется на иудеев, что они сами виновны в слепоте своей вследствие произвольного упорства своего: «слушайте, глухие, и смотрите, слепые, чтобы видеть. Кто так слеп, разве раб Мой,... Мною посланный? Кто так слеп, как возлюбленный, так слеп, как раб Господа?» (Ис.42:18–19). А чтобы никто этой слепоты их не отнес к телесной природе, а не к воле, говорится у пророка: «выведи народ слепой, хотя у него есть глаза, и глухой, хотя у него есть уши» (Ис.43:8). Еще: «у них есть глаза, чтобы видеть, а не видят; у них есть уши, чтобы слышать, а не слышат» (Иез.12:2). И Господь в Евангелии говорит: «они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют; и сбывается над ними пророчество Исайи, которое говорит: слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Мф.13:13–15). И фарисеям Он говорил, что они могут знать доброе: «зачем же вы и по самим себе не судите, чему быть должно?» (Лк.12:57). Этого Он не сказал бы, если бы они естественным разумом не могли различать

справедливое. Поэтому не стоит думать, что природа человеческая способна к одному злу. Так думать воспрещают нам слова Соломона, сказанные им после создания храма: «у Давида, отца моего, было на сердце построить храм имени Господа, Бога Израилева; но Господь сказал Давиду, отцу моему: у тебя есть на сердце построить храм имени Моему; хорошо, что это у тебя лежит на сердце; однако не ты построишь храм, а сын твой» (3Цар.8:17–19). Это благое намерение Давида от кого происходило? От Бога или от него самого? Если от Бога, то почему Сам же Бог не допускает исполниться ему? Следовательно, оно произошло от самого Давида. Подобным образом и о своих намерениях мы должны судить, потому что не одному Давиду дано иметь от себя благие намерения, а мы будто по природе не можем и помышлять о добре. Итак, нужно допустить, что Творец посеял в душах наших семена добродетелей; но только для возрастания их нужны возбуждения со стороны Бога, потому что, по словам апостола, «и насаждающий и поливающий есть ничто, а *все* Бог возращающий» (1Кор.3:7). И в книге, именуемой «Пастырь», доказывается, что человек может пристать к какой угодно стороне, ибо там говорится, что каждому человеку присущи два ангела: добрый и злой; от воли человека зависит одному принадлежать, а от другого удаляться. Итак, человек постоянно имеет произвол, посредством которого может или принимать, или пренебрегать благодатью Божией. Если бы мы сами не могли устроить свое спасение, то апостол не сказал бы: «со страхом и трепетом совершайте свое спасение» (Флп.2:12). Но чтобы мы не подумали, что в деле спасения не нужна нам помощь Божия, то он присовокупил: «Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению» (Там

же, (Флп.2:13). Потому он Тимофею писал: «не неради о пребывающем в тебе даровании» (1Тим.4:14), и: «напоминаю тебе возгревать дар Божий, который в тебе через мое рукоположение» (2Тим.1:6), и коринфян молил, чтобы ими благодать Божия не тщетно была принята (2Кор.6:1), как Симон, волхв, коему она не принесла пользы, потому что он не хотел покориться словам апостола Петра, который говорил ему: «покайся в сем грехе твоем, и молись Богу, может быть, отпустится тебе помысле сердца твоего; ибо вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды» (Деян.8:22–23). Благодать Божия и предваряет нас, ибо пророк говорит: «Бог мой, милующий меня, предварит меня» (Пс.58:11), и следует за нашей волею, почему и говорится: «рано утром молитва моя предваряет Тебя» (Пс.87:14); Бог призывает нас, ибо Он говорит о Себе: «простирал Я руки Мои к народу непокорному» (Ис.65:2); и мы Его призываем, ибо Давид говорит: весь день простирал руки мои к Тебе. Бог нас ожидает, ибо говорится: «и потому Господь медлит, чтобы помиловать вас» (Ис.30:18), и мы Его ожидаем, ибо говорится: «твердо уповал я на Господа, и Он преклонился ко мне» (Пс.39:2). Бог укрепляет нас, ибо говорит: «Я вразумлял их и укреплял мышцы их, а они умышляли злое против Меня» (Ос.7:15), и увещевает, чтобы мы сами укреплялись: «укрепите ослабевшие руки и утвердите колени дрожащие» (Ис.35:3); Иисус Христос взывает: «кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Ин.7:37); а пророк взывает к Нему: «я изнемог от вопля, засохла гортань моя, истомились глаза мои от ожидания Бога [моего]» (Пс.68:4); жалуется Бог: «Я звал, и не было отвечающего, говорил, и они не слушали» (Ис.66:4); жалуется и невеста: «на ложе моем ночью искала я того,

которого любит душа моя, искала его и не нашла его» (Песн.3:1).

[25] Глава 13. О том, что усилия человеческие не могут быть равны благодати Божией

[26] Благодать Божия всегда направляет волю нашу в добрую сторону и помогает во всем так, что иногда и от нас требует или ожидает некоторых усилий; чтобы не дать даров своих беспечным, она выискивает случаи, которыми пробуждает нас от холодной беспечности; чтобы щедрое сообщение даров ее не казалось беспричинным, сообщает их вследствие нашего желания и труда. Впрочем, благодать Божия всегда дается даром, потому что за малые наши усилия воздает нам бессмертием и нескончаемым блаженством с неоценимой щедростью. Нельзя сказать, что разбойник, распятый на кресте, был введен в рай не даром, или что Давид прощен за свое покаяние, а не по милосердию Божию. Делом его воли было то, что он к прелюбодеянию присоединил убийство, а то, что пророк обличил его, было делом благодати Божией; опять же, смиренное раскаяние в грехе своем было делом его воли, а немедленное прощение – делом милосердия Божия. Но что говорить об этом кратковременном покаянии и превышающем его безмерном воздаянии? И апостол, рассуждая о наградах, какие ожидали его в будущем веке за претерпеваемые им гонения, говорит: «нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Рим.8:18): «ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу» (2Кор.4:17). Итак, сколь бы ни были велики труды человеческие, все они не могут быть равны

будущей награде и не могут сделать благодать не даром даваемой. Апостол народов хотя говорил, что он более всех их (апостолов) потрудился (1Кор.15:10); впрочем, присовокупляет, что эти труды не ему принадлежат, а благодати, которая была с ним. Таким образом, словом потрудился – он выражает усилия своей воли, словами: не я, а благодать Божия – Божественное содействие; а словами: со мною – показывает то, что благодать содействовала ему не в праздности и беспечности, а в трудах.

[27] Глава 14. Бог своими искушениями испытывает силу человеческой воли

[28] То же самое мы видим и в известнейшей борьбе Иова с дьяволом. Если бы он многообразные козни врага в этой борьбе победил без своей добродетели, а только с помощью благодати Божией, то дьявол не замедлил бы повторить прежнюю свою клевету на него: «разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его и дом его, и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле; но простри руку Твою, т. е. оставь его самому себе, своими силами сразиться со мною, благословит ли он Тебя?» (Иов.1:9–11). Но поскольку после борьбы он не повторил этой клеветы, то значит, Иов победил его собственными силами. Впрочем, и благодать Божия не оставляла Иова; чтобы искуситель не обременил его искушениями сверх сил, она попустила искушать столько, сколько могла вынести добродетель искушаемого. Из примера сотника мы научаемся, как обыкновенно Господь искушает нашу веру, дабы укрепить ее и больше прославить. Господь знал, что и одно слово Его может исцелить слугу сотника, но желал придти в дом

к нему: «Я приду и исцелю его» (Мф.8:7). Когда же сотник на слова Господа ответил сильнейшей верою: «Господи! я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой» (Мф.8:8); то Господь похвалил веру его больше всех веровавших Ему в Израиле: «истинно говорю вам: и в Израиле не нашел Я такой веры» (Мф.8:10). Если бы сотник имел такую веру не от себя, то Христос напрасно хвалил бы то, что Сам дал, а скорее сказал бы: Я не дал такой веры и Израилю. Такое испытание веры случилось и с патриархом Авраамом, о котором говорится: «Бог искушал Авраама» (Быт.22:1). Правда Божия хотела испытать не ту веру Авраама, которую Господь внушил ему, а ту, которую он по своей свободе показал, будучи призываем однажды и просвещенный от Господа. Поэтому не незаслуженно одобряется твердость его веры и ему при сообщении благодати, которая на короткое время оставляла его для испытания, сказано так: «не поднимай руки твоей..., теперь Я знаю, что ты боишься Бога» (Быт.22:12). Во Второзаконии говорится, что такое искушение нашей веры вменяется нам в достоинство (Втор.13:1–3). Итак, Бог, покровительствуя тем, чью веру хочет искусить, оставляет место и собственным их силам и воле (для заслуги) и искушает только тех, которые могут вступить в борьбу с искусителем. А иначе зачем и искушать тех, о ком знает, что они по своей немощи не могут противостоять искусителю? Это подтверждает апостол, который говорит: «кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть. Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил» (1Кор.10:12–13). Словами: кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть, он внушает нам заботу свободной воли, по которой мы могли

бы или утвердиться в принятой благодати при рачительности, или лишиться ее по нерадивости, а словами: вас постигло искушение не иное, как человеческое – указывает на немощь и непостоянство не укрепившегося еще духа коринфян, из-за которого они еще не могли вступить в борьбу с теми нечистыми духами, с коими он сам и подобные ему совершенные сражались, как говорит он в послании к ефесянам: «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего» (Еф.6:12). А когда говорит: «верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил» (1Кор.10:13), то желает не того, чтобы Господь не попускал им искушений, но чтобы искушения не превышали их силы. То показывает способность человеческой воли, а это – благодать Господню, умеряющую борьбу с искушениями. Итак, этим местом доказывается, что благодать Божия всегда упражняет волю человеческую, что не во всем покровительствует и защищает его, так чтобы не было уже места его собственным усилиям в борьбе с духовными врагами. И это для того, чтобы в случае победы над врагом он исповедал помощь Божию себе, а в случае победы врага узнал свою немощь и таким образом учился полагаться не на свою силу, но на помощь Божию и непрестанно прибегал к своему Покровителю. Доказательством истины слов моих может служить то, что говорится в книге Судей о народах, прежде живших в земле ханаанской, которые, по Божьему распоряжению, не были истреблены: вот те народы, которых оставил Господь, чтобы искушать ими Израильтян и узнать, повинуются ли они заповедям Господним, и чтобы знали и учились войне (Суд.3:1–4). Неизъяснимое Божественное милосердие к нам я постараюсь объяснить примером из

обыкновенной жизни. Кормилица, прежде чем дитя станет ходить, носит его на руках, а когда приходит время ходить, учит его ходить, сперва поддерживая за руки, потом приучая ходить одного, впрочем, наблюдая, чтобы не упало; когда же вырастет, то для укрепления сил позволяет бороться со сверстниками или переносить соразмерные силам тяжести. Так и Отец Небесный иных носит на руках, иных оставляет собственному произволу для упражнения сил, впрочем, так, что всегда помогает труждающемуся, слышит призывающего, не оставляет ищущего Его, иногда избавляет от напасти и незнающего.

29 Глава 15. О многообразной благодати призываний

30 Из сказанного видно, что суд Божий и те пути, коими Он приводит род человеческий к спасению, неисповедимы и не испытаны. Это доказывается теми примерами призывания, которые описаны в Евангелии. Так, Андрея, Петра и прочих апостолов Он избрал по благоволению тогда, когда они совсем не думали о спасении своем; а Закхея за то, что, желая видеть Его, взлез на смоковницу, не только принял в число Своих последователей, но и удостоил посещения в дому; Павла же привлек вопреки его воле. Одному повелевает безотлучно находиться при Нем, так что не согласился и на просьбу его отлучиться на короткое время для погребения отца своего; Корнилию, сотнику, в вознаграждение за его молитвы и милостыни, указывает путь спасения, повелевая через ангела призвать к себе Петра для спасительной проповеди. Многоразличная премудрость с многоразличным и непостижимым благоволением устраивает спасение людей и каждому

сообщает Свою благодать по мере его приемлемости, так что даже самые чудодейственные исцеления производит не по однообразному величию своего всемогущества, но по мере веры исцеляемых. Так, веровавшего, что для очищения его проказы довольно только воли Христовой, Господь исцелил одним соизволением: «хочу, очистись» (Мф.8:3); у другого умершую дочь воскресил возложением рук, согласно с просьбою его; у сотника же, веровавшего, что вся сила спасения заключается в слове Его, Господь исцелил слугу силою слова: «иди, и, как ты веровал, да будет тебе» (Мф.8:13); иным, согласно вере их, подавал исцеление через прикосновение к ризе; одних исцелял вследствие их просьбы, а других без просьбы; одних побуждал надеяться, говоря: «хочешь ли быть здоров?» (Ин.5:6); а другим, сверх ожидания, подавал помощь; у одних прежде исцеления спрашивал, чего они хотят (Мф.20:32), а другим милостиво указывал неизвестный им путь к получению желаемого, говоря: «если будешь веровать, увидишь славу Божию» (Ин.11:40); одним так обильно сообщал силу исцелений, что, по свидетельству Евангелиста, излечил всех недужных у них; а для других безмерная пучина благодеяний Христовых заперта, так что среди них Иисус не мог творить многих чудес по неверию их (Мф.13:58). Вообще Иисус Христос так сообразовывался с мерою веры, что одному говорил: по вере твоей будет тебе, а другому: «иди, и как ты веровал, да будет тебе» (Мф.8:13); одной: «будет тебе по желанию твоему» (Мф.15:28), а другой: «вера твоя спасла тебя» (Лк.8:48; Мф.9:22; Лк.7:50).

[31] Глава 16. О благодати Божией, превышающей малую веру человеческую

[32] Впрочем, из этого никто не должен заключать, будто мы утверждаем, что сила спасения состоит в нашей вере, как некоторые утверждают, думая, что благодать Божия сообразуется с достоинством каждого. Напротив, мы доказываем, что благодать Божия иногда превышает веру, как это видно из примера царедворца, который, думая, что для Господа легче исцелить больного, нежели воскресить мертвого, просил Господа поспешить в дом его, прежде чем умрет сын его; но Господь, обличив его неверие, не приходя в дом, исцелил смертную болезнь сына его одним словом: «иди, сын твой жив» (Ин.4:50). Такую же благодать Господь показал в исцелении расслабленного, которого принесли к Нему на постели в намерении испросить исцеление от расслабления; но Господь сперва исцелил душу его, отпустил ему грехи, говоря: «дерзай, чадо, прощаются тебе грехи твои»; а тело исцелил уже после того, как доказал книжникам, что имеет власть отпускать грехи (Мф.9:2–7); и расслабленному, который напрасно искал себе лекарство от движения воды в овечьей купели, подал исцеление не таким образом, как желал он (ибо он думал, что исцелится, если кто-нибудь пособит ему войти в купель), но через слово свое: «встань, возьми постель твою, и иди в дом твой» (Мф.9:6). Благодать Божия и через апостолов производила подобные дела. Так Петр и Иоанн хромому, просившему у них милостыни при входе в храм, подали, вместо денег, силу ходить: «серебра и золота нет у меня, – сказал ему апостол, – а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи» (Деян.3:6).

33 Глава 17. О непостижимом распоряжении Божием

34 Из этих евангельских примеров видно, что Бог многоразличными и непостижимыми способами устраивает спасение рода человеческого; в желающих и ищущих спасения Он усиливает желание, а в не имеющих желания возбуждает его; помогает исполниться спасительным желаниям нашим и вдыхает святые желания. Почему в молитвах наших мы именуем Его не только покровителем и спасителем, но еще помощником. Спасителем и покровителем называем Его потому, что Он призывает, приводит, помогает нам в искании спасения, и когда мы прибегаем к Нему, ищем заступничества, Он подает нам помощь, приемлет нас и защищает. Святой апостол, размышляя об этом многоразличном содействии Божием, как бы погрузившись в беспредельное море благости Божией, от удивления воскликнул: «о бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его» (Рим.11:33). Об этих путях и Сам Бог так говорит: «Мои мысли – не ваши мысли, не ваши пути – пути Мои. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» (Ис.55:8:9). Желая объяснить подобием Свою любовь и благое попечение в устроении нашего спасения, Он хоть и уподобляет Себя матери, любовь которой к детищу, как известно, есть самая нежная, но вместе с тем и возвышает Свою любовь над любовью материнской: «забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя» (Ис.49:15).

[35] Глава 18. Определение отцов, что свободной воли нашей недостаточно для спасения

[36] Отсюда ясное заключение выводится теми, которые не многословной говорливостью, а на основании опыта измеряют величие благодати и немощь человеческой воли, потому что не скороходам быстрота бега, не храбрым победа в битве, не мудрым хлеб, не разумным богатство, не знающим благодать дается, но все это производит один и тот же Дух, раздавая в особенности каждому, как Ему угодно (1Кор.12:11). И потому с несомненной верностью и, так сказать, осязаемым опытом доказывается, что Бог, подобно нежнейшему отцу и сострадательному врачу, во всех нас все производит: у иных Он производит начало спасения и воспламеняет усердие к нему, у других приводит к концу дела, к усовершенствованию в добродетелях, иных удерживает без ведома их от близкого падения, от погибели, а другим подает случай и средства к спасению, препятствует стремительным порывам к смертоносным расположениям, иным, хотящим и текущим, помогает, других, не хотящих и противящихся, привлекает и склоняет к доброму расположению. Впрочем, несмотря на это, спасение наше зависит не от достоинства дел наших, но от благодати Божией, как это видно из слов самого Бога: «и вспомните там о путях ваших и обо всех делах ваших, какими вы осквернялись себя, и воз гнушаетесь самими собою за все злодеяния ваши, какие вы делали. И узнаете, что Я Господь, когда буду поступать с вами ради имени Моего, не по злым вашим путям и делам развратным, дом Израилев» (Иез.20:43–44). Поэтому православные отцы, которые достигли совершенства

сердца не суетным рассуждением на словах, а самим делом – подвигом, утверждают, что Бог в каждом человеке возбуждает желание добра, – впрочем, так, что человек по своей воле может стремиться и к противному; во-вторых, благодать Божия помогает упражняться в добродетелях, но не исключается при этом и воля, и в-третьих, утверждает в добродетели, не стесняя при этом свободы. Итак, Творец всюду производит все, возбуждая, содействуя и утверждая без нарушения данной Им же свободы. Если же хитрословесным мудрствованием выведено умозаключение, противоречащее такому понятию, то его больше надо избегать, нежели обнаруживать. По словам Св. Писания, не вера от понимания, а понимание от веры происходит: если не поверите, то и не уразумеете (Ис.7:9), потому что ум человеческий не может совершенно постигнуть, как Бог производит в нас все и вместе все усвояется нашей воле, о коей говорится: «если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земные» (Ис.1:19).

Четырнадцатое собеседование аввы Нестероя (первое). О духовном знании

[1] Глава 1

[2] Обещание наше и порядок пути заставляют изложить наставление аввы Нестероя, мужа во всем знаменитого и с высшим знанием. Когда он узнал, что мы кое-что из Св. Писания знаем по памяти и желаем уразумения того, то начал так говорить нам: В этом мире много родов знаний, такое же разнообразие их, как и искусств и наук. Но хотя они все или вовсе бесполезны, или служат для удобств только настоящей жизни, однако все имеют собственный порядок учения и способа, по которому бы могли быть приобретены желающими. Итак, если те искусства имеют известные свои правила для усвоения их, то тем более учение нашей религии и монашеское звание, которое стремится к созерцанию невидимых тайн и ищет не настоящей корысти, а воздаяния вечной награды, имеет известный порядок и основание. Знание его бывает двоякое: первое практическое, т. е. деятельное, которое относится к исправлению нравов и очищению пороков; второе теоретическое, т. е. которое состоит в созерцании божественных предметов и познании сокровеннейших истин.

[3] Глава 2. Путь к созерцанию

[4] Итак, кто желает достигнуть созерцания Бога, тому необходимо сперва со всем усердием и силою приобрести деятельное знание. Ибо эта практика и без теории может быть приобретена, а созерцательное без практического знания вовсе не может быть приобретено. Ибо некоторые ступени в таком порядке и расстоянии поставлены, что человеческое смирение может взойти до верха. Если они сказанным образом следуют одна за другою, то можно достигнуть высоты, на которую, отняв одну ступень, нельзя перелететь. Итак, напрасно стремится к созерцанию Бога тот, кто не уклоняется от нечистоты пороков. Ибо Дух Божий удалится от лукавства и не будет обитать в теле, порабощенном грехом (Прем.1:4–5).

[5] Глава 3. Деятельное совершенство двояким образом составляется

[6] А это деятельное совершенство двояким образом составляется. Первый образ его состоит в том, чтобы познать свойство всех пороков и способ врачевания их; второй – в том, чтобы наблюдался порядок добродетелей, и дух наш усовершенствовался в них так, чтобы служил им уже не по принуждению, как бы покоряясь насильственной власти, а естественным благом услаждался, питался и трудный, тесный путь проходил с удовольствием. Ибо тот как сможет постигнуть способ добродетелей, который отнесен ко второй степени в деятельной науке, или тайны духовных небесных предметов, которые находятся на высшей степени созерцания, кто не мог уразуметь свойство своих пороков и не старался истребить их? Следовательно, тот не может

взойти на высоту, кто не победит на ровном пути; тем более не поймет внешнего тот, кто не мог понять находящегося в нем самом. Впрочем, следует знать, что нам необходимо подвизаться с двояким намерением: как для изгнания пороков, так и для приобретения добродетелей. И это мы говорим не по своей догадке, а научившись из слов того, кто один знает силы и способ своего произведения и говорит: «Я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать» (Иер.1:10). Для истребления вредных предметов здесь называются четыре необходимые действия: искоренять, разрушать, губить, истреблять. А для совершенствования добродетелей и приобретения того, что относится к правде, обозначаются только два действия: созидать и насаждать. Отсюда ясно видно, что гораздо труднее исторгать и истреблять застарелые страсти тела и души, нежели насаждать и созидать духовные добродетели.

[7] Глава 4. Деятельная жизнь разделяется на многие виды и подвиги

[8] Итак, эта деятельная жизнь, которая, как сказано, состоит из двух образов, разделяется на многие виды и подвиги (Дела деятельной жизни хотя многочисленны, однако могут быть сведены к трем видам первый объемлет дела, относящиеся к собственному исправлению и усовершенствованию, каковы дела покаяния, посты, бдения и т.п., которые здесь преимущественно и подразумеваются Ко второму роду принадлежат дела, относящиеся к обращению и спасению ближних, каковы дела милосердия духовного невежду научит, заблуждающегося наставит на путь истины, порочного

исправит и т.п.; А к третьему роду относятся дела телесного милосердия алчущего накормить, нагого одеть и т.п.). Ибо те, которые главной своей целью ставят уединение в пустыне, чистоту сердца, как в древности Илия и Елисей, а в наши времена блаженный Антоний и другие последователи той же жизни, те искренно соединялись с Богом посредством безмолвия в пустыне. Некоторые всю заботу своего старания приложили к наставлению братьев, к бдительному попечению о киновиях, как недавно авва Иоанн (См. Кн. 5, гл. 27, Соб. 19), который был начальником большой киновии близ города, называемого Тмуис (В скитской области), и некоторые другие заслуженные мужи, которые прославились апостольскими знаниями, как помним. Некоторые с удовольствием занимаются благочестивым делом послушания по странноприимству, коим угождали Богу, как знаем, в прежние времена патриарх Авраам и Лот, а недавно – блаженный Макарий, муж, отличавшийся особенной кротостью и терпением, который управлял странноприемницею у Александрии, так что он был не ниже любого из пребывавших в уединении пустыни. Некоторые избирали попечение о больных, иные принимали на себя ходатайство за бедных, угнетенных, или занимались учением других, или раздачей милостыни нищим, и по своему расположению и благочестию они слыли великими и высокими мужами.

[9] Глава 5. О постоянном пребывании в избранном деле

[10] Поэтому всякому полезно и пристойно, по предпринятому намерению или по полученной благодати, с полным усердием и прилежанием стараться достигнуть

совершенства в избранном деле; восхваляя и уважая добродетели других, не должен отступаться от своего, однажды избранного призвания, зная, что, по апостолу, церковь есть одно тело, а членов много, «и как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, *то имеешь ли* пророчество, *пророчествуй* по мере веры; *имеешь ли* служение, *пребывай* в служении; учитель ли, в учении, увещатель ли, увещевай; раздаватель ли, *раздавай* в простоте; начальник ли, *начальствуй* с усердием; благотворитель ли, *благотвори* с радушием» (Рим.12:6–8). Ибо никакие члены не могут присвоить себе служение других членов, потому что глаза не исполняют обязанности рук, ноздри – ушей. Потому не все апостолы, не все пророки, не все учители, не все имеют благодать врачевания, не все говорят языками (иностранными), не все истолковывают (1Кор.12:29–30).

[11] Глава 6. О непостоянстве немощных

[12] Те, которые еще не укрепились в избранном призвании, когда услышат, что некоторые отличаются разными подвигами и добродетелями, похвалою их обычно так воспламеняются, что тотчас желают подражать их жизни; но слабость человеческая обязательно делает напрасными усилия их. Ибо невозможно одному и тому же человеку отличаться всеми вышеупомянутыми добродетелями. А если бы кто захотел все их вместе приобрести, то обязательно впадет в то, что, когда погонится за всеми, ни в какой толком не преуспеет, и от этой перемены и разнообразия больше потеряет, нежели приобретет. К Богу стремятся многими путями, и потому всякий должен с неуклонным вниманием к своему

течению совершать тот путь, который однажды избрал, чтобы быть совершенным в своем призвании.

13 Глава 7. Пример целомудрия, который учит, что не все должны подражать всему

14 Кроме того вреда, который, как мы сказали, терпит монах, по непостоянству духа желающий переходить к разным подвигам, он еще этим подвергается опасности смерти, потому что иногда, что одни делают хорошо, другие тем же самым подают худой пример, и что для некоторых хорошо, то для других бывает гибельно, например, если бы кто захотел подражать той добродетели одного человека, о которой авва Иоанн рассказывал не в образец подражания, а только к удивлению. Некто, в мирском образе придя к сказанному старцу, коему принес некоторые начатки своих плодов, нашел там одного человека, одержимого злейшим демоном. Он, пренебрегая заклинаниями и повелением аввы Иоанна, говорил, что никогда не выйдет по его приказанию из одержимого им тела. А при входе мирянина, устрашившись и с почтением произнеся его имя, вышел. Старец, удивляясь столь очевидной благодати мирянина, начал расспрашивать у него об образе жизни и занятиях его. Когда этот сказал, что он мирянин, связан супружескими узами, то блаженный Иоанн, размышляя о его превосходной добродетели и благодати, тщательнее выпытывал, какова его жизнь. Тот говорил, что он деревенский мужик, ежедневным делом рук своих приобретает себе пропитание, не сознает в себе ничего доброго, кроме того, что прежде чем утром выйти на сельскую работу и вечером возвратиться в дом, всегда заходил в церковь благодарить Бога, подателя всех благ,

за сохранение своей жизни, и прежде чем употреблять плоды трудов своих, начатки и десятую часть их всегда посвящает Богу, и что он никогда не проводил волов своих через чужую жатву без того, чтобы не заградить уст их, дабы не причинить и малейшего вреда ближнему. Но поскольку это казалось авве Иоанну недостаточным для приобретения такой благодати, которой тот превосходил его, и выведывая, спрашивал, нет ли у него чего-либо такого, что могло бы снискать такую благодать; то он из уважения к такой усердной просьбе признался, что назад тому одиннадцать лет, по приказанию родителей принужден был взять себе жену, тогда как хотел быть монахом, и до сих пор, имея ее вместо сестры, без ведома для других сохранил ее и себя в девстве. Старец, услыхав это, поражен был таким удивлением, что перед всеми воскликнул: после этого неудивительно, что демон, не слушавший меня, не стерпел присутствия того, целомудрие которого он не мог поколебать не только в пылкое время юности, но и поныне. Об этом деле авва Иоанн с большим удивлением рассказывал; однако никому из монахов не советовал испытывать, зная, что многое, сделанное иными правильно, другим подражающим причиняет совершенную гибель, и не могут все употреблять то, что по особенной благодати Господь дарует немногим.

[15] Глава 8. О духовном знании

[16] Но возвратимся к изъяснению знания, о котором началась речь. Итак, как мы сказали выше, деятельное знание простирается на многие знания и занятия. А созерцательное знание разделяется на две части: на историческое (буквальное) толкование Св. Писания и

духовное (таинственное) понимание. Потому и Соломон, исчисляя многоразличную благодать церкви, говорит: «вся семья ее одета в двойные одежды» (Притч.31:21). А роды духовного знания – тропология, аллегория, анагогия[52], о которых в Притчах говорится так: напиши их себе трижды на широте своего сердца (Притч.22:20). Итак, история содержит знание предметов прошедших и видимых, как объясняет это и апостол: «Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной. Но который от рабы, тот рожден по плоти; а который от свободной, тот по обетованию» (Гал.4:22–23); к аллегории относится следующее (потому что действительное происшествие было прообразом другой тайны): это, говорит апостол, два завета: один от горы Синайской, рождающий в рабство, который есть Агарь, ибо Агарь означает гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве (Там же, (Гал.4:24). А анагогия, от духовных тайн восходя к некоторым высшим и сокровеннейшим таинствам небесным, поясняется апостолом так: «а вышний Иерусалим свободен: он – матерь всем нам. Ибо написано: возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, не мучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа» (Там же, (Гал.4:26–27). Тропология есть изъяснение нравственное, относящееся к исправлению жизни и деятельному наставлению, например, если под этими двумя заветами будем понимать деятельное и теоретическое учение; или если под Иерусалимом или Сионом захотим понимать душу человека, по изречению: «хвали, Иерусалим, Господа; хвали, Сион, Бога твоего» (Пс.147:1).

Итак, вышесказанные четыре рода понимания сходятся к одному, если хотим, так что один и тот же Иерусалим можно понимать в четырех смыслах, – в историческом смысле он есть город Иудеев; в аллегорическом – церковь Христова; в анагогическом – город Бога небесный, который есть матерь всем нам; в тропологическом – душа человека, которую часто под этим именем Господь порицает или хвалит. Об этих четырех родах толкования апостол говорит так: «теперь, если я приду к вам, братия, и стану говорить на *незнакомых* языках, то какую принесу вам пользу, когда не изъяснюсь вам или откровением, или познанием, или пророчеством, или учением?» (1Кор.14:6). Откровение принадлежит к аллегории, по которой то, что содержит историческое повествование, объясняется в духовном смысле; например, если мы попытаемся раскрыть то, как «отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питие: ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос» (1Кор.10:1–4); то это изъяснение в смысле преобразования тела и крови Христовых, которые мы ежедневно принимаем, составляет способ аллегорического толкования. А познание, упоминаемое также апостолом, есть тропология, по которой все, что относится к деятельной рассудительности, что полезно или честно, мы различаем благоразумным исследованием, как, например, следующее: «рассудите сами, прилично ли жене молиться Богу с непокрытою *головою?*" (1Кор.11:13). Это объяснение, как сказано, содержит нравственный смысл. Также пророчество, которое апостол поставил на третьем месте, означает

анагогию, которая относится к невидимому и будущему, как, например, следующее: «не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним. Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших, потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде» (1Сол.4:13–16). Это изъяснение будет анагогическое. Учение означает простой порядок изложения истории, в коей не содержится никакого больше сокровенного смысла, кроме того, какой означается словами, как, например, следующее: «я первоначально преподал вам, что и сам принял, т. е., что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе» (1Кор.15:3–5). «Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных» (Гал.4:4–5). Или это: «слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть» (Втор.6:4).

[17] Глава 9. О том, что от деятельного познания нужно восходить к духовному

[18] Поэтому, если вы стараетесь достигнуть света духовного знания не из пустого тщеславия, а для очищения, сначала воспламенитесь желанием того блаженства, о котором сказано: «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф.5:8), так чтобы вам можно было достигнуть и того, о чем говорит ангел пророку Даниилу: «и разумные будут сиять, как светила

на тверди, и обратившие многих к правде – как звезды, вовеки, навсегда» (Дан.12:3). Итак, занимаясь чтением с прилежанием, какое, думаю, вы имеете, со всем усердием спешите сперва вполне приобрести деятельное, т. е. нравственное познание. Ибо без этого нельзя приобрести той теоретической чистоты, которую после многих употребленных трудов, уже как бы в награду приобретают только те, которые не от слов других учителей, а от добрых своих дел научились. Ибо приобретающий понимание не размышлением о законе, а от плодов дел, с Псалмопевцем воспевает: «повелениями Твоими я вразумлен» (Пс.118:104), и, истребив все страсти, благонадежно говорит: «буду петь. Буду размышлять о пути непорочном» (Пс.100:1–2). Ибо поющий понимает, что поет тот, кто по пути непорочному ходит с чистым сердцем. И потому если хотите в вашем сердце приготовить священный шатер духовному знанию, то очистите себя от нечистоты всех страстей и отрешитесь от забот настоящего века. Ибо той душе, которая хоть немного занята мирскими развлечениями, невозможно заслужить дар познания, или порождать духовные чувства, или быть постоянной в священном чтении. Итак, прежде всего старайтесь, особенно ты, Иоанн (Кассиан), которому для сохранения того, что я намерен сказать, много благоприятствует и юный возраст, наложить на свои уста совершенное молчание, чтобы от суетного возношения не сделались бесполезными усердие в чтении и труд твоего желания. Это есть первый шаг к деятельной науке (жизни); ибо "весь труд человека в устах его» (Еккл.6:7); нужно тебе постановления и наставления всех старцев принимать внимательным сердцем и как бы с немыми устами; и, прилежно сохраняя в своей груди, спеши лучше к выполнению их, нежели к научению

других. Ибо от этого (учительства) происходит гибельное тщеславие; а от того (выполнения) произрастут плоды духовного знания. Итак, не осмеливайся ничего говорить при собеседовании старцев, разве только незнание, причиняющее вред, заставит тебя спросить что-нибудь или необходимое познание, так как некоторые, увлекаясь любовью к пустой славе, для выказывания своей учености притворно спрашивают о том, что сами хорошо знают. Невозможно заслужить дар истинного знания тому, кто с намерением приобрести людскую похвалу занимается чтением. Ибо кто побежден этою страстью, тот обязательно будет связан и другими страстями, особенно гордостью, и таким образом пораженный в деятельном, нравственном отношении не достигнет духовного знания, которое рождается от деятельного. «Итак, будь во всем скор на слышание и медлен на слова» (Иак.1:19), чтобы не пало на тебя замечание Соломона: «видал ли ты человека опрометчивого в словах своих? на глупого больше надежды, нежели на него» (Притч.29:20). Не решайся учить кого-либо словами, если прежде ты не сделал делом. Держаться этого порядка научил нас Своим примером Господь наш, о Котором говорится: «что Иисус делал, и чему учил от начала» (Деян.1:1). Итак, остерегайся, чтобы, прежде делания приступая к учительству, ты не оказался в числе тех, о которых в Евангелии Господь говорит Своим ученикам: «все, что они (фарисеи) велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят и не делают: связывают бремена тяжелые и неудобоносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их» (Мф.23:3–4). Ибо если «кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном»

(Мф.5:19); а кто, пренебрегая многими и большими (заповедями), возьмется учить других, тот должен считаться уже не малейшим в Царстве Небесном, а величайшим в муках геенны. И потому тебе необходимо остерегаться, чтобы не увлечься к учительству примером тех, которые, приобретя дар слова и искусство состязаться (поскольку могут красноречиво и удовлетворительно доказать то, что захотят), слывут владеющими духовным знанием у тех, которые не умеют различать силу и качество его. Ибо иное – иметь развязкость на словах и чистоту речи, а другое – проникать в сущность небесных глаголов и чистым оком созерцать глубокие и сокровенные тайны, чего никак не предоставит человеческое учение, светская ученость, а одна чистота духа посредством просвещения Духа Святаго.

[19] Глава 10. О приобретении истинного знания

[20] Если хочешь достигнуть истинного знания Св. Писания, то тебе следует постараться сперва приобрести непоколебимое смирение сердца, которое усовершенствованием в любви приведет тебя не к тому знанию, которое доставляет надменность, а к тому, которое просвещает. Ибо невозможно неочищенной душе приобрести дар духовного знания. И потому со всей осторожностью избегай, чтобы у тебя через упражнение в чтении, вместо света знания и вечной славы, приобретаемой просвещением науки, не произошли качества, ведущие к погибели от суетной гордости. Потом надо тебе всячески стараться, отвергнув всякие заботы и помышление земное, рачительно и неотступно

заниматься чтением Св. Писания, пока постоянное размышление не напитает твой дух, как бы преобразит в подобие себе, сделав из него некоторым образом ковчег завета, содержащий в себе две каменные скрижали, т. е. постоянную твердость двоякого завета; также золотую стамну, т. е. чистую, беспримесную память, которая бы постоянно твердо сохраняла в себе скрытую манну, т. е. вечную, небесную сладость ангельского хлеба – духовных чувств; также жезл Ааронов, т. е. спасительное знамя высочайшего и истинного Первосвященника нашего Иисуса Христа, всегда цветущее свежестью бессмертной памяти. Этот-то жезл, после того как был посечен от корня Иессеева, после умерщвления теперь еще с большей жизненностью процветает. Все это осеняется двумя херувимами, т. е. полнотою исторического и духовного знания. Ибо херувим значит множество знания, которое всегда будет осенять спокойствие твоего сердца и покрывать от всех нападений злых духов. И таким образом дух твой, не только в ковчег Божественного завета, но и в Священное Царство возведенный посредством ненарушимого расположения чистоты, как бы поглощенный духовным учением, будет исполнять ту первосвященническую заповедь, о коей Законодатель говорит так: «от святилища он (первосвященник) не должен отходить и бесчестить святилище Бога своего» (Лев.21:12), т. е. сердце свое, в котором Господь обещал постоянно пребывать, говоря: вселюсь в них и буду ходить *в них*" (2Кор.6:16; Лев.26:12). Поэтому следует прилежно заучивать на память и постоянно с размышлением прочитывать книги Св. Писания. Ибо это постоянное размышление приносит нам двоякий плод. Первый тот, что когда внимание души занято чтением и размышлением о прочитанном, она не опутывается

никакими сетями вредных помыслов; второй же состоит в следующем: чего из пройденного частым повторением, когда мы старались усвоить на память, не могли понять духом, в то время не свободным, после, освободившись от всех развлечений делами и видением, особенно размышляя во время ночного безмолвия, мы яснее усматриваем, так что после успокоения и даже погружения в глубокий сон нам раскрывается понимание сокровеннейшего смысла, коего мы даже и слегка не поняли в бодрствующем состоянии.

21 Глава 11. О многоразличном понимании Священного Писания

22 А при возрастании обновления нашего духа от этого упражнения начнет также обновляться и взгляд на Св. Писание, и с преуспеванием в этом будет некоторым образом преуспевать и красота более сокровенного понимания. Ибо к приемлемости человеческого смысла и вид его (Св. Писания) применяется и будет являться или земное плотским, или божественное духовным, так что те, которым прежде оно казалось покрытым какими-то густыми облаками, не могут ни понять его тонкости, ни сносить блеска. Но чтобы это сделалось яснее из какого-либо примера, довольно представить одно свидетельство закона, которым мы докажем, что все небесные заповеди по возрасту нашего состояния простираются на весь род человеческий. В законе написано: «не прелюбодействуй» (Исх.20:14). Это человеком, еще связанным страстями плотской нечистоты, с пользою соблюдается в собственном значении слова. А тому, кто отстал от этого грязного дела и нечистой страсти, необходимо соблюдать то же самое

духовно (Здесь показывается пять видов блудодейства духовного: идолопоклонство; всякое суеверие языческое в гаданиях, наблюдениях дней и времен; суеверие иудейское в мелочных обрядах; ересь; всякий грех, который отвлекает наше сердце от Бога и привязывает к твари), т. е. чтобы удаляться не только от идолопоклонства, но и от всякого суеверия язычников, гадателей и от наблюдения всех знамений, дней и времен и не предаваться гаданиям посредством некоторых слов или имен, вредящим чистоте нашей веры. Ибо этим блудом осквернил себя Иерусалим, который блудодействовал на всяком высоком холме и под всяким ветвистым деревом (Иер.3:6). Господь, порицая его через пророка, говорит: «пусть... выступят наблюдатели небес и звездочеты и предвещатели по новолуниям, и спасут тебя от того, что должно приключиться тебе» (Ис.47:13). О таком блудодействе и в другом месте Господь, обличая, говорит: дух блуда обольстил их, и они блудят, отступив от Бога своего (Ос.4:12). Кто отступил от этого двоякого блуда, тот должен удалиться и от третьего, который состоит в иудейском законе и суевериях, о коих апостол говорит: «наблюдаете дни, месяцы, времена и годы» (Гал.4:10). И еще: «не прикасайся, не вкушай, не дотрагивайся» (Кол.2:21). Нет сомнения, что это сказано о суевериях, в которые если кто впадет, тот прелюбодействует от Христа, не удостоится услышать от апостола: я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою. Но к нему отнесутся следующие слова того же апостола: «боюсь, чтобы как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, *уклонившись* от простоты во Христе» (2Кор.11:2–3). Если кто избежит нечистоты и этого блуда, то должен сторониться и четвертого, который состоит в

прелюбодействе еретического учения, о котором тот же апостол говорит: «я знаю, что, по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою» (Деян.20:29–30). Кто мог избежать и этого, тот пусть остерегается, чтобы более тонким грехом не впасть в порок блуда, который состоит в блуждании помыслов; поскольку всякий помысел не только гнусный, но и праздный и хоть сколько-нибудь удаляющийся от Бога совершенный муж вменяет в самый нечистый блуд.

23 Глава 12. Вопрос: как можно достигнуть забвения светских стихов?

24 Герман. При этом придя в сердечное сокрушение и потом тяжело вздыхая, я говорю: все то, что ты пространно исследовал, ввело меня в еще большее отчаяние. Ибо кроме тех общих пленений души, коим, без сомнения, подвергаются извне все слабые, у меня присоединяется особенное препятствие к спасению со стороны познания наук, которое я немного приобрел и которое от наставления ли учителя или от напряжения постоянного чтения так запечатлелось во мне, что теперь дух мой, как бы настроенный поэтическими стихами (пустыми баснями, рассказами о войнах), коими он пропитался с малолетства размышляет даже и во время молитвы. И когда пою псалмы или молюсь о прощении грехов, то приходят на память постыдные поэмы или как бы перед глазами представляется образ сражающихся героев, и такими мечтами воображение всегда смущает меня, так что не допускает духу моему возноситься к

горнему созерцанию, и они не могут быть изгнаны даже ежедневным плачем.

[25] Глава 13. Ответ: каким образом можно отогнать суетные помыслы

[26] Нестерой. Касательно этого предмета, из-за которого у тебя рождается отчаяние в очищении, там же можно найти довольно скорое и действенное лекарство, если такое же прилежание и постоянство, какое, говоришь, ты имел в тех светских науках, захочешь приложить и к чтению духовных писаний и размышлению. Ибо, по необходимости, твой дух до тех пор будет заниматься теми стихами, пока не найдет себе что-нибудь другое, чем бы он внутри себя занимался с подобным усердием и постоянством, и вместо тех бесплодных и земных породит духовные и божественные (чувства). Когда он глубоко и крепко усвоит их и будет пропитан ими, то прежние помыслы мало-помалу исчезнут. Ибо дух человеческий не может быть свободным от всех помыслов; и потому, пока он не занят духовным упражнением, ему необходимо заниматься тем, что прежде изучил. Ибо пока он не имеет к чему стремиться, чем занимать свою неустанную деятельность, он обязательно устремляется к тому, чем с юности пропитан, и всегда занимается тем, что усвоил себе долгим употреблением и размышлением. Итак, чтобы это духовное знание утвердилось в тебе с постоянной прочностью, чтобы тебе пользоваться им уже не временно, подобно тем, которые не своим старанием приобретают его, а сообщением других улавливают, и чтобы оно внедрилось и сохранялось совершенным и сподручным, – необходимо тебе со всею осторожностью соблюдать, чтобы сообщаемое в собеседовании не

принимал ты с пренебрежением и презрением из-за того, что это тебе уже известно, но прилагал к своему сердцу с таким расположением, с каким вожделенные слова о спасении непрестанно должны входить в наши уши или постоянно исходить из наших уст. Ибо хотя бы и часто предлагалось повествование о святых предметах, однако в душе, жаждущей истинного познания, сытость никогда не породит отвращения; но ежедневно принимая то же как новое и вожделенное, чем чаще будет воспринимать, тем с большим желанием будет слушать или говорить, и от повторения того же скорее получит твердость приобретенного познания, нежели какое-либо отвращение из-за частого собеседования. Это явный знак холодной и гордой души, если спасительные слова, хотя бы они и слишком часто предлагались, принимает небрежно, с отвращением. Ибо «сытая душа попирает и сот, а голодной душе все горькое сладко» (Притч.27:7). Итак, если это учение, усердно принятое, в сокровенности духа скрытое, будет запечатано молчанием, то после, как какое-нибудь приятное вино, веселящее сердце человека, когда будет приправлено чистотою чувства и древностью терпения, с большим благоуханием будет исходить из сосуда твоего сердца, как неиссякаемый источник, будет изливаться из жил опыта и из проточных каналов добродетелей и, как непрерывный ручей, будет истекать как бы из некой пучины твоего сердца. Ибо на тебе сбудется то, что в Притчах говорится к исполнившему это на деле: «пей воду из твоего водоема и текущую из твоего колодезя. Пусть [не] разливаются источники твои по улице, потоки вод – по площадям» (Притч.5:15–16). И, по словам пророка Исайи, «будешь, как напоенный водою сад и как источник, которого воды никогда не иссякают. И застроятся *потомками* твоими пустыни вековые, ты

восстановишь основания многих поколений, и будут называть тебя восстановителем развалин, возобновителем путей для населения» (Ис.58:11–12). Тебе также достанется и то блаженство, которое тот же пророк обещает: «учители твои уже не будут скрываться, и глаза твои будут видеть учителей твоих; и уши твои будут слышать слово, говорящее позади тебя: «вот путь, идите по нему», если бы вы уклонились направо и если бы вы уклонились налево» (Ис.30:20–21). Таким образом не только всякое направление и размышление твоего сердца, но и все блуждающие, рассеивающиеся твои помыслы обратятся к святому непрестанному поучению в законе Божием.

27 Глава 14. Нечистая душа не может ни преподать, ни перенять духовное знание

28 Но невозможно никому не испытавшему, как мы сказали, познать или учить этому. Ибо кто неспособен к пониманию, как будет способен к преподаванию? А хотя бы и вздумал чему-нибудь из этого (духовного) учить, то, без сомнения, бездейственное и бесполезное слово его дойдет только до ушей слышащих, а в сердце их не сможет проникнуть из-за недостатка дел и по бесплодной своей суетности; потому что происходит не из сокровища доброй совести, а из пустого тщеславия. Невозможно нечистой душе приобрести духовное знание, с каким бы она постоянством ни трудилась в чтении. Ибо никто не вливает какую-либо благородную масть, или отличный мед, или какую-нибудь драгоценную жидкость в зловонный, испорченный сосуд. Кувшин, однажды пропитанный страшным зловонием, скорее испортит даже самое благоуханное вино, нежели сам примет от

него сколько-нибудь приятное благоухание; поскольку гораздо быстрее чистое повреждается, нежели испорченное исправляется. Так и сосуд нашего сердца, если не будет сперва очищен от всякой зловонной скверны пороков, не сможет воспринять ту благословенную масть, о которой говорит пророк: «как драгоценный елей на голове, стекающий на бороду, бороду Ааронову, стекающий на края одежды его» (Пс.132:2), и не сохранит неосквернёнными того духовного знания и изречений Св. Писания, которые слаще меда и капель сота (Пс.18:11). «Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света со тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром?» (2Кор.6:14–15).

[29] Глава 15. Возражение о том, что многие нечистые имеют знание, а святые не имеют

[30] Герман. Это мнение, нам кажется, вовсе не утверждается на истине, не имеет правдоподобного основания. Ибо как все, не принявшие веры во Христа, по нечестивому развращению повреждающие догматы, как многие из иудеев и еретиков или даже из православных, которые предаются разным порокам, приобретя совершенное знание Св. Писания, славятся обширностью духовного знания; и напротив, бесчисленное множество святых мужей, сердце которых очищено от всякой греховной нечистоты, довольствуясь чистотою простой веры, не знает тайн более глубокого знания. Как же примирить то мнение, которое духовное знание приписывает одной чистоте сердца?

[31] Глава 16. Ответ: злые не могут иметь истинного знания

[32] Нестерой. Неправильно понимает силу определения тот, кто не все слова высказанного мнения взвешивает рачительно. Мы сказали, что такие люди имеют только красоту речи и искусство состязаться, а в сущность Св. Писания, в сокровенный духовный смысл проникать не могут. Ибо истинное знание приобретают только истинные чтители Бога, а тот народ не имеет его, которому говорится: «слушай, народ глупый и неразумный, у которого есть глаза, а не видит, у которого есть уши, а не слышит» (Иер.5:21). И еще: «так как ты отверг ведение, то и Я отвергну тебя от священнодействия предо Мною» (Ос.4:6). Поскольку в Христе сокрыты все сокровища премудрости и ведения (Кол.2:3), то как можно думать, что тот истинно приобрел знание, кто не хотел найти Христа, или найденного хулил святотатственными устами, или, по крайней мере, нечистыми делами осквернил православную веру? «Ибо святый Дух премудрости удалится от лукавства… и не будет обитать в теле, порабощенном греху» (Прем.1:4–5). Итак, духовного знания достигают не иначе, как тем порядком, который один из пророков хорошо изображает, говоря: сейте у себя праведность, жните надежду жизни, засветите у себя светильник знания (Ос.10:12). Следовательно, нам следует сначала сеять правду, т. е. распространять деятельное совершенство делами правды; потом нам нужно пожинать надежду жизни, т. е. изгнанием плотских страстей собирать плоды духовных добродетелей, и таким образом сможем зажечь у себя светильник знания. Этого же порядка повелевает Держаться и Псалмопевец, говоря: «блаженны

непорочные в пути, ходящие в законе Господнем. Блаженны хранящие откровения Его» (Пс.118:1–2). Он не сказал сначала: блаженны хранящие откровения Его (Св. Писание), а потом: блаженны непорочные в пути, но прежде сказал: блаженны непорочные в пути; этим ясно показывает, что никто не может достигнуть правильного испытания свидетельств Божиих (Священного Писания), если сперва деятельным поведением не будет непорочно поступать по пути Христову. Следовательно, те, о коих я сказал, приобретают знание не духовное, которое нечистые не могут иметь, но лжеименное, о котором блаженный апостол говорит: «О, Тимофей! храни преданное тебе, отвращаясь негодного пустословия и прекословии лжеименного знания» (1Тим.6:20). О тех, которые, по-видимому, приобретают некоторый вид знания, или о тех, которые хотя прилежно занимаются чтением священных книг и заучиванием на память Св. Писания, однако плотских пороков не оставляют, хорошо говорится в Притчах: «что золотое кольцо в носу у свиньи, то женщина красивая и – безрассудная» (Притч.11:22). Что пользы кому-либо приобрести красоту небесных изречений и драгоценную благовидность Священного Писания, если, прилагая ее к нечистым делам или чувствам, как бы втаптывая в грязную землю, попирает или оскверняет отвратительной грязью своих похотей? «Не красна похвала в устах грешника» (Сир.15:9). Такому через пророка говорится: «что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста свои» (Пс.49:16). О таких душах, которые, не имея постоянно страха Божия, стараются приобрести знание смысла Св. Писания постоянным размышлением о нем, говорится в Притчах: «к чему сокровища в руках глупца? Для приобретения мудрости *у него* нет разума» (Притч.17:16). Это истинное,

духовное знание от мирской учености, которая оскверняется нечистотою плотских пороков, настолько отличается, что оно, как мы знаем, иногда удивительно процветало даже в некоторых не знающих языков и почти неграмотных. Это ясно доказывается примером апостолов и многих святых мужей, которые не отличались суетной велеречивостью философов, но приносили истинные плоды духовного знания. О них написано в Деяниях Апостольских: «видя смелость Петра и Иоанна и приметив, что они люди некнижные и простые, они удивлялись» (Деян.4:13). И потому, если ты с пламенным желанием стараешься достигнуть духовного знания, то сначала со всем усилием потрудись приобрести от Господа чистоту целомудрия. Ибо никто, в ком еще господствуют плотские страсти, особенно страсть блудная, не может приобрести духовное знание. Ибо в сердце добром почиет мудрость, и кто боится Бога, тот найдет знание с правдою (Притч.14:33). А что сказанным порядком надо достигать духовного знания, этому учит и блаженный апостол. Ибо когда он хотел изложить не только перечень всех своих добродетелей, но и порядок их, чтобы показать, какая за какой следует или какая какую порождает, то после перечисления нескольких добродетелей он присовокупляет: «в бдениях, постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви» (2Кор.6:5–6). Этим сочетанием добродетелей, очевидно, он хотел научить, что от бдения и поста нужно переходить к чистоте, от чистоты к благоразумию, от благоразумия к великодушию, от великодушия к благости, от благости к Святому Духу, от Святаго Духа к нелицемерной любви. Итак, когда по этому учению, этим порядком будешь достигать духовного знания, то, без сомнения, будешь

иметь, как мы сказали, не бесплодное, не бездейственное, но живое и плодоносное учение и семя спасительного слова, которое, когда тобою будет посеяно в сердцах слушающих, последующий обильнейший дождь Св. Духа оплодотворит, и, по обетованию пророка, дастся дождь семени твоему, где бы ни посеял на земле, и хлеб, плод земли твоей, будет обилен и тучен (Ис.30:23).

33 Глава 17. Как должно быть преподаваемо учение о совершенстве

34 Остерегайся также, чтобы того, чему научишься как посредством чтения, так и трудом опытности, когда более зрелый возраст приведет тебя к учительству, ты как-нибудь, по обольщению тщеславия, не стал преподавать нечистым людям и не сделал того, что запретил премудрый Соломон: «не злоумышляй, нечестивый, против жилища праведника, не опустошай места покоя его» (Притч.24:15), ибо не полезны глупому утешения (Притч.19:10); и не нужна мудрость там, где нет чувства, ибо больше водятся неразумением. Жестокосердый раб не исправится словами, ибо если и поймет, то не послушается (Притч.29:19). «В уши глупого не говори, потому что он презрит разумные слова твои» (Притч.23:9). «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф.7:6). Итак, надлежит тебе, закрывая для таких людей тайны духовного смысла, деятельно воспевать: «в сердце моем сокрыл я слово Твое, чтобы не грешить пред Тобою» (Пс.118:11). Но, может быть, скажешь: кому же нужно сообщать тайны Божественного Писания? Этому учит тебя премудрый Соломон, говоря: «дайте сикеру

погибающему и вино огорченному душою; пусть он выпьет и забудет бедность свою и не вспомнит больше о своем страдании» (Притч.31:6–7), т. е. тем, которые, раскаиваясь в прежних делах, угнетаются печалью и скорбью; обильно изливайте приятность духовного знания, как вино, веселящее сердце человека, поите спасительным словом, чтобы они, погрузившись в непрестанную печаль и смертоносное отчаяние, не были поглощены чрезмерною скорбью. А о тех, которые, находясь в равнодушии и беспечности, не уязвляются никакой скорбью сердца, говорится так: «кто любит веселье, обеднеет» (Притч.21:17). Итак, со всей осторожностью, сколько можешь, избегай увлекаться любовью к суетной славе, чтобы ты мог быть соучастником того, кого восхваляет пророк, кто серебра своего не отдает в рост (Пс.14:5). Ибо всякий, кто слова Божии, о коих говорится: «слова Господни – слова чистые, серебро, очищенное от земли в горниле, семь раз переплавленное» (Пс.11:7), преподает из любви к людской похвале, серебро свое отдает в рост и за эту похвалу не только не заслужит никакой награды, но еще подвергнется наказанию. Ибо он для того хотел расточать серебро Господне, чтобы от этого получить себе временную награду, а не для того, чтобы Господь, как написано (Лк.19:23), придя, получил Свое с прибылью.

35 Глава 18. По каким причинам духовное учение бывает бесплодно

36 А бездейственным бывает учение о духовных предметах по двум причинам: или оттого, что наставляющий, предлагая то, чего сам не испытал, старается пустым звуком слов научить слушателя, или оттого, что

слушатель негодный, подверженный порокам, спасительного учения духовного мужа не воспринимает ожесточенным сердцем. О таких говорится у пророка: «огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Ис.6:10).

37 Глава 19. Часто и недостойные получают благодать спасительного слова

38 Впрочем, по милостивой щедрости нашего Господа, «Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1Тим.2:4), иногда допускается и то, что тот, кто укоризненным поведением сделал себя недостойным евангельской проповеди, для спасения многих получает благодать духовного учения. А каким образом сообщаются от Господа дары исцелений для изгнания бесов, это следует разъяснить подобным же рассуждением. Но, отправляясь на обед, отложим его до вечера, поскольку всегда действеннее воспринимается сердцем то, что мало-помалу, без чрезмерного утомления тела внушается ему.

Пятнадцатое собеседование аввы Нестероя (второе). О божественных дарованиях

[1] Глава 1

[2] После вечернего собрания (т. е. богослужения) ожидая обещанного рассуждения, мы по обычаю сели вместе на рогожке. Когда мы некоторое времени промолчали из уважения к старцу, он нашу стыдливую молчаливость предварил такой речью: предыдущее рассуждение дошло до объяснения причины духовных дарований, которая, по преданию старцев, бывает троякой Первой причиною исцелений бывает, во-первых, благодать, производящая чудеса и даруемая избранным и праведным мужам за их святость. Как известно, апостолы и многие святые творили знамения и чудеса властью Господа, Который говорил: «больных исцеляйте,... мертвых воскрешайте, прокаженных очищайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте» (Мф.10:8). Вторая причина – назидание церкви или вера тех, которые приносят больных для исцеления или тех самых, которые желают получить исцеление. В этом случае сила исцелений исходит иногда и от недостойных и от грешников, о коих Спаситель говорит в Евангелии: «многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? И не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» (Мф.7:22–23) Напротив, недостаток веры в больных или в приносящих их

препятствует обнаружиться силе исцелений и в тех, которым она сообщена. Так Евангелист говорит: «и не совершил там (Иисус) многих чудес по неверию их» (Мф.13:58). И сам Господь говорит: «много также было прокаженных в Израиле при пророке Елисее, и ни один из них не очистился, кроме Неемана Сириянина» (Лк.4:27). Исцеления третьего рода бывают по обольщению и ухищрению демонов. Человек, преданный явным порокам, может иногда производить удивительные действия и потому почитаться святым и рабом Божиим. Через это увлекаются к подражанию его порокам и открывается пространный путь к поношению и уничижению святости религии; да и сам тот, кто уверен, что обладает даром исцелений, надменный сердцем, испытывает тягчайшее падение. От этого происходит то, что демоны, с воплем называя людей, не имеющих никаких свойств святости и никаких духовных плодов, показывают вид, будто их святость жжет их и они вынуждены бежать от одержимых ими. О таковых-то людях во Второзаконии говорится: «если восстанет среди тебя пророк, или сновидец, и представит тебе знамение или чудо,... и скажет притом: «пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им», – то не слушай слов пророка сего, или сновидца сего; ибо ч*рез сие* искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего, от всего сердца вашего и от всей души вашей» (Втор.13:1–3). И в Евангелии говорится: «восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мф.24:24).

[3] Глава 2. Чему нужно удивляться в истинно святых людях

[4] Поэтому мы никогда не должны удивляться тем, которые стараются изумлять нас необыкновенными действиями, но больше должны смотреть на то, все ли пороки они изгнали из себя, исправили ли свои нравы и таким образом достигли ли совершенства. А совершенство подается промыслительной благодатью Божьей не ради веры других или по иным посторонним причинам, но за собственное усердие каждого. Ибо в этом и состоит то деятельное познание, которое иначе называется у апостола любовью и которое ставится им выше всех языков человеческих и ангельских, выше и той великой веры, которая может раздвигать горы, выше всякого познания и пророчества, и раздачи всего имения и, наконец, выше самого главного мученичества. Ибо после того, как апостол исчислил все роды дарований и сказал: «одному Духом дается слово мудрости, другому же слово знания; … иному вера;… иному дары исцелений; иному чудотворения» (1Кор.12:8–10); заметь, какой, говоря далее о любви, предпочел ее всем дарованиям. И еще, говорит он, я покажу вам путь еще превосходнейший (Там же, (1Кор.12:31). Отсюда ясно видно, что верх святости и совершенства состоит не в совершении чудес, а в чистоте любви. И справедливо. Ибо чудеса должны прекратиться и уничтожиться, а любовь всегда останется (1Кор.13:8). Потому-то отцы наши никогда, как мы видим, не желали творить чудес; даже и тогда, когда имели такую благодать Св. Духа, они не желали обнаруживать ее, разве только в случае крайней необходимости.

[5] Глава 3. О воскрешении мертвого аввою Макарием Египетским

[6] Так, помнится, авва Макарий, первый скитский пустынножитель, воскресил мертвого. Когда один еретик, последователь Евномия, употреблял все искусство словопрения на то, чтобы ниспровергнуть чистоту православной веры и уже многих обольстил, тогда правоверные мужи, весьма встревожившись такой опасностью, просили блаженного Макария, чтобы он пришел к ним и весь правоверующий Египет избавил от такой опасности неверия. Макарий пришел, и когда еретик приступил к нему со своим искусством словопрения и хотел привести его в затруднение аристотелевским хитрословием, коему Макарий не учился, то блаженный апостольской властью положил конец его многословию, сказав: «ибо Царство Божие не в слове, а в силе» (1Кор.4:20). Пойдем к гробам и призовем имя Господне над первым мертвым, какого найдем, и таким образом покажем, как говорит Св. Писание, веру нашу от дел (Иак.2:18). Через такое свидетельство совершенно ясно откроется истина веры, когда мы докажем ее не пустым словопрением, а чудесами – этими истинными доводами. Услышав это, еретик сначала от стыда перед стоящим народом изъявил притворное согласие и обещал придти завтра. Но на другой день, когда все, желая быть свидетелями такого чуда, поспешно стеклись к назначенному месту, – он, обличаемый совестью в своем неверии, от страха бежал и тогда же совершенно удалился из Египта. Блаженный Макарий, со всем народом ожидавший его до девятого часа, когда узнал о его удалении, то, взяв с собою обольщенный им народ, пошел к назначенному месту. Поскольку все

пространство египетской земли, по причине разлития реки Нила, обычно каждый год довольно надолго покрывается водою, так что невозможно бывает никому переходить с одного места на другое, разве только переправляясь на судах, то у египтян вошло в обычай бальзамировать тела умерших и скрывать их в особенных возвышенных зданиях. Ибо грунт земли, делающийся жидким от постоянного наполнения водою, заставляет не предавать умерших земле, которая из-за частых наводнений должна была бы выбрасывать на свою поверхность сокрытые в ее недрах тела. Итак, блаженный Макарий, остановившись перед давнишним уже трупом, сказал: ответь мне, человек, если бы со мною пришел сюда тот еретик, сын погибельный, и если бы я в его присутствии воззвал к тебе, призывая имя Христа, Бога моего, то восстал ли бы ты перед теми, которые введены были им в обольщение? Мертвый тотчас восстал и дал желаемый ответ. Авва Макарий спросил у него: кто он был, находясь еще в живых, в какое время жил и слыхал ли тогда об имени Христовом? Он отвечал, что он жил во время древнейших царей и имени Христова не слыхал в те времена. Тогда авва Макарий сказал ему: почий в мире с прочими; в конце времен Христос воскресит тебя. Поэтому, если бы не необходимость избавить от опасности целую страну, не полная преданность и чистая любовь ко Христу заставили Макария произвести это чудо, то заключающаяся в нем великая сила и благодать навсегда, может быть, осталась бы сокрытой. Так поступил и блаженный Илия, как читаем в книге Царств (3Цар.18), когда низвел с неба огонь на жертвы, чтобы избавить веру целого народа от опасности, коей подвергали ее лжепророки.

[7] Глава 4. О чуде, которое авва Авраам сделал над женщиною

[8] Нужно ли говорить о делах аввы Авраама, прозванного дитятею (παις), т. е. простым, по простоте и невинности его нрава? В один из дней Пятидесятницы, когда он из пустыни шел жать на поля египетские, приступила к нему с просьбою и слезами некая женщина, несшая дитя свое, уже изможденное и полумертвое от недостатка молока; он подал ей чашу воды, сделав над ней крестное знамение, и как только женщина выпила той воды, к удивлению, тотчас сосцы ее, уже совершенно иссохшие, обильно наполнились молоком.

[9] Глава 5. Об исцелении хромого тем же аввою

[10] Некогда тот же Авраам, идя в селение, окружен был толпою насмешников, которые, издеваясь, указывали ему на одного человека, много уже лет не могшего ходить по причине сведенного колена и от многолетней слабости едва только ползавшего, и, искушая авву, говорили: докажи нам, авва Авраам, что ты раб Божий, возврати этому человеку прежнее здоровье, чтобы почитаемое тобою имя Христово не было и нами оставлено без уважения. Тогда он, призвав имя Христово, тотчас наклонился и, взяв того человека за иссохшую ногу, потянул ее; от этого движения сухое и кривое колено его тут же расправилось; стопы его получили надлежащее употребление, какого от слабости давно не имели, и он пошел исполненный радости.

[11] Глава 6. Достоинство всякого нужно оценивать не по чудесам

[12] Имея силу творить столь великие чудеса, такие мужи ничего не приписывали себе; они сознавались, что эти дела были совершаемы не ради их заслуг, а милостью Господа, и как только замечали удивление, возбужденное произведенным чудом, то отвергали человеческую славу, говоря подобно апостолам: «мужи Израильские! что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?» (Деян.3:12). По их мнению, никто не должен прославляться за дары и чудеса Божии, а всякий только за собственные добродетели, которые требуют деятельности ума и усильного старания. Ибо весьма часто, как выше сказано, люди, развращенные умом и противники веры, именем Господа изгоняют демонов и творят великие чудеса. Когда апостолы, указывая на этих людей, говорили: «Наставник, мы видели человека, именем Твоим изгоняющего бесов, и запретили ему, потому что он не ходит с нами» (Лк.9:49), то хотя в том случае Христос сказал: «не запрещайте, ибо кто не против вас, тот за вас» (Лк.9:50); однако, когда эти многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? И не Твоим ли именем многие чудеса творили?, тогда Он даст им, как Сам свидетельствует, такой ответ: «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» (Мф.7:22–23). Даже и тем, которым за святость жизни Сам Он даровал эту славу знамений и чудес, не позволяет превозноситься ими. «Однако… тому не радуйтесь, – говорит Он, – что духи вам повинуются, но

радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк.10:20).

13 Глава 7. Сила дарований состоит не в чудесах, а в смирении

14 Наконец, Творец знамений и чудес, призывая учеников к принятию Своего учения, ясно показывает, чему особенно должны научиться от Него истинные Его последователи. Придите, говорит Он, и научитесь от Меня не тому, чтобы небесной властью изгонять демонов, очищать прокаженных, давать зрение слепым, воскрешать мертвых; ибо хотя Я творю и эти чудеса через некоторых рабов Моих, но человек не должен хвалиться ими; слуга и раб не может иметь никакой части той славы, которая принадлежит одному Божеству. "Вы же, – говорит Господь, – научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф.11:28–29). Ибо этим добродетелям вообще все могут учиться и приобретать их; совершение же знамений и чудес не всегда необходимо и не для всех доступно. Смирение есть наставник всех добродетелей; оно есть крепчайшее основание небесного здания; оно есть собственный и великий дар Спасителя. Кто следует кроткому Господу не в явлении высоких знамений, а в добродетели терпения и смирения, тот совершает все чудеса, сотворенные Христом. А кто желает повелевать нечистыми духами, или чудесно подавать здоровье недужным, или являть перед народом какое-либо из дивных знамений, тот хоть и призывает имя Христово, но бывает чужд Христа; поскольку, надменный гордостью, не следует учителю смирения. Даже отходя к Отцу, Иисус Христос оставил ученикам Своим, как бы некоторый завет, следующую заповедь. «Заповедь новую, – говорит

Он, – даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, *так* и вы да любите друг друга.» И тут же присовокупил: «по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин.13:34–35). Не сказал: если будете, подобно Мне, творить знамения и чудеса; но говорит: если будете иметь любовь между собою, которую, известно, могут сохранять только кроткие и смиренные. Потому-то отцы наши никогда не называли добрыми и свободными от заразы тщеславия тех монахов, которые хотели слыть заклинателями и для того с величайшей надменностью разглашали, что они уже заслужили или надеются скоро получить эту благодать. Многие удивлялись им, но напрасно. «Кто утверждается на лжи, тот пасет ветры, тот гоняется за птицами летающими» (Притч.9:12). Без сомнения, с ними случится то, о чем говорится в Притчах: «что тучи и ветры без дождя, то человек, хвастающий ложными подарками» (Притч.25:14). Итак, если кто перед нами сделает какое-либо знамение, то мы должны хвалить его не за чрезвычайность знамения, но за его добродетель, и обращать внимание не на то, повинуются ли ему демоны, а на то, имеет ли он те свойства любви, какие описаны апостолом (1Кор.13:4–8).

[15] Глава 8. Большее чудо составляет выгнать из себя пороки, нежели из других бесов

[16] Действительно, истребить в собственной плоти нечистое вожделение – это есть большее чудо, нежели изгнать нечистых духов из чужих тел; силою терпения укротить мятежные движения гнева – это есть

славнейшее знамение, нежели повелевать князьями, владычествующими в воздухе (Еф.2:2, 6:12); избавить собственное сердце от мучительных недугов уныния – это гораздо важнее, нежели исцелить телесные немощи и болезни другого; вообще врачевать болезни собственной души есть славнейшая добродетель и высшее совершенство, нежели врачевать болезни чужого тела. Ибо чем душа выше тела, тем важнее ее здоровье, и чем существо ее драгоценнее, тем тяжелее и гибельнее ее падение.

[17] Глава 9. Доброта жизни превосходит творение чудес

[18] О чудесных исцелениях святым апостолам сказано: «не радуйтесь, что духи повинуются вам» (Лк.10:20). Ибо эта власть над демонами не была их собственная, но происходила от силы призываемого имени Христова; а потому и внушается им, чтобы они не смели полагать своего блаженства или славы в том, что совершается могуществом и силою одного Бога, а видели бы ее в той внутренней чистоте жизни и сердца, за которую имена их удостоятся быть написанными на небесах.

[19] Глава 10. Откровение об опыте совершенной чистоты

[20] Чтобы сказанное нами подтвердить свидетельством древних отцов и свидетельством Св. Писания, мы теперь изложим, что блаженный Пафнутий думал о чрезвычайности знамений и о благодатном даре чистоты, и что он узнал из беседы с ним ангела; представим его

слова и опыты. Много лет проводя жизнь особенно строгую, Пафнутий стал считать себя совершенно свободным от плотских вожделений. Ему казалось, что он преодолел все вражеские нападения демонов, с коими вел продолжительную и открытую войну. Однажды пришли к нему святые мужи, и он, приготовляя пищу из чечевицы, обжег руку огнем, пылающим в печи. Крайне огорчась этому, он начал рассуждать сам с собою. Отчего, думал он, этот огонь находится со мною во вражде, когда отказались от жестокой войны и сами демоны? Если теперь вещественный, временный и малый огонь этот не пощадил меня, то не коснется ли меня и тот неугасимый огонь, который искусит дела каждого в страшный день испытания? Когда Пафнутий, волнуемый такими размышлениями и скорбью, внезапно погрузился в сон, то приступил к нему ангел Господень и сказал: для чего скорбишь, Пафнутий, что еще не примирился с тобою этот земной огонь, когда в членах твоих остается еще не полностью укрощенный мятеж плотских вожделений? Пока корни их будут оставаться в твоем сердце, до тех пор не позволят они и этому вещественному огню быть в мире с тобою. Итак, только тогда можешь ты надеяться не потерпеть вреда от него, когда испытаешь, что все внутренние вожделения в тебе угасли. А для этого поди, заключи в свои объятия нагую прекрасную девицу, и если, держа ее при себе, ты будешь чувствовать, что покой сердца твоего остается непоколебимым и в плоти твоей не происходит мятежного волнения, тогда и этот видимый пламень тихо и безвредно будет прикасаться к тебе, как к трем вавилонским отрокам. Старец, пораженный этими словами ангела, не решился подвергнуть себя столь опасному искушению, на которое сделано было ему указание; но, спросив собственную

совесть, испытав чистоту своего сердца и познав, что сила его целомудрия не может равняться силе такого испытания, сказал: неудивительно, что и после того, как нечистые духи уступили мне победу над собою, огненные разжигания, которые я считал слабее жестоких демонских нападений, еще свидетельствуют против меня. Ибо нужна большая добродетель и высшая благодать для того, чтобы погасить внутреннюю похоть плоти, нежели для того, чтобы нападающих на нас злых демонов покорить Господним знамением (т. е. крестом) и могуществом Всевышнего, или чтобы изгнать их из тел призыванием божественного имени. Авва Нестерой, окончив речь об истинном действии дарований, своим учением сопровождал нас, спешивших к келье старца Иосифа, которая была почти в шести милях от него.

Шестнадцатое собеседование аввы Иосифа (первое). О дружестве

[1] Глава 1

[2] Блаженный Иосиф, постановления и заповеди которого теперь должны быть изложены, один из трех, о коих мы уже упомянули в одиннадцатом собеседовании, был из фамилии очень знатной и из числа первых в своем городе, называемом Тмуис, прилежно изучил не только египетское, но и греческое красноречие, так что с нами или теми, которые вовсе не знали египетского наречия, изящно объяснялся, не как прочие через толмача, а сам. Когда он узнал, что мы желаем его наставления, то, сначала спросив, не родные ли мы братья, и услышав от нас, что мы связаны не плотским, а духовным братством, и что с начала нашего отречения от мира всегда соединены нераздельным союзом как в странствовании, предпринятом нами обоими для духовного подвижничества, так и в подвигах киновийских, начал так говорить.

[3] Глава 2. Рассуждение старца о неверном дружестве

[4] Многие бывают виды дружества и товарищества, которые разным образом соединяют род человеческий союзом любви. Некоторых заставляет входить в общение предварительная рекомендация сперва знакомства, а

после – дружества. Между другими некий договор или условие даяния и принятия заключало союз любви. Некоторых связывало узами дружбы подобие и соучастие в торговле, или в войне, или искусстве и науке, через что даже жестокие сердца так свыкаются, что даже занимающиеся разбоем в лесах и горах и утешающиеся пролитием человеческой крови любят и ласкают своих соучастников в злодеяниях. Есть и иной род любви, которая основывается на инстинкте самой природы и на законе кровности, по которой соплеменники, или супруги, или родители, или братья и сыны естественно предпочитаются прочим, что свойственно не только роду человеческому, но и всем птицам и животным. Ибо по побуждению природного расположения они так охраняют и защищают своих птенцов или щенков, что часто за них даже не боятся подвергать себя опасностям и смерти. Наконец и звери, или змеи, или птицы, несносная свирепость и смертоносный яд которых разлучают и отдаляют от всех (каковы василиск, единорог, гриф, которые самим видом гибельны для всех), однако по общности своего происхождения и свойства бывают между собою дружелюбны и безвредны. Но насколько очевидно то, что все эти указанные виды любви общи и злым, и добрым, и зверям, и змеям, также известно и то, что они не могут пребывать до конца. Ибо часто прерывает и разделяет их расстояние, забвение от времени и другие причины. Ибо как они обычно приобретаются разными союзами или корысти, или похоти, или кровности и разных потребностей, так и расстраиваются по случаю какого-либо встретившегося раздора.

[5] Глава 3. Отчего дружество бывает неразрывным

[6] Итак, между всеми этими есть один вид любви нерасторжимый, который основывается не на знатности знакомства, не на важности должности или чина, не на договоре каком-либо или на нуждах естественных, но на одном лишь сходстве добродетелей. Эта любовь ни в каких случаях никогда не прекращается, не только расстояние или время не могут ее разлучить или подавить, но и смерть не прерывает ее. Это есть истинная и неразрывная любовь, которая одинаковым совершенством и добродетелью друзей скрепляется. Однажды заключенный союз ее не прервут ни разность желаний, ни упрямое несогласие воли. Впрочем, мы знаем многих, находящихся в таком положении, которые хотя из горячей любви ко Христу были связаны дружеством, не могли, однако, сохранить его навсегда неразрывно; потому что хотя и основывались на добром начале товарищества, однако с неравным усердием предпринятое намерение поддерживали, и было между ними некоторое временное охлаждение, потому что не одинаковой добродетелью того и другого, а терпением лишь одного сохранялось. Хотя оно одним великодушно и неутомимо поддерживалось, однако малодушием другого обязательно прерывалось. Ибо слабости тех, которые холодно ищут совершенного здоровья, каким бы терпением сильных ни сносились, однако самими немощными не переносятся. Ибо они имеют прирожденные причины возмущения, которые не позволяют им быть спокойными; как одержимые телесной болезнью обычно приписывают отвращение, происходящее от слабости желудка, небрежности поваров

или служителей, и с какой бы заботою прислуга ни услуживала им, причины своего раздражения приписывают здоровым, – не сознают, что причины эти находятся в них. Поэтому верный, неразрывный союз дружества, как мы сказали, есть тот, который основывается только на равенстве добродетелей. Ибо Господь вселяет единонравных в доме (Пс.67с греческого). И потому только между теми может пребывать неразрывная любовь, в которых есть одно намерение и воля, одно желание и нежелание. Если и вы желаете сохранить ее ненарушимо, то вам нужно стараться, изгнав из себя пороки, умертвить свою волю и с одинаковым старанием и намерением тщательно исполнять то, чем пророк очень утешался, говоря: «как хорошо и как приятно жить братьям вместе!» (Пс.132:1). Это следует понимать духовно, а не в отношении к месту. Ибо нет никакой пользы, если несогласные по нравам и намерениям соединяются в одном жилище; а основывающимся на одинаковой добродетели и расстояние не препятствует соединяться (дружбой). Ибо у Бога сходство нравов, а не соединенное местожительство соединяет братьев; и никогда не может ненарушимо сохраниться мир там, где бывает разность воли.

[7] Глава 4. Вопрос: нужно ли что-нибудь полезное делать вопреки желанию брата?

[8] Герман. Что же, если один хочет сделать что-нибудь, что по Богу усматривает полезным и спасительным, а другой не изъявляет согласия, нужно ли исполнить против желания брата или оставить по его воле?

[9] Глава 5. Ответ: постоянная дружба может пребывать только между совершенными

[10] Иосиф. Поэтому мы сказали, что полное и совершенное дружество может пребывать только между совершенными мужами и одинаковой добродетели, которым одинаковая воля и одинаковое намерение никогда или редко позволяет думать различно о том, что относится к преуспеванию в духовной жизни. А если бы они начали заводить жаркие споры, то ясно, что они никогда не были единодушны по тому правилу, о котором мы сказали. Но поскольку никто не может начинать с совершенства, а начинают с основания его, и вы исследуете не то, каково величие совершенства, а как можно достигнуть его, то считаю необходимым коротко раскрыть вам правило его и некоторую стезю, по которой бы направлялись ваши стопы, чтобы вы удобно могли Достигнуть блага терпения и мира.

[11] Глава 6. Каким образом может ненарушимо сохраняться дружество

[12] Итак, первое основание истинного дружества находится в пренебрежении богатства мирского и в презрении всех вещей, какие имеем. Ибо совершенно несправедливо и нечестиво, если после отвержения суеты мира и всего, что в нем есть, драгоценной братской любви предпочитать маловажную домашнюю рухлядь, какая осталась. Второе основание состоит в том, чтобы всякий отсекал свою волю, так чтобы не считал себя мудрым и рассудительным и не желал последовать лучше своему мнению, нежели мнению ближнего. Третье: всякий должен знать, что всему, что считает даже полезным и

необходимым, нужно предпочитать любовь и мир. Четвертое: следует верить, что ни по справедливым, ни по несправедливым причинам нельзя гневаться. Пятое: всякий должен желать исцелить гнев брата на него, питаемый даже без основания, таким же образом, как свой, зная, что и для него равно гибельна печаль другого, как если бы сам сердился на другого, если не изгонит ее из души брата, насколько от него зависит. Последнее основание, которое, без сомнения, есть общий истребитель всех пороков, состоит в том, чтобы всякий думал, что он в этот же день переселится из мира сего. Это убеждение не только не допустит никакой скорби оставаться в сердце, но и подавит все движения вожделений и всех грехов. Итак, кто это сохранит, тот не может ни потерпеть горечи гнева и раздора, ни причинить другим. А когда этого не будет и когда враг (Дьявол, или страсть) любви в сердца друзей неприметно будет вливать яд огорчения, то обязательно, при постепенном охлаждении любви от частых огорчений, сердца любящих, долго растравляемые, когда-нибудь он разлучит. Как может когда-нибудь рассориться со своим братом тот, кто поступает по вышесказанному правилу, кто первую причину распри, которая обычно происходит из-за малых вещей и ничтожных предметов, совершенно пресечет, ничего своего не защищая, всей силою сохраняя то, что в книге Деяний Апостольских читаем о единении верующих: «у множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее» (Деян.4:32)? Потом, как произойдет семя раздора от того, кто, угождая воле не своей, а брата, сделается подражателем Господа и Владыки своего, Который от лица человека говорит: «Я сошел с небес не для того,

чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца» (Ин.6:38)? Каким образом подаст повод к спору тот, кто касательно разума и чувства своего решился доверять не столько своему суждению, сколько мнению брата, по его воле, со смирением благочестивого сердца исполняя то, что говорится в Евангелии: «впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф.26:39)? Или как допустит что-либо, чем бы опечалился брат, тот, кто ничего не считает драгоценнее блага мира, не выпуская из памяти изречения Господа: «по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин.13:35)? По любви, как по духовной печати, Христос хотел, чтобы узнавали стадо Его овец в этом мире, и этим, так сказать, характером они отличались от прочих. По какой причине допустит оставаться в себе или в другом скорби тот, кто вполне убежден, что не может быть справедливых причин для гибельной гневливости непозволенной? И как может молиться, когда брат сердится на него, все равно как если бы сам он сердился на брата своего, всегда содержа в смиренном сердце изречение Господа Спасителя: «если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф.5:23–24)? Никакой пользы не будет, если ты хоть уверяешь, что не гневаешься, и думаешь, что исполняешь эту заповедь: «солнце да не зайдет во гневе вашем» (Еф.4:26), «и всякий, гневающийся на брата своего напрасно, тот подлежит суду» (Мф.5:22), а скорбь другого, которую мог бы укротить своей кротостью, по упорству сердца презираешь. В этом случае ты становишься таким же нарушителем заповеди Господней. Ибо Кто сказал, что тебе нельзя гневаться на другого, Тот сказал и то, что

скорбь другого нельзя презирать, потому что нет разности перед Богом, Который желает всем людям спастись, себя ли или другого кого-либо ты губишь. Одинакова бывает для Него потеря от погибели кого-либо; также и для того, кому приятна погибель всех, одинакова прибыль, твоей ли или братней смертью она приобретается. Наконец, как может и самую малую скорбь иметь на брата тот, кто верит, что он каждый день во всякое время может переселиться из этого мира?

13 Глава 7. Ничего нельзя предпочитать любви и ничего нельзя почитать хуже гневливости

14 Итак, как ничего нельзя предпочитать любви, так, напротив, ничего нельзя ставить хуже ярости или гневливости. Ибо если бы все и казалось полезным и необходимым, однако следует пренебрегать им, чтобы избежать возмущения гнева; также все, что считается противным, надо принимать и переносить, чтобы ненарушимо сохранялось спокойствие любви и мира, потому что нет ничего гибельнее гнева и скорби и полезнее любви.

15 Глава 8. По каким причинам происходит между духовными несогласие

16 Как между плотскими еще и слабыми братьями враг скоро производит раздор из-за маловажного, земного имущества, так и между духовными порождает разлад из-за различия мнений. От этого большей частью происходят споры, распри в словах, которые апостол

осуждает; отсюда завистник и злобный враг постепенно сеет раздоры между единодушными братьями. Ибо верно изречение премудрого Соломона: «ненависть возбуждает раздоры, но любовь покрывает все грехи» (Притч.10:12).

17 Глава 9. О том, что далее духовные причины споров надо устранять

18 Поэтому для сохранения всегдашней, неразрывной любви не принесет никакой пользы отсекать первую причину раздора, который обычно происходит из-за тленных, земных вещей, презреть все плотское и позволить братьям одинаковое пользование всеми вещами, какие нужны для нашего употребления, если не отсечем и вторую причину, которая относится к духовным понятиям, не приобретем во всем смиренный смысл и согласную с другими волю.

19 Глава 10. О наилучшем исследовании истины

20 Помню, когда еще юный возраст побуждал меня быть в общении с братьями, нам часто думалось, что вернее и разумнее нашего понимания нравственного учения или Св. Писания нет ничего. Но когда, собираясь вместе, мы высказывали свои мнения, то некоторые, разобранные общим рассуждением, сначала признавались ложными и вредными, потом, по общему суду, гибельными и осуждались. А прежде внушаемые дьяволом, они настолько казались правильными, что легко могли породить раздор, если бы заповедь старцев, соблюдаемая, как какое-нибудь повеление Божие, не отвлекала нас от

всякого спора, та заповедь, которая, как закон, предписывала, чтобы никто из нас не доверял своему суждению больше, нежели братнему, если не хотел никогда быть поруганным дьявольскою хитростью.

21 Глава 11. Невозможно не быть обольщенным дьявольским обманом тому, кто полагается на свое суждение

22 Известно, что часто случалось то, что говорит апостол: «сам сатана принимает вид Ангела света» (2Кор.11:14), чтобы обманом вложить мрачные, гнусные мысли вместо истинного света знания. Если эти мысли, принятые смиренным и кротким сердцем, не будут подвергнуты рассмотрению более зрелого брата или опытного старца, полагаясь на их решение – принять ли их нам или отвергнуть, из опасения, как бы в помыслах своих вместо ангела света не принять ангела тьмы, то мы подвергнемся тяжкой погибели. Этой погибели невозможно избежать никому, кто полагается на свое суждение, если, сделавшись любителем истинного смирения и исполнителем, со всем сокрушением сердца не будет исполнять следующее увещевание апостола: "если *есть* какое утешение во Христе, если *есть* какая отрада любви, если *есть* какое общение духа, если *есть* какое милосердие и сострадательность, то дополните мою радость: имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единодушны и единомысленны; ничего *не делайте* по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя» (Флп.2:1–3). Еще: «в почтительности друг друга предупреждайте» (Рим.12:10), чтобы всякий, товарищу своему приписывая

больше знания и святости, верность суждения приписывал скорее мнению брата, нежели своему мнению.

23 Глава 12. По какой причине не должны в собеседовании пренебрегать низшими

24 По обольщению дьявола или по заблуждению человеческому, по которому никто в этой плоти не может не обманываться, как человек, часто случается, что имеющий более острый разум и больше познаний, иногда нечто ложное принимает умом; и тот, кто имеет тупое дарование и меньше знания, кое-что понимает правильнее, истиннее. Поэтому никто, каким бы знанием ни обладал, по суетной надменности не должен думать, что не нуждается в наставлении другого. Ибо хотя бы дьявольское обольщение и не обмануло его суждения, однако он не избежит тяжких сетей возношения и гордости. Кто без крайней опасности погибели может присвоить себе это, когда и сосуд избранный, в котором говорил Христос (2Кор.13:3), как он сам исповедывал, для того только взошел в Иерусалим, чтобы Евангелие, которое он по откровению и содействию Господа проповедовал язычникам, предложить своим соапостолам на особое рассмотрение (Гал.2:2)? С этими заповедями не только сохраняются единодушие и согласие, но и все наветы противника дьявола, и сети обольщений его не страшны бывают.

[25] Глава 13. Любовь есть не только свойство Бога, но и сам Бог

[26] Наконец, добродетель любви настолько превозносится, что блаженный апостол Иоанн называет ее не только даром Божиим, но и Богом, говоря: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1Ин.4:16). Ибо мы видим, что она настолько божественна, что чувствуем в себе явное исполнение того, что говорит апостол: «любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим.5:5). Он как бы так сказал: Бог излился в сердца наши. Так как «мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией» (Рим.8:26–27).

[27] Глава 14. О степенях любви

[28] Итак, ту любовь, которая называется αγάπη, возможно оказывать всем; о ней апостол говорит: «доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере» (Гал.6:10). Она должна оказываться вообще всем, так что Господь повелел нам изъявлять ее даже врагам нашим, говоря: «любите врагов ваших» (Мф.5:44). А διάυεσις, т. е. сердечное расположение, оказывается очень немногим, и тем, которые связаны (между собою) одинаковостью нравов или общностью добродетелей, хотя и само расположение, кажется, имеет в себе большое различие. Ибо иначе бывают любимы родители, иначе супруги, иначе братья, иначе сыновья; да и в самой потребности этих расположений находится большое различие: не

одинакова бывает любовь и родителей к детям. Это доказывается примером патриарха, который, будучи отцом двенадцати сыновей, хотя всех любил отеческой любовью, однако Иосифа возлюбил с большим расположением, как ясно говорит об этом Св. Писание: возненавидели Иосифа братья его за то, что отец их любит его более всех (Быт.37:4), т. е. не потому, что муж праведный и отец не очень любил прочих детей, а потому, что питал к нему как бы более благосклонное и приятное расположение. То же ясно видно и на евангелисте Иоанне, о котором говорится: «один же из учеников Его, которого любил Иисус» (Ин.13:23). Хотя Он особенной любовью любил и прочих одиннадцать избранных учеников, так что это засвидетельствовано и в Евангелии, где говорится: «как Я возлюбил вас, *так* и вы да любите друг друга» (Ин.13:34); еще: «возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их» (Ин.13:1); но эта любовь к одному не означает холодности к прочим ученикам, но больший избыток любви к нему, на которую предоставляло ему право преимущество девственности и нерастленности плоти. Потому эта любовь, как высшая, обозначается с некоторым исключением, и возвышает ее не сравнение с ненавистью, а большая благодать изобилующей любви. Подобное этому читаем и в книге Песни Песней: упорядочите ко мне любовь (Песн.2:4). Ибо это есть истинно упорядоченная любовь, которая, не имея ненависти ни к кому, некоторых больше любит по праву заслуг, и которая хотя любит вообще всех, однако отличает тех, коих нужно любить с особенным расположением; и между теми, которые пользуются высшей, особенной любовью, она отличает некоторых, пользующихся еще большим расположением перед прочими.

[29] Глава 15. О тех, которые притворством усиливают смущение свое или братьев

[30] Напротив, мы знаем (о если бы не знали этого!) некоторых из братьев такого упорного и жестокого нрава, что когда почувствуют, что души их возмутились против брата или брат против них, то для прикрытия скорби своего духа, которая произошла от обоюдного раздражения, уходя от тех, коих должны были бы успокоить смиренным удовлетворением и ласкою, начинают воспевать некоторые стихи псалмов в укор им. Хотя они думают, что подавили сердечное огорчение, но укоризною усиливают его, тогда как тотчас могли бы прекратить, если бы хотели быть более сокрушенны и смиренны, так что пристойное сокрушение излечило бы и сердца самих, и успокоило бы души братьев. А таким малодушием они еще усиливают порок своей гордости и больше питают, нежели подавляют страсть к ссорам, не помня заповеди Господа, Который говорит: «гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду;» и: «если вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф.5:22–24).

[31] Глава 16. Когда брат имеет против нас какое-либо неудовольствие, то дары наших молитв не принимаются Господом

[32] Итак, Бог наш не хочет, чтобы мы пренебрегали скорбью другого, так что если брат имеет против нас что-нибудь, то не принимает и наших даров, т. е. не

допускает нам приносить Ему молитвы, пока скорым удовлетворением не выгоним из души его скорби, справедливо или несправедливо возникшей. Он не говорит: если брат твой имеет против тебя справедливую жалобу, то оставь там дар твой перед жертвенником и пойди прежде примирись с братом твоим, но говорит: если вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, т. е. если есть что-нибудь легкое и маловажное, чем возбудилось в брате смущение против тебя, и если вдруг вспомнишь об этом, то знай, что ты не должен приносить духовные дары твоих молитв, а сперва должен благосклонным удовлетворением выгнать из сердца брата скорбь. Итак, если евангельское слово повелевает нам удовлетворять гневающимся даже за прошедшее и самое малое неудовольствие, происшедшее от маловажных причин, то что будет с нами, жалкими, когда мы с упорным притворством пренебрегаем новыми и важными причинами, допущенными по нашей погрешности и в дьявольской гордой надменности, стыдясь смириться, не признаем себя виновниками братской скорби и, не желая из упрямства покоряться заповедям Господним, спорим, что не нужно соблюдать их или невозможно исполнить. Оттого и бывает, что, думая, будто Господь заповедал невозможное или несообразное, мы, по апостолу, становимся не исполнителями, а судьями закона (Иак.4:11).

[33] Глава 17. О тех, которые думают, что терпение нужно иметь больше по отношению к мирским, нежели к монахам

[34] Некоторые из братьев, – когда бывают раздражены каким-нибудь ругательным словом, несмотря на просьбы другого, желающего прекратить неудовольствие и несмотря на то, что никак нельзя сердиться на брата, по написанному: гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду, и: «солнце да не зайдет во гневе вашем» (Еф.4:26), – кричат: если бы это сделал или сказал какой-нибудь язычник или мирянин, то необходимо стерпеть. Но кто стерпит брата, допустившего столь тяжкую вину или произносящего устами такое необыкновенное злословие? Как будто терпение надо оказывать только по отношению к неверным и святотатцам, а не ко всем вообще, и будто гневаться вредно только на язычника, а на брата полезно, тогда как раздражение духа, на кого бы ни было возбуждено, принесет вред ему же самому. Какое упорство, даже безумие – по ослеплению ума не понимать собственного значения слов! Ибо не говорится: всякий, гневающийся на инородца, подлежит суду; но ясно в Евангелии сказано: «всякий, гневающийся на брата своего, подлежит суду» (Мф.5:22). Хотя по правилам истины под братом здесь мы должны бы понимать всякого человека; однако в этом месте словом брат означается скорее единоверный, участник нашей жизни, нежели язычник.

[35] Глава 18. О тех, которые, притворяясь терпеливыми, молчанием возбуждают братьев к гневу

[36] А каково то, что мы иногда считаем себя терпеливыми, потому что, будучи оскорбленными, презираем отвечать, но братьям, возмущенным нашей досадной молчаливостью, выражаем насмешку движением и действием язвительным, так что молчаливым видом возбуждаем их гнев еще больше, чем могли бы раздражить сердитые злословия, и считаем себя меньше виновными перед Богом, потому что устами не произнесли ничего такого, что на суде человеческом могло бы навлечь замечание или осудить нас? Как будто у Бога вменяются в вину только слова, а не воля, и вменяется в порок только дело греха, а не желание и намерение, или на суде будет исследовано только то, что всякий сделал словом, а не то, что старался сделать молчанием. Ибо не только качество причиненного возмущения, но и намерение раздражающего виновно. И потому на праведном суде нашего Судни будет спрошено не то, как возбудилась ссора, а по чьей вине возгорелась, и будет взято в рассмотрение расположение к греху, а не образ совершения его. Ибо какое различие в том, мечом ли кто убил брата или каким-либо обманом довел его до смерти, когда известно, что тот погиб по его обману или вине? Как будто достаточно не толкать своей рукою слепого в пропасть, хотя так же виновен и тот, кто наклонившегося и уже падающего в яму презрел, когда мог бы поднять его? Или как будто один тот виновен в преступлении, кто своей рукою поймал кого-либо в сеть, а не тот, кто приготовил или растянул сеть, или, по крайней мере, не хотел убрать ее, когда мог. Итак, нет никакой

пользы молчать, если молчанием заменяем злословие, производя такие действия, которыми и тот, кого следовало бы нам излечить, воспламеняется сильнейшим гневом, и мы сверх всего этого хвалимся вредом его и погибелью; как будто мы от этого самого не становимся еще виновнее, что захотели приобрести себе славу от погибели брата. Такое молчание одинаково будет вредно тому и другому, потому что как увеличивает скорбь в сердце другого, так не допускает прекратиться и в его собственном. Против таких довольно прямо направлено порицание пророка: «горе тебе, который подаешь ближнему твоему питье с примесью злобы твоей и делаешь его пьяным, чтобы видеть срамоту его! Ты пресытился стыдом вместо славы» (Авв.2:15–16). Подобное говорится и у другого пророка: «всякий брат ставит преткновения… и всякий друг разносит клеветы. Каждый обманывает своего друга, и правды не говорят: приучили язык свой говорить ложь, лукавствуют до усталости» (Иер.9:4–5). А часто притворное терпение сильнее воспламеняет гнев, нежели слово, и лукавая молчаливость превосходит оскорбления колкими словами, и легче переносятся раны врагов, нежели коварные ласки льстецов, о коих собственно говорится у пророка: «слова их нежнее елея, но они суть обнаженные мечи» (Пс.54:22). И в другом месте: слова лукавых мягки, но они поражают до внутренности чрева (Притч.26:22). К таким прилично относится и это: «устами своими говорят с ближними своими дружелюбно, а в сердце своем строят ему ковы» (Иер.9:8), которыми, впрочем, ловится и сам ловящий. Ибо кто расстилает другу своему сеть, тот сам впутается ногами своими, и кто копает яму ближнему своему, тот сам попадет в нее (Притч.29:5, 26–27). Наконец, когда множество народа с мечами и копьями

пришли, чтобы взять Господа, то никто не оказался более жестоким убийцею Виновника нашей жизни, как тот, кто, предваряя всех притворной почтительностью приветствия, запечатлел поцелуй коварной любви. Господь сказал ему: «Иуда! целованием ли предаешь Сына Человеческого?» (Лк.22:48), т. е. горечь преследования и ненависти твоей прикрывается тем, чем выражается сладость истинной любви. Яснее и сильнее у пророка выражается сила этой скорби так: если бы враг поносил меня, я перенес бы, и если бы ненавистник мой величался надо мною, от него я укрылся бы. Но ты, человек единодушный, друг мой и близкий мой, с которым вместе принимали сладкую пищу и ходили вместе в дом Божий (Пс.54:13–15).

[37] Глава 19. О тех, которые постятся от досады

[38] Есть и другой нечестивый род скорби, о коем не стоила бы и упоминать, если бы мы не знали, что он допускается некоторыми братьями, которые, когда бывают оскорблены или раздражены, упорно воздерживаются от пищи, так что (о чем мы не можем и говорить без стыда) те, которые, бывая благодушны, говорят, что не могут откладывать подкрепления себя пищею даже до шестого (по-нашему двенадцатого) часа, а тем более до девятого (третьего); когда же бывают в скорби или гневе, то не ощущают и двухдневного поста, и такое изнеможение от голода переносят из-за пресыщения гневом. Через это они явно впадают в порок нечестия именно потому, что посты, которые должны быть приносимы в жертву собственно одному Богу для смирения сердца и очищения от пороков, они переносят от дьявольской злости. Это все

равно, как если бы молитвы и жертвы приносили не Богу, а демонам; и такие заслуживают услышать Моисеев укор: «приносили жертвы бесам, а не Богу, богам, которых они не знали» (Втор.32:17).

[39] Глава 20. О притворном терпении некоторых, подставляющих другую щеку бьющему

[40] Известен нам еще и другой род безрассудства, который скрывается в некоторых братьях под личиною притворного терпения. Для них мало произвести ссору – они еще подстрекательными словами раздражают, чтобы их ударили; когда получат легкий удар, то подставляют другую часть тела для удара, как будто этим совершеннее исполнят заповедь Евангелия: «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф.5:39). Они вовсе не знают силы и намерения Св. Писания, потому что думают, будто упражняются в евангельском терпении по страсти гнева. Для совершенного пресечения этого запрещается не только взаимно мстить и вызывать на побои, но и повелевается гнев бьющего укрощать перенесением удвоенной обиды.

[41] Глава 21. Вопрос каким образом повинующиеся заповедям Христовым не достигают евангельского совершенства?

[42] Герман. Как же можно порицать того, кто, исполняя евангельскую заповедь, не только не мстит, но и готов перенести удвоенную обиду?

[43] Глава 22. Ответ: Христос смотрит не только на дело, но и на волю

[44] Иосиф. Ранее было сказано, что нужно смотреть не только на дело, которое делается, но и на расположение духа и намерение делающего. И потому если вы глубоким испытанием сердца исследуете то, что совершается каждым, в каком духе бывает или с каким расположением происходит, то увидите, что добродетель терпения и кротости не может совмещаться с противным духом, т. е. нетерпеливости и гнева. Господь наш и Спаситель, научая нас добродетели терпения и кротости, так чтобы мы не только устами произносили ее, а усвоили ее искренним расположением души своей, преподал нам такой образец евангельского совершенства: «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф.5:39), разумеется правую. Что же можно понимать под другой правою, как не лицо, так сказать, внутреннего человека (То есть расположение души, готовность перенести больше, нежели сколько враг наносит обид)? Этим Он желает совершенно исторгнуть из сокровенной глубины души всякое возбуждение гнева, т. е. так, чтобы, если внешняя десница твоя примет удар бьющего, то и внутренний человек смиренным согласием подставит свою десницу бьющему, сочувствуя страданию внешнего человека и как бы подставляя, подвергая свое тело удару бьющего, чтобы внутренний даже молча не возмущался от удара внешнего человека. Итак, видите, что такие далеко отстоят от евангельского совершенства, которое учит сохранять терпение не на словах, а во внутреннем спокойствии сердца, и заповедует нам так соблюдать его в случае какой-либо неприятности, чтобы мы не только сохраняли себя чуждыми возмущения гневом, но и тех,

которые возмутились по своей порочности, мы, подвергаясь их обидам, после совершения побоев до сытости, приводили бы к умиротворению, гнев их побеждая своей кротостью. Таким образом мы исполним апостольское увещевание: «не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим.12:21). Это не может быть исполнено теми, которые в духе гнева и надменности произносят слова кроткие и смиренные, так что не только не погашают воспламенившегося гнева, но еще более разжигают его как в своем сердце, так и в чувстве возмутившегося брата. Впрочем, они, если бы и могли каким-нибудь образом оставаться сами кроткими и мирными, при этом не принесут никаких плодов правды, когда приобретают себе славу терпения с вредом для ближнего и через это становятся совершенно чуждыми той апостольской любви, которая не ищет своего (1Кор.13:5), но пользы других, и богатства желает не так, чтобы получать себе выгоду от убытка ближнего, и не хочет приобретать что-нибудь с обнищанием другого.

[45] Глава 23. Тот мужественен и здоров, кто подчиняется воле другого

[46] Следует знать, что вообще тот мужественнее, кто свою волю подчиняет воле брата, нежели тот, кто бывает упорным в оберегании и удержании своих имений. Ибо тот, снося и терпя ближнего, получает название здорового и сильного, а этот – немощного и как бы больного, к которому иногда нужно и полезно быть благосклонным и так относиться, чтобы даже и в необходимых вещах делать какую-нибудь уступку для его спокойствия и мира. Касательно этого никто не должен думать, что он на сколько-нибудь уменьшит свое

совершенство, если, снисходя, несколько послабит принятую строгость, напротив, должен знать, что он гораздо больше приобретет для великодушия и терпения. Это есть апостольская заповедь: «мы, сильные, должны сносить немощи бессильных» (Рим.15:1); «носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал.6:2). Никогда немощный не сносит немощного, и не может сносить или излечивать недужного тот, кто болен: но тот доставляет лекарство немощному, кто сам не подвержен немощи; иначе по справедливости скажут ему: «врач! исцели самого себя» (Лк.4:23).

47 Глава 24. Немощные бывают язвительны, а сами не могут переносить обиды

48 Нужно заметить и то, что свойство немощных всегда бывает таково, что они склонны и готовы наносить поругания и сеять раздоры, а сами не хотят, чтобы их коснулось и малейшее оскорбление; и хотя, нанося дерзкие оскорбления, нападают на других с безрассудной вольностью, однако сами не хотят снести и самой малой, легкой неприятности. И потому, по вышесказанному изречению старцев (гл. 3 и 5), постоянная и неразрывная любовь может пребывать только между мужами одинаковой добродетели и намерения; а иначе она обязательно пресечется во всякое время, с какой бы осторожностью ни была сохраняема другим.

[49] Глава 25. Вопрос: как может быть мужественным тот, кто не всегда сносит немощного?

[50] Герман. В чем же может быть похвальное терпение совершенного мужа, если он не всегда может сносить немощного?

[51] Глава 26. Ответ: немощный сам не допускает, чтобы его сносили

[52] Иосиф. Я не сказал, что должны быть побеждены сила и терпение мужественного и крепкого, но что дурная болезнь немощного, питаемая снисхождением здорового и ежедневно приходящая в худшее, породит причины, по которым он не должен быть более сносим, или, видя терпение ближнего и достойное порицания безобразие своей нетерпеливости, иногда желает лучше удалиться, нежели всегда испытывать великодушие другого. Итак, мы думаем, что желающие сохранять дружество ненарушимым больше всего должны соблюдать, во-первых, чтобы монах, подвергнувшийся каким-либо оскорблениям, не только в устах, но и в глубине сердца своего сохранял спокойствие; а если почувствует, что оно хоть немного возмущено, то всячески должен сдерживать себя молчанием и усердно соблюдать то, что говорит Псалмопевец: я смутился, но не говорил (Пс.76:5). Я сказал: «буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешать мне языком моим; буду обуздывать уста мои, доколе нечестивый предо мною. Я был нем, и безгласен, и молчал даже о добром» (Пс.38:2–3); не должен произносить то, что внушает вспыхнувший вдруг гнев и

раздраженное чувство; но пусть или вспоминает приятность прежней любви, или размышляет о восстановлении мира, и во время самого возмущения пусть представляет, что мир возвратится навсегда. И когда сдерживает себя для приятности скорого согласия, то не почувствует горечи настоящих оскорблений, и таким образом будет отвечать то, от чего он не мог бы сделаться виновным сам по себе или быть порицаем другим после восстановления любви и таким образом исполнить пророческое слово: «во гневе вспомни о помиловании» (Авв.3:2).

[53] Глава 27. Как подавлять гнев

[54] Итак, нам необходимо обуздывать все движения гнева и по руководству рассудительности усмирять, чтобы внезапной яростью не увлечься к тому, что осуждается Соломоном: «глупый весь гнев свой изливает, а мудрый сдерживает его» (Притч.29:11), т. е. глупый воспламеняется гневом для отмщения за себя, а мудрый зрелым рассуждением и усмирением уменьшает и изгоняет его. О том же говорит апостол: «не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу» (Рим.12:19), т. е. не увлекайтесь гневом к мщению, но дайте место гневу, т. е. сердца ваши не должны быть сжаты теснотою нетерпеливости и малодушия, так чтобы не могли снести сильную бурю возмущения, когда она нападает; но расширьте ваши сердца, принимая противные волны гнева в широких заливах любви, которая все покрывает, все переносит, чтобы таким образом дух ваш, расширяемый полнотою великодушия и терпения, имел спасительные пристанища совета, в которых принятый и разлившийся гнусный дым гнева тотчас исчез бы (Яснее

сказать: дайте место гневу своему, т. е. пусть гнев ваш скоро пройдет, исчезнет, как скоро исчезает дым; или – дайте место гневу других, т е. охотно уступите разгневанному человеку, снесите его немощь. А св. Златоуст относит это к гневу Божию и излагает так дайте место гневу Божию, т. е. предоставьте Богу, правде Божией мщение за вас). Или так следует понимать: даем место гневу, когда возмущению другого уступаем со смиренным и спокойным духом, и, как бы признавая себя достойными какого-либо оскорбления, просим извинения. Впрочем, которые так понимают смысл апостольского совершенства, что будто не дает место гневу тот, кто удаляется от гневающегося, те, мне кажется, не отсекают повода к раздору, а усиливают. Ибо если гнев ближнего не будет тотчас побежден смиренным удовлетворением, то убегающий больше возбуждает его, нежели усмиряет. О подобном говорит Соломон: «не будь духом твоим поспешен на гнев, потому что гнев гнездится в сердце глупых» (Еккл.7:10). Не вступай поспешно в тяжбу, чтобы не раскаяться тебе впоследствии (Притч.25:8). Премудрый не для того обвиняет поспешность тяжбы или гнева, чтобы одобрять медленность их. Так же следует понимать и это: «у глупого тотчас же выкажется гнев его, а благоразумный скрывает оскорбление» (Притч.12:16). Он не говорит, что мудрые должны затаить бесчестную страсть гнева, как будто, осуждая быстроту гнева, он не запрещает медленности его; но говорит, что если бы как-нибудь по немощи человеческой и возбудился гнев, то нужно скрывать его, чтобы с течением времени вовсе подавить. Ибо таково свойство гнева, что, сдерживаемый, он ослабевает и утихает, а, обнаруживаемый, более и более разгорается. Следовательно, нужно расширить и распространить сердце, чтобы, сжимаемое теснотою

малодушия, не наполнялось жаром бурного гнева, и чтобы мы могли не сжатым сердцем принять, по выражению пророка, слишком широкую заповедь Божию, и говорить с пророком: «потеку путем заповедей Твоих, когда Ты расширишь сердце мое» (Пс.118:32). Ибо что великодушие есть мудрость, тому научаемся из ясных свидетельств Св. Писания: «у терпеливого человека много разума, а раздражительный выказывает глупость» (Притч.14:29). И потому Св. Писание с похвалою упоминает о том, кто просил у Господа дара премудрости: «и дал Бог Соломону мудрость и весьма великий разум, и обширный ум, как песок на берегу моря» (3Цар.4:29).

55 Глава 28. Дружество, скрепленное клятвою, не может быть твердым

56 Многими опытами часто было доказано, что те, которые союз дружества заключали клятвою, не могли непрерывно сохранять согласие или потому, что заключили его не по желанию совершенства, не по заповеди любви апостольской, а по любви земной, и старались сдержать ее необходимостью и узами договора, или потому, что хитрый враг скорее увлекает их к разрыву союза дружбы, чтобы сделать их преступниками своей клятвы. Итак, совершенно справедливо мнение благоразумных мужей, что истинное согласие и неразрывное дружество может состояться только между людьми благонравными, имеющими одинаковые добродетели и намерения. Так рассуждал блаженный Иосиф о дружестве и возбудил в нас ревность к сохранению постоянной любви к дружеству.

Семнадцатое собеседование аввы Иосифа (второе). Об определении

[1] Глава 1

[2] По окончании предыдущего собеседования и наступлении ночного безмолвия, мы с аввою Иосифом были отведены в отдельную келью в уединенном месте для покоя; от речей его какой-то огонь разгорелся в наших сердцах. Мы всю ночь провели без сна; выйдя из кельи и отойдя почти на сто шагов от нее, мы сели в отдельном месте.

[3] Глава 2. Объясняется благочестивое желание аввы Германа преуспевать

[4] Ночная тьма доставила нам удобство к уединенному, дружескому разговору. Когда мы сидели, авва Герман, тяжело вздохнув, сказал: что нам делать? Ибо видим, что мы находимся в затруднительном и жалком состоянии, и сам разум и сожительство со святыми на деле показывают, что было бы нам полезнее для успеха в духовной жизни пожить здесь, а данное старцам обещание (Кассиан и Герман, в Вифлеемской киновии положив начало монашеской жизни и прожив немного, для большего преуспевания в монашеской жизни захотели посетить египетские монастыри, которые тогда славились аскетическим благоустройством и множеством строгих подвижников, опытных в духовной жизни старцев. Чтобы получить разрешение на это путешествие, они дали обещание через три года возвратиться. Но видя, что

пребывая в египетских монастырях, они получают большую пользу от назидательных бесед и примера старцев, для этого хотелось бы им подольше пожить здесь, а между тем пришло время возвратиться в свою киновию Теперь они и не знали, что делать – возвратиться ли в Вифлеем, чтобы не нарушить данного обещания, или остаться еще в египетских монастырях, чтобы не лишиться духовной пользы от назидания. Это недоумение они и решились открыть авве Иосифу и, как он определит, так и поступить. В этой беседе разрешается главный вопрос: можно ли или полезно ли монаху вперед определять, назначать или обещать какие-либо действия; и такое определение или обещание необходимо ли исполнить. Потому и собеседование это надписано об определении) возвратиться в Вифлеем не позволяет избрать то, что полезно. Ибо примерами таких и стольких мужей мы могли бы научиться многому для усовершенствования своей жизни, если бы данное обещание не заставляло нас непременно возвратиться в киновию. Если возвратимся, то для нас уже не будет никакого случая опять придти сюда. Если же, оставаясь здесь, захотим исполнить свое желание, то как нам поступить касательно уверения, которое мы дали нашим старцам, обещав скоро возвратиться с тем условием, чтобы нам позволено было хоть бегло обойти святых и монастыри этой области? Находясь в таком смущении, мы не могли ни на что решиться, одними вздохами свидетельствовали о затруднительном положении, упрекая себя за стыдливость или застенчивость (То есть стыдились у своих вифлеемских старцев испросить побольше времени провести в египетских монастырях), по которой мы не могли противиться просьбам

удерживавших нас и дали обещание, побывав здесь, вскоре возвратиться.

[5] Глава 3. Совет Кассиана и ответ на вопрос аввы Германа

[6] Я сказал: конец нашему недоумению положит совет «старца, которому надо высказать наше смущение, и что он присудит, то, как божественный, небесный ответ, должно положить конец всем нашим смущениям. И мы нисколько не должны сомневаться в том, что устами этого святого Господь откроет нам, что нужно делать ради заслуги его и ради нашей веры. Ибо по дару Его часто получали спасительный совет и верующие от недостойных и неверные от святых, когда Господь даровал это или по заслуге отвечающих, или по вере спрашивающих. Слова эти авва Герман принял так, как будто я высказал их не от себя, а по внушению Господа. Подождав немного прихода старца и наступающего уже часа ночного богослужения, мы встретили его с обычным приветствием, и, совершив законное число молитв и псалмов, мы опять сели на тех рогожках, на которых располагались для покоя.

[7] Глава 4. Вопрос аввы Иосифа и наш ответ, от чего произошла скорбь

[8] Тогда достопочтенный Иосиф, видя нас унылых духом и догадываясь, что это не без причины случилось с нами, обратился к нам со словами патриарха Иосифа: что печальны лица ваши ныне? Мы сказали ему: не как узники, министры фараона, мы видели сон, и нет истолкователя, но провели ночь без сна; и нет никого, кто

бы облегчил тяжесть нашего смущения, разве только Господь твоим рассуждением устранит его. Тогда тот, который и по заслуге и по имени представлял добродетель патриарха, сказал: не Господом ли врачуются помышления человеческие? Объявите их, ибо милость Божия по вере вашей может нашим советом доставить им исцеление.

[9] Глава 5. Изъяснение аввы Германа, почему они желают остаться в Египте и почему следовало бы возвратиться в Вифлеем

[10] На это Герман сказал: мы думали, что возвратимся в свою киновию, полные не только духовной радости, но и успеха; и что мы приобрели от вашего учения, тому по возвращении будем следовать хоть с малой ревностью. Ибо ожидать этого заставляет нас любовь наших старцев, так как мы верили, что в той киновии нам отчасти можно подражать высоте вашей жизни и учения. Мы думали, что это доставит нам всякую радость, а теперь сокрушаемся невыносимой скорбью, видя, что таким образом мы не можем получить того, что признаем спасительным для себя. Теперь с той и с другой стороны мы находимся в затруднении. Ибо если захотим исполнить обещание, которое мы дали по побуждению любви старцев, и которое дали перед всеми братьями в вертепе, в коем Господь наш воссиял из девственной утробы, и Он был свидетелем его, то потерпим большой вред для духовной жизни. Если же, забыв обещание и оставаясь в этих областях, пользу для нашего совершенства захотим предпочесть тому уговору, то боимся впасть в ложь

неисполнением обещания. Мы не можем облегчить нашего смущения даже и тем советом, чтобы, скорым возвращением (в Вифлеем) исполнив обещание, снова поскорее придти в эти места. Ибо, хоть опасна и вредна даже малая отсрочка для стремящихся к преуспеванию в духовных делах и добродетели, все-таки возвращением, хоть медленным, мы исполнили бы обещание своей верности; но знаем, что не только любовью, но и властью старцев наших мы неразрешимо будем связаны, так что потом никаким образом не будет нам позволено опять придти в эти места.

11 Глава 6. Вопрос аввы Иосифа: больше ли у вас было успеха в Египте, нежели в Палестине?

12 На это блаженный Иосиф, немного помолчав, сказал: уверены ли вы, что в этой стране может быть для вас больше успеха в духовных делах?

13 Глава 7. Ответ о разности постановлений той и другой страны

14 Герман. Хотя мы должны воздавать высокую благодарность и учению тех, которые с малолетства научили нас стараться о великом и, дав вкусить своего блага, возбудили в наших сердцах сильную жажду совершенства; однако, если поверят нашему суждению, мы не приводим никакого сравнения между этими наставлениями и теми, которые там (в Палестине) мы получили, и умалчиваем о неподражаемой чистоте вашей жизни, которая, думаем, приобретается вами не только

строгостью ума и намерения, но и при содействии благоприятных мест. Поэтому мы не сомневаемся, что для подражания величию вашего совершенства не может быть достаточно то учение, которое преподается спешно; для этого нам необходимо долгое пребывание здесь, и долговременное обучение при ежедневных наставлениях, может быть, как-нибудь прогонит холодность нашего сердца.

15 Глава 8. Совершенные мужи не должны ничего безусловно определять, или могут ли без греха оставлять свои определения

16 Иосиф. Совершенно согласно с благоразумием, совершенством и нашим знанием – на деле исполнять то, что мы определили каким-либо обещанием. Поэтому монаху нельзя ничего определять необдуманно, чтобы не быть вынужденным исполнить то, что неосмотрительно обещал, или после перемены взгляда на лучший не быть нарушителем своего обещания. Но так как нами предположено теперь говорить не столько о состоянии здоровья, сколько о врачевании немощи, то здравым рассуждением необходимо исследовать не то, что нужно бы вам делать в прежнем месте, но как можно избежать опасности гибельного кораблекрушения. Итак, когда никакие узы не связывают вас и никакое условие не стесняет, то, при выборе из сравнительно благоприятных вещей, следует избирать то, что имеет больше пользы; а когда препятствует какая-либо опасность урона, то, сравнивая вред, необходимо избирать то, что сопровождается меньшим вредом (То есть из многих благ надо избирать лучшее, высшее, а из многих зол нужно

меньшее предпочитать большему, если нельзя избежать того и другого). Потому, если безрассудное обещание довело вас до того, что грозит причинить важный вред с той и другой стороны, то выбор должен склоняться на ту сторону, которая меньше вреда принесет, или посредством вознаграждения легче будет этот вред исправлен. Следовательно, если думаете, что от пребывания здесь будет больше пользы для вашего духа, нежели сколько будет ее от жительства в той (Вифлеемской) киновии, и без потери больших выгод не может быть исполнено ваше обещание (возвратиться), то лучше вам потерпеть вред от лжи (Старец доказывает, что ложь иногда позволительна по двум причинам во-первых, для избежания какого-либо большего зла или для достижения большего блага; во-вторых, иногда ради смирения можно допустить ложь, свои добродетели прикрыть ложью для избежания суетной славы. Первую мысль он доказывает в гл. 12–20, а последнюю в гл. 21–26) (вред от которой, однажды случившись, более уже не повторится и сам собою не может породить другие грехи), нежели придти в состояние равнодушия, которое будет причинять вам вред ежедневно. Ибо неосмотрительное обещание извинительно и даже похвально будет изменить, если оно будет обращено в полезную сторону, и нарушение не должно считаться постоянным, если худое обещание или безрассудство будет исправлено. Все это может быть ясно подтверждено свидетельствами Св. Писания, как гибельно бывает для многих исполнить свои определения, и напротив, как полезно оставить их.

[17] Глава 9. Иногда полезнее нарушить свои постановления, нежели исполнить

[18] Об этом ясно свидетельствуют примеры святого апостола Петра и предателя Иуды. Поскольку первый отступился от безрассудного определения, по которому сказал: «не умоешь ног моих вовек» (Ин.13:8), то удостоился бессмертного общения с Христом и всеми святыми; а иначе он, без сомнения, лишился бы благодати этого блаженства, если бы по упрямству остался в своем слове. А второй, упрямо сдержав свое обещание, осужден на вечную смерть, от которой, без сомнения, был бы освобожден, если бы захотел лучше нарушить свое определение, нежели упрямо исполнить его. Это ясно видим и на тех двоих сынах, которые в Евангелии назначаются для работы в винограднике, из коих один воспротивился приказанию отца, а другой согласился на него (Мф.21:28–31). Но как этому не принес пользы смиренный и послушный ответ, потому что отказался исполнить приказание отца на деле, так и тому не повредило прекословие, потому что, переменив упрямство, он на самом деле исполнил желание отца; что он предосудительно постановил, то, переменив определение, похвально исправил. То же доказывает и пример кровожадного царя Ирода, который, безрассудно соблюдая верность клятвы, сделался убийцею Предтечи Господня и по суетному страху клятвопреступления подверг себя осуждению на вечную смерть. Сначала нужно постановлять самое лучшее; а если бы дело пошло иначе, то впоследствии следует переменить свое постановление на лучшее, и когда наши определения остаются бессильными, то надо, так сказать, подать им руку помощи. Когда начала предприятия нетверды, то

благоразумие требует подкрепить их полезной предусмотрительностью. Если расположение к первому постановлению колеблется, то необходимо исправить второе постановление. Итак, во всех делах смотрите на цель и к ней направляйте ход вашего предположения. Если увидите, что оно направляется в худшую сторону, и придет более полезная мысль, то, оставив не полезное постановление, нужно перейти к лучшему определению, нежели, упрямо оставаясь в прежнем постановлении, запутываться в тяжких грехах.

[19] Глава 10. Вопрос о данном в Палестинской киновии обещании

[20] Герман. Мы решились придти сюда для духовной пользы, желали бы получить назидание от постоянного общения с вами. Теперь если мы возвратимся в свою (Вифлеемскую) киновию, то не только не достигнем того, что желали приобрести здесь, но обязательно потерпим много лишений при посредственной жизни тамошней. Но и долго оставаться здесь боимся; сильно страшит нас это евангельское повеление: «да будет слово ваше: да, да, нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф.5:37). Мы верим, что нарушение этой заповеди не может быть вознаграждено никакой правдою, и впоследствии дело не пойдет правильно, когда оно однажды худо начато.

[21] Глава 11. Ответ о том, что надо смотреть на намерение действующего, а не на производство дела

[22] Иосиф. Во всех случаях, как мы сказали, следует смотреть не на последствие дела, а на волю делающего, и надо исследовать не то, кто что сделал, а с каким намерением сделал. Мы находим, что некоторые осуждены были за те дела, от которых после вышло добро, и напротив, некоторые небезукоризненными делами достигли высшей праведности. И полезный исход дел не помог тому, кто, приступив с худым намерением, хотел делать не то, от чего последовала польза, а нечто противное; также небезукоризненное начало не повредило тому, кто не из пренебрежения к Богу, не с намерением согрешить, а, имея в виду необходимую и святую цель, по необходимости допустил укоризненное начало.

[23] Глава 12. Добрые последствия не принесли пользы злонамеренным деятелям, и худо сделанное не повредило благонамеренным

[24] Объясним это примерами из Св. Писания. Что лучше или что полезнее могло быть для всей вселенной, как не спасительное страдание Господне? Однако оно не только не принесло пользы, но еще послужило во вред предателю, при посредстве которого исполнилось то, что о нем решительно говорится: «лучше было бы этому человеку не родиться» (Мф.26:24). Ибо возмездие ему за его дело должно быть воздано не по тому, что случилось,

а по тому, что он предполагал сделать. И опять: что преступнее лжи и обмана, допущенного даже по отношению к стороннему, не говорю уже – к родственнику или отцу? Однако патриарх Иаков (Быт.27:19–24) не только не навлек никакого осуждения или порицания за это, но и наделен всегдашним наследием благословения, и справедливо, потому что он пожелал благословения, назначенного первородному, не по страсти к настоящей выгоде, а по вере в вечное освящение; а Иуда предал смерти Искупителя всех не для спасения человеческого, а по страсти сребролюбия. И тому, и другому дано возмездие за дело их по определению их ума и по намерению воли, потому что и тот не думал действовать для обмана, и этот – для спасения. И воздается праведное возмездие каждому за то, что держал в уме, а не за то, что вышло хорошего или худого против желания делающего. Потому праведнейший Судия признал допустившего такую ложь извинительным, даже похвальным; так как без нее он не мог бы получить благословение первенца. И нельзя ставить в порок то, что произошло по желанию благословения. Иначе вышесказанный патриарх оказался бы не только несправедливым к брату, но и обманщиком отца и святотатцем, если бы, имея другой путь для получения благодати того благословения, он захотел избрать тот, какой был бы предосудителен и вреден брату. Итак, видите, что Бог смотрит не на последствие дела, а на намерение ума. Итак, разъяснив это, возвратимся к предложенному вопросу, для уяснения которого все это предварительно сказано; желал бы я, чтобы вы сперва ответили мне: для чего вы связали себя узами того обещания.

[25] Глава 13. Ответ наш: по какой причине мы дали обещание

[26] Герман. Первая причина, как мы сказали, была та, что мы опасались опечалить старцев и противиться их повелению; а вторая та, что по безрассудному убеждению мы полагали, что если что-либо совершенное и важное увидим или услышим у вас, то по возвращении в киновию сможем сами в том упражняться.

[27] Глава 14. Рассуждение старца о том, что порядок дела может изменяться, когда ожидаются добрые последствия дела

[28] Иосиф. Мы прежде сказали, что намерение ума или награждает, или осуждает человека, как говорит апостол: «мысли их то обвиняют, то оправдывают одна другую» (Рим.2:15). Итак, я вижу, что вы, желая совершенства, связали себя узами обещания, так как думали, что можно достигнуть его тем порядком, каким, как теперь при более полном рассуждении вы видите, нельзя взойти на высоту его. Итак, не предосудительно то, что оказалось бы случившимся несогласно с предположением, если никакой перемены в первоначальном намерении не последовало. Ибо перемена орудия не означает прекращения какой-либо работы, избрание более короткого и прямого пути не означает лености путешественника. Так и вашем деле исправление неосмотрительного предположения нельзя считать нарушением обещания. Ибо что совершается по расположению к Богу и по любви к благочестию, имеющему обетование жизни настоящей и будущей

(1Тим.4:8), то, хотя и имело, по-видимому, начало несовершенное, не только не заслуживает никакого порицания, но и достойно похвалы. И потому нисколько не предосудительно изменение неосторожного обещания, если только таким образом достигается цель, т. е. предположенное благочестивое намерение. Мы все делаем для того, чтобы могли представить Богу сердце чистое. Если совершение сего в этих местах считается более удобным, то нисколько не повредит вам изменение вынужденного уговора, если только совершенство чистоты, для которой вами дано обещание, по воле Господа здесь скорее приобретается. Это изменение нельзя считать какой-либо ложью, а благоразумным и спасительным исправлением неразумного определения. Возьмем из природы пример, который бы разрешил узел предложенного вопроса. Сама природа дела свои в нас изменяет по совету божественного величия. Ибо из младенчества мы переходим в отрочество, из отрочества в юношество, из юношества в дальнейший возраст до старости; и такое действие в нас Создателя нашего происходит так, что из-за этой перемены не приписывается возрасту никакой лжи. Так и внутренний наш человек, когда через разные возрасты жизни, от одного к другому, дойдет до более крепкого и потом, достигнув зрелости разума мужа совершенного и меры полного возраста Христова (Еф.4:13), оставит младенческое, неужели от перемены впадает в ложь? Не лучше ли думать, что он достигает полноты совершенства? Так начальное учение Ветхого Завета, по распоряжению Законодателя, переходит к совершенству евангельского блаженства, однако от этого не произошло противоречие или изменение прежнего закона, но дополнилось или завершилось высшими небесными

заповедями; также нельзя считать упразднением священных постановлений, но возвышением, и – не разностью, а преуспеванием. Потому и Господь нам сказал: «не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф.5:17), т. е. не отвергнуть прежнее, но несовершенное привести к совершенству.

[29] Глава 15. Вопрос не будет ли греха, если наш поступок подаст слабым повод лгать?

[30] Герман. Что касается силы слов, которые основательно, разумно исследованы, то без затруднения можем отвергнуть мнительность касательно нашего обещания. Но сильно устрашает нас – как бы этим примером не подать кому-либо из слабых повода лгать, если узнают, что можно каким-нибудь образом нарушать верность уговора; потому что это запрещается столь грозными изречениями Св. Писания, как говорит пророк: «Ты погубишь говорящих ложь» (Пс.5:7); лживые «уста убивают душу» (Прем.1:11).

[31] Глава 16. Ответ: из-за соблазна слабых нельзя изменять истину священного писания

[32] Иосиф. Не могут не быть поводы и причины к погибели тех, которые имеют погибнуть, даже которые желают погибнуть. Но не нужно отвергать тех свидетельств Св. Писания, коими воодушевляется развращение еретиков, или ожесточается неверие иудеев, или соблазняется надменность языческой мудрости, а только благочестиво

следует верить, непоколебимо держаться их и проповедовать по правилу истины. И потому мы, под предлогом неверия других, не должны отвергать распоряжения пророков и святых, о которых упоминает Св. Писание, чтобы, думая прикрыть их немощи, нам не допустить не только ложь, а святотатство; нам следует признавать их согласно с историей и объяснять, как благочестиво было сделано ими. Впрочем, для развращенных этим не устранится повод ко лжи, хотя бы истину того, что мы намерены сказать или сказали, и постарались вовсе отвергнуть или умалить аллегорическим толкованием. Ибо какой вред достоверность этих свидетельств принесет тем, для которых достаточно одного развращения воли?

33 Глава 17. Святые безгрешно употребляли ложь, как лекарственную траву чемерицу

34 Итак, о лжи так надо думать и так пользоваться ею, как чемерицею. Если она будет принята в смертоносной болезни, то она бывает полезна. Впрочем, принятая без крайней нужды бывает очень вредна. Так мы читаем, что святые и богоугодные мужи безвинно употребляли ложь, как например Раав, коей Св. Писание (Нав.2) не только не приписывает никакой добродетели, но упоминает еще о распутстве; за такую ложь, которой она захотела лучше скрыть соглядатаев, нежели выдать, заслужила быть причисленной к народу Божию с вечным благословением. А если бы она захотела сказать истину или позаботиться о спасении граждан, то, без сомнения, она не избежала бы угрожавшей гибели со всем домом своим, не была бы присоединена к виновникам Рождества Господня, не была бы включена в родословие патриархов, через преемство

своего поколения не удостоилась бы произвести Спасителя всех. Потом Далида (Суд.16), заботясь о пользе сограждан, узнав истину, выдала ее, за то подверглась вечной погибели, оставив всем только память своего злодеяния. Итак, когда за открытие истины угрожает какая-нибудь большая опасность, тогда можно прибегнуть к обману (Например, путешественник на распутье встречает разбойников, которые спрашивают его, по какой из двух дорог поехал преследуемый ими человек, коего они хотят ограбить и убить; он указывает им совсем другую дорогу, а не ту, по которой уехал преследуемый, и этим обманом избавляет несчастного от смерти, а разбойников от преступления. А если бы сказал правду, то они, догнав, убили бы его), впрочем, так, чтобы при этом иметь смиренное сознание своей виновности (Нужно считать это искушением, постигшим нас за грехи. Св. Дорофей говорит, что когда случится необходимость уклониться от слова правды, то и тогда человек не должен оставаться беспечальным, а каяться и плакать перед Богом, и считать такой случай временем искушения; и на такое уклонение решаться не часто, а разве что в одном случае из многих). А когда нет крайней необходимости, то со всей осторожностью нужно избегать лжи, как смертоносной; как мы сказали о питье чемерицы, что тогда полезно принимать его, когда угрожает неминуемая и смертоносная болезнь. Если же принимается при здоровом, не расстроенном состоянии тела, то зловредная сила тотчас проникает в жизненные органы. Это ясно открылось на Рааве Иерихонской и патриархе Иакове, из которых первая иначе и не могла бы избежать смерти, как этим средством, а последний не мог бы достигнуть благословения первородного. Бог испытывает и судит не только слова и действия наши, но видит желания и

намерения. Если Он видит, что кем-либо сделано или обещано что-нибудь для вечного спасения и для божественного созерцания, то хотя бы людям и казалось то суровым и неправым, однако Он, видя благочестие сердца, судит не слова, а намерение воли; поскольку надо смотреть на цель дела и на расположение делающего, по которому некоторые, как выше сказано, могли даже и ложью оправдаться, а другие через обнаружение истины сделать грех и заслужить вечную смерть. Взирая на эту цель, и патриарх Иаков не побоялся, облекшись кожею, принять косматый вид тела брата, похвально послушался матери, внушавшей этот обман. Он видел, что от этого ему больше пользы будет ради благословения и правды, нежели от соблюдения откровенности. Ибо он не сомневался, что излиянием отеческого благословения пятно обмана будет совершенно смыто, как какое-нибудь облако веянием Св. Духа скоро будет уничтожено, и вследствие этого притворства ему будет дана награда большая, нежели за непритворную истинность.

35 Глава 18. Возражение: может быть, только те безнаказанно допускали ложь, которые жили под законом

36 Герман. Неудивительно, что такие поступки в Ветхом Завете вольнее допускались, иногда и святые мужи безвинно лгали, так как видим, что по невежеству времен им гораздо больше позволялось. Что удивительного, что блаженный Давид, убегая от Саула, на вопрос священника Ахимелеха: «почему ты один, и нет никого с тобою? – отвечал так: Царь поручил мне дело и сказал мне: «пусть никто не знает, за чем я послал тебя и что

поручил тебе»; поэтому людей я оставил на известном месте.... нет ли здесь у тебя под рукою копья или меча? ибо я не взял с собою ни меча, ни другого оружия, так как поручение царя было спешное» (1Цар.21:1–2, 8). Еще когда он был приведен к Анхусу, царю гефскому, то притворился безумным, изменил лицо свое перед ним, кидался на руки свои, чертил на дверях и пускал слюну по бороде своей (1Цар.21:13). Также тогда позволительно было пользоваться множеством жен и наложниц, и это вовсе не вменялось им в грех; кроме того, даже собственной рукою часто проливали кровь врагов, и это не только не считалось порицательным, но еще было похвальным. А ныне, при воссиянии света Евангелия, мы видим, что это вовсе запрещено, так что без тяжкого преступления и святотатства ничего такого нельзя допустить. Также, думаем, и никакой лжи, хотя бы и прикрытой благочестивым видом, никто не станет допускать, не говорю, одобрительно, но даже извинительно, когда Господь говорит: да будет слово ваше: «да, да, нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф.5:37); согласно с этим и апостол говорит: «не говорите лжи друг другу» (Кол.3:9).

[37] Глава 19. Ответ: хотя ложь и не дозволялась в Ветхом Завете, но многими допускалась безвинно

[38] Иосиф. Свобода брать многих жен и наложниц при наступлении конца времен и умножении рода человеческого, как уже менее необходимая, справедливо должна была быть пресечена евангельским совершенством. Ибо даже до пришествия Христа должно

было продолжаться благословение первоначального определения, по которому сказано: «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Быт.1:28). И потому справедливо было, чтобы из этого корня человеческого плодородия, которое по требованию времени с пользою продолжалось в синагоге, произросли цветки ангельской девственности, и родились в церкви (Христовой) приятные плоды воздержания. А что и тогда ложь была осуждаема, это ясно показывает учение всего Ветхого Завета, где говорится: «Ты погубишь говорящих ложь» (Пс.5:7), еще: сладок человеку хлеб лжи, а после наполнятся уста его дресвою (Притч.20:17), и сам Законодатель говорит: «удаляйся от неправды» (Исх.23:7). Но это тогда безвинно употреблялось, когда требовала какая-либо необходимость или спасительное дело, ради которого нельзя было осуждать, и каково то, что вы упомянули о царе Давиде, когда он, избегая несправедливого преследования Саула, придя к священнику Ахимелеху, говорил ложные слова не из какой-либо корысти, не с намерением повредить кому-нибудь, а только для того, чтобы избавиться от нечестивого преследования его, потому что не хотел осквернить руки свои кровью враждебного царя, столько раз предаваемого ему Богом, говоря: «да не попустит мне Господь сделать это господину моему, помазаннику Господню, чтобы наложить руку мою на него, ибо он помазанник Господень» (1Цар.24:7). Потому и мы от таких поступков, которые, как читаем, святые мужи в Ветхом Завете совершали или по воле Божией, или для преобразования духовных таинств, или для спасения некоторых, когда потребует необходимость, не можем отказываться; даже апостолы, как видим, не уклонялись от них, когда того требовала какая-либо польза. На время

оставив это, сперва исследуем то, что мы предположили еще сказать из Ветхого Завета; после этого выведем приличное заключение, чтобы удобнее доказать, что и праведные, святые мужи как в Новом, так и в Ветхом Завете были согласны между собою в этих делах. Что скажем о том благочестивом притворстве Хусия перед Авессаломом для спасения царя Давида (2Цар.17:8–13), которое, хотя все было пронизано духом лукавства и обмана и противно было пользе советующегося, тем не менее одобряется свидетельством Св. Писания, которое так говорит: так Господь судил разрушить лучший совет Ахитофела, чтобы навести Господу бедствие на Авессалома (2Цар.17:14). Нельзя порицать того, что делалось с правым намерением и благочестивым рассуждением в пользу правой стороны, для спасения и победы того, чье благочестие угодно было Богу, совершено благочестивым притворством. Также, что мы скажем о поступке той женщины, которая, приняв посланных Хусием к царю Давиду, скрыла их в колодце и, положив покрышку на отверстие его; показывала вид, что она просушивает крупу, говоря: они перешли вброд реку (2Цар.17:20), и этой уловкою избавила их от рук преследующих. Поэтому прошу, отвечайте мне: что стали бы выделать, если бы теперь вам, руководствующимся Евангелием, встретилось подобное обстоятельство, – не захотели ли бы вы подобной ложью скрыть их и исполнить заповедь: «спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение?» (Притч.24:11). Или открытием истины выдадите скрывающихся тем, которые хотят погубить их? Как же будет исполнена заповедь апостола: «никто не ищи своего, но каждый *пользы* другого" (1Кор.10:24). И о себе апостол говорит: «я угождаю всем во всем, ищу не своей пользы, но *пользы*

многих, чтобы они спаслись» (1Кор.10:33). Если мы будем искать только своего и хотим настойчиво держаться того, что полезно нам, то в подобных затруднениях нам необходимо говорить истину и быть виновными в смерти других. Если же то, что спасительно для других, предпочитая своей пользе, мы будем исполнять согласно апостольской заповеди, то, без сомнения, нам по необходимости придется солгать. И потому мы не сможем ни приобрести всецелой любви, ни искать по апостольской заповеди пользы других, если, несколько уступив из того, что принадлежит нам или относится к нашему совершенству, не захотим с усердным расположением содействовать пользе других и таким образом не сделаемся немощными для немощных, чтобы могли приобрести немощных (1Кор.9:22).

39 Глава 20. Иногда и апостолы считали ложь извинительной, а истину вредной

40 По руководству этих примеров и блаженный апостол Иаков, и все главные предстоятели первенствующей церкви советовали апостолу Павлу допустить притворство, очиститься по образу закона, голову остричь и принести жертву (Деян.21:26), не видя вреда от этого притворства, но больше думая о пользе долговременной проповеди его. Ибо не столько было бы пользы апостолу Павлу от такой прямоты, сколько потери для всех язычников от скорой смерти его. Этот вред, без сомнения, произошел бы тогда для всей церкви, если бы полезное и спасительное притворство не сохранило его для евангельской проповеди. Тогда необходимо и извинительно допускается ущерб от лжи, когда, как мы сказали, угрожает больший урон от обнаружения истины,

и польза, происходящая для нас от истины, не может вознаградить того вреда, какой может произойти. Блаженный апостол другими словами свидетельствует, что он везде всегда держался этого способа. Ибо когда говорит: «для Иудеев я был как Иудей,... чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона – как чуждый закона, – не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, – чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1Кор.9:20–22), тем самым показывает, что он всегда применялся к немощи и духовному возрасту наставляемых, несколько умерял строгость учения о совершенстве, не держался того, чего требовало строгое правило, но больше предпочитал то, чего требовала польза немощных. Точнее исследуя это, подробно раскроем указания апостольские на случай, если кто спросит, каким образом блаженный апостол во всем применялся ко всем? Где он был иудеем для иудеев? Именно там, где он, искренним сердцем соблюдая то мнение, которое возвещал галатам, говорит: «вот я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, то не будет вам никакой пользы от Христа» (Гал.5:2); однако в обрезании Тимофея он показал как бы вид иудейского предубеждения. И еще: где для подзаконных он был как подзаконный? Именно там, где Иаков и все пресвитеры церкви, опасаясь, чтобы не напала на него толпа верующих иудеев, даже иудействующих христиан, которые так приняли веру Христову, что еще держались законных обрядов, предложили ему такой совет, говоря: «видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они ревнители закона. А о тебе наслышались они, что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь

отступлению от Моисея, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих… Сделай же, что мы скажем тебе: есть у нас четыре человека, имеющие на себе обет. Взяв их, очистись с ними, и возьми на себя издержки на *жертву* за них, чтобы остригли себе голову, и узнают все, что слышанное ими о тебе несправедливо, но что и сам ты продолжаешь соблюдать закон» (Деян.21:20–24). И таким образом, для спасения подзаконных, несколько ослабляя строгость того мнения, по которому говорил: «законом я умер для закона, чтобы жить для Бога» (Гал.2:19), он вынужден остричь голову, очиститься по закону и в храме по обряду Моисееву принести жертву. Еще спросишь: где для спасения не знающих закона Господня он был чужд закона, как будто и сам он был без закона? В Афинах, где в силе было нечестие, смотри, как он начал свою проповедь. "Проходя, – говорит он, – и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: «неведомому Богу"" (Деян.17:23). И когда он стал говорить речь о их суеверии, так как будто и сам был чужд закона, то по поводу этой языческой надписи предложил им веру в Христа, говоря: Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам. И после, как будто он вовсе не знал закона Божия, захотел лучше привести стих языческого поэта, нежели изречение Моисея или Христа, говоря: «как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: «мы Его и род"" (Деян.17:28).

Итак, когда он стал убеждать их свидетельствами их же, которых они не могли отвергнуть, то подтверждая ложным истинное, прибавил: «итак мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого» (Там же,

(Деян.17:29). А немощным он был для немощных тогда, когда по снисхождению, а не по повелению, позволил вместе быть тем, которые не могли воздерживаться (1Кор.7:5–6); или когда, питая коринфян молоком, а не твердой пищею, по словам его, был он у них в немощи, и страхе, и трепете великом (1Кор.3:2). А всем был для всех, чтобы всех спасти, тогда, когда говорит: «кто ест, не уничижай того, кто не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест» (Рим.14:3); «выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше» (1Кор.7:38). И в другом месте говорит: «кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» (2Кор.11:29). И таким образом он исполнил то, что заповедовал коринфянам: «не подавайте соблазна ни иудеям, ни еллинам, ни церкви Божией, так как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но *пользы* многих, чтобы они спаслись» (1Кор.10:32–33). Без сомнения, бесполезно было обрезывать Тимофея, стричь голову, совершать иудейское очищение, ходить босиком, приносить законные жертвы, но он все это сделал, заботясь о спасении их; потому что он не искал своей пользы, но пользы многих, чтобы спаслись. Хотя это сделано для Бога, однако не чуждо притворства. Ибо кто законом Христовым умер для закона (Моисеева), чтобы жить для Бога (Гал.2:19); кто правду законную, в которой безупречно пребывал, почел тщетою, и все почитал за сор, чтобы приобрести Христа (Флп.3:7–8), тот не мог с искренним расположением сердца совершать дел закона (Моисеева); нельзя верить, чтобы тот, кто сказал: «если я снова созидаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником» (Гал.2:18), стал делать то, что сам осуждал. Притом не столько ценится само дело совершаемое, сколько расположение совершающего, так

что некоторые находили, что истина вредила, а ложь приносила пользу. Когда царь Саул спрашивал слуг о бегстве Давида и говорил: «неужели всем вам даст сын Иессея поля и виноградники и всех вас поставит тысяченачальниками и сотниками, что вы все сговорились против меня, и никто не открыл мне, когда сын мой вступил в дружбу с сыном Иессея»; то Доик Идумеянин не истину ли открыл, говоря: «я видел, как сын Иессея приходил в Номву к Ахимелеху,... и тот вопросил о нем Господа, и дал ему продовольствие, и меч Голиафа Филистимлянина отдал ему» (1Цар.22:7–10). За эту истину он заслужил истребление из земли живых, и о нем пророк говорит: «за то Бог сокрушит тебя вконец, изринет тебя и исторгнет тебя из жилища [твоего] и корень твой из земли живых» (Пс.51:7). Итак, за обнаружение истины он навсегда, исторгается из той земли, в которой блудница Раав со своим родством насаждается за ложь (Нав.2). Также и Самсона ложь сохраняла, а истина, безрассудно открытая нечестивой жене, погубила; потому что он не исполнил пророческое повеление: «от лежащей на лоне твоем стереги двери уст твоих» (Мих.7:5).

[41] Глава 21. Скрываемое воздержание надо ли без лжи открывать спрашивающим и нужно ли принимать то, от чего однажды отказались

[42] Представим также некоторые примеры из наших почти ежедневных приключений, коих при всей осмотрительности никогда не можем избежать так, чтобы не быть вынужденными волею или неволею допустить их.

Спрашиваю: что следует делать, когда пришедший брат полюбопытствует, будем ли мы обедать вечером, между тем как мы предположили отложить обед до завтра, нужно ли скрывать пост и утаивать добродетель воздержанности или объявлением истины обнаружить? Если скроем, чтобы исполнить заповедь Господню, которая повелевает явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне (Мф.6:18); еще: «пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Мф.6:3), то мы, конечно, солжем. Если же обнаружим добродетель воздержания, то справедливо поражает нас евангельское изречение: «истинно говорю вам, что они уже получают награду свою» (Мф.6:16). Если кто решительно отказывается принять поднесенный братом стакан, который тот, обрадовавшись приходу его, покорно просит принять, то брату, ставшему на колена и повергшемуся на землю, который думает, что только этим делом исполнит долг любви, – правильно ли будет даже с отягощением себя повиноваться или устоять в твердости своего слова и намерения?

[43] Глава 22. Возражение: воздержание должно быть скрыто, а того, что отвергнуто, нельзя принимать

[44] Герман. В первом примере, по нашему мнению, полезнее скрыть нашу воздержность, нежели обнаружить перед любопытствующими; по этой причине и мы признаем неизбежную ложь. А во втором нам нет никакой необходимости лгать: во-первых, потому, что доставляемое услугами братьев мы можем отвергнуть так, чтобы не связывать себя никакими узами решимости;

во-вторых, потому, что, однажды отвергнув, мы можем непоколебимо остаться при своем определении.

[45] Глава 23. Ответ: неразумно будет упрямство такого решения

[46] Иосиф. Такая решимость, без сомнения, бывает в тех монастырях, в которых, как говорите, положены начала вашего отречения от мира. Настоятели их обычно свою волю предпочитают угощению братьев и исполняют то, что однажды предприняли в уме. А наши старцы, о вере которых свидетельствуют знамения апостольских добродетелей и которые все делают больше по духовной рассудительности, нежели по суровому упрямству, думали, что снисходительные к немощам других, собирают гораздо больше плодов, нежели те, которые остаются в своей решимости; и полагали более высокой добродетелью – лучше скрывать свою воздержность необходимой и смиренной ложью, нежели обнаруживать ее гордым объявлением истины.

[47] Глава 24. Как авва Пиаммон предпочел скрывать свое воздержание

[48] Авва Пиаммон после двадцати пяти лет постничества, приняв без колебания принесенные ему одним братом ягоду и вино, лучше захотел тотчас вкусить принесенное, нежели обнаружить добродетель никому неизвестной воздержности. Если мы хотим рассмотреть также и то, что, не колеблясь, сделали наши старцы, которые удивительные свои добродетели или свои действия, которые необходимо бы в собеседовании обнаружить для

наставления младших, обычно прикрывали именем других лиц, то что другое можем в этом находить, как не явную ложь? Также, если бы и мы имели что-нибудь достойное предложить младшим для возбуждения веры, то, конечно, мы без опасений последовали бы такой прикровенности. Ибо правильнее будет под таким видом солгать, нежели для неразумного соблюдения истинности непристойным молчанием скрыть то, что могло бы послужить к назиданию слушающих, или высказать суетность вредного тщеславия, если станем говорить истину от своего лица. Этому научает нас и апостол, который величие своих откровений захотел изобразить от лица другого, говоря: «знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне тела ли – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке..., что он восхищен был в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2Кор.12:2–4).

[49] Глава 25. Свидетельства Священного Писания об изменении решения

[50] Нам невозможно коротко все рассмотреть. Ибо кто может перечислить почти всех патриархов и бесчисленных святых, из коих иные для сохранения жизни, другие по желанию благословения, иные для сокрытия какой-либо тайны, иные по ревности к Богу, другие для испытания истины прибегали, так сказать, под покровительство лжи? Хотя всего этого перечислить невозможно, но нельзя и оставлять всего этого без рассмотрения. Блаженного Иосифа благочестие побудило приписать братьям ложный порок: "вы, – говорит, – соглядатаи, вы пришли высмотреть наготу земли сей....

пошлите одного из вас, и пусть он приведет брата вашего, а вы будете задержаны; и откроется, правда ли у вас; и если нет, *то клянусь* жизнью фараона, что вы соглядатаи» (Быт.42:9–16). Если бы он не устрашил их этой милостивою ложью, то не мог бы ни увидеть отца и брата, ни спасти их в такой опасности от голода, ни очистить совесть братьев от вины продажи своей. Следовательно, это было делом не столько достойным порицания – ложью навести на братьев страх, сколько святым и похвальным – по случаю вымышленной опасности побудить врагов и предателей своих к спасительному покаянию. Когда угнетало их тяжелое обвинение, они сокрушались сознанием не того порока, который ложно выставлялся, но прежнего, говоря между собою: «точно мы наказываемся за грех против брата нашего; мы видели страдание души его, когда он умолял нас, но не послушали [его]; за то и постигло нас горе сие» (Быт.42:21). Думаем, что такое сознание не только перед братом, против которого согрешили злочестивой жестокостью, но и перед Богом спасительным смирением очистило такое злодеяние их. А что Соломон – не допущением ли лжи обнаружил полученный от Бога дар премудрости на первом суде своем? Ибо, чтобы открыть истину, скрытую ложью женщины, он и сам употребил весьма замысловато придуманную ложь, говоря: «подайте мне меч,… рассеките живое дитя надвое и отдайте половину одной и половину другой» (3Цар.3:24–25). Когда эта притворная жестокость взволновала всю внутренность истинной матери, а тою, которая не была матерью, была одобрена, тогда он, прозорливо уразумев истину, объявил такое определение, которое всякий считает внушенным от Бога: «отдайте этой живое дитя, и не умерщвляйте его: она – его мать» (3Цар.3:27). Что не должны и не можем

мы исполнять все, что определили в спокойном духе или с возмущением, этому пространнее учат также и другие свидетельства Св. Писания, из которых видно, что святые мужи, или ангелы, или Сам Всемогущий Бог часто меняли свои определения. Так, блаженный Давид с клятвою определил: «пусть то и то сделает Бог с врагами Давида, и еще больше сделает, если до рассвета утреннего из всего, что принадлежит Навалу, я оставлю мочащегося к стене» (1Цар.25:22). А между тем по ходатайству жены его Авигеи, ради покорной просьбы ее, он отменяет угрозы, смягчает определение, хочет лучше считаться нарушителем своего намерения, нежели соблюсти верность своей клятвы с совершением жестокости, говоря: «жив Господь, – если бы ты не поспешила и не пришла навстречу мне, то до рассвета утреннего я не оставил бы Навалу мочащегося к стене» (1Цар.25:34). Думаем, что как нельзя подражать поспешной клятве его, происходившей от гнева, возмущенного духа, так нужно следовать прощению и изменению решимости.
Избранный сосуд в послании к коринфянам с решительным определением обещает свое возвращение, говоря: «я приду к вам, когда пройду Македонию; ибо я иду через Македонию. У вас же, может быть, поживу и перезимую, чтобы вы меня проводили, куда пойду. Ибо я не хочу видеться с вами теперь мимоходом, а надеюсь пробыть у вас несколько времени» (1Кор.16:5–7). Об этом деле также и во втором послании так упоминает: «в этой уверенности я намеревался придти к вам ранее, чтобы вы вторично получили благодать, и через вас пройти в Македонию, из Македонии же опять придти к вам; а вы проводили бы мня в Иудею» (2Кор.1:15–16). Но когда встретилось более полезное дело, то он откровенно признается, что никак не мог исполнить обещание: «имея

такое намерение, легкомысленно ли я поступил? Или, что я предпринимаю, по плоти предпринимаю, так что у меня то «да, да», то «нет, нет»?» (Там же, (2Кор.1:17). Наконец, даже с клятвою объясняет, почему он лучше захотел нарушить данное свое слово, нежели своим приходом причинить братьям тягостную печаль: «Бога призываю во свидетеля на душу мою, что щадя вас, я доселе не приходил в Коринф. Итак я рассудил сам в себе не приходить к вам опять с огорчением» (2Кор.1:23, 2:1). Хотя ангелы отказывались войти в дом Лота в Содоме, говоря ему: мы не войдем, но пробудем на улице; но усиленной просьбою его вынуждаются переменить высказанную решимость, как говорит Св. Писание: Лот сильно упрашивал их, и они зашли к нему (Быт.19:3). Если они знали, что зайдут к нему, то просьбу приглашающего отвергли притворным извинением; если же истинно отказывались, то ясно показали, что они изменили свое определение. Думаем, что Св. Дух изложил это в священных книгах не по иной причине, как для того, чтобы мы этими примерами научались не оставаться упрямо в своих определениях, но подчинять их своей воле и решение свое сохранять свободным от всяких уз обязательства так, чтобы оно было готово последовать тому, чего бы ни потребовал здравый совет, не отлагало или не отказывалось без всякой медлительности переходить к тому, что здравая рассудительность найдет более полезным.

Перейдем еще к другим примерам. Пророк Исайя, приступив к царю Езекии, лежащему на одре и страдающему тяжкою болезнью, от лица Бога говорил: «так говорит Господь: сделай завещание для дома твоего, ибо ты умрешь, не выздоровеешь. Тогда Езекия

отворотился лицом к стене и молился Господу, говорил: о, Господи! вспомни, что я ходил пред лицом Твоим верно и с преданным *Тебе* сердцем, и делал приятное в очах Твоих. И заплакал сильно Езекия. И было слово Господне к Исайи, и сказано: пойди, скажи Езекии: так говорит Господь, Бог Давида, отца твоего: Я услышал молитву твою, увидел слезы твои, и вот Я прибавляю к дням твоим пятнадцать лет, и от руки царя Ассирийского спасу тебя и город сей и защищу город сей» (Ис.38:1–6; 4Цар.20:6). Что яснее этого свидетельства, по которому Господь ради милосердия и благочестия лучше захотел переменить Свое слово и к пределам назначенной смерти приложить пятнадцать лет жизни молящегося, нежели при неизменяемости Своего определения оказаться неумолимым? Подобно суд Божий изречен ниневитянам: «еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена» (Ион.3:4). Но скоро покаянием и постом их смягчается столь грозное и нечаянное определение, и Бог склоняется к милосердию. Если бы кто стал утверждать, что Бог, как наперед знавший обращение их, угрожал им разрушением города для того, чтобы побудить их к спасительному покаянию, то следует, что и настоятели братьев без упрека во лжи могут угрожать нуждающимся в исправлении чем-нибудь строже, нежели как намерены сделать, если это нужно будет. Если же кто скажет, что Бог то грозное определение Свое изменил ради их покаяния, согласно с тем, как говорит Он через пророка Иезекииля: «а когда скажу беззаконнику: ты смертью умрешь, и он обратится от грехов своих и будет творить суд и правду,... – то он будет жив, не умрет» (Иез.33:14–15), то из этих примеров видим, что мы не должны упрямо оставаться в своих определениях, но угрозу, высказанную по необходимости, смягчать

благосклонной милостью. А чтобы кто не подумал, будто Господь только одним ниневитянам это сказал, Он через пророка Иеремию свидетельствует, что и для всех сделает то же, и обещает, когда будет необходимо, немедленно изменить Свое определение, смотря по нашим заслугам: «иногда Я скажу о каком-либо народе и царстве, что искореню, сокрушу и погублю его; но если народ этот, на который Я это изрек, обратится от своих злых дел, Я отлагаю то зло, которое помыслил сделать ему. А иногда скажу о каком-либо народе и царстве, что устрою и утвержу его; но если он будет делать злое пред очами Моими и не слушаться гласа Моего, Я отменю то добро, которым хотел облагодетельствовать его» (Иер.18:7–10). И пророку Иезекиилю говорит: «скажи… не убавь ни слова. Может быть, они послушают и обратятся каждый от злого пути своего, и тогда Я отменю то бедствие, которое думаю сделать им за злые деяния их» (Иер.26:2–3). Из этих свидетельств видно, что нельзя нам упрямо оставаться в своих определениях, но располагать их по разуму и суждению, всегда следует избирать и предпочитать лучшее и без всякой медлительности решаться на то дело, какое будет признано более полезным.

[51] Глава 26. Бог награждает или наказывает каждого не по предвидению, а по настоящим действиям

[52] А сверх всего учит нас этому и та мысль, что хотя Богу известен конец каждого до рождения его, Он, однако, все располагает в таком порядке, на общем основании, как бы по человеческим расположениям, так что судит все не по

возможности, не по неизреченному предвидению, а по настоящим действиям людей: или отвергает каждого, или привлекает, или изливает ежедневно благодать Свою, или лишает. Это же показывает избрание Саула, бесчестный конец которого хотя Бог не мог не знать по предвидению, однако из стольких тысяч Израиля избрал, помазал его на царство, вознаграждая заслугу его настоящей жизни и не обращая внимания на грех будущего преступления, так что после того, как он сделался отверженным, Бог, как бы раскаиваясь в избрании его, жалуется на него, говоря: «жалею, что поставил Я Саула царем, ибо он отвратился от Меня и слова Моего не исполнил»; еще: «печалился Самуил о Сауле, потому что Господь раскаялся, что воцарил Саула над Израилем» (1Цар.15:11, 35). Это, исполнившееся на деле, после и через пророка Иезекииля Господь подтверждает: «когда Я скажу праведнику, что он будет жив, а он понадеется на свою праведность и сделает неправду, – то все праведные дела его не помянутся, и он умрет от неправды своей, какую сделал. А когда скажу беззаконнику: «ты смертью умрешь», и он обратится от грехов своих и будет творить суд и правду; *если*:сей беззаконник возвратит залог, за похищенное заплатит, будет ходить по законам жизни, не делая ничего худого, – то он будет жив, не умрет. Ни один из грехов его, какие он сделал, не помянется ему» (Иез.33:13–16). Когда Бог от того народа, который из всех народов усыновил, за внезапное преступление по отлитию тельца отвратил очи Своего милосердия, то Законодатель, ходатайствуя о нем, восклицает: «умоляю Тебя, Господи, согрешил народ сей, согрешил тяжко; они сделали себе золотого бога. Простишь им грех их? А если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал.» Господь отвечал Моисею: «того, кто согрешил предо

Мною, изглажу из книги Моей» (Исх.32:31–33). Также и Давид, в духе пророческом жалуясь на Иуду и гонителей Христа, говорит: да изгладятся они из книги живых. И как по виновности в таком преступлении они не заслуживали того, чтобы придти к спасительному покаянию, то он присоединяет: «с праведниками да не напишутся» (Пс.68:29). Наконец, на самом Иуде сила пророческого проклятия явно исполнилась Ибо после совершения предательства он повесился, чтобы не заслужил быть опять написанным с праведниками на небе, если бы после обратился вдруг к покаянию. Следовательно, нельзя сомневаться, что имя Иуды в то время, когда избранный Христом получил чин апостольства, было вписано в книге живых, и он вместе с прочими услышал: «не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк.10:20). Но поскольку он был растлен недугом сребролюбия, от написания на небе был извергнут на землю, то прилично о нем и подобных ему говорит пророк: Господи, все, оставляющие Тебя, посрамятся, отступающие от Тебя на персти земной будут написаны, потому что оставили источник воды живой – Господа (Иер.17:13). И в другом месте: «в совете народа Моего они не будут, и в список дома Израилева не впишутся, и в землю Израилеву не войдут» (Иез.13:9).

53 Глава 27. Святые мужи не могут быть упрямы и жестоки

54 Нельзя умолчать о пользе и того правила, что хотя по внушению какой-либо страсти мы и связали бы себя клятвою, чего никто из монахов не должен бы делать, – однако то и другое дело должно быть исследовано здравым суждением ума, и то дело, которое мы

постановили сделать, должно сравниваться с тем, к коему вынуждены перейти, и без промедления надо приступать к тому, которое по исследованию старцев будет признано лучшим. Ибо правильнее будет нам оставить данное нами слово (обещание), нежели потерпеть ущерб в деле более полезном и благочестивом. Помним, что разумные и опытные отцы никогда не были упорны и неизменны в таких определениях; но как воск от жара солнца, так они, разумом смягчаясь, по требованию здравого рассуждения без колебания переходили на лучшую сторону. А каких видели, что они упрямо оставались в своих определениях, тех мы всегда признавали неразумными, лишенными рассудительности.

[55] Глава 28. Вопрос: не противно ли вышесказанной мысли то, о чем говорит Псалмопевец?

[56] Герман. Что касается этого учения, которое ясно и обширно исследовано, то монаху не стоит ничего определять, чтобы не оказаться нарушителем или упорным. Но не будет ли это противоречить изречению Псалмопевца: я поклялся и постановил соблюдать суды правды Твоей? (Пс.118:106). Ибо что иное значит – клясться и постановить, как не соблюдать непоколебимо определения.

[57] Глава 29. Ответ: в чем определение следует непоколебимо соблюдать и в чем следует изменять его

[58] Иосиф. Мы это говорим не о главных заповедях, без которых не может состояться наше спасение, а о тех, которые без опасности для нашего состояния можем или оставить, или исполнить, например, касательно строгости поста, постоянного воздержания от вина или масла, безвыходного пребывания в келье, касательно непрестанного занятия чтением или размышлением; все это без ущерба для нашего звания и намерения можно соблюдать когда угодно, а можно без упрека и оставить, когда будет необходимо. Впрочем, касательно соблюдения главных заповедей надо твердо постановить – за них даже и смерти нельзя избегать, если это необходимо будет, для них нужно непоколебимо говорить: я поклялся и постановил. Это должно быть для соблюдения любви, для которой все нужно презирать, чтобы не нарушилось спокойствие и совершенство ее. Также необходимо каяться и для чистоты целомудрия, для веры, трезвости и правды; все это надо соблюдать с неизменным постоянством и отступать от них хоть немного было бы предосудительно. А о тех телесных упражнениях, о которых говорится, что они «мало полезны» (1Тим.4:8), нужно, как мы сказали, так постановлять, чтобы, если встретится более важный случай к благочестию, который бы требовал оставить их, мы не связывали себя никаким законом, но, оставив их, свободно приступали к более полезному. Ибо нет никакой опасности, если те телесные упражнения на время будут оставлены, а от этих (главных заповедей) и на короткое время уклоняться смертоносно бывает.

[59] Глава 30. Как надо доверять тайны другим

[60] С подобной осторожностью старайтесь и о том, чтобы никакие заповеди сокровенности не возбуждали слушающего, если слово, которое вы желали бы оставить сокровенным, выпадет из ваших уст; потому что оно лучше останется в сокровенности, если небрежно и просто пройдет (мимо ушей); ибо никто из братьев не подвергнется искушению обнаружить его, думая, что слова эти маловажные, при разговоре высказанные мимоходом и поэтому ничтожные, так как сообщены слушающему без предостерегающего обязательства молчать. А если ты верность этого свяжешь какой-либо клятвою, то, без сомнения, оно скорее будет обнаружено. Ибо с большей силою восстанет дьявольская борьба, чтобы обнаружить тайну и тебя опечалить, и его скорее сделать преступником своей клятвы.

[61] Глава 31. Ничего нельзя определять касательно того, что относится к делам внешней жизни

[62] Потому монах ничего не должен поспешно определять только касательно того, что относится к телесным упражнениям, чтобы, сильнее возбуждая врага на борьбу с тем, что он стережет как бы под наблюдением закона, не быть вынужденным скорее нарушить то. Всякий, состоящий под благодатью свободы, налагая на себя закон, связывает себя гибельным рабством, так что то, что мог бы предпринять безвинно, даже похвально, с благодарностью, по требованию необходимости он

вынужден бывает, как преступник, сделать с грехом вероломства. Ибо «где нет закона, нет и преступления» (Рим.4:15). Ободрившись этим наставлением и учением блаженного Иосифа как божественным откровением, мы предпочли остаться в Египте. Но потом, хотя и мало беспокоились мы о нашем обещании, однако по прошествии семи лет с радостью исполнили свое обещание. Ибо, придя в свою киновию уже в то время, когда имели надежду испросить позволение возвратиться в пустыню египетскую, сначала мы отдали должную честь нашим старцам; потом с теми, которые по горячей любви никак не довольствовались частыми нашими письмами, мы возобновили прежнюю любовь; наконец, после совершенного исполнения нашего обещания, нас проводили с радостью, и мы возвратились в единение скитской пустыни. Это знание и учение знаменитых отцов вам, святые братья (Гонорат и Евхерий), сколько могло, изъяснило наше невежество. Хотя необразованная речь скорее смешанно, нежели по порядку изложила это; но прошу, чтобы наша достойная порицания необразованность не упразднила похвалы знаменитых мужей. Нам перед лицом нашего Судии казалось безопаснее хоть необработанной речью передать это возвышенное учение, нежели умолчать; так как и успеху читателя, если он будет смотреть на возвышенность смысла, не может воспрепятствовать неискусность нашей речи, да и у нас была забота больше о пользе, нежели о похвале. Всех, до чьих рук дойдет это сочинение, и кому приятна жизнь и учение святых, прошу все то, что понравится в них, приписать отцам, а что не понравится, то – нам.

Предисловие к части 3

[1] При помощи благодати Христовой окончив десять собеседований отцов, которые изложены по требованию блаженнейших епископов Елладия и Леонтия, другие семь я посвятил блаженному епископу Гонорату и святому рабу Христову Евхерию; столько же теперь и вам, святые братья Иовиниан, Миневрий, Леонтий и Феодор (Это, вероятно, настоятели монастырей), я вздумал посвятить. Последний из вас в областях галльских со строгостью древних добродетелей основал святой и превосходный чин киновии, а прочие своими наставлениями возбудили монахов искренно расположиться не только к киновийской жизни, но и желать высоты отшельнической. Эти собеседования высоких отцов с такой рассудительностью составлены и во всем приноровлены, чтобы приличествовали тому и другому образу жизни, которой, по вашему старанию, процветают большие общества братьев не только в западных областях, но и на островах (Острова расположенные в 60 милях от Марселя, из которых три называются Стихадскими – Протен, Мессен и Гиполя, – а также Лерин и Леро), т. е. чтобы не только пребывающие в обществах в похвальном подчинении, но и те, которые, отшельничествуя недалеко от ваших киновий, желают следовать образу жизни анахоретов, полнее поучались в них по мере своего состояния. Ваш же предшествующий труд доставил им (сказанным монахам) особенно ту пользу, что они, уже будучи приготовлены и пребывая в тех же занятиях, легче усвоят заповеди и наставления старцев. Они, вместе со списками этих собеседований принимая в свои кельи самих авторов собеседований и как бы ежедневно беседуя с ними посредством вопросов и

ответов, уже не по своему измышлению изберут этот трудный и почти неизвестный в этой стране путь жизни, опасный даже и там (в Египте), где уже остались печальные следы и бесчисленные примеры предшественников, и отшельнический образ жизни устроят лучше по заповеди тех, которые научились всему из древнего предания и долговременного опыта.

Восемнадцатое собеседование аввы Пиаммона. О трех древних родах монахов

[1] Глава 1. Как мы, придя в Диолкос, были приняты аввою Пиаммоном

[2] После свидания и разговора с теми тремя старцами, т. е. Херемоном, Нестероем и Иосифом, чьи собеседования мы написали по просьбе святого брата Евхерия, пламенно желая посетить и места нижнего Египта, в которых жили совершеннейшие святые мужи, мы пришли в селение близ одного из семи устьев Нила, называемое Диолкос, и пришли не потому, что через него лежал наш путь, но чтобы удовлетворить желание видеть живших там святых. Ибо мы слышали, что древние отцы устроили там многие славнейшие общежития; поэтому, надеясь получить там большую пользу, мы, подобно купцам, направили туда путь свой. Ища здесь высоких образцов добродетели, первым мы увидели авву Пиаммона, старшего из всех здешних отшельников, потому что он, подобно городу, стоящему на вершине горы, первым представился нашим глазам. Добродетели его и дивные дела, которые благодать Божия совершила через него в свидетельствование его заслуг, мы не описываем, как не относящиеся к цели нашего писания. Ибо мы обещали писать не о дивных делах Божиих, а о постановлениях и ревности святых, чтобы читающим доставить необходимое наставление в совершенной жизни, а не бесполезное и суетное удивление. Итак, когда блаженный Пиаммон, приняв нас с отличной приветливостью, по

человеколюбию подкрепил нас пищею, то, видя, что мы не из этой страны, сперва полюбопытствовал, откуда мы, для чего пришли в Египет, и, узнав, что мы, желая совершенства, из сирийской киновии пришли сюда, начал речь следующую.

3 Глава 2. Как необученные монахи должны учиться на примере старших

4 Всякий человек, желающий приобрести искусство в какой-либо науке, если всего старания не приложит к занятию той наукой и если не исполнит правил и наставлений совершенных в этом искусстве или учителей науки, напрасно думает только суетными желаниями сравняться с теми, старанию и заботливости коих не хочет подражать. Ибо мы знаем, что некоторые из ваших стран приходили в эти места только для того, чтобы из любопытства обойти монастыри братьев, а не для того, чтобы усвоить себе те правила и постановления, для которых сюда должны бы приходить, и, отходя в кельи, постараться исполнить на деле то, что увидели или узнали из разговора. Они, удерживая свои нравы и занятия, в которых воспитаны, заставляют думать, что они переменили местожительство не для совершенствования себя, а для избежания бедности. Ибо они по упорству закоснелого сердца не только не могли ничему научиться, но и пожить в этой стране подольше. Ибо когда они не переменили ни обычая постов, ни порядка псалмов, ни образа одежды, то можно думать, что они ничего другого не искали в этой стране, кроме одной выгоды своего пропитания.

[5] Глава 3. Новоначальные не должны исследовать повелений старцев

[6] Итак, если вы, как верим, ради Бога пришли сюда для приобретения нашего знания, то, оставив все постановления, по которым вы там полагали свое начало (монашеской жизни), с совершенным смирением следуйте всему тому, что старцы ваши будут делать или учить. И вас не должно приводить в смущение или отвлекать от подражания даже и то, если для вас в настоящее время непонятны будут основание или причина какой-либо вещи или дела; потому что те, которые хорошо, простосердечно думают о всех и всему, что старцы преподают, больше стараются верно подражать, нежели исследовать; те посредством опытности в деле приобретут знание и всех вещей. Впрочем, никогда не придет к пониманию истины тот, кто начинает учиться с исследования; потому что враг, видя, что новоначальный больше полагается на суждение свое, нежели отцов, легко доводит его даже до того, что все полезное и спасительное будет казаться ему излишним и вредным. И хитрый враг так насмеется над его самонадеянностью, что, полагаясь на свое неразумное мнение, он будет почитать святым для себя только то, что по упорству своему ошибочно станет признавать правильным и праведным.

[7] Глава 4. О трех родах монахов в Египте

[8] Итак, сперва вы должны знать, как или откуда произошли чин и начало нашего звания монашеского. Ибо тогда всякий сможет достигнуть познания желаемого искусства и усерднее возбуждаться к упражнению в нем, когда узнает достоинство изобретателей и основателей

его. В Египте три рода монахов, из которых два отличные, а третий холодный, его всячески следует избегать. Первый род составляют киновитяне, которые, живя в обществе, управляются одним старцем; таких монахов величайшее число находится по всему Египту. Второй род – анахореты (отшельники), которые, будучи прежде наставлены в киновии и уже усовершенствовавшись в деятельной жизни, избрали уединенные места в пустыне. В таком роде жизни и мы желаем быть участниками. А третий, достойный порицания, род составляют сарабаиты. Каждый род по порядку полнее рассмотрим. Итак, вы сначала должны узнать основателей этих трех родов жизни. Ибо от этого может произойти отвращение к тому роду жизни, коего нужно избегать, и желание того, коему нужно следовать; потому что каждый из этих путей обязательно приводит своего последователя к той цели, какой достиг виновник и изобретатель его.

[9] Глава 5. Кто был учредителем рода жизни киновитян

[10] Итак, род жизни киновитян получил начало со времени апостольской проповеди. Ибо таким было все множество верующих в Иерусалиме, которое в Деяниях Апостольских описывается так: «у множества... уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее. Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавали их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду» (Деян.4:32, 34–35). Такова была тогда вся церковь, каких ныне с трудом, весьма мало можно найти в киновиях. Но когда после

смерти апостолов начало охладевать общество верующих, особенно те, которые из иноплеменников и разных народов присоединялись к вере Христовой, от коих апостолы, по их невежеству в вере и застарелым обычаям языческим, ничего больше не требовали, как только «воздерживаться от идоложертвенного и крови, блуда, удавленины» (Деян.15:29); и когда свобода, предоставленная язычникам по причине слабости их веры, начала мало-помалу ослаблять совершенство и церкви иерусалимской, и при ежедневном возрастании числа из туземцев и пришельцев горячность первой веры стала охладевать; то не только обращавшиеся к вере Христовой, но и предстоятели церкви уклонились от прежней строгости. Ибо некоторые, позволенное язычникам считая позволительным и для себя, думали, что они не потерпят никакого вреда, если при имуществе и богатстве своем будут содержать веру и исповедание Христа. А те, у которых еще была горячность апостольская, помня о прежнем совершенстве, удаляясь из своих городов и от общения с теми, которые считали позволительной для себя или для церкви Божией распущенную жизнь, стали пребывать в местах подгородных и уединенных, и что было установлено апостолами вообще для всей церкви, в том начали упражняться всякий сам по себе. Таким образом составился вышесказанный род жизни учеников, которые удалялись от общения с прочими. Они, мало-помалу с течением времени отделяясь от общества верующих, по той причине, что воздерживались от супружества и уклонялись от общения с родителями и с этим миром, по строгости одинокой и уединенной жизни назывались монахами (От μονάζω – уединяюсь, один живу), единожительствующими. Отсюда последовало, что по

совместному жительству они назывались киновитянами, а кельи и местожительство их – киновиями. Следовательно, этот только род монахов был самый древний, который не только по времени, но и по благодати есть первый, и который через многие годы один ненарушимо продолжался до времен аввы Павла (Фивейского) или Антония Великого [53]. Следы этого даже ныне мы видим в отдельных киновиях.

[11] Глава 6. О чине и начале анахоретов

[12] От этих совершенных, как бы от плодовитого корня, после произошли цветы и плоды святых анахоретов. Мы знаем, что первоначальниками такого рода жизни были вышеупомянутые святые Павел и Антоний. Они не как некоторые – по малодушию, не по нетерпеливости, а по желанию высшего совершенства, для божественного созерцания удалились в сокровенные места пустыни, хотя говорят, что первый из них ушел в пустыню по необходимости, избегая наветов своих родственников во время гонения. Таким образом, из сказанного рода жизни произошел другой род совершенства, последователи которого называются анахоретами, т. е. отшельниками, потому что, не довольствуясь той победою, какую одерживали над сокровенными кознями дьявола, желая вступить в открытую войну с демонами, не боялись проникать в отдаленные места обширной пустыни, именно в подражание Иоанну Крестителю, всю жизнь проводившему в пустыне, а также пророкам Илии, Елисею и тем, о коих апостол говорит: «скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям

земли» (Евр.11:37–38). И в псалмах образно говорится: «да скажут избавленные Господом, которых Он избавил от руки врага. Они блуждали в пустыне по безлюдному пути и не находили населенного города; терпели голод и жажду, душа их истаивала в них. Но воззвали к Господу в скорби своей, и Он избавил их от бедствий их» (Пс.106:2, 4–6). И пророк Иеремия так говорит о них: блажен, кто несет иго от юности своей, сядет уединенно и будет безмолвствовать, ибо он возвысится над собою (Плач 3:27–28). Они расположением и делом воспевают слова Псалмопевца: «я уподобился пеликану в пустыне; не сплю и сижу, как одинокая птица на кровле» (Пс.101:7–8).

[13] Глава 7. О начале и жизни сарабаитов

[14] Когда христианская церковь имела эти два рода монахов и когда это звание мало-помалу стало приходить в худшее состояние, возник тот самый худший и неверный род монахов, или скорее выросло то ожившее вредное насаждение, которое, в начале церкви происходя от Анании и Сапфиры, было посечено строгостью апостола Петра, и которое между монахами столь долго считалось гнусным и отвратительным, ни у кого не было в употреблении, пока продолжался запечатленный в памяти верных страх того строгого суда, по которому блаженный апостол указанных виновников нового злодеяния не стал исцелять покаянием и удовлетворением, но поразил гибельное произрастание скорой смертью. Но когда этот пример строгого наказания Анании и Сапфиры мало-помалу, по долгой беспечности и по древности времени, вышел у некоторых из мыслей, то появился этот род сарабаитов. Происходя из числа тех, которые желали лучше принять личину

евангельского совершенства, нежели истинно приобрести его, они отделялись от сожительства в киновиях и заботились всяк отдельно о своих нуждах, и потому на египетском языке названы сарабаитами [54]. Возбуждаемые соревнованием или похвалами тех, которые нестяжательность Христову предпочли всем богатствам мира, они, будучи вынуждены необходимостью вступить в это звание и думая считаться монахами только по имени, без всякого усердия к подвигам, никак не принимают благочиния киновийского, не подчиняются воле старцев, не принимают их наставлений, не учатся отсекать свою волю, от правильной учености не принимают никакого правила здравой рассудительности, но отвергая мир только напоказ, по человекоугодию, остаются в своих жилищах, связанные теми же занятиями, или, строя себе особые кельи и называя их монастырями, живут самочинно, по своей воле, никак не подчиняясь евангельским заповедям, чтобы не предаваться никаким заботам о ежедневном пропитании, никаким развлечениям домашними делами. Это исполняют только те, которые, отказавшись от всякого имущества мирского, так подчинились настоятелям, что не считают себя господами самим себе; а сарабаиты, которые, уклоняясь от строгости киновийской, живут по двое и по трое в кельях, не довольствуясь попечением аввы и не подчиняясь его власти, но заботясь особенно о том, чтобы, освободившись от ига подчиненности старцам, иметь вольность исполнять свою волю, выходить куда бы ни вздумалось и делать что угодно, – днем и ночью изнуряют себя поденными работами даже больше, нежели живущие в киновиях, но не с той верою и не с тем намерением. Ибо они это делают не для того, чтобы плод своего труда передать в распоряжение эконома, но чтобы

приобрести себе деньги, которые сберегают. Смотрите, какое различие между ними (т. е. киновитянами и сарабаитами). Те, нисколько не думая о завтрашнем, с благодарностью приносят Богу плоды своих трудов; а эти, не только на завтра, но и на многие годы вперед простирая заботы без веры, считают Бога лживым или неимущим, как будто Он обещанного ежедневного пропитания и одежды доставить им не может или не хочет. Те всячески стараются жить в несостоятельности и нищете, а эти – приобрести полное обилие всех благ. Те ревностно стараются в ежедневных работах сделать еще сверх назначенного урока, чтобы из того, что будет превышать потребность монастыря, по распоряжению аввы отдавать в темницы, или странноприимницы, или больницы, или нуждающимся; а эти стараются о том, чтобы то, что превышает ежедневное пропитание, употреблять на роскошные удовольствия или, по крайней мере, сберегать по сребролюбию. Наконец, если положим, что они собранное не с лучшим намерением могли бы употребить лучше, нежели как мы сказали, то и это не равнялось бы с заслугою добродетели и совершенством киновитян. Ибо последние, принося монастырю столько доходов и ежедневно отдавая их, живут в таком смирении и подчинении, что отказываются от власти распоряжаться как собою, так и приобретенным собственными трудами, постоянно возобновляя горячность первого самоотвержения, когда ежедневно лишают себя плодов своих трудов. А сарабаиты, превозносясь тем, что подают кое-что бедным, ежедневно стремятся к погибели. Тех терпение и строгость, по которой они так благочестиво пребывают в принятом однажды звании, что никогда не исполняют своей воли, – ежедневно делают распявшимися этому миру и живыми

мучениками; а этих холодность воли живыми низвергает в ад. Итак, эти два рода монахов в этой области соперничают между собою почти равной численностью. Впрочем, мы узнали, что и в других странах, в которых бывали по делу кафолической веры, есть достаточно и этого третьего рода – сарабаитов, и он почти один и есть. Во времена Лукия, бывшего епископом арианской ереси при императоре Валенте, когда мы относили милостыню нашим братьям, сосланным из Египта и Фиваиды за твердость православной веры на рудники в Понт и Армению, очень редко мы видели в некоторых городах заведения киновий, а об анахоретах у них и не слышно было [55].

[15] Глава 8. О четвертом роде монахов

[16] Есть, правда, и еще один, четвертый род [56] монахов, который, как видим, недавно произошел от тех, которые величаются званием и образом анахоретов, и которые вначале с некоторой горячностью на короткое время, по-видимому, искали совершенства киновийского, но, постепенно охладевая, пренебрегая отсечением прежних нравов и пороков, не хотят дольше сносить его смирения и терпения, отказываются подчиняться власти старцев, ищут отдельные кельи и желают сидеть уединенно, так чтобы никто не оскорблял их, и люди могли бы почитать их терпеливыми, кроткими и смиренными. Такое установление, такая холодность никогда не позволит им придти к совершенству. Ибо таким способом пороки их не только не будут пресечены, но еще больше усилятся, когда некому будет обнаруживать их подобно тому, как какая-нибудь смертоносная внутренняя зараза чем больше будет скрываема, тем глубже проникнет и

произведет в больном неизлечимую болезнь. Ибо по причине отдельности кельи никто уже не посмеет обличать пороки уединенного, которые предпочел утаивать, нежели излечивать. А добродетели порождаются не укрыванием пороков, а отсечением их.

[17] Глава 9. Вопрос какое различие между киновией и монастырем?

[18] Герман**. Есть ли какое различие между киновией и монастырем, или тем и другим именем означается один предмет?**

[19] Глава 10. Ответ на предложенный вопрос

[20] Пиаммон**. Хотя некоторые безразлично называют монастыри киновиями, однако между ними есть разность: монастырь есть имя квартиры, означает не более, чем место, т. е. жилище монахов; а киновия означает также качество и благочиние этого рода жизни. Монастырем может называться жилище даже одного монаха; а киновией не может называться; так называется только соединенное общество многих обитателей [57]. Называются также монастырями и места, в которых живут сарабаиты.**

[21] Глава 11. Об истинном смирении, и как авва Серапион обличил ложное смирение одного странника

[22] Я вижу, что вы от лучшего рода монахов приняли начало этого звания, т. е. от похвального подвижничества

киновитян стремитесь к высоте благочиния анахоретов, с истинным расположением сердца следуете добродетели смирения и терпения, которой, без сомнения, научились там, не подделываясь под нее, как некоторые, ложным смирением слов и притворным, излишним поклонением тела при некоторых должностях. Такое притворное смирение авва Серапион в одно время хорошо обличил. Однажды пришел к нему человек, который видом и словами показывал большое самоуничижение; старец по обычаю пригласил его совершить с ним молитву; тот, никак не соглашаясь на его просьбу, кланяясь, уверял, что он подвержен стольким грехам, что недостоин даже дышать этим общим воздухом, и не садился на рогожу, но только на землю, а тем более не согласился на омовение ног. По окончании обеда, когда обычай призывал к собеседованию, авва Серапион начал кротко, благосклонно увещевать его, чтобы он праздным бродягою, особенно когда он так молод и здоров, по легкомысленному непостоянству не расхаживал повсюду, но, сидя в келье, по правилам старцев содержался лучше своим трудом, нежели на чужой счет. Этого не допускал и апостол Павел, и хотя за труд проповеди Евангелия он имел право на пропитание от других, однако лучше хотел день и ночь работать, чтобы своими руками приготовлять ежедневное пропитание себе и тем, которые служили ему, а работать не могли. На это он так оскорбился и опечалился, что не мог скрыть досаду в сердце, не обнаружить в лице. Старец сказал ему: сын мой! ты приписывал себе все тяжкие преступления, не боясь бесславия столь грубых пороков, навлекал на себя худое мнение; почему же теперь на наше простое увещевание, которое не только не содержит в себе никакого поношения, но и выказывает желание назидания и любви,

ты, как вижу, возмутился таким негодованием, что не мог не обнаружить его и на лице, не мог даже притворно показывать вид спокойный? Или, может быть, когда ты уничижал себя, не ожидал ли, что я выскажу изречение: «первый в тяжбе своей прав» (Притч.18:17)? Потому надо стяжать истинное смирение сердца, которое состоит не в притворстве наружном и на словах, а в искреннем уничижении духа. Оно проявится в ясных признаках терпения не тогда, когда кто-либо сам будет тщеславиться своими пороками, невероятными для других, но когда не оскорбится, если припишут ему другие, и с кротостью сердца, благодушием перенесет обиды, причиненные другими.

[23] Глава 12. Вопрос: как может быть приобретено истинное терпение?

[24] Герман**. Мы желаем знать, как можно приобрести и сохранить благодушие. Если мы наложим на уста молчание, как нам сказано, вольность слов ограничим, то таким образом смогли бы сохранить спокойствие сердца; однако и при обуздании языка иногда не сохраняется внутреннее тихое состояние. И потому думаем, что не иначе можно сохранить кротость, как удалением в келью и пребыванием в уединении.**

[25] Глава 13. Ответ

[26] Пиаммон**. Истинного терпения и благодушия ни приобрести, ни сохранить нельзя без сердечного смирения. Если оно будет происходить из этого**

источника, то не будет нуждаться ни в пособии кельи, ни в удалении в пустыню. Ибо оно не нуждается во внешних подобиях, когда внутри основывается на добродетели смирения, т. е. родительницы и охранительницы его. Если же мы возмущаемся от оскорблений других, то в нас нет основания смирения, прочно утвержденного; поэтому здание наше может разрушиться и от малой бури. Ибо не то терпение бывает похвально и удивительно, если не уязвляемое никакими стрелами врагов будет сохранять спокойствие; но то будет славно, которое при нападении на него бури искушений останется непоколебимым. Ибо чем больше кто удручается и сокрушается несчастьями, тем лучше он укрепляется, и тем больше изощряется, чем больше ударов получает. Ибо всякий знает, что терпение состоит в перенесении страданий [58], и терпеливым должен называться только тот, кто без ропота переносит все наносимые ему оскорбления. Поэтому справедливо Соломон говорит: «долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собой *лучше* завоевателя города» (Притч.16:32). Еще: «у терпеливого… много разума, а раздражительный выказывает глупость» (Притч.14:29). Итак, если кто, будучи обижен, воспламеняется гневом, то горечь нанесенного оскорбления надо считать не причиною греха, а обнаружением сокровенной немощи. Об этом Спаситель говорит в притче о двух домах (Мф.7), один из которых построен на камне, а другой на песке, и на которые одинаково напали буря, дождь и наводнение; но основанный на твердом камне не потерпел никакого вреда от сильного напора, а построенный на рассыпчатом песке тотчас разрушился. Очевидно, что он разрушился

не от дождя или потока, а потому, что неразумно был построен на песке; ибо от этой же бури не падает дом, основанный на камне. И святой человек искушается подобно грешнику, но они друг от друга отличаются тем, что первого не побеждают и сильные искушения, а последний падает и от малого. И праведника нельзя было бы похвалить за мужество, если бы он побеждал без искушения, так как победа не может иметь места без борьбы с противником. «Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его, говорит апостол Иаков» (Иак.1:12). И по апостолу Павлу добродетель усовершенствуется не в праздности и удовольствиях, а в немощи (2Кор.12:9). «И вот, Я поставил тебя ныне укрепленным городом и железным столбом, и медною стеною на всей этой земле, против царей Иуды, против князей его, против священников его и против народа земли сей. Они будут ратовать против тебя, но не превозмогут тебя; ибо Я с тобою, говорит Господь (пророку Иеремии), чтобы избавлять тебя» (Иер.1:18–19).

27 Глава 14. Пример терпения одной благочестивой женщины

28 Такого терпения я хочу представить вам, по крайней мере, два примера, один из них показала одна благочестивая женщина, которая, желая усовершенствоваться в добродетели терпения, не только не избегала искушений, но еще искала, чтобы огорчили ее, и сколь ни часто была оскорбляема, не падала от искушений. Женщина эта жила в Александрии, происходила от знатного рода и в доме, оставленном ей родителями, благочестиво служила Богу 59. Однажды,

придя к блаженной памяти архиепископу Афанасию, просила дать ей для пропитания какую-нибудь вдову из призреваемых на церковном иждивении. Дай мне, говорила она, одну из сестер, которую бы я успокоила. Первосвятитель, похвалив предложение женщины, готовность ее к делу милосердия, приказал из всех выбрать такую вдовицу, которая бы превосходила всех честностью нравов, степенностью и образованием, чтобы желание щедрости не было побеждено пороком принимающей, и чтобы искавшая в бедной награды, оскорбившись злым нравом ее, не потерпела бы вреда в вере. Когда она, приведя вдову в дом, стала услуживать ей во всем, то испытывая добродетель ее скромности и тихости и видя, что та ежеминутно воздает ей честь благодарностью за услуги человеколюбия, через несколько дней опять придя к первосвятителю, говорила: я просила, чтобы ты приказал дать мне такую, которой бы я послужила и успокоила. Он, не понимая предложения и желания этой женщины, думал, что просьба ее по нерадивости надзирателя не была исполнена, и не без душевного смущения расследуя причины медленности его, тотчас узнал, что дана ей вдовица честнейшая из всех. Тогда тихонько приказал дать ей злейшую, т. е. которая гневливостью, сварливостью, жестокостью, говорливостью превосходила всех, подверженных этим порокам. Когда нашли и дали ей такую, то она с таким усердием и этой, как и первой вдове, даже еще усерднее стала услуживать, а в благодарность за такие услуги она получала от нее только то, что вдовица постоянно оскорбляла ее недостойной бранью, злословием, поношением, укоряла ее, с язвительным ругательством выговаривала ей за то, что она выпросила ее к себе у архиепископа не на успокоение, а на мучение и

поношение, и что та привела ее больше от покоя к труду, нежели от труда к покою. Эти непрестанные оскорбления иногда простирались до того, что эта дерзкая женщина не удерживала рук и от побоев; а хозяйка удваивала свои смиренные услуги, училась побеждать разъярившуюся не сопротивлением, а смиренным подчинением себя ей, так что, обижаемая всяким бесчестьем, безрассудство ругательницы усмиряла кротостью, человеколюбием. Укрепившись вполне таким упражнением и приобретя совершенную добродетель желаемого терпения, она пришла к первосвятителю благодарить как за выбор его, так и за благодеяние приучения ее: за то, что он, по ее желанию, назначил ей самую лучшую учительницу терпения, постоянными оскорблениями которой, как каким-нибудь маслом подвижников, ежедневно укрепляясь, она достигла высшего терпения душевного. Наконец ты дал мне, говорила она, такую, которую я должна была успокаивать; а та первая своими услугами больше почитала и успокаивала меня. Этого достаточно сказать о женском поле, чтобы воспоминанием об этом мы не только поучались, но и стыдились: ибо мы, если не заберемся, подобно зверям, в норы келий, не можем сохранять терпения.

[29] Глава 15. Пример терпения аввы Пафнутия

[30] Теперь представим другой пример терпения – аввы Пафнутия, пресвитера, который в славной и везде прославляемой скитской пустыне всегда жил столь уединенно, что прочие отшельники прозвали его буйволом, потому что он как бы по врожденной наклонности любил жить всегда в уединении. Он еще в

отрочестве показал в себе такую благодать и добродетель, что даже высокие и знаменитые мужи того времени дивились его степенности и непоколебимому постоянству. Когда они, из уважения к его добродетели, несмотря на молодость, сравняли его со старцами и решили присоединить к своему чину, то зависть, возмутившая души братьев патриарха Иосифа, воспламенила огнем едкой ревности одного из братьев. Желая обезобразить красоту его каким-нибудь пятном бесславия, он придумывает такое зло: улучив удобное время, когда Пафнутий из кельи пойдет в церковь в воскресный день, вошел воровски в его келью и спрятал свою книгу в его вязанье, которое авва обычно делал из пальмовых прутьев. Довольный сделанной проделкою, завистник и сам пришел в церковь, как человек с чистой, искренней совестью. После окончания обычной службы он перед всеми братьями принес св. Исидору, бывшему прежде Пафнутия пресвитером в той же пустыне, жалобу на то, что у него из кельи украдена книга. Когда эта жалоба так смутила души всех, особенно пресвитера, что не знали, что придумать или предпринять, будучи поражены крайним удивлением от такого не слыханного там преступления, то донесший об этом обвинитель потребовал, чтобы, после удержания всех в церкви, посланы были избранные обыскать кельи всех братьев. Три старца, по назначению пресвитера, обошли кельи всех и наконец нашли спрятанную книгу в келье Пафнутия между пальмовыми плетенками, где спрятал клеветник. Нашедшие книгу тотчас принесли ее в церковь и положили перед всеми. Пафнутий по чистоте совести хотя был спокоен, впрочем, как бы признавая себя виновным в воровстве, в наказание за это просил назначить ему род покаяния, по стыдливости и

скромности остерегаясь, чтобы, если на словах будет пытаться снять с себя обвинение в воровстве, снова не обличили его еще во лжи, когда никто не подозревал ничего другого, кроме того, что открылось. Когда он ушел из церкви, не падая духом, но полагаясь на суд Божий, то стал постоянно молиться со слезами, утроил пост и с крайним смирением духа повергался перед людьми. Но когда он почти две недели подвергал себя такому сокрушению плоти и духа, в день субботний или воскресный поутру пришел в церковь не для принятия святого причастия, а, повергшись у порога, просить прощения, то знающий все сокровенное и свидетель его (Бог) не допустил, чтобы долее сокрушал себя или другие бесчестили его. Ибо что сделал без свидетелей из людей тот изобретатель беззакония, бесчестный вор своей вещи, хитрый поругатель чужой чести, то (Бог) открыл через дьявола, который был подстрекателем к этому преступлению. Ибо объятый злейшим демоном, он обнаружил все козни тайной проделки, и тот же сделался разглашателем преступлений и обмана, кто был изобретателем. Этот нечистый дух так сильно и долго мучил его, что не могли освободить от него не только молитвы живших там святых, которые имели Божественный дар повелевать бесами, но и особенная благодать самого пресвитера Исидора не выгнала из него жестокого мучителя, хотя по милости Господней дана была Исидору такая сила, что иной бесноватый, даже и порога его еще не преступив, получал исцеление. Христос эту честь предоставил молодому Пафнутию, чтобы (бесноватый) исцелился молитвами того, кого оклеветал, и славу которого завистливый враг думал уменьшить; провозглашая его имя, он получил прощение в своем прегрешении и конец настоящего мучительства. Так-то

еще в молодости Пафнутия было предзнаменовано то совершенство, которое он усугубил в зрелые годы. Итак, если хотим достигнуть верха его добродетелей, то начнем с того же, с чего и он начал.

[31] Глава 16. О совершенстве терпения

[32] Двоякая причина побудила меня к этому рассказу; во-первых, чтобы мы, рассматривая такую непоколебимость и постоянство мужа, тем больше имели расположения к спокойствию и терпению, чем меньшим подвергаемся наветам врага, нежели сколько он желает; во-вторых, чтобы мы твердо были убеждены в том, что не можем защититься от бурь искушений и от нападений дьявола, если всякую подмогу нашему терпению и всю надежду будем видеть не в силах внутреннего нашего человека, а в затворе кельи, или в удалении в пустыню, или в обществе святых, или в помощи какой-нибудь вещи, находящейся вне нас. Ибо если Господь, сказавший в Евангелии: «Царствие Божие внутри вас есть» (Лк.17:21), не укрепит нашего духа силою Своего покровительства, то напрасно думаем, что сможем победить козни врага при помощи живущих с нами людей, или уклониться пространством места, или укрыться под защитою кровли. Ибо хотя все это было у св. Пафнутия, однако искуситель смог найти доступ к нему для искушения, и этого злейшего духа не отогнали оплот стен, уединение пустыни или заслуги святых в том собрании. Но поскольку святой раб Божий не на это внешнее, а на самого Судию всего сокровенного возлагал надежду своего сердца, то никак не мог поколебаться от злых ухищрений. И напротив, тот, кого зависть подстрекнула к такому злодеянию, не пользовался ли выгодою уединения,

отдаленного жилища и обществом блаженного аввы Исидора и других святых? Однако когда дьявольский вихрь подхватил его на песке, то не только покривил, но и разрушил его жилище. Следовательно, мы должны искать покоя нашего не во внешнем и не должны думать, что чужое терпение поможет нашей нетерпеливости. Ибо как Царствие Божие внутри нас есть, так «враги человеку – домашние его» (Мф.10:36). Никто не враждебен мне больше, чем мое чувство, которое мне – самый близкий домашний. И потому если бы мы были заботливы, то не могли бы потерпеть вред от внутренних врагов. Ибо когда не враждуют против нас наши домашние, тогда и Царствие Божие приобретается спокойствием духа. Если тщательно исследуешь причину этого, то узнаешь, что мне не может причинить вреда даже злобный человек, если я сам против себя не буду воевать не мирным сердцем. Если же я получу вред, то это не от чужого нападения, а от моего нетерпения. Ибо как тяжелая, твердая пища полезна здоровому, так она гибельна больному. Но она сама по себе не может повредить принимающему, если немощь принимающего не придаст ей силу повредить. Итак, если бы когда-нибудь произошло между братьями подобное искушение, то, не нарушая спокойствия, не допустим злословных поношений мирских. Не должны мы удивляться и тому, что среди святых мужей есть всякие развращенные, негодные, потому что пока нас, как пшеницу, топчут и растирают на гумне этого века, то среди отличной пшеницы обязательно попадаются и плевелы, которые навсегда будут преданы огню. Наконец, если сатана между ангелами, Иуда между апостолами, Николай, изобретатель развратной ереси, между избранными диаконами упоминаются, то нет ничего удивительного,

что и между святыми ныне находятся негодные люди. Хотя некоторые утверждают, что этот Николай – не тот, кого апостолы избрали для дела служения; однако не могут отвергать того, что он был из числа учеников, которые все в то время были такими совершенными, каких ныне очень мало находим и в киновиях. Итак, мы должны предлагать себе (для подражания) не падение вышеупомянутого брата, который в той пустыне пал таким плачевным образом, и не тот страшный порок, который, впрочем, после он омыл необыкновенными слезами покаяния, а лучше пример блаженного Пафнутия, чтобы нам не расстроиться от падения того, чья притворная набожность еще больше усилила застарелый порок зависти, но чтобы всей силою последовать смирению Пафнутия, которое породил не покой пустыни, но приобретенное между людьми уединенная пустыня образовала и усовершенствовала.

[33] Глава 17. О зловредности зависти

[34] Следует знать, что зависть труднее вылечить, нежели другие страсти. Ибо кого она однажды поразила своим ядом, для того, можно сказать, почти нет лекарства. Ибо она есть такая зараза, о которой образно говорится через пророка: «вот, Я пошлю на вас змеев, василисков, против которых нет заговариванья, и они будут уязвлять вас» (Иер.8:17). Итак, правильно сравнивается у пророка с ядом смертоносного василиска укус зависти, ею первый заразился и погиб виновник и начальник всех вдов. Ибо сперва он сам себя погубил, прежде чем излил смертоносный яд на человека, которому позавидовал. Ибо завистью диавола смерть вошла в мир, подражают же ему соучастники его (Прем.2:24). Как тот, который первый

растлился заразою этого зла, не принял ни лекарства покаяния и никакого средства к исцелению, так и те, которые попустили уязвлять себя тем же угрызением, отвергают всякую помощь святого заклинания (Пс.57:5–6); потому что они не по какой-нибудь вине других, а от счастья их мучатся, стыдятся обнаружить саму истину, а какие-нибудь посторонние, пустые и нелепые причины оскорбления приискивают. Так как эти причины ложны, то одно есть для них лекарство – извержение того смертоносного яда, который они не хотят обнаружить, скрывают в своем сердце. Об этом Премудрый хорошо сказал: «если змей ужалит без заговаривания, то не лучше его и злоязычный» (Еккл.10:11). Это – тайные угрызения, которым не помогает врачевание мудрых. И до того неисцелима эта погибель (т. е. зависть), что от ласки ожесточается, от услуг раздувается, подарками раздражается; потому что, как говорит тот же Соломон: ревность ничего не терпит (Притч.6:34). Ибо чем более иной будет преуспевать покорностью смирения, или добродетелью терпения, или славою щедрости, тем большей завистью подстрекается завистливый, который желает падения или смерти тому, кому завидует. Например, зависть одиннадцати патриархов никакой покорностью невинного брата не могла смягчиться, как говорит об этом Св. Писание (Быт.37). А завидовали ему братья его за то, что любил его отец их, и не могли говорить с ним мирно, пока зависть их, не терпевшая никакой ласки услужливого и покорного брата, желавшая его смерти, едва могла удовольствоваться продажей брата.

Итак, ясно, что гибельнее всех пороков и труднее к излечению – зависть, которая даже лекарствами, от

которых прочие страсти прекращаются, еще воспламеняется. Например, кто скорбит о причиненном ему вреде, тот исцеляется щедрым вознаграждением; кто негодует за нанесенную обиду, тот умиротворяется извинением. А что сделаешь тому, кто еще больше оскорбляется тем, что видит тебя более смиренным и более приветливым, в ком воспламеняет гнев не корыстолюбие, которое удовлетворяется наградою, не обида или желание мщения, которое побеждается ласкою, услугами, но раздражает его только успех чужого счастья? Кто же, для удовлетворения завистливому, захочет лишиться благ, потерять счастье, подвергнуться какому-нибудь бедствию? Итак, чтобы василиск (дьявол) одним уязвлением только этого зла (зависти) не истребил всего того, что в нас есть живого, что как бы воодушевляется жизненным действием Св. Духа, постоянно будем испрашивать помощи Божией, для которой нет ничего невозможного. Прочие яды змей, т. е. плотские грехи, или пороки, которым как скоро подвергается, так легко и очищается человеческая немощь, имеют некоторые следы своих ран на плоти. Хотя от них земное тело и страдает весьма жестоко, однако если какой-нибудь искусный заговорщик божественных стихов приложит противоядие или лекарство спасительных слов, то гнойная рана не доведет до вечной смерти души. А зависть, как яд, излитый василиском, убивает жизнь религии и веры, прежде чем почувствуется рана в теле. Ибо не против человека, а явно против Бога возносится хулитель, который, ничего другого в брате не похищая, кроме доброй заслуги, порицает не вину человека, а только суды Божии. Итак, зависть есть тот «корень горести» (Евр.12:15), который, поднимаясь в высоту, устремляется к поношению самого Бога, Который

сообщает человеку блага. Никого не должно приводить в смущение то, что Бог грозит послать василисков, которые бы жалили тех, чьи пороки оскорбляют Его (Иер.8:17). Хотя верно то, что Бог не может быть виновником зависти, однако справедливо и достойно божественного суда, чтобы блага сообщались смиренным, а гордым и недобрым отказывалось в них, как бы от самого Бога посланная зависть поражала и съедала тех. которые, по апостолу, заслужили быть преданными в превратный смысл, как говорится и во Второзаконии: «они раздражили меня не Богом,... и Я раздражу их не народом» (Втор.32:21). Пиаммон этим рассуждением сильно воспламенил наше желание, по которому мы от первых правил общежития начали стремиться ко второй ступени отшельничества. Ибо сперва от него мы получили начальные понятия об уединенном жительстве, знание которого после в ските мы приобрели полнее.

Девятнадцатое собеседование аввы Иоанна (Диолкосского). О цели киновии и пустынножительства

[1] Глава 1. О киновии аввы Павла и о терпении одного брата

[2] Спустя немного дней, увлекаясь желанием большего научения, с полным усердием мы опять пришли в киновию аввы Павла (Ливийского), где пребывало более двухсот братьев, а в честь торжества, которое в то время совершалось, собралось бесчисленное множество монахов из других киновии. Ибо торжественно совершались годовые поминки по смерти прежнего аввы, управлявшего этой киновией. Мы для того упоминаем об этом собрании, чтобы кратко рассказать о терпении одного брата, которое в присутствии всего этого собрания проявилось с непоколебимой кротостью его. Хотя цель этого писания другая, – изложить беседу аввы Иоанна, который, оставив пустыню, с крайним смирением подчинился в той киновии, впрочем, считаем не лишним, без всякой околичности, всем ревностным предоставить большее назидание в добродетелях. Итак, когда на большом дворе под открытым небом множество монахов сидело отдельными рядами и один брат довольно медленно нес блюдо с кушаньем, то по поводу этой медленности вышеупомянутый авва Павел, заботливо ходивший между толпою прислуживающих (во время обеда) братьев, замахнувшись рукою, на виду у всех

ударил его ладонью, так что удар слышен был сидящим напротив и даже дальним. А это он сделал для того, чтобы всем пришедшим показать терпение юноши, и все присутствовавшие при этом зрелище из примера сего научились кротости. А как рассудительно старец сделал это – показало само дело. Ибо достопамятный по терпению юноша с такой кротостью духа принял это, что не только никакого слова не вылетело из его уст, и ни малейшего ропота, который бы обозначился молчаливым движением губ, но даже сама скромность, спокойствие уст или цвет лица нисколько не изменились. Этот поступок не только для нас, которые, недавно придя из монастыря Сирийского (То есть из Палестины, которая во времена Кассиана была причислена к Сирии: потому и монастырь Вифлеемский, в котором жил Кассиан, назывался Сирийским), не видали столь очевидных примеров добродетели терпения, но и для всех, которые не были чужды таких упражнений, был так удивителен, что и старшим мужам этим поступком было преподано особенное наставление, именно, что отеческое наказание не поколебало его терпения и множество свидетелей не покрыло лица его краскою стыда.

[3] Глава 2. О смирении аввы Иоанна

[4] Итак, в этой киновии мы нашли весьма древнего старца по имени Иоанн. Его слова и смирение, коим он превосходил всех святых, думаем, никак нельзя обходить молчанием, зная, что он процветал таким особенным совершенством, которое хотя и есть матерь всех добродетелей и твердое основание всего духовного здания, однако совсем изгнано из наших постановлений. Оттого неудивительно, что мы не можем восходить на

высоту их, мы, которые не то что до старости не можем прожить под правилами киновии, но, всего два года пронеся иго подчиненности [60], тотчас идем странствовать для подстерегания вредной свободы. Да и в то короткое время не по правилам строгости, а по своему произволу подчинялись власти старца, так что казалось, что мы не учились науке терпении, а ожидали время, чтобы улучить вольность. Итак, когда мы увидели этого старца в киновии аввы Павла, то, удивляясь его старости и благодати, которой он был одарен, поклонившись лицом до земли, мы начали просить, чтобы он благоволил открыть нам, по какой причине, оставив приволье пустыни и то высокое звание (т. е. отшельничество), коим он славился больше прочих мужей одинаковой с ним жизни, захотел подчиниться игу киновии. Он говорил, что не приготовлен к отшельнической жизни, недостоин высоты такого совершенства, и потому возвратился в училище новоначальных, если только по требованию звания сможет исполнять постановления и этих. Когда настойчивость нашей просьбы исключала смирение такого ответа (То есть мы говорили, что он отвечает так только по смирению, и настойчиво просили сказать истинную причину), то наконец он начал речь так:

[5] Глава 3. Ответ аввы Иоанна, почему он оставил пустыню

[6] Вы удивляетесь, что я оставил отшельническую жизнь. Но я не только не унижаю и не отвергаю ее, напротив, со всем уважением принимаю и люблю. Тридцать лет проведя в киновии, другие двадцать лет я с удовольствием прожил в пустыне, так что и любившие ее посредственно не обвиняли меня в нерадении. Но поскольку

приобретаемая в ней чистота духа иногда нарушается заботою о плотских вещах, то казалось более удобным возвратиться в киновию, чтобы скорее достигнуть совершенства в предпринятом намерении и чтобы меньше было опасности от трудной, высшей жизни отшельнической. Ибо лучше быть набожным в низшем, нежели не богобоязненным в высшем звании жизни [61]. И потому, если я выскажу что-нибудь высоко и свободно, прошу приписать это не тщеславию, а усердию к вашему назиданию, потому что, думаю, не следует скрывать истину от вас, так усердно ищущих ее. Ибо если я, несколько отложив смирение, просто открою вам всю истину моего намерения, это может доставить вам какое-нибудь наставление. Надеюсь, что и вы за свободу слов не упрекнете меня в тщеславии, и совесть моя не будет обличать меня во лжи за утайку истины.

[7] Глава 4. О добродетели аввы Иоанна, в которой он упражнялся, будучи отшельником

[8] Итак, если кто, услаждаясь уединением пустыни, мог забыть человеческое общество и с пророком Иеремией говорит: "и я не желал бедственного дня, Ты это знаешь» (Иер.17:16), то, признаюсь, и я по данной мне от Господа благодати достиг или, по крайней мере, старался достичь того же. Итак, помню, что по благому дару нашего Господа я часто приходил в такое восхищение, что забывал о тяжести бренного тела, и дух мой вдруг так отрешался от всех внешних чувств и до того возвышался над всеми вещественными предметами, что глаза и уши мои прекращали свои действия, и так наполнялся

божественным размышлением и духовным созерцанием, что часто не знал, принимал ли я пищу вечером, и на следующий день сомневался касательно вчерашнего окончания поста. По этой причине семидневная пища, т. е. семь ровных хлебцев, в субботу отдельно каждому кладутся в ручную корзинку, так что пропуск обеда не укроется. Этим обычаем предотвращается и погрешность от забвения, так что окончившееся число хлебов показывало исполнившееся течение недели и порядок самого дня в неделе [62]. И пустынник не мог не знать, когда будет воскресенье и торжественное собрание братьев. А хотя бы восхищение духа, о коем мы сказали, и нарушило этот порядок, однако способ ежедневного дела, показывая число дней [63], предотвратит ошибку. Умалчивая о прочих добродетелях, приобретаемых в пустыне (потому что мы предположили рассуждать не о множестве добродетелей, а о цели пустынножительства и общежития), кратко изъясню причины, по которым я захотел оставить ее и которые вы пожелали узнать, и в краткой речи раскрою все упомянутые плоды пустынножительства, коим надо предпочитать некоторые высшие добродетели.

[9] Глава 5. О выгодах пустынножительства

[10] Итак, пока редкость обитавших в то время в пустыне, доставляя нам свободу, благоприятствовала нам, пока в большем уединении мы часто восхищались до небесных восторгов и такое множество посещающих братьев не отягощало наши чувства развлечениями чрезмерных забот по требованию гостеприимства, то я с ненасытным желанием и со всем жаром сердечным держался спокойного уединения пустыни и жизни там, подобной

ангельскому блаженству. Но когда, как я сказал, большое число братьев стало поселяться в той пустыне, и уменьшение приволья не только стало охлаждать ревность к божественному созерцанию, но и связывать дух многоразличными узами плотских вещей, то почел за лучшее исполнять правила общежития, нежели в столь высоком звании (отшельничестве) быть нерадивым по причине заботы о плотских потребностях. Хотя у меня теперь нет той свободы и духовных восторгов, но после совершенного оставления забот о завтрашнем дне меня утешает исполнение евангельской заповеди; и чего недостает мне для возвышенного созерцания, то вознаграждается покорностью послушания. Ибо достойно сожаления, когда кто-либо занимается изучением какого-нибудь искусства, а совершенства его вовсе не достигает.

[11] Глава 6. О пользе общежития

[12] Итак, коротко изъясню, какими выгодами теперь я пользуюсь в этой жизни (в киновии); а вы, выслушав рассказ, рассудите: могут ли те выгоды пустыни сравняться с этими благодеяниями; из этого (рассказа) также можно увидеть, от скуки ли пустынной или от желания чистоты захотел я вступить в тесные обстоятельства киновии. Итак, в этой жизни нет никакой заботы о дневной работе, никакого развлечения от продажи или покупки, ни неизбежного попечения о годовом запасе хлеба, ни беспокойства о телесных вещах, когда приготовляется необходимое не только для собственного употребления, но и для многих приходящих. Наконец, нет никакого самовозношения от похвалы человеческой, которое в очах Божиих хуже всего этого (т.

е. забот о телесном), даже великие труды пустынные часто губит. Но, не упоминая об опасностях духовной гордости и гибельного тщеславия в отшельнической жизни, возвратимся к той общей для всех тяжести, т. е. общей заботе о приготовлении пищи, которая (забота) превышает меру, не говорю, той древней строгости, вовсе не знавшей употребления масла, но уже недовольна и этим послаблением нашего времени, когда одного секстария [64] масла и одного модия [65] чечевицы достаточно было для исполнения обязанности угощения в течение целого года, а теперь удвоенной и утроенной мерою едва можно удовлетворять жизненную потребность. У некоторых это вредное послабление настолько возросло, что к смеси уксуса и рассола прибавляли не одну каплю масла, которую наши предки, исполнявшие пустынные постановления с большей строгостью воздержания, обычно подливали только для изгнания тщеславия, но, раздробляя египетский сыр для лакомства, поливают маслом больше, чем нужно; и таким образом два рода пищи, которые различаются своей приятностью и с большим удовольствием порознь и в разное время могли бы питать монахов, они принимают, услаждаясь одним запахом. Стяжание материальных вещей также усилилось настолько, что отшельники под предлогом приличия и гостеприимства начали иметь в своих кельях сагу [66], которую без стыда я не могу и носить. Нечего и говорить о том, чем смущаемая душа, всегда углубляющаяся в духовное созерцание, особенно отягощается, каковы: стечение братьев, обязанности принятия и провожания их, взаимные посещения, непрерывное беспокойство от раз-личных разговоров и занятий, даже само ожидание их развлекает душу, расстроенную всегдашним, обычным беспокойством.

Оттого-то и бывает, что пустынники на свободе отшельничества, при таких препятствиях и затруднениях; не достигает неизреченной восторженности сердца и лишается плода пустынного жительства. Если бы у меня, находящегося теперь в обществе и на молве, и не было того плода, то, по крайней мере, спокойная душа, умиротворенное сердце будет свободно от всяких забот. Если и у пребывающих в уединении не будет покоя, то хотя понесут труды отшельничества, но не получат от него плода, который приобретается только непоколебимым спокойствием духа.

Наконец, если бы мне, находящемуся в киновии, и недоставало чего-нибудь для чистоты сердца, то я буду доволен и выполнением одной евангельской заповеди (которая, как известно всем, не может быть поставлена ниже плодов пустыни), именно, чтобы не заботиться о завтрашнем дне, в подчинении до конца авве мне можно было хоть несколько подражать Тому, о Ком говорится: «смирил себя, быв послушным даже до смерти» (Флп.2:8), и чтобы мне удостоиться смиренно говорить слово Его: «Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца» (Ин.6:38) (Авва Иоанн выставляет выгоды общежития следующие: 1) свобода от заботы о приобретении пищи, питья, одежды и других необходимых вещей, о которых в киновии заботятся настоятель и эконом; а пустынники сами должны о всем заботиться. 2) Большая безопасность от тщеславия, а в уединенном пустынножительстве удобнее подкрадывается гордость; иной хоть и не много постится, но, не вида другого, более строгого постника, начинает думать о себе высоко Третья польза общежития – подчинение, умерщвление своей воли. Св. Василий

Великий в 7 главе «Пространных правил» хорошо говорит о выгодах общежития. Первая выгода та, что никто из нас сам, без помощи других, не может приготовить себе необходимое для жизни; это в киновии удобнее достигается, нежели в одиноком пустынножительстве. 2) В одиночестве еще и то неудобство, что пустыннику нелегко узнать, что он грешит в чем-нибудь, когда некому это заметить, благосклонно вразумить, наставить. Поэтому Премудрый говорит: «горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его» (Еккл.4:10). 3) В киновии больше удобств и случаев исполнять разные заповеди, нежели в одиночестве. Одинокий, делая одно дело, не может исполнять другого: посещая больного, например, не может исполнять обязанности гостеприимства; да и вообще в исполнении всякого дела не может иметь столько усердия и постоянства, как в общежитии при соревновании с другим. 4) Если мы все между собою члены одного тела – церкви, глава которой Христос, то в совокупном, согласном действии всех членов лучше выполняются все обязанности; если радуется один член, то и другие радуются вместе с ним; если страдает один член, то сострадают ему и другие члены, а в одиночестве никто не знает состояния других. 5) В церкви сообщаются многим разные дарования Св. Духа для общей пользы (1Кор.12), а в одиночестве никто не может иметь все дарования, нужные для духовной жизни, некому послужить ими, и дар остается бесполезным. 6) Одинокому угрожает опасность от гордости, – добродетели свои высоко ценит, недостатков своих не видит, и если некому указать ему их, то будет считать себя совершенным; да и не перед кем выказывать свои добродетели – сострадательность, кротость, терпение, смирение и т. п.).

[13] Глава 7. Вопрос о плодах общежития и пустынножительства

[14] Герман**. Поскольку ты, в отличие от многих, коснулся не только начала того и другого жительства, но взошел на самый верх, то мы желаем знать, какая цель должна быть у киновитянина и какая у пустынника. Нет сомнения, что никто вернее и полнее не может рассуждать об этом, кроме того, кто долгим трудом и опытом достигнул совершенства того и другого.**

[15] Глава 8. Ответ Иоанна

[16] Я мог бы сказать, что одному и тому же человеку невозможно быть совершенным в том и другом жительстве, если бы не удерживал меня пример очень немногих. Трудно найти кого-либо совершенным в общежитии и уединенном пустынножительстве, а тем более трудно – почти, можно сказать, невозможно – быть вполне совершенным в том и другом. Впрочем, если это когда и случалось, то нельзя относить это к общему правилу. Ибо не от меньшей части, т. е. от рассмотрения немногих, но от того, что по силам многим, даже всем, должно устанавливаться всеобщее правило. Если же что очень редко и очень немногими приобретается и превышает возможность общей добродетели, то это, как превышающее состояние слабой человеческой природы, нужно отличать от общих заповедей, и следует считать не столько примером (для подражания), сколько делом удивительным. Итак, то, что вы спрашиваете, по посредственности моего толка я кратко объясню. Цель общежития [67] состоит в том, чтобы умертвить и распять

свою волю и, по спасительной заповеди о евангельском совершенстве, не иметь никакой заботы о завтрашнем дне (Мф.6:34). Достоверно, что этого совершенства никто не может достичь, кроме киновитянина. Такого человека пророк Исайя, описывая, так ублажает и восхваляет: «если ты удержишь ногу твою ради субботы от исполнения прихотей твоих во святой день Мой,… и почтишь ее тем, что не будешь заниматься обычными твоими делами, угождать своей прихоти и пустословить, – то будешь иметь радость в Господе, и Я возведу тебя на высоты земли и дам вкусить тебе наследие Иакова, отца твоего: уста Господни изрекли это» (Ис.58:13–14). А совершенство пустынножителя состоит в том, чтобы иметь дух свободный от всего земного и соединять его со Христом, насколько позволяет человеческая слабость. Пророк Иеремия, описывая такого мужа, говорит: блажен человек, который взял иго в юности своей, сядет одинок и будет безмолвствовать, ибо он возвысился над собою. Сядет одинок – с Богом, не вмешиваясь в дела и желания житейские, и будет безмолвствовать, удаляться от всякого шума мирского; возвысится над собою, презирая земное и стремясь к небесному; ибо мы добрым желанием возвышаемся к Богу. Итак, здесь предлагаются монаху три предмета: покой духа и тела, который означается сидением в уединении; молчание уст, когда говорится: будет безмолвствовать; и усердие к созерцанию, которым возвышается над собою (Плч.3:27–28). И Псалмопевец говорит: «я уподобился пеликану в пустыне;… не сплю и сижу, как одинокая птица на кровле» (Пс.101:7–8). Итак, если кто не стремится к этой цели общежития и отшельничества, то напрасно вступает в киновию или в отшельничество; потому что ни тот, ни другой не исполнит добродетели своего звания.

[17] Глава 9. О полном и истинном совершенстве

[18] Но это не есть целое и во всем полное совершенство, а только часть совершенства. Совершенство редко и очень немногим достается по дару Божию. Ибо тот истинно и не отчасти совершенен, кто и в пустыне нечистоту [68] уединения и в киновии слабости братьев сносит с равным великодушием. И потому трудно найти в том и другом жительстве совершенного во всем; потому что ни отшельник не может вполне достигнуть нестяжательности, презрения и лишения материальных вещей, ни киновитянин – чистоты созерцания; хотя я знаю, что того и другого совершенно достигли авва Моисей, Пафнутий и два Макария. Они так были совершенны в том и другом жительстве, что когда, удалившись дальше всех обитателей пустыни, ненасытно наслаждались уединением, насколько было возможно для них, никак не искали общества человеческого; однако так сносили посещение и слабости приходивших к ним, что, когда стекалось к ним бесчисленное множество братьев для свидания и наставления, с непоколебимым терпением снося почти постоянное беспокойство принятия, они, казалось, во все время своей жизни ничему другому не учились, как только услуживать общим обязанностям приходящих, так что все недоумевали, в каком преимущественно жительстве у них было больше тщания, т. е. в пустынной ли чистоте или в жизни киновийской удивительнее проявлялось великодушие их.

[19] Глава 10. О тех, которые, будучи несовершенными, удаляются в пустыню

[20] А некоторые так превозносятся продолжительным безмолвием в пустыне, что вовсе боятся сообщения с людьми, и когда хоть немного уклонятся от своего пустынного уединения по случаю посещения братьев, то возмущаются значительным беспокойством духа и явно малодушествуют Это обыкновенно случается с теми, которые, несовершенно обучившись в киновии, не очистившись от прежних пороков, с незрелым расположением переходят на жительство в пустыню Они, всегда несовершенные и слабые в том и другом жительстве, колеблются, куда бы ни наклонял их ветер смущения. Ибо как сообществом или беспокойством братьев возмущаются по нетерпеливости, так, и пребывая в пустыне, не переносят скуки того безмолвия, которого искали, потому что они не знают даже самой причины, для которой нужно желать или искать пустынножительства, но сущность добродетели и этого пустынножительства видят в том, чтобы, уклонившись от общения с братьями, только избегать и укрываться от взоров человеческих.

[21] Глава 11. Вопрос о средстве вразумить тех, которые скоро удаляются из киновии

[22] Герман**. Каким же средством можно бы помочь нам и прочим одинаковой с нами слабости и меры, которые, мало научившись правилам общежития, прежде подавления всех пороков начали домогаться жительства в пустыне, или каким образом мы могли бы приобрести постоянство невозмутимого**

духа и непоколебимую твердость терпения, – мы, которые, неблаговременно прекратив жительство в киновии, оставили как бы школу и поприще для упражнений, на котором начатки свои вполне должны бы изучить и усовершенствоваться? А ныне, пребывая в пустыне, как достигнем совершенства великодушия и терпения? Как испытательница внутренних движений – совесть узнает, есть ли в нас эти добродетели или нет, чтобы нам, когда в удалении от людей не подвергаемся никаким раздражениям от них, обольстившись ложным мнением, как бы не подумать, что мы имеем непоколебимое спокойствие духа?

23 Глава 12. Ответ: как пустынник может узнать свои пороки

24 Иоанн. **Для искренно ищущих врачевания не может быть недостатка в средствах к исцелению у истинного врача душ, особенно для тех, которые по отчаянию или беспечности не пренебрегают своими недугами, не скрывают опасности своих ран или по строптивости духа не отвергают лекарства покаяния, но со смиренным и благоговейным духом прибегают к небесному Врачу для исцеления болезней, приключившихся по ошибке ли от незнания или по нужде. И потому мы должны знать, что если удаляемся в пустыню или отдаленные места, еще не исцелившись от пороков, то прекращается только действие их, а страсть не подавляется. Ибо внутри нас скрывается, даже распространяется корень всех грехов, который не**

был исторгнут. А что он живет в нас, это узнаем из следующих признаков: например, когда, находясь в пустыне, приход братьев или краткое промедление их принимаем с каким-то неудовольствием смущенного духа, то узнаем, что в нас еще есть живая страсть нетерпеливости. А когда ожидаем прихода какого-либо брата, и если он по какой-нибудь необходимости замедлит, а мы в крайнем негодовании обвиняем его медленность, и чрезмерная забота ожидания возмущает наш дух, то испытание совести ясно покажет, что в нас есть пороки гнева и печали. Если брат попросит книгу для чтения или другую какую-нибудь вещь для употребления, и опечалит нас его просьба, или наш отказ оттолкнет его, то нет сомнения, что мы еще связаны узами скупости или сребролюбия. Если внезапный помысел или порядок священного чтения приведет нам на память женщину, и при этом мы почувствуем какое-то возбудившееся щекотание, то должны знать, что в наших членах еще не погасла блудная страсть. Если же от сравнения нашей строгости с послаблением других хоть самое тонкое возношение будет искушать нашу душу, то верно мы растлены злой заразою гордости. Итак, когда заметим эти признаки пороков в нашем сердце, то должны знать, что у нас нет только действия греха, а не самой страсти. Если мы вступим в сообщение с людьми, то эти страсти, тотчас выходя из пещеры наших чувств, показывают, что они рождаются не тогда, как обнаруживаются, а в действительности долго скрывались, не обнаруживаясь. Таким образом и пустынник, который старается чистоту свою

показывать не людям, но представлять неосквернённой перед взором Божиим, узнает из верных признаков, что в нем есть укрепившиеся корни всякого порока.

25 Глава 13. Вопрос о том, как может исцелиться тот, кто, не очистившись от пороков, удалился в пустыню?

26 Герман**. Мы довольно ясно поняли признаки немощей и способ различать болезни, т. е. каким образом скрывающиеся в нас пороки могут быть узнаны. Мы все видим из ежедневного опыта и долговременных движений наших помыслов, как сказано. Нужно еще, чтобы как ясной речью раскрыты нам признаки и причины болезней, так и средство к врачеванию было показано. Нет сомнения, что тот правильно может рассуждать о средствах исцеления недугов, кто познал причины и происхождение их из свидетельства совести больных. Итак, хотя учение твоего блаженства обнажило сокровенные наши раны, мы осмеливаемся ожидать и учения о врачевстве, потому что ясное раскрытие болезни подает надежду на исцеление; однако поскольку первое начало спасения, как ты говоришь, приобретается в киновии, и быть здоровыми в пустыне могут только те, кто сперва в киновии исцелились, то мы от гибельного отчаяния падаем духом, чтобы нам, оставившим киновию несовершенными, вовсе не лишиться возможности быть совершенными в пустыне.**

[27] Глава 14. Ответ о врачевании несовершенных пустынников

[28] Иоанн. **Заботящимся об исцелении своих болезней не может быть недостатка в спасительном средстве; и потому как узнаются признаки каждого порока, таким же образом нужно искать и средства против них. Ибо как у пустынников, как мы сказали, бывают пороки, свойственные жительству среди людей, так не отвергаем, что и упражнения в добродетелях, и средства к исцелению могут быть у всех, удаленных от обращения с людьми. Итак, когда кто-либо узнает из вышесказанных признаков, что он подвергается смущению от гнева или нетерпения, то пусть упражняет себя в противных делах и, представив себе многие обиды и потери, как бы причиненные ему другим, пусть приучает свой дух с совершенным смирением переносить все, что злость может нанести ему; также, часто представляя себе все скорбное, нестерпимое, пусть всегда размышляет со всяким сокрушением сердца, с какою кротостью он должен встречать это. И таким образом взирая на страдания всех святых и самого Господа, все виды не только оскорблений, но и казней считая меньше своих заслуг, приготовит себя к перенесению всяких оскорблений [69]. А если кто по какой-нибудь надобности будет позван в собрание братьев, что нередко может случаться даже и с самыми строгими обитателями пустыни, если из свидетельства совести узнает, что дух его возмутился даже из-за маловажных предметов, то, как самый строгий судья сокровенных движений,**

тотчас пусть представит себе самые жестокие обиды, коими он при ежедневном размышлении упражнял себя для совершенного терпения; и таким образом, укоряя и порицая себя, пусть приговаривает: ты ли это тот добрый муж, который, когда упражнял себя на поприще пустыни, предполагал, что непоколебимо перенесешь все несчастья, который давно, представляя себе не только высшие обиды от оскорблений, но и несносные наказания, считал себя довольно сильным и непоколебимым во всех бурях? Как это твое непобедимое терпение поколебалось от произнесения легкого слова? Как дом твой, такой громадный, построенный, как казалось тебе, на самом твердом камне, поколебал легкий ветер? Где то, что ты в суетной надежде, желая войны во время мира, провозглашал: я приготовился и не смутился (Пс.118:60)? И с пророком ты часто говорил: «искуси меня, Господи, и испытай меня; расплавь внутренности мои и сердце мое» (Пс.25:2); «испытай меня, Боже, и узнай сердце мое; испытай меня и узнай помышления мои; и зри, не на опасном ли я пути» (Пс.138:23–24). Как великое приготовление к борьбе расстроила малая тень врага? Таким выговором с сердечным сокрушением пустынник, укоряя себя, не оставляет без наказания и малого возмущения своей души, но еще с большей строгостью наказывая свою плоть постом и бдением, и, за вину своего смущения подвергая себя постоянному наказанию воздержанием, живущий в пустыне этим огнем упражнения потребляет то, что вполне должен был очистить во время жительства в киновии.

Да, для приобретения постоянного и твердого терпения следует постоянно и непоколебимо держаться той мысли, что нам, которым законом Божиим запрещается не только мщение за обиды, но и злопамятность, нельзя возмущаться гневом под предлогом вреда или оскорбления. Ибо какая потеря может приключиться душе важнее, как, лишившись истинного и вечного света через внезапное ослепление от возмущения, быть удаленным от созерцания Того, Кто кроток и смирен сердцем? Что, спрашиваю, гибельней, или что безобразней, как лишиться суждения, правила честности, правой рассудительности и в здравом смысле и трезвому делать то, чего без вины не допустил бы даже пьяный и лишившийся разума? Итак, кто взвесит этот и другой, подобный ему, вред от гнева, тот не только все виды ущербов, но и обиды и наказания, какие могут быть нанесены жестокими людьми, терпеливо перенесет, рассуждая, что нет ничего вреднее гнева, драгоценнее спокойствия души и всегдашней чистоты сердца, для которой необходимо пренебрегать выгодами не только плотских вещей, но и тех, которые кажутся духовными, если могут быть приобретены или совершены не иначе, как с нарушением этого спокойствия.

[29] Глава 15. Вопрос о том, должно ли быть целомудрие также испытываемо, как и прочие страсти?

[30] Герман**. Как указано лекарство для гнева, печали или нетерпеливости, так желаем узнать, какой род лекарства нужно нам употребить еще против духа**

блуда, т. е. может ли быть огонь похоти погашен насильно – производимым раздражением, как там (в гневе), потому что мы считаем противным чистоте, если не только усиливается в нас раздражение похоти, но если даже от беглого взгляда ума слегка затрагивается.

[31] Глава 16. Ответ: по каким признакам можно узнать чистоту

[32] Иоанн**. Ваш смышленый вопрос предварил тот вопрос, который и при вашем молчании последовал бы за моей беседою; и я не сомневаюсь, что он деятельно усвоен вами, потому что ваше остроумие предшествовало нашему наставлению. Темнота всякого вопроса разъясняется без труда, когда разрешению его предшествует предварительное исследование, куда его надо повести. Итак, общение с людьми не только не препятствует средствам против вышесказанных пороков, но еще много пользы доставляет. Для этого, даже находясь в пустыне, где хотя бы от людей не могло быть причины и повода к раздражительности, однако мы должны нарочно представлять поводы к ней, чтобы постоянной борьбою помыслов нам, подвизающимся против нее, скорее было доставлено лекарство. А против духа блуда бывают раз-личные способы борьбы, различны и причины ее. Как от тела должны быть совсем удалены употребление похоти и близость (чужой) плоти, так и от духа – память о ней. Ибо опасно еще слабым и больным сердцам допускать даже малое воспоминание об этой страсти, потому что иногда у**

них возбуждается вредное щекотание даже от воспоминания святых жен или от чтения священной истории. Поэтому наши старцы в присутствии молодых весьма рассудительно имеют обычай опускать такие чтения. Точно, и у всех строгих подвижников, в высшей степени усовершенствовавшихся в расположении к целомудрию, не может не быть искушений, которыми бы они могли испытать себя и которыми, по суду непорочной совести, доказывается совершенная чистота сердца.

Итак, у совершеннейшего мужа будет испытание себя даже и в этой страсти: чтобы узнать, совершенно ли он истребил корни этого недуга, для испытания целомудрия иногда может, если хочет, допустить какой-либо испытательный для него образ. Впрочем, нетвердым, несовершенным не следует употреблять такое испытание себя, т. е. в душе представлять совокупление с женщиною и какие-нибудь нежные, страстные ласки; это будет более вредно, нежели полезно им. Ибо что может доставить людям такой опыт, когда и в опыте представляется то самое, чего нужно избегать, и в самом испытании есть опасность. Итак, если кто-либо, совершенно утвердившись в добродетели, узнает, что у него нет никакого согласия ума на обольстительные помыслы и не возбуждается никакого волнения в плоти, то может считать это верным доказательством своей чистоты, так что, упражняя себя для утверждения этой чистоты, не только в душе обрел сокровище целомудрия и непорочности, но если бы по какой-нибудь необходимости допустил телесное прикосновение к женщине, то вовсе не почувствует страсти. Когда авва Иоанн узнал, что уже

настал девятый (третий) час – время обеда, то прекратил собеседование.

Двадцатое собеседование аввы Пинуфия. О времени прекращения покаяния и об удовлетворении за грехи

[1] Глава 1. О смирении аввы Пинуфия и старании укрываться

[2] Намереваясь говорить о наставлении славного и единственного мужа аввы Пинуфия о времени прекращения покаяния, я допустил бы большой пробел в этом предмете, если бы умолчал здесь о похвальном его смирении, о чем коротко упомянул в четвертой книге постановлений монашеских (гл. 30), особенно когда многие, не зная того сочинения, станут читать эту беседу и у них поколеблется всякое доверие к ней, если не сказать о заслугах говорящего. Когда он, как авва и пресвитер, управлял большой киновией недалеко от Египетского города Панефиса, как там сказано, и слава его добродетелей и чудес превознесла его во всей той области, так что ему казалось, будто от похвалы человеческой он уже получил награду за свои труды; то, боясь, чтобы ненавистная для него суетная людская похвала не упразднила плода вечной награды, тайно убежав из своего монастыря, удалился в сокровенные места тавеннских монахов, где избрал не уединение пустынное, не беспечную одинокую жизнь, которую избирают все несовершенные, иногда из-за гордости не переносящие трудов послушания в общежитии, но в подчинении остался в знаменитой киновии. А чтобы не

узнали его, он, одевшись в одежду мирскую, по тамошнему обычаю много дней со слезами провел у ворот, кланяясь всем до земли. После продолжительных неприятностей от тех, которые для испытания его желания говорили, что он, в преклонном возрасте побуждаемый недостатком пропитания, а не по искреннему желанию святости ищет здесь места, наконец был принят и определен в помощники одному молодому брату, коему поручено ухаживать за садом. Здесь не только все, что приказывал настоятель или чего требовала порученная работа, он исполнил с удивительным смирением, но еще и некоторые нужные работы, которых другие чуждались из-за их отвратительности, исполнялись им ночью, тайком, так что все братья, удивляясь, недоумевали, кто это производит такие полезные работы. Когда таким образом он провел там почти три года, с радостью упражняясь в вожделенных трудах уничижительной подчиненности, случилось, что один знакомый ему брат, прибывший сюда из той же области Египта, по худой одежде и низкой должности долго колебался касательно признания его и после точного дознания, упав к нему в ноги, сначала изумил всех братьев, потом, открыв его имя, которое также и у них славилось из-за особенной его святости, возбудил даже чувство сокрушения о том, что они такого заслуженного мужа и священника приставили к таким низким работам. После этого, много плакав и главную вину своего обнаружения приписывая зависти дьявола, с почетным сопровождением он опять был отведен в свой монастырь. Пробыв здесь немного времени, он опять оскорбился оказываемыми ему почестями и первенством и, тайком сев на корабль, отправился в Палестину; здесь, будучи принят как новичок в монастырь, в котором мы

жили, получил от аввы дозволение поселиться в нашей келье. Но и здесь не могли долго укрываться заслуги добродетели его. Узнав его снова, отвели в прежний монастырь с большой почестью и славою и принудили быть тем, чем был прежде.

[3] Глава 2. О приходе нашем к авве Пинуфию

[4] Итак, когда, желая получить святое назидание, мы также пришли в Египет и с большим расположением и желанием нашли авву Пинуфия, то он принял нас с таким радушием и благосклонностью, что поместил, как прежних сожителей, в своей келье, построенной в конце сада. Здесь, в присутствии всех, он преподал правила одному брату, вступавшему в его монастырь (о чем коротко я сказал в четвертой книге постановлений). Эти правила показались нам столь высокими, удивительными, верхом истинного самоотвержения, что нам казалось, будто их никак нельзя исполнить; отчего мы так отчаялись, что, когда пришли к старцу со смущенным духом, не могли скрыть на лицах печали своей. На вопрос старца о причине печали нашей авва Герман, тяжело вздохнув, так говорил.

[5] Глава 3. Вопрос о времени прекращения покаяния и о знаке удовлетворения за грехи

[6] Чем более мы размышляем о высоком твоем учении касательно отречения, тем больше скорбь тяготит нас; ибо, рассуждая о продолжении отречения и вместе с тем понимая слабость нашу, мы ясно видим, что нет у нас сил достигнуть назначенной тобою высоты, а потому, подобно

обременяемым чрезмерною тяжестью, которые, стараясь исправиться, только ниже падают, думаем, что не можем сохранить и тех добродетелей, которые, по-видимому, имеем. Ты исцелишь нашу скорбь сердечную, если научишь нас, когда оканчивать покаяние, и из чего можно уразуметь, что уже удовлетворено за грехи; ибо, уверившись в том, что прежние грехи отпущены нам, мы можем с большей ревностью восходить на высоту показанного тобою совершенства.

[7] Глава 4. Ответ аввы Пинуфия

[8] На эти слова Пинуфий ответил так: для меня весьма приятно ваше смирение, которое я видел и тогда, когда жил с вами; потому что вы самим делом усердно исполняете те правила, о коих прочим христианам мы, может быть, только говорим, и, несмотря на труды свои, скрываете добродетель, как будто еще ни в какой добродетели не преуспели. Но поскольку такое самоуничижение заслуживает величайшей похвалы, то я постараюсь вкратце ответить вам на ваш вопрос. Уже многие не только говорили, но и писали о необходимости покаяния, пользе и силе его, которая обнаруживается в том, что удерживает разгневанного нашими грехами Бога от праведного воздаяния за них. И я уверен, что все это уже известно вам как из непрерывного занятия Св. Писанием, так и по отличному вашему разуму. Поскольку же вы спрашиваете не о качестве покаяния, но о том, когда оканчивать его и чем доказать, что удовлетворено за грехи, о чем прочие еще не говорили, то я кратко удовлетворю ваше желание.

[9] Глава 5. Об образе покаяния и доказательстве удовлетворения за грехи

[10] Совершенное покаяние состоит в том, чтобы больше не делать тех грехов, в которых мы признаемся, или в которых обличает нас совесть, а доказательством того, что удовлетворено за грехи и что они прощены нам, служит то, если истреблено из наших сердец даже расположение к ним. Надо помнить, что тот еще не освобожден от грехов, кто во время покаяния и удовлетворения за них представляет себе образы их и вспоминает о них Из этого следует, что тогда следует считать себя освобожденным и прощенным в прежних грехах, когда сердце и воображение уже не обольщаются ими. Итак, в совести нашей есть истинный свидетель, который еще до суда уверяет нас об окончании покаяния и даровании нам прощения; кратко сказать, в том, что нам прощены прежние грехопадения, должно уверять нас то, если истреблены из сердец наших желание их и пристрастие к настоящим удовольствиям.

[11] Глава 6. Вопрос: надо ли вспоминать грехи для сокрушения сердца?

[12] При этом Герман спросил: но если истребить память о прежних грехах, то как можно стяжать то самоуничижение и спасительное сокрушение, которое от лица кающегося описывается так: «но я открыл Тебе грех мой и не скрыл беззакония моего; я сказал: «исповедаю Господу преступления мои», дабы удостоиться сказать: и Ты снял с меня вину греха моего» (Пс.31:5); или как мы можем иметь те слезы раскаяния, которыми мы заслужили бы получить прощение грехов, как говорится:

«каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою» (Пс.6:7)? Притом Господь велит нам сохранять память о грехах: «Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого и грехов твоих не помяну» (Ис.43:25). Поэтому не только во время рукоделия, но и во время молитвы я нарочно стараюсь вспоминать о грехах моих, чтобы, через это обретя истинное смирение и сокрушение сердца, я мог осмелиться сказать с пророком: «призри на страдание мое и на изнеможение мое и прости все грехи мои» (Пс.24:18).

[13] Глава 7. Ответ: до каких пор нужно иметь память о прежних грехах

[14] Пинуфий на это говорил следующее: вы спрашиваете меня не о качестве покаяния, но о том, когда оканчивать его и как увериться в удовлетворении за грехи, и я, кажется, по порядку ответил на ваш вопрос. Впрочем, и воспоминание грехов также полезно и необходимо, но не совсем; только кающиеся с биением сердца должны взывать: «ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною» (Пс.50:5); ибо пока еще мы каемся и уязвляемся воспоминанием о порочных делах, необходимо, чтобы слезы раскаяния, происходящие от исповедания вины, гасили мучительный огонь совести. Но если по милости Божией совесть больше не будет терзать смиряющегося и сокрушающегося таким образом и воспоминание о грехах будет усыплено, то из этого следует заключить, что таковой уже удовлетворил за грехи и совсем очищен от них. Впрочем, забыть грехи можно тогда только, когда искоренятся пороки и страсти прежние и сердце сделается совершенно чистым. Но

известно, что такая чистота возможна не для тех, которые по нерадивости, беспечности не занимаются очищением себя от пороков, а для тех, которые с сокрушением и постоянной ревностью исправляют порчу, причиненную грехами, и всей силою души взывают к Богу: «я открыл Тебе грех мой и не скрыл беззакония моего» (Пс.31:5); «слезы мои были для меня хлебом день и ночь» (Пс.41:4); они удостоятся слышать: «изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако» (Ис.44:22); «Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого, и грехов твоих не помяну» (Ис.43:25), и, освободившись от уз грехов своих, коими всякий связывается (Притч 5:22), с благодарностью воспоют Господу: «Ты разрешил узы мои. Тебе принесу жертву хвалы» (Пс.115:7–8).

15 Глава 8. Разными способами можно достигнуть очищения грехов

16 Грехи можно заглаживать, кроме всеобщей благодати крещения и мученичества, многими делами покаяния. Ибо вечное спасение обещается не только раскаянию, о котором говорит апостол Петр: «покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши» (Деян.3:19); Иоанн Креститель и Сам Господь говорят: «покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф.3:2); но еще «любовь покрывает множество грехов» (1Пет.4:8). Милостыней также врачуются язвы души нашей, потому что как «вода угашает огонь, так милостыня очистит грехи» (Сир.3:30); «и слезы омывают грехи, ибо Давид, сказав: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою» (Пс.6:7), далее говорит, что он не напрасно проливал их: «удалитесь от меня, все делающие беззакония, ибо услышал Господь голос плача моего»

(Пс.6:9). Также заглаживаются грехи исповеданием их: «исповедаю Господу преступления мои, и Ты снял с меня вину греха моего» (Пс.31:5); еще: «припомни Мне; станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться» (Ис.43:26); и скорбью душевной и телесной приобретается отпущение грехов: «призри на страдание мое и на изнеможение мое и прости все грехи мои» (Пс.24:18). Особенно уничтожаются грехи исправлением нравов наших: «удалите злые деяния ваши от очей Моих;... научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите – и рассудим... Если будут грехи ваши, как багряное, как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю» (Ис.1:16–18). Иногда молитвы святых заглаживают грехи: «если кто видит, брата своего, согрешающего грехом не к смерти, пусть молится, и *Бог* даст ему жизнь» (1Ин.5:16), или: «болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ними, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего,... и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак.5:14–15); иногда дела милосердия и веры: «милостынями и верами очищаются грехи» (Притч 15:27); содействие обращению и спасению других: «обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов» (Иак.5:20); прощение нанесенных другим обид: «если вы будете людям прощать согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный» (Мф.6:14).

Итак, вот сколькими путями можно заслужить милосердие Создателя. Видя эти пути, никто из желающих спасения не должен отчаиваться. Ибо если ты не можешь загладить твоих грехов скорбью поста по

причине немощи телесной, если не можешь сказать: «колени мои изнемогли от поста, и тело мое лишилось тука» (Пс.108:24); ибо «я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами» (Пс.101:10); то искупай их милостынею. Если не имеешь, что дать нищему, хотя бедность никого не освобождает от этого дела, потому что две лепты вдовицы предпочитаются большим дарам богатых, Господь обещает воздать награду и за чашу холодной воды (Лк.21:2; Мф.10:42), то можно очиститься посредством исправления нравов. Если подавлением своих страстей и пороков не можешь достигнуть совершенства добродетелей, то приложи благочестивую заботу о пользе и спасении других; если же ты признаешь себя неспособным к этому служению, то можешь покрыть грехи свои делами любви; если какая-нибудь беспечность сделала тебя слабым для этого, то молитвою и заступничеством святых со смирением проси исцеления своих ран. Кто не может покорно говорить: «я открыл Тебе грех мой и не скрыл беззакония моего» (Пс.31:5), дабы через это исповедание заслужить прощение грехов, о котором далее сказано: и Ты снял с меня вину греха моего; если ты стыдишься открыть свой грех перед людьми, то не переставай открывать его перед Тем, Кому он известен, говори непрестанно: «беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною. Тебе, Тебе единому согрешил я и лукавое пред очами Твоими сделал» (Пс.50:5–6); Он и без обнародования врачует, и без укоров прощает грехи. Благодать Божия, кроме этого несомненного средства получить прощение грехов, дала нам еще легчайшее – прощать другим согрешения их: «и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Мф.6:12). Итак, кто хочет получить прощение грехов, тот пусть постарается воспользоваться этим

средством, не должен избегать этого источника спасения, потому что хотя бы мы сделали все нужное для очищения грехов, но если не покроет их Милосердый, Который Сам изглаживает преступления наши ради Себя (Ис.43:25), то они не изгладятся. Получивший прощение грехов должен удовлетворять за них ежедневными постами и умерщвлением плоти и страстей, ибо, по словам Св. Писания, «без пролития крови не бывает прощения» (Евр.9:22). Это и справедливо, потому что «плоть и кровь Царствия Божия не… наследуют» (1Кор.15:50). Поэтому, кто не допускает «мечу духовному, который есть слово Божие» (Еф.6:17), проливать кровь, того поразит клятва, произнесенная пророком Иеремией: «проклят, кто удерживает меч Его от крови» (Иер.48:10); ибо этот меч источает из нас вредную кровь, служащую пищею порокам, и отсекает в нас все земное и плотское, через что нам, умершим для пороков, дает средство жить для Бога и украшаться добродетелями. Когда будет поражать этот меч, то человек заплачет не от воспоминания о прежних грехах, а от радостного ожидания будущих благ и, забывая заднее, т. е. плотские пороки, будет простираться вперед, т. е. к духовным дарованиям и добродетелям.

[17] Глава 9. Забвение грехов полезно, и нужно избегать воспоминания о плотских грехах

[18] А что ты сказал, что нарочно вспоминаешь прежние твои грехи, то этого не должно быть; даже если нехотя вспомнишь о них, то немедленно старайся забыть, потому что это воспоминание, оскверняя ум нечистотами

мирскими, отвлекает его от созерцания чистоты, особенно того, кто пребывает в уединении. Когда вспоминаешь прежние грехи, или неведение, или слабости, то хотя и не услаждаешься ими, впрочем, и одно прикосновение прежней скверны портит душу и заражает ее зловонием. Поэтому, когда возродится память о прежних грехах, то от нее нужно отвращаться также, как благонравный, степенный муж удаляется от объятий или разговоров с блудницею. Ибо как он не избежит бесславия и осуждения проходящих, если даст ей обнять себя или вступить в бесчестный разговор, хотя бы и не имел согласия на срамное удовольствие; так и мы, вспомнив прежние грехи, должны немедленно отвращать ум от размышления о них и исполнять заповедь Соломона, который говорит: уйди, не оставайся на месте ее и глаз твоих не обращай на нее (блудницу) (Притч 5:8), чтобы ангелам, когда увидят нас занимающимися нечистыми помыслами, не воспрепятствовать сказать нам: «благословение Господне на вас; благословляем вас именем Господним!» (Пс.128:8). Ибо когда ум обращен к предметам гнусным, земным, то душа не может заниматься добрыми помыслами. Соломон верно говорит: «глаза твои будут смотреть на чужих жен, и сердце твое заговорит развратное, и ты будешь, как спящий среди моря и как спящий на верху мачты. [И скажешь:] «били меня, мне не было больно; толкали меня, я не чувствовал» (Притч.23:33–35). Оставляя не только гнусные, но и все земные помыслы, мы должны устремлять ум к небесным предметам и, как слуги, быть там, где Господь наш (Ин.12:26). Часто случается, что неопытный, скорбя о своих или чужих грехах, неприметным образом поражается стрелою сладострастия, – таким образом начатое для пользы оканчивается срамом и вредом. Ибо

«есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их – путь к смерти» (Притч.16:25). Поэтому мы должны стараться возбуждать в себе сокрушение скорее размышлением о добродетелях, о Царстве Небесном, нежели вредным воспоминанием о своих грехах; ибо до тех пор не перестанешь обонять вредное зловоние из нечистой ямы, пока будешь стоять возле нее или ворочать грязь в ней.

[19] Глава 10. О знаке удовлетворения и о забвении прежних грехов

[20] Сказали уже, что тогда мы удовлетворим за прошедшие грехи, когда искореним из сердец наших страсти и пристрастия к тем делам, в которых мы раскаиваемся. Но искоренить страсти может только тот, кто будет ревностно истреблять причины и поводы к грехам, так, например, если кто впал в блуд или прелюбодеяние от знакомства с женщинами, тот должен избегать и взгляда на них; если кто предался неумеренности от излишества пищи и пития, тот должен усмирить себя строгим воздержанием; если кого корыстолюбие вовлекло в клятвопреступление, воровство, человекоубийство и богохульство, тот должен истребить предмет любостяжания; если кто от гордости предается гневу, тот пусть искореняет свое высокомерие смирением. Таким образом можно изгладить каждый порок, если отнята будет причина и повод к нему: ибо таким способом можно забыть сделанные преступления.

[21] Глава 11. Простительных грехов нельзя нам забывать, а только смертных не вспоминать

[22] Впрочем, таким образом забывать нужно только смертные грехи; расположение к ним и покаяние за них прекращается добродетельной жизнью. Что же касается малозначительных грехов, в которые и праведник семь раз в день впадает (Притч.24:16), то покаяние за них никогда не должно прекращаться; ибо мы каждодневно волею или неволею делаем их то по неведению, то по забвению, в мысли и в слове, то по обольщению, то по неизбежному увлечению или по немощи плоти. О таких грехах говорит Давид, умоляя Господа очистить и простить: «кто у смотрит погрешности свои? От тайных *моих* очисти меня» (Пс.18:13), и апостол Павел: «не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю.... Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим.7:15–24). Мы подвергаемся им с такой легкостью, что, несмотря ни на какую осторожность, не можем совершенно избежать их. О них любимый ученик Христов так говорит: «если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя» (1Ин.1:8). Поэтому желающему достигнуть высшего совершенства не много будет пользы довести покаяние до конца, т. е. удерживаться от непозволенных дел, если не будет неутомимо упражняться в тех добродетелях, которые служат доказательством удовлетворения за грехи. Ибо недостаточно воздерживаться от гнусных пороков, противных Богу, если не будет чистой, совершенной и богоугодной ревности к добродетели. Вот что сказал нам авва Пинуфий о времени окончания покаяния и о доказательствах удовлетворения за грехи! Он усердно

просил, чтобы мы остались в общежитии его; но так как слава Скитской пустыни влекла нас туда, то, не в силах удержать, он отпустил нас.

Двадцать первое собеседование аввы Феоны (первое). О льготах в пятидесятницу

[1] Глава 1

[2] Прежде изложения этого собеседования с высоким мужем аввою Феоною, считаю необходимым кратко описать начало обращения его; потому что из этого яснее может открыться читателю и заслуга этого мужа, и благодать. Итак, по желанию и власти родителей он очень молодым обязался узами брака. Они по благочестивой заботливости о его целомудрии, опасаясь сомнительного падения поползновенного возраста, сочли нужным предупредить увлечения юности позволительным средством брака. Прожив с супругою пять лет, он пришел к авве Иоанну [70], который в то время из уважения к святости был избран на должность эконома. Ибо на эту должность никто не вступает по своей воле или честолюбию, а только тот, кого собрание всех старцев, по преимуществу возраста и ради свидетельства веры и добродетелей, признает высшим и превосходнейшим. Когда вышесказанный юноша с набожным расположением пришел к блаженному Иоанну, принеся благочестивые дары вместе с прочими владельцами, приносивших упомянутому старцу десятины и начатки своих плодов из своего имущества, и когда старец увидел, что они пришли к нему с большими дарами, то, желая воздать им за их благочестивое усердие, начал, по апостолу (1Кор.9:11), сеять духовное тем, у которых

пожинал блага телесные. Итак, предложил им наставление такое.

[3] Глава 2. Наставление аввы Иоанна Феоне и прочим, пришедшим с ним

[4] Утешаюсь, любезнейшие дети, благочестивой щедростью ваших подарков, и усердное это приношение, распоряжение которым мне вверено, я с благодарностью принимаю, потому что вы с верою приносите ваши начатки и десятины для пользы бедных, как благоприятную жертву Господу. Вы уверены, что этим приношением будет обильно благословлена и полнота плодов, и всего имущества, из которого жертвуете для Господа, и что вы по вере в эту заповедь даже и в этом веке будете наделены многоразличным изобилием всех благ: «чти Господа от имения твоего и от начатков всех прибытков твоих, и наполнятся житницы твои до избытка, и точила твои будут переливаться новым вином» (Притч.3:9–10). Верно совершая это благовестное приношение, знайте, что вы исполнили правду древнего закона, под которым состоявшие тогда и преступавшие его неизбежно становились виновными, да и исполнявшие его не могли достигнуть верха совершенства.

[5] Глава 3. О приношении десятин и начатков

[6] По заповеди Господней (Чис.18:8–24), десятины в пользу левитов, а приношения и начатки священникам были посвящены; но мера начатков была такова, что пятидесятая часть плодов или животных доставлялась на службу храма или священников. Этот размер некоторые

холодные по неверию уменьшали, а более набожные увеличивали; те доставляли шестидесятую, а эти – сороковую часть своих плодов. Ибо праведные, которым закон не положен (1Тим.1:9), не состоят под законом; это доказывается тем, что они не только исполняют оправдания закона, но стараются даже превзойти, и набожность их, которая бывает больше повеления закона, с избытком соблюдает заповеди: добровольное прибавляет к должному.

7 Глава 4. Авраам, Давид и другие святые с избытком исполняли повеления закона

8 Так, мы читаем, что Авраам превзошел заповеди будущего закона, когда, победив четырех царей, из добычи содомской, которая справедливо принадлежала ему как победителю и которую сам царь с покорностью просил взять, никакие согласился взять что-либо; свидетельствуясь именем Божиим, он говорил: «поднимаю руку мою к Господу Богу Всевышнему, Владыке неба и земли, что даже нитки и ремня от обуви не возьму из всего твоего» (Быт.14:22–23). Так исполнял заповеди закона, как знаем, и Давид, который по заповеди Моисея, по которой воздавалось отмщение врагам, не только этого не сделал, но еще оказывал любовь к гонителям и, усердно молясь о них Богу, даже горько плакал и отмстил за убитых. Также утверждаем, что не были под законом Илия и Иеремия, которые хотя безукоризненно могли бы воспользоваться позволенным супружеством, однако захотели остаться девственниками. Так превзошли Моисеевы заповеди и Елисей, и набожные мужи одинакового с ним расположения, о которых апостол так говорит: «скитались в милотях и в козьих

кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр.11:37–38). Что сказать о сынах Ионадава, сына Рехава, о которых читаем, что пророку Иеремии, принесшему по поведению Господню вино, они отвечали так: «мы вина не пьем; потому что Ионадав, сын Рехава, отец наш, дал нам заповедь, сказав: «не пейте вина ни вы, ни дети ваши вовеки; и домов не стройте, и семян не сейте, и виноградников не разводите, и не имейте их, но живите в шатрах во все дни жизни вашей.» За то и удостоились услышать от того же пророка: «за то, так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: не отнимется у Ионадава, сына Рехавова, муж, предстоящий пред лицом Моим во все дни» (Иер.35:6–7, 19). Все они, не довольствуясь приношением десятины из своих приобретений, но отвергая и саму добычу, приносили Богу преимущественно самих себя и свои души, которые человек не может ничем заменить, как свидетельствует Господь в Евангелии: «какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф.16:26).

9 Глава 5. Живущие под благодатью евангельской должны превзойти заповеди закона

10 Поэтому мы должны знать, так как от нас уже не требуется исполнять заповедь закона (Моисеева), а евангельское слово ежедневно внушает нам: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мною» (Мф.19:21), что когда приносим Богу десятины из своего имения, то мы состоим

еще как бы под тяжестью закона, еще не достигли совершенства Евангелия, которое повинующихся ему вознаграждает не только благодеяниями настоящей жизни, но и будущими благами. Закон исполнителям своим обещал не награды Царства Небесного, но утешения этой жизни, говоря: кто сохранит это, тот будет жив чрез это (Лев.18:5). А Господь ученикам Своим и апостолам говорит: «блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф.5:3). «И всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф.19:29). И справедливо. Ибо не столько похвально воздерживаться от непозволенного, сколько – от позволенного, и притом из уважения к тому, кто позволил нам пользоваться этим по причине нашей немощи. Итак, если и те, которые, десятины плодов своих верно принося, служат древним заповедям Господним, не могут восходить на верх евангельского совершенства, то те, которые не делают и этого, как далеко отстоят от него, сами ясно видите. Ибо как могут быть причастными евангельской благодати те, которые пренебрегают исполнять даже более легкие заповеди закона? О легкости их свидетельствуют и повелительные слова Законодателя, предрекая проклятие неисполняющим: «проклят [всякий человек], кто не исполнит [всех] слов закона сего и не будет поступать по ним!» (Втор.27:26); а в Евангелии говорится о высоте и превосходстве заповедей: «кто может вместить, да вместит» (Мф.19:12). Там принудительное побуждение Законодателя показывает малость заповедей: «если… сделаете зло сие пред очами Господа, Бога вашего, и раздражите Его, то свидетельствуюсь вам сегодня небом и землею, говорит Моисей, что скоро потеряете землю,

для наследования которой вы переходите за Иордан; не пробудете много времени на ней, но погибнете» (Втор.4:25–26); а здесь величие возвышенных заповедей означается условием не столько повелевающего, сколько советующего (Мф.19). Там Моисей на отказывающихся возлагает не отрицаемую тяжесть; здесь Павел подает только совет желающим, стремящимся к совершенству. Ибо нельзя заповедовать вообще и, так сказать, обязательно требовать от всех то, что по причине дивной высоты не может быть достигнуто всеми; но все преимущественно возбуждаются советом и благодатью, так что большие могут увенчаться добродетелью совершенства, а малые, которые не могут исполнить меру полного возраста Христова, как будто остаются в неизвестности, будучи закрываемы блеском больших, как звезд; однако от мрака проклятий, существующих в законе, они свободны, не обрекаются на поражение настоящими бедствиями, не подвергаются вечному мучению. Итак, Христос никого необходимой заповедью не принуждает к достижению верха добродетелей, но призывает желающих по собственной воле, пользою совета воспламеняет достижение совершенства. Ибо где заповедь, там необходимость; а где необходимость, там и трудность; где трудность, там и нерадение; где нерадение, там и грех; а где грех, там и наказание. А соблюдающие то, к чему принуждаются строгостью закона, избегают скорее наказания, которым он угрожал, нежели получают воздаяние или награду.

[11] Глава 6. Благодать Евангелия как совершенным дает Царство Небесное, так милостиво поддерживает немощных

[12] Итак, евангельское слово как сильных возводит на высоту совершенства, так и немощным не позволяет опускаться низко; совершенным воздает полноту блаженства, а немощным дарует прощение. Исполняющих его заповеди закон поместил как бы в некоторой середине между тем и другим воздаянием, т. е. наградою и наказанием, – насколько удаляет от осуждения преступников, настолько же отлучает и от славы совершенных. Как эта доля низка и как жалка, можете видеть из сравнения состояния настоящей жизни, в которой самым жалким считается тот, кто только о том старается и трудится, чтобы только не считаться виновным между почетными людьми, а не богатым, почетным и славным.

[13] Глава 7. В нашей власти состоит быть под благодатью Евангелия или под страхом закона Моисеева

[14] Потому теперь в нашей власти – состоять ли под благодатью Евангелия или под страхом закона. Ибо всякому необходимо по качеству своего действования пристать к той или другой стороне. Благодать Христова воспринимает превосходящих закон, а низших закон удерживает, как своих должников и повинных ему. Ибо виновный в неисполнении заповедей закона не может достигнуть евангельского совершенства, хотя бы и хвалился, что он христианин и освобожден благодатью

Господа, но напрасно. Ибо следует считать еще состоящим под законом не только того, кто отказывается исполнять заповеди закона, но и того, кто довольствуется только соблюдением повелений закона и не приносит плодов достойных звания и благодати Христовой, в котором (звании) не говорится: приноси Господу, Богу твоему десятины твои и начатки (Втор.12:6), но – «пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф.19:21); при этом по причине величия совершенства просившему ученику не позволяется и на короткое время отлучиться для погребения отца, и обязанность человеческой любви не предпочитается добродетели Божественной любви (Лк.9:59–62).

15 Глава 8. Как Феона убеждал свою жену, чтобы и она отреклась от мира

16 Услышав это, блаженный Феона, воспламенившись неугасимым желанием евангельского совершенства, семя слова, воспринятое плодоносным сердцем, сокрыл как бы в глубоких и умягченных браздах, смирившись и особенно сокрушившись от слов старца, что он не только не достиг евангельского совершенства, но едва исполнил и заповеди закона. Хотя он десятину своих плодов обычно каждый год приносил в экономию монастыря, а о принесении начатков он и не слышал; впрочем, хотя бы он и это также исполнил, однако смиренно сознавался, что он, по мнению старца, далеко отстоит от евангельского совершенства. Итак, возвращается домой печальный, пораженный той скорбью, которая «производит неизменное покаяние к спасению» (2Кор.7:10) и, не сомневаясь уже в своей воле и

решимости, всю заботу и попечение обращает на спасение супруги; и подобным увещеванием начал склонять ее к тому желанию, каким сам воспламенился, дневным и ночным плачем убеждать, чтобы вместе послужили Богу в чистоте и святости, говоря, что обращение к лучшей жизни никак не должно откладываться; потому что суетная надежда на незрелый возраст не избавляет от возможности нечаянной смерти, которая младенцев, отроков, юношей похищает также, как и старцев.

[17] Глава 9. Как Феона удалился в монастырь, когда жена не согласилась на его убеждения

[18] Когда на такие упрашивания и постоянные настаивания непреклонная супруга не согласилась, говорила, что она в своем цветущем возрасте не может совершенно воздерживаться от супружеского утешения, и потому, если, оставленная, им сделает какой-нибудь порок, – это следует больше приписать тому, кто расторг узы супружества; то на это он долго представлял состояние человеческой природы – слабое, непостоянное, как опасно было бы предаваться плотским пожеланиям и делам, и к этому прибавляя, утверждал, что никому нельзя лишать себя того блага, которое узнал, и виновнее будет презирать познанную благость, нежели не любить непознанную; потому он будет уже виновен в преступлении, если земные и нечистые удовольствия предпочтет найденным столь прекрасным, небесным благам. Возвышение в совершенстве, конечно, относится ко всякому возрасту и всякому полу, и все члены церкви

призываются к восхождению на высоту высших заслуг, как говорит апостол: «так бегите, чтобы получить» (1Кор.9:24); из-за медлительности ленивых и нерадивых не должны останавливаться подвижные и ревностные, так как правильнее было бы, чтобы беспечные возбуждались впереди текущими, нежели чтобы поспешающие задерживались отстающими. Потому, говорил, он твердо решился отречься от мира и умереть миру, чтобы мог жить для Бога; и если бы не мог достигнуть того счастья, чтобы вместе со своей подругою войти в общение с Христом, то он лучше желает спастись даже с потерей одного члена (Мф.18:8–9) и как бы убогим войти в Царство Небесное, нежели со здоровым телом быть осужденным. К этому присоединил еще и это, говоря: если Моисей по жестокосердию позволил отпускать жен, то почему не допустить этого Христу по желанию чистоты (Мф.19:8–9), особенно когда тот же Господь среди прочих расположений, т. е. к отцам, матерям, сыновьям, которым не только закон, но и Сам Он повелел оказывать уважение, однако определил, чтобы за Его имя и по желанию совершенства не только просто пренебрегали, но и возненавидели их (Лк.14:26), присоединяет к ним также и жен, говоря: «всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф.19:29). Итак, Он не позволяет ничего сравнивать с тем совершенством, которое проповедует, так что отрешает и от той привязанности к отцу и матери, которая составляет первую заповедь в обетовании, как говорит апостол: «почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле» (Еф.6:2–3); заповедует из любви к Нему отвергать

эту привязанность.

Итак, очевидно, евангельское слово как осуждает разрывающих супружеские узы не за порок прелюбодеяния, так из любви ко Христу и желания чистоты обещает отвергшим плотское иго сторичную награду. Потому если возможно, чтобы ты, взявшись наконец за разум, склонилась на вожделенную для меня сторону, т. е. чтобы, служа Господу, мы вместе избежали мучения геенны, – я не отвергаю супружеской любви, даже еще с большей любезностью объемлю; ибо я знаю и уважаю помощницу свою, данную по определению Господа, и не отказываюсь соединяться с нею неразрывным союзом любви во Христе, не отлучаю от себя ту, которую Господь сочетал со мною по закону первобытного состояния, если только ты и сама такова, какою Творец желал тебе быть. Если же ты хочешь быть мне не на помощь, а на обольщение, больше желаешь оказывать пособие не мне, а врагу, и таинству брака присваивать ту принадлежность, чтобы, лишив себя предлагаемого спасения, отвлекать Спасителем, то я так мужественно возьмусь за изречение, произнесенное устами аввы Иоанна, даже Христа, что никакое плотское пристрастие не может отвлечь меня от духовного блага. Ибо «кто..., – говорит Он, – не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк.14:26). Итак, когда этими и подобными словами намерение жены не поколебалось и она осталась с непреклонным упрямством, то блаженный Феона сказал: если я не могу отвлечь тебя от смерти, и ты не отлучишь меня от Христа, то для меня безопаснее иметь развод с человеком, нежели с Богом. Итак, при содействии

благодати Божией он тотчас приступил к исполнению своего определения, не допустил горячему своему желанию охладеть от некоторой медлительности, – поспешно оставив все мирское имущество, ушел в монастырь. Здесь за короткое время он просиял таким блеском святости и смирения, что после переселения блаженной памяти Иоанна из этого мира к Господу, также после отшествия святого мужа Илии, который был не меньше своего предшественника, Феона третий, избранный суждением всех, вступил в распоряжение экономией.

[19] Глава 10. Преподобный Кассиан показывает, почему он представил этот пример

[20] Никто не должен думать, что мы это написали для возбуждения разводов с супругами; мы не только нисколько не осуждаем супружества, даже, следуя апостольскому изречению, говорим: «брак у всех *да будет* честен и ложе непорочно» (Евр.13:4); но для того написали, чтобы показать читателю начало обращения, когда такой муж посвятил себя Богу. У него (читателя) прошу того благоснисхождения, чтобы, понравится ли ему это или не понравится, считая меня чуждым клеветы, за это дело похвалил или порицал виновника его. А так как я не свое мнение выразил, а простым рассказом изложил историю совершившегося события, то справедливость требует, чтобы как я не ищу себе никакой похвалы от тех, которые похвалят, так не подвергали меня и порицанию те, которые не одобрят этого. Итак, пусть всякий, как мы сказали, имеет свое суждение об этом; но

убеждаю строгость своего суждения умерять так, чтобы не считать его справедливее и святее суда божественного, по которому дарованы Феоне знамения даже апостольских добродетелей. Я умалчиваю о мнении стольких отцов, которые поступок его не только не порицали, но явно восхваляли, даже избранием в экономы предпочли его великим и высоким мужам. Думаю, что непогрешимо суждение духовных мужей, одобренное Богом и подтвержденное столь удивительными знамениями, как сказано выше.

21 Глава 11. Вопрос: почему в Египте во все дни Пятидесятницы не постятся и не преклоняют колен во время молитвы?

22 Но уже время приступить к изложению обещанного рассуждения. Итак, когда авва Феона во время Пятидесятницы посетил нас в нашей келье, то по окончании вечерних молитв, посидев немного на земле, мы стали усердно спрашивать, почему у них соблюдается такое постановление, что во все дни Пятидесятницы никто вовсе не преклоняет колен на молитве и не держит поста до девятого часа. Знать это нам любопытно потому, что мы не видели, чтобы это с такой точностью соблюдалось в сирийских (т. е. палестинских) монастырях.

23 Глава 12. Ответ: о свойстве того, что называется добром, злом и средним

24 Авва Феона на наш вопрос так начал отвечать: древние постановления отцов и продолжающиеся многие годы

обычаи предков мы должны исполнять и сохранять, даже если причины их неизвестны; но так как вам хочется узнать причины и основание упомянутого вами правила, то я кратко изложу мнение предков наших об этом установлении. Но прежде, нежели я подтвержу слова мои Св. Писанием, немного поговорим о природе и качестве поста. Божественная премудрость через Екклезиаста назначила каждой вещи, т. е. всем обстоятельствам, как благополучным, так и несчастным, скорбным, свое время (Еккл.3:1–8). Из дел, перечисленных в том месте, ни одного нельзя отнести к числу постоянно добрых: каждое хорошо только тогда, когда бывает в свое время и прилично исполнено, так что если случается не вовремя, то делается бесполезным и вредным. Между тем те действия, которые добры или плохи по природе своей, например: правда, благоразумие, мужество, воздержание и прочие добродетели или, напротив, пороки – не подлежат этому правилу по неизменяемости их природы. Поэтому те действия, которые бывают добрыми или худыми по качеству совершающего их, полезны или вредны не по природе своей, но по расположению делающего или по обстоятельствам времени.

[25] Глава 13. Какое благо составляет пост

[26] После исследуем, к какому роду добрых дел нужно причислить пост, – к числу ли существенно добрых, каковы правда, мудрость, мужество и воздержание, которые вовсе не могут перейти в противную сторону, или к числу средних, т. е. таких, которые иногда сделать, может быть, полезно, иногда опустить не предосудительно, или что иногда сделать предосудительно, а иногда похвально опустить. Если мы

причислим пост и воздержание к существенно добрым делам, то, без сомнения, употребление пищи и пития надо будет почесть делом худым и преступным. Ибо что противно главному добру, то непременно нужно считать главным злом. Но так думать не позволяет нам Св. Писание. Ибо если мы будем поститься на том основании, что будто бы грешно употреблять пищу, то не только не получим никакого плода от воздержания, но еще, по апостолу, подвергнемся тягчайшему обвинению за нечестие, так как будем запрещать «употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением; ибо всякое создание Божие хорошо и ничто не гнусно, если принимается с благодарением» (1Тим.4:3); ибо кто что считает скверным, тому то и скверно (Рим.14:14). Потому никто не был осуждаем за одно лишь употребление пищи; и если осуждаются евшие, то это потому, что с употреблением пищи соединяется или за ним следует нечто предосудительное.

[27] Глава 14. Пост не есть главное добро

[28] Из сказанного видно, что пост относится к числу средних добрых дел, потому что как соблюдение его не оправдывает нас, так и за нарушение его мы не подвергаемся осуждению, если, кроме употребления пищи, нет преступления заповеди, достойного наказания. Но что касается существенно добрых дел, то без них никому нельзя быть ни в какое время, потому что оставляющий их обязательно впадает в зло. Также и для главного зла не должно быть времени, потому что оно всегда вредно; в случае допущения его не может оно не вредить или измениться в похвальную сторону. А средние

дела те, которым назначены известные качества и времена; если правильно соблюдать их, то они освящают; если опустить их, то не оскверняют, таковы, например, брак, земледелие, богатство, уединение, бдение, чтение книг и посты. Все это Св. Писание не определило совершать и соблюдать постоянно, так чтобы нельзя было хоть немного, иногда оставлять их, ибо что положительно заповедуется, за неисполнение того подвергаются смерти; а что предлагается больше как совет, нежели как приказание, исполнение того приносит пользу, а за неисполнение не подвергаются наказанию. Почему предки наши весьма хорошо повелели совершать их, сообразуясь с обстоятельствами, местом и временем, потому что они бывают полезны, если сообразны с обстоятельствами, и, напротив, делаются вредными, если не сообразны с ними. Так, например, скорее жестокосердым, нежели ревнителем благочестия, следует считать того, кто будет сохранять строгий пост даже во время посещения брата, в лице которого нужно принять Христа; к самоубийцам нужно причислить того, кто не изменяет строгих правил, воздержания даже тогда, когда нужно подкрепить ослабевшие силы принятием пищи; не ревность к благочестию, а неразумность докажет тот, кто захочет строго держаться правил поста даже в праздник, когда делается разрешение на пищу. Пост бесполезен для тех, которые хотят посредством его заслужить людскую похвалу, имя святых, о которых говорится в Св. Писании, что получат они мзду свою в настоящее время (Мф.6:2), равно как бесполезен и для тех, которые постятся не так, как угодно Богу. Последние представляются у пророка спрашивающими Бога: «почему мы постимся, а Ты не видишь? смиряем души свои, а Ты не знаешь?» Бог объявил им, что они не услышаны: «вы поститесь для ссор

и распрей и для того, чтобы дерзкой рукою бить других,» и сказав, что Он не такой пост избрал, хотя бы они подобно тростнику гнули свои шеи, хотя бы облеклись в рубище и пеплом посыпали свои головы; далее открывает, какой пост Ему угоден, и тем показывает, что один только пост без других добродетелей не может принести пользы. «Разреши, – говорит Он, – оковы неправды... и от единокровного твоего не укрывайся» (Ис.58:3–10). Итак, видите, что Господь не считает пост существенно добрым делом, потому что он не сам по себе, но при других добрых делах угоден Ему, и что от случайных причин он бывает не только напрасен, но даже ненавистен Богу, как об этом Он Сам свидетельствует у Иеремии: «если они будут поститься, Я не услышу вопля их» (Иер.14:12).

[29] Глава 15. Доброго по природе своей не следует делать для среднего; напротив, среднее нужно предпринимать для того, что само по себе добро

[30] Милосердие, терпение и любовь или те заповеди касательно вышесказанных главных добродетелей должны соблюдаться не для поста, а, напротив, пост для них. Ибо надо стараться, чтобы те добродетели, которые составляют истинное добро, были приобретаемы постом, а не для поста должны совершаться действия тех добродетелей. Итак, для того полезно сокрушение плоти, для того к нему должно присоединяться воздержание от пищи, чтобы через него мы могли обрести любви, в которой заключается неизменное, постоянное добро. Ибо изучение медицины, золотарства и прочих существующих в этом мире искусств бывает не для инструментов,

нужных для производства их, а напротив, инструменты приготовляются для упражнения в искусстве; они как полезны искусным, так излишни для незнающих самого искусства. Они как весьма способствуют тем, которые употребляют их для производства своего дела, так вовсе не могут приносить пользу тем, которые, не зная, для какого дела они сделаны, довольствуются одним обладанием их, потому что сущность их пользы видят только в содержании их, а не в совершении работы. Итак, существенное благо есть то, для которого делается среднее; а само главное добро делается не по другой причине, а только ради своей доброты.

31 Глава 16. Как отличается главное благо от прочих благ

32 Истинное благо от прочих, названных нами средними, отличается следующим образом: если оно само по себе добро, а не для чего-либо другого; если само по себе необходимо, а не для другого; если неизменно и всегда бывает добром, постоянно удерживая свое качество, никогда не может переходить в противную сторону; если отнятие или прекращение его не может не причинять совершенную погибель; если противное ему есть просто главное зло и никогда не может переходить на добрую сторону. Эти определения, которыми различается природа главных благ, вовсе не могут быть приписаны посту. Ибо он не есть сам по себе благо или сам по себе необходим; он с пользою соблюдается для приобретения чистоты сердца и тела, так чтобы, притупив жало плоти, человек приобрел умиротворение духа; он не есть благо неизменно и всегда, потому что мы по большей части не терпим вреда от прерывания его; он иногда обращается

даже в погибель души, если неблаговременно соблюдается. Но и то не есть существенное зло, что кажется противным ему, т. е. приятное по природе своей вкушение пищи, которое нельзя считать злом, если с ним не соединяются невоздержанность, сластолюбие или другие пороки, потому что не оскверняет человека то, что входит в уста, а что исходит из уст, то оскверняет человека (Мф.15:11). Итак, тот умаляет главное добро, исполняет его не совершенно или не без греха, кто делает его не для него самого, а для чего-нибудь другого. Ибо все для него нужно делать, а нужно его желать только для него самого.

33 Глава 17. Об образе поста и пользе его

34 Имея такое понятие о качестве поста, мы, несмотря на сильное желание его, почитаем пост делом добрым только тогда, когда он сообразен со временем и когда соблюдается мера в нем. Потому и не возлагаем надежды на один пост; но, сохраняя его, хотим достигнуть через него чистоты сердечной и апостольской любви, чем и доказывается, что пост (для которого не только назначены определенные времена, в которые нужно соблюдать его и оставлять, но определены и качество и способ) относится к числу средних добрых дел, а не существенно добрых, потому что существенное добро должно всегда соблюдаться, а существенное зло никогда не должно быть допускаемо. Так, например, не назначено границ правде, терпению, трезвости, целомудрию, любви и не позволено когда-либо делать неправду, быть нетерпеливым, неистовствовать, допускать бесстыдство, завидовать, гордиться.

[35] Глава 18. Пост не всегда бывает приличен

[36] Для яснейшего доказательства, что посты постоянно соблюдать не нужно и нельзя, к сказанному о качестве его присовокупим свидетельства Св. Писания. В Евангелии говорится, что когда ученики Иоанна Крестителя, которые, глядя на пример этого проповедника покаяния как на образец, поставляли верх совершенства праведности в посте, жалуясь на апостолов Христовых, не соблюдающих постов, спрашивали Господа: «почему ученики Иоанновы и фарисейские постятся, а Твои ученики не постятся» (Мк.2:18), то Господь дал им такой ответ, из которого видно, что пост не всегда приличен и необходим, но иногда, ради праздника или ради любви, можно позволить отменить его. «Могут ли, – сказал Он, – поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених?» (Мк.2:19–20). Этими словами, хотя они сказаны прежде воскресения Господня, собственно обозначается время Пятидесятницы, следующее за воскресением Христовым, когда ученикам Его, по причине радостных ежедневных свиданий с Ним, в течение сорока дней нельзя было поститься.

[37] Глава 19. Вопрос: почему в продолжение всей Пятидесятницы пост оставляется?

[38] При этом Герман спросил: почему в продолжение всей Пятидесятницы нужно ослаблять строгость воздержания на обеде, тогда как Христос по воскресении обращался с учениками только сорок дней?

[39] Глава 20. Ответ Феоны

[40] Вопрос ваш заставляет нас вспомнить спасительную истину. В Деяниях Апостольских говорится, что апостолы, после вознесения Спасителя нашего, которое последовало в сороковой день по воскресении, возвратившись с горы Елеонской в Иерусалим, в продолжение десяти дней ожидали пришествия Святаго Духа и в пятидесятый день по воскресении действительно получили Его. Из этих пятидесяти дней составляется преобразованный в Ветхом Завете праздником седмиц, в который священники приносили Господу хлеб из начатков; наш праздник Пятидесятницы, в который принесен Господу истинный хлеб из начатков, т. е. те пять тысяч душ, которые в тот день от проповеди апостольской обратились ко Христу и которые составили начало народа христианского. Поэтому, по преданию мужей апостольских, и десять дней, протекшие от вознесения до Пятидесятницы, нужно проводить в такой же радости и так же торжественно, как проводятся сорок от воскресения до вознесения. И в эти дни не следует молиться с коленопреклонением, потому что коленопреклонение есть знак покаяния и сердечного сокрушения. Итак, вот отчего все дни Пятидесятницы проводятся точно так же, как день воскресный, в который предки наши, из уважения к воскресению Господню, положили не поститься и не преклонять колен.

[41] Глава 21. Вопрос ослабление строгости поста не повредит ли целомудрию тела?

[42] На это Герман возразил так: если так долго давать послабление плоти, то опасаемся, как бы не возникли

опять подавленные воздержанием страсти и как бы душа, обременяемая принятием пищи сверх обычая, не потеряла силу господства своего над телом, и что от необычного потворства телу при более обильном и раннем [71] употреблении пищи, особенно в цветущем возрасте, легко возмущаются усмиренные постом члены.

[43] Глава 22. Ответ о соблюдении умеренности в воздержании

[44] Феона**. Если мы все, что делаем, взвешиваем строгим обсуждением ума о чистоте своего сердца, спрашиваем не мнение других, а всегда свою совесть, то верно окажется, что время обеда не может препятствовать строгости, если только, взвешивая на ровных весах меру употребления пищи и воздержания, нерастленный ум будет равно избегать той и другой крайности, с истинной рассудительностью будет рассматривать, не подавляет ли тяжесть лакомой пищи вашего духа или большая строгость воздержания не пригнетает ли другую часть, т. е. тело; и одну сторону должен понизить, а другую возвысить, если почувствует, что какую-либо нужно поднять или понизить. Господь наш хочет, чтобы для почитания и чести Его мы ничего не делали без рассуждения, поскольку** «и могущество царя любит суд» (Пс.98:4). Потому и премудрый Соломон убеждает, чтобы мы суждением не склонялись ни на ту, ни на другую сторону, говоря: «чти Господа от имения твоего и от начатков всех прибытков твоих» (Притч.3:9). В совести нашей есть неложный, истинный судья, который один не ошибается в суждении о состоянии нашей чистоты, тогда как все

другие иногда ошибаются. Ибо при всей осторожности, постоянной тщательности и внимании к себе, но при погрешительном суждении нашем, воспламенившись желанием нерассудительного воздержания или увлекшись вожделением чрезмерного пресыщения, как будем держать в равновесии существо наших сил испытанием на неверных весах? Но, положив на одной весовой чаше чистоту души, а на другой – силы тела, истинным судом совести мы то и другое так взвесим, чтобы ни на какую сторону не склоняться расположением, перетягивающим к одному предмету, – или к неумеренной строгости, или к излишней распущенности.

Таким образом мы лучше установим равновесие, так чтобы нам за излишество распущенности или строгости не было сказано: если ты правильно принес, но неправильно разделил, то ты не согрешил ли? (Быт.4:7). Тех жертв постов, которые мы, исторгая из себя насильственным истощением внутренностей, думаем, что правильно приносим Господу, Тот, Кто любит милосердие и суд, гнушается, говоря: «Я, Господь, люблю правосудие, ненавижу грабительство с насилием» (Ис.61:8). Также и тех, которые совершают большую часть своих обязанностей и дел для угождения плоти и своей выгоды, остатки их и самую малую часть принося Господу, слово Божие, как лукавых делателей, осуждает так: «проклят, кто дело Господне делает небрежно» (Иер.48:10). Следовательно, справедливо Господь порицает того, кто неправым испытанием так обманывает себя, говоря: «сыны человеческие – только суета; сыны мужей – ложь; если положить их на весы, все они вместе легче пустоты» (Пс.61:10). И потому блаженный апостол увещевает,

чтобы мы, управляясь рассудительностью, не увлекались излишеством, не склонялись ни на ту, ни на другую сторону: служение ваше да будет разумно (Рим.12:1). Это запрещает также и Законодатель: «да будут у вас весы верные, гири верные, ефа верная и гин (аршин) верный» (Лев.19:36). Такое же мнение об этом высказывает и Соломон: «неодинаковые весы, неодинаковая мера, то и другое – мерзость пред Господом. Можно узнать даже отрока по занятиям его, чисто ли и правильно ли будет поведение его» (Притч.20:10–11). Потому надо стараться, чтобы нам не иметь неправильных гирь в сердцах наших и двояких мер в магазине нашей совести, т. е. чтобы, сами себе потворствуя и умаляя строгость, мы и тех, кому преподаем слово Божие, не подавляли более строгими заповедями и более тяжелым бременем, нежели сколько сами можем понести. А когда это делаем, то не берем ли двоякую гирю, не меряем ли двоякой мерою товар и плоды заповедей Господних? Ибо если иначе отмериваем себе, а иначе нашим братьям, то справедливо порицает нас Господь за то, что имеем весы неправильные и меры двоякие, как говорит Соломон: «мерзость пред Господом – неодинаковые гири, и неверные весы – не добро» (Притч.20:23). Мы окажемся явно виновными в неверном весе и двоякой мере, если, желая людской славы, будем показывать в чем-либо больше строгости, нежели как обыкновенно делаем уединенно в своих кельях, т. е. хотим казаться более воздержанными и более святыми скорее перед лицом человеческим, нежели перед Богом. Такого недуга нам следует не только избегать, но даже гнушаться. Впрочем, мы от предложенного вопроса несколько уклонились; возвратимся к тому, от чего отступили.

[45] Глава 23. О времени и мере принятия пищи

[46] Итак, в означенные праздничные дни так нужно вести себя, чтобы делаемое разрешение не повредило ни душе, ни телу. Поэтому, чтобы в праздничные дни и торжество, соблюсти, и не нарушить правила умеренности, послабление ограничивается только тем, чтобы ради праздника принимать пищу вместо девятого часа в шестой (В двенадцатом часу); а количество и качество пищи не изменяется, чтобы не устрашить целомудрия душевного и телесного, приобретенного в продолжение Четыредесятницы. Нам бесполезно будет приобрести постом то, чего тотчас должны лишиться от пресыщения; притом известна хитрость нашего врага, который тогда особенно нападает на ограду нашей чистоты, когда видит, что охранение ее ослаблено по случаю празднества. Потому со всей осторожностью следует наблюдать, чтобы через разрешение, делаемое в Пятидесятницу, не лишиться силы разума и не потерять чистоты целомудрия, приобретенной в Четыредесятницу; а для этого и в торжественные дни следует употреблять ту же пищу, какую в пост употребляем для сохранения целомудрия, и ничего не прибавлять к мере и качеству ее, дабы не дать случая из-за утешения праздничного возбудиться плотской похоти и из-за кратковременного плотского удовольствия не потерять радости и мира душевного и не оплакивать сердечного целомудрия. Необходимо всемерно стараться, чтобы и нам не напрасно были сказаны слова пророческие: «празднуй, Иудея, праздники твои, исполняй обеты твои» (Наум.1:15). Ибо если мы не изменим правил воздержания ради праздничных дней, то непрестанно будем духовно

праздновать; а таким образом, освободившись от рабства, будем иметь месяц от месяца и субботу от субботы (Ис.66:23).

47 Глава 24. О разном соблюдении Четыредесятницы

48 Герман спросил: почему Четыредесятница продолжается шесть недель (на Западе), а в некоторых областях, где больше усердия к почитанию Бога, она состоит из семи недель (на Востоке), между тем как ни то, ни другое число недель, за исключением воскресных и суббот, не составляет сорока дней? В этих неделях постных дней только тридцать шесть.

49 Глава 25. Ответ: пост Четыредесятницы составляет десятину целого года

50 Феона**. Хотя многие по благочестивой простоте совсем не спрашивают об этом предмете, но поскольку вы, желая точнее увериться в истине наших правил и тайн, обращаете испытательный взор и на такие предметы, о которых другой не считает нужным спрашивать, то узнаете настоящую причину дела, чтобы совершенно увериться в том, что предки наши ничего не установили безосновательно. В законе Моисеевом вообще всему народу предписано посвящать Богу начатки и десятую часть всех плодов. Итак, если нам нужно посвящать Богу десятую часть из нашего имущества и плодов, то тем более мы обязаны посвящать Ему десятую часть из жизни нашей, дел**

и приобретений. Эту десятую часть и составляет Четыредесятница, потому что десятую часть всего года составляют тридцать шесть с половиной дней, а в семи неделях, за исключением воскресных дней и суббот, постных дней тридцать пять. Но если к ним прибавить великую субботу, в которую пост продолжается до пения петухов, и половину ночи до рассвета следующего светлого воскресного дня, то совершенно исполнится постных дней тридцать шесть с половиной.

[51] Глава 26. Как мы должны приносить наши начатки Господу

[52] А что сказать о начатках, которые, как известно, все верно служащие Христу ежедневно приносят? Ибо когда пробудившиеся от сна и как бы воскресшие после усыпления, прежде возбуждения какого-либо чувства или памяти, или заботы о домашних делах, первые возникшие помыслы посвящают в жертву Богу, то не приносят ли истинно начатки своих плодов через верховного Первосвященника, Иисуса Христа, за пользование этой жизнью и за образ ежедневного воскресения? Также и те, которые, пробудившись от сна, принося Богу жертву прославления своего, первым движением своего языка призывают Его, те прославляют Его имя и совершенства; раскрывая сначала свои уста для воспевания Ему песней, обязанности своих уст приносят Богу в жертву. Также приносят Ему первые жертвы своих рук и ног, когда, поднявшись с постели, становятся на молитву прежде, нежели воспользуются своими членами для собственных нужд, ничего не присваивают себе из служения их, но направляют стопы для почитания Его, утверждают их в

хвалении Его и таким образом приносят Ему начатки (Начатки, ежедневно приносимые Богу, – начатки помыслов чувств и расположений; уст и речей; рук и дел; ног и шествий; всего тела и движений) всех своих движений воздеянием рук, преклонением колен и простиранием всего тела. Что поется в псалмах: «предваряю рассвет и взываю.... Очи мои предваряют *утреннюю* стражу, чтобы мне углубляться в слово Твое» (Пс.118:147–148); «рано утром молитва моя предваряет Тебя» (Пс.87:14), – этого иначе мы не можем исполнить, как если после покоя сна, пробудившись на этот свет как бы из мрака и подобия смерти, из всех обязанностей духа и тела не будем сперва совершенно ничего предпринимать для своих нужд. Ибо нет никого другого, кого бы пророк предварял поутру или кого мы должны бы предварять, кроме нас самих, т. е. предварить наши занятия, житейские попечения, или (предварить) тонкие внушения врага, которые он нам, еще покоящимся и погруженным в сон, старается всеять мечтаниями суетных сновидений, которыми бы нас тотчас по пробуждении занять, чтобы, сорвав лучшую часть наших начатков, он сам первый похитил их. Поэтому со всей осторожностью нам надо стараться (если силу вышесказанного стиха хотим исполнить делом), чтобы осмотрительная бдительность охраняла первые появления утренних помыслов, чтобы поспешное предвосхищение завистливого врага (дьявола) не осквернило чего-нибудь из них и не сделало того, чтобы Бог отверг наши начатки, как маловажные и осквернённые. Если мы не будем предупреждать его бдительной осмотрительностью ума, то он, не оставляя обычая злого предупреждения, будет ежедневно предварять нас своими обольщеньями. Потому если желаем принести богоугодные и благоприятные

начатки из плодов нашего духа, то должны прилагать большую заботу, чтобы все наши чувства телесные, особенно в утренние часы, сохранять как священную жертву Господу, не оскверненную и неприкосновенную. Этот род набожности соблюдают даже многие миряне, которые, встав прежде рассвета или на рассвете, не принимаются за необходимую житейскую работу, прежде чем, придя в церковь, не посвятят Богу начатки всех своих действий и работ.

53 Глава 27. Почему многие соблюдают неодинаковое число дней в Четыредесятнице

54 Хотя Четыредесятница в некоторых областях продолжается то шесть недель, то семь, как вы говорите, но несмотря на различия в числе недель, всюду основание и образ поста одинаковы. Шесть недель она продолжается у тех (западных), которые думают, что нужно поститься и в субботу; потому у них тридцать шесть дней составляются из шестидневного поста в каждую из шести недель.

55 Глава 28. Почему называется Четыредесятницею, когда постятся в ней только тридцать шесть дней

56 Четыредесятницею называется то время, в которое, как сказано, приносится Богу десятая часть года, через тридцать шесть с половиной дней, или потому, что через пост, соблюдаемый в эти дни, мы подражаем Моисею, Илии и самому Господу нашему, Иисусу Христу, которые,

как известно, постились по сорок дней (сюда же прилично отнести и сорок лет, в продолжение которых израильтяне странствовали по пустыне, равно как сорок станов, которые они имели во время таинственного прохождения по пустыне), или по подражанию тем римлянам, у коих та часть податей, поступающая в пользу государя, обычно называлась сороковой; поэтому и наша законная дань, которую мы должны платить Господу всех веков за нашу жизнь, должна назваться сороковой. Хотя к предложенному вопросу и не относится, но как представился случай, то считаю нужным упомянуть здесь и о том, что по свидетельству старцев в эти дни на всех христиан, особенно на монахов, гораздо сильнее нападают враги их, подобно тому, как израильтяне в Египте терпели сильнейшие притеснения. И ныне истинного Израиля, т. е. христиан, особенно монахов, духовные египтяне стараются удержать за тяжелыми земными делами, чтобы они, посредством любезного Богу успокоения (от земных дел), оставив египетскую землю, не достигли безмятежного пристанища добродетелей; и против нас фараон в гневе говорит: «они праздны, потому и кричат: пойдем, принесем жертву Богу нашему; дать им больше работы, чтоб они работали и не занимались пустыми речами» (Исх.5:8–9). Нечестивые по суете своей почитают суетным святое жертвоприношение Господу, совершаемое только в пустыне свободного духа; ибо грешнику противно богопочтение.

[57] Глава 29. Совершенные превосходят закон Четыредесятницы

[58] Итак, этим законом Четыредесятницы не связывается праведный и совершенный; он не довольствуется

подчинением этому малому правилу, которое предстоятели церквей постановили для тех, которые в течение всего года предаются утехам или мирским делам, чтобы они, связанные этою законной необходимостью, вынуждены были, по крайней мере, в эти дни послужить Господу и посвятили Ему хоть десятую часть дней своей жизни, которые все, как какие-нибудь плоды, они сами пожирали. Впрочем, праведники, которым закон не положен (1Тим.1:9) и которые духовными обязанностями занимаются не эту малую, т. е. десятую часть года, но все время своей жизни, как свободные от принесения законных десятин, если случившаяся уважительная, святая нужда заставит их, отваживаются без всякого колебания делать и послабление в посте. Ибо не требуется маловажная десятина от тех, которые вместе с собою все свое принесли Господу. Этого, конечно, не может, без крайней виновности в обмане, сделать тот, кто, ничего добровольно не принося Богу, необходимостью закона побуждается безоговорочно принести свои десятины. Поэтому ясно доказывается, что не может быть совершенным раб закона, который или остерегается того, что запрещено, или исполняет то, что предписано; но истинно совершенны те, которые не пользуются даже и тем, что законом дозволено. Таким образом, хотя о Моисеевом законе говорится, что он ничего не привел к совершенству (Евр.7:19), мы, однако, видим, что некоторые из святых в Ветхом Завете были совершенными; поскольку, превосходя повеления закона, жили под евангельским совершенством, зная, что не праведникам закон положен, но неправедным, непокорным, нечестивым, грешникам, беззаконникам и скверным.

[59] Глава 30. О причине и начале Четыредесятницы

[60] Нужно знать, что такого соблюдения Четыредесятницы не было вовсе, пока ненарушимо пребывало совершенство первенствующей церкви. Ибо не по требованию этой заповеди и не потому, что обязывались постановлением закона, они соблюдали самую строгую меру поста, да и все продолжение года сопровождалось у них равным постом. Но когда множество верующих, ежедневно уклоняясь от апостольской набожности, стало привязываться к своим богатствам, не уделяло из них в пользу всех по установлению апостолов (Деян.4–5), но, употребляя только на свои издержки, старалось не только сберечь, но и умножить их; тогда всем священникам (епископам) угодно было – людей, связанных мирскими заботами и, так сказать, почти не знавших воздержания или сокрушения, привлекать к святому делу каноническим установлением постов и побуждать требованием как бы законных десятин. Такое требование немощным могло приносить пользу и не могло вредить совершенным, которые, состоя под благодатью Евангелия, превышают закон добровольной набожностью, так что могут достигнуть того блаженства, о котором апостол говорит: «грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью» (Рим.6:14). И точно, грех не может иметь господства над тем, кто господствует над греховными расположениями.

[61] Глава 31. Вопрос: как следует понимать слова апостола: грех не должен господствовать над вами?

[62] Герман**. Не может быть ложно это апостольское изречение, которое обещает свободу от греха не только монахам, но и вообще всем христианам. Но нам, однако, кажется слишком темным. Ибо хотя оно объявляет, что все верующие в Евангелие свободны и чужды ига и господства греха; но как же почти во всех крестившихся господствуют грехи, по изречению Господа, Который говорит:** «всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин.8:34)?

[63] Глава 32. Ответ о различии благодати и заповедей закона Моисеева

[64] Феона**. Ваше любопытство предлагает нам немаловажный вопрос, силу коего, хотя знаю, неопытные не могут ни передавать, ни понимать; однако, сколько могу, попытаюсь словами изложить и коротко изъяснить, если только ваш рассудок будет исполнять на деле то, что мы говорим. Ибо что познается не наукою, а опытом, того неопытный не может ни передать, ни умом понять или удержать, а только тот способен, кто самим делом с подобным усердием приобрел познание. И потому считаю необходимым сначала исследовать, каково намерение или желание закона (Моисеева) или каково учение и совершенство благодати, чтобы из этого последовательно мы могли познать или господство греха, или изгнание**

его. Итак, закон повелевает искать брачного союза, говоря: блажен, кто имеет семя в Сионе и домочадцев в Иерусалиме (Ис.31:9); проклята бесплодная, которая не рождала; напротив, благодать побуждает нас к чистоте, всегдашней нерастленности и к целомудрию блаженного девства, говоря: «блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие!» (Лк.23:29); «кто… не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей,… тот не может быть Моим учеником» (Лк.14:26), и апостол говорит: «имеющие жен должны быть, как не имеющие» (1Кор.7:29). Закон говорит: «не медли приносить десятины твои и начатки» (Исх.22:29); благодать говорит: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение свое и раздай нищим» (Мф.19:21). Закон не запрещает мщения за оскорбления и обиды, говоря: «глаз за глаз, зуб за зуб» (Исх.21:24); благодать хочет, чтобы удвоение нанесенных обид или удара мы покрывали своим терпением, и повелевает быть готовыми к перенесению двойного лишения: «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» (Мф.5:39–40). Закон позволяет ненавидеть врагов (Лев.19:17–18); а благодать повелевает любить их и всегда молиться за них Богу (Мф.5:44).

65 Глава 33. Заповеди евангельские легче заповедей закона Моисеева

66 Итак, кто взойдет на верх евангельского совершенства, тот, возвысившись над всяким законом заслугами таких добродетелей и все заповеданное Моисеем считая как бы малым, осознает, что он находится только под благодатью

Спасителя, при помощи которой он достиг того возвышенного состояния. Следовательно, грех не господствует в нем, поскольку «любовь Божия, излившаяся в сердца наши Духом Святым, данным» нам (Рим.5:5), исключает расположение ко всякой другой вещи, не может вожделеть запрещенного или презирать веленное, не пленяется удовольствием маловажных вещей, так что не пользуется даже и дозволенным. А в законе, в котором права супружеские соблюдаются, хотя запрещение любострастия относится только к жене, плотская похоть, однако, никак не может не усиливаться, и трудно бывает, чтобы огонь, которому хотя бы и тщательно пища доставлялась, был заключен в назначенных пределах, так чтобы не прорывался и не сжигал всего, к чему не прикоснется. Если ему и встречается всегда свое препятствие, чтобы не допускать разгораться вовне, однако он воспламеняется и тогда, когда стеснен; поскольку сама воля бывает виновна и привычкою к совокуплению очень скоро увлекается к излишествам прелюбодеяния. Но кого благодать Спасителя воспламенит святой любовью к непорочности, тот огнем любви Божией истребляет все терния плотских пожеланий, так что тлеющая (под пеплом) искра страстей не уменьшает прохлады (утешения) от невинности.

Итак, рабы закона употреблением позволенного увлекаются к непозволенному, а причастники благодати, презирая непозволенное, не испытывают и запрещенного. Но грех царствует как в любителе супружества, так и в том, кто довольствуется только приношением своих десятин и начатков. Ибо, пока медлит или нерадив, обязательно будет погрешать или в качестве их, или в количестве, или в ежедневном распределении. Ибо кому

повелевается то, что у него есть, неутомимо подавать нуждающимся, тому, хотя бы с совершенною верностью и набожностью распределял, однако часто бывает трудно не впасть в сети грехов. А не может грех господствовать в тех, которые не презирают совета Господня, но, все свое имущество раздав бедным, взяв свой крест, следуют за Подателем небесной благодати. Ибо, кто благочестивым распределением раздает уже посвященное Христу богатство и деньги как чужие, того не уязвит соединенная с неверием забота о пропитании, и печальная медлительность не прогонит веселости от милостыни; поскольку, что однажды вполне принес Богу, то уже раздает без воспоминания о собственной необходимости или без страха стесненной жизни, будучи уверен, что когда дойдет до вожделенной нищеты, то Бог будет питать его гораздо больше, нежели птиц небесных. Напротив, кто, удерживая мирское имущество, по требованию ветхого закона отдает десятины своих плодов и начатки, тот хотя этой росою милостыни угашает огонь своих грехов, однако, с каким бы великодушием ни раздавал свое богатство, невозможно ему вполне освободиться от господства греха иначе, как благодатью Спасителя, когда на самом деле отвергнет и само расположение к стяжанию. Равным образом не может не раболепствовать жестокой власти греха тот, кто хочет по заповеди закона вырвать глаз за глаз, зуб за зуб или ненавидеть своего врага; поскольку кто хочет за свою обиду мстить взаимным воздаянием, сохраняет горечь ненависти к врагам, тот всегда будет возмущаться гневом и яростью. Но кто пребывает под просвещением евангельской благодати, побеждая зло не сопротивлением, а терпением, перенося удар в правую щеку, не медлит добровольно подставить и другую и

желающему завести с ним тяжбу из-за рубахи отдает и плащ, и кто любит врагов своих и молится за оклеветавших его, тот свергает с себя иго греха и разрывает узы. Ибо он живет не под законом, который не истребляет семян грехов (потому блаженный апостол справедливо о нем говорит: «отменение же прежде бывшей заповеди бывает по причине ее немощи и бесполезности, ибо закон ничего не довел до совершенства» (Евр.7:18–19); и Господь через пророка говорит: и попустил им учреждения недобрые и постановления, от которых они не могли быть живы [72] (Иез.20:25); но под благодатью, которая не только отсекает ветви зла, но и сами корни развращенной воли исторгает.

[67] Глава 34. Как узнать, что кто-нибудь находится под благодатью

[68] Кто старается достичь совершенства евангельского учения, тот, состоя под благодатью, не угнетается господством греха. Ибо быть под благодатью значит исполнять то, что благодать повелевает. А кто не хочет подчиниться требованию евангельского совершенства, тот не знает, хотя и крещен и кажется монахом, что он не состоит под благодатью, но спутан еще узами закона и обременен тяжестью греха. Ибо намерение Того, Кто всем принявшим Его несет благодать усыновления, состоит не в том, чтобы разрушать, но создать, не упразднить, а исполнить Моисеевы постановления. Некоторые, совершенно не зная этого и пренебрегая величием советов и увещеваний Христовых, вдаются в распущенность мнимой свободы, так что не только до заповедей Христовых, как трудных, не дотрагиваются, но

и теми самыми, которые законом Моисеевым предписаны начинающим и детям, пренебрегают, как упраздненными, за что апостол укоряет по испорченной свободе говорящих: «станем ли грешить, потому что мы не под законом, а под благодатью?» (Рим.6:15). Следовательно, кто не состоит ни под благодатью, потому что не восходит к совершенству учения Господня, ни под законом, потому что и самых малых заповедей закона не исполняет, тот, будучи угнетен двойной властью грехов, думает, что только для того получил благодать Христа, чтобы по превратной свободе быть чуждым его, впадая в то, во что апостол Петр убеждает не впадать, говоря: поступайте, «как свободные, а не как употребляющие свободу для прикрытия зла» (1Пет.2:16). Также блаженный апостол Павел говорит: «к свободе призваны вы, братия, т. е. чтобы свободны были от господства греха; только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти», т. е. упразднение заповедей закона (Моисеева) не считайте позволением пороков (Гал.5:13). Эта свобода находится только там, где пребывает Господь, как учит апостол Павел: «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (2Кор.3:17). Поэтому не знаю, могу ли я выразить и объяснить этот смысл блаженного апостола, как понимают опытные; одно знаю, что он даже и без объяснения чьего-либо ясно открывается всем тем, которые в совершенстве усвоили деятельную науку. Они не будут трудиться над тем, чтобы посредством рассуждения уяснить то, что уже делом изучили.

[69] Глава 35. Вопрос: отчего иногда, постясь, мы сильнее испытываем плотское возбуждение?

[70] Герман**. Ты ясно раскрыл весьма темный вопрос и для многих, как думаем, вовсе неизвестный. Потому просим для нашего преуспевания прибавить еще и тщательное объяснение, отчего иногда сильнее возбуждается плоть, даже когда мы больше постимся, отощаем и ослабеем? Часто, пробудившись от сна, находим, что подверглись осквернению от плотского истечения, от этого смущаемся совестью до того, что не осмеливаемся дерзновенно встать и на саму молитву.**

[71] Глава 36. Ответ: этот вопрос должен быть отложен до будущего собеседования

[72] Феона**. Ваше усердие, с каким желаете проходить путь совершенства не как-нибудь, а главным и совершенным образом, заставляет нас неутомимо заняться этим рассуждением. Вы спрашиваете не о внешнем целомудрии, наружном обрезании, а о сокровенном, зная, что в этом видимом воздержании плоти нет полноты совершенства, его могут иметь и неверные или по необходимости, или по лицемерию; вы спрашиваете о той добровольной, духовной чистоте сердца, о которой блаженный апостол так говорит:** «не тот Иудей, кто *таков* по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но *тот* Иудей, кто внутренно *таков,* и *то* обрезание, *которое* в сердце, по духу, *а* не по букве: ему и

похвала не от людей, но от Бога» (Рим.2:28–29), Который один испытывает тайны сердечные. Впрочем, поскольку нельзя вполне удовлетворить вашему желанию, потому что оставшегося времени ночи недостаточно для исследования этого темного вопроса, то, думаю, лучше отложить его до другого времени. Ибо это должно быть объяснено нами и запечатлено в ваших умах мало-помалу и после совершенного освобождения сердца от всякого смятения помыслов; это как для очищения совести должно быть исследовано, так и потому, что только тот может изложить и объяснить, кто опытом изведал дарование непорочности. Ибо требуется не доказательство пустыми словами, но то, что внушает искреннее убеждение совести и большая сила истины. И потому о знании и науке этого очищения может что-нибудь сказать только опытный, и передать что-нибудь можно только ревностному, очень рачительному любителю самой добродетели, который желает усвоить ее всеми силами души, именно не ревностью бесплодной говорливости, но желанием внутренней чистоты.

Двадцать второе собеседование аввы Феоны (второе). О ночных искушениях

[1] Глава 1

[2] Спустя почти семь дней по окончании праздника Пятидесятницы, когда в самом начале ночи, т. е. после вечернего богослужения, занятые ожиданием обещанного рассуждения, вошли мы в келью святого Феоны, бодрый старец с веселым лицом, ласковым словом первый, приветствуя нас, стал говорить: я удивлялся, что ваше пламенное усердие могло отложить разрешение предложенного вопроса на эти семь дней и на столько времени дать отсрочку должнику своему, особенно не просящему. Поскольку ваша благосклонность добровольно дала мне столь большую отсрочку, то справедливость требует, чтобы и я не медлил с уплатою долга. Ибо приятно одолжаться таким займом, который доставляет большое приращение, когда уплачивается и не только обогащает занимающего, но ничего не уменьшает и у заимодавца. Преподаватель духовных предметов приобретает двоякую прибыль. Ибо польза последует не только в преуспевании слушающего, но и в рассуждении преподающего, потому что и самого себя не меньше воспламеняет к желанию совершенства, когда наставляет слушателя. Потому ваше усердие есть мой успех; ваша забота есть мое сокрушение. Ибо и сам я, может быть, ныне дремал бы умом, и ничего из того, о чем вы спрашиваете, я не рассматривал бы в своем сердце, если бы ваша горячность и ожидание не возбудили меня,

некоторым образом спящего, к воспоминанию о духовных предметах. И потому пусть повторится, если угодно, вопрос, разрешение которого прежде из-за краткости времени мы захотели отложить до завтра.

3 Глава 2. Повторение предложенного вопроса: почему за большим воздержанием иногда следует большая борьба плоти?

4 Ваш вопрос, если не ошибаюсь, состоял в том, почему мы иногда, меньше постясь, слабее ощущаем щекотания плоти, а иногда, строже воздерживаясь, сокрушив и истощив тело, сильнее разжигаемся, так что, как открыло ваше сознание, проснувшись, мы находим себя замаранными истечением естественной влаги.

5 Глава 3. От трех причин происходит истечение во сне

6 Итак, по мнению предков наших, бывает троякая причина этого искушения. Оно происходит или от излишества пищи, или от беспечности духа, или от наветов врага-обольстителя. Итак, первая причина есть порок чревобесия, т. е. прожорливости или пресыщения, от которого избыток нечистой влаги истекает. А когда и во время строгого воздержания чистота оскверняется истечением, то это зависит не от настоящего воздержания от пищи, как вы думаете, а от излишества предыдущего насыщения. Ибо что от прожорливого пресыщения скопилось в членах, то обязательно изливается от раздражения или бессознательно, хотя тело и было ослаблено великим постом. Поэтому не

только от роскошной пищи надо воздерживаться, но и простую пищу нужно умеренно употреблять с равномерным воздержанием; даже и в самом хлебе и воде следует избегать сытости, чтобы долго могла пребывать в нас приобретенная чистота тела, и некоторым образом подражать ненарушимой чистоте духа, хотя нам необходимо сознаться, что иногда и без всякого старания духа, по холодности ли тела (темперамента) или по преклонности возраста, некоторые редко оскверняются или вовсе не оскверняются истечением. Но другую заслугу имеет тот, кто легко достигает мирного состояния при беспечности, и иную тот, кто приобретает победу славными подвигами. Ибо мужество этого, побеждающее все пороки, достойно чуда, а того, кому добро легко достается при его беспечности, по моему мнению, надо считать скорее нерадивым, нежели достойным похвалы.

Вторая причина нечистого истечения та, если дух, не занимаясь духовным учением и упражнением, по привычке к постоянной бездеятельности, закоснеет в состоянии беспечности, или когда, не остерегаясь нечистых помыслов, остается при таком вялом расположении к высшей чистоте сердца, что всю сущность целомудрия и совершенства видит только в исправности внешнего человека. А следствием безрассудства и нерадения бывает то, что блуждание различных помыслов не только бесстыдно, нагло обнаруживает сокровенное состояние духа, но и всегда остаются в нем семена всех древних страстей. Пока это в сокровенности его скрывается, хотя строгим постом тела обуздывается, однако спящего беспокоят обольстительные мечты, из-за которых уже не по необходимости природы, а по обольщению злого духа

прежде наступления законного времени вытекает нечистая влага, которой если вовсе нельзя воспрепятствовать (не столько истощением плоти, сколько осмотрительностью и силою духа), по крайней мере, при содействии благодати Божьей надо привести к качеству простого извержения. И для этого особенно должна сдерживаться рассеянность чувств, чтобы дух, привыкнув к этим развлечениям, не увлекался во сне нечистым возбуждением сладострастия.

Третья причина (истечения), что хотя правильным соблюдением воздержания и сокрушением сердца и тела желаем приобрести постоянную чистоту целомудрия; но на нас, усердно старающихся о пользе плоти и духа, коварнейший враг по зависти нападает так, что, силясь низложить надежду нашей совести и смирить нас как бы какой виною, особенно в те дни, в которые мы желали бы с большей чистотою угождать только Богу, – хоть без всякого раздражения плоти или согласия духа, и не через обольщение какой-нибудь мечтою, а простым извержением влаги оскверняет нас, чтобы отлучить нас от святого приобщения. У некоторых из новичков и тех, тела которых еще не утончены долгим постом, из-за козней дьявольских случается это обольщение, вероятно, и для того, чтобы, и при соблюдении самого строгого поста, этой злокозненностью разрушить все их усилия, чтобы, осознав, что они строгим постом не только не преуспели в чистоте тела, но еще больше стали оскверняться истечением, – они страшились строгого воздержания, как враждебного. Поэтому следует знать, что мы должны очищаться от всякого порока не только потому, что он возмущает наше чувство, но потому, что он не довольствуется тем, чтобы господствовать одному, без

соучастия других, а введя свирепую толпу всех страстей, разнообразным пленом опустошает покоренный ему дух. И потому чревобесие должно быть побеждено не для себя только, чтобы не вредило нам обременительной прожорливостью, и не для того только, чтобы не разжигало нас огнем плотской похоти, но и для того, чтобы не делало нас рабами гнева или ярости, печали и всех прочих страстей. Ибо когда пища или питье подается нам меньше, или небрежно, или медленно, то, при господстве страсти пресыщения над нами, от этого в нас возбуждается гнев. Также мы не можем услаждать вкуса лакомством без страсти сребролюбия, при избытке запасов которого роскошь делает большие расходы. А сребролюбие, тщеславие, гордость и множество всяких пороков соединяются нераздельным союзом. Таким образом, если и один какой-нибудь порок начнет усиливаться в нас, то он будет доставлять приращение и прочим.

[7] Глава 4. Вопрос: можно ли приступить к святому причащению осквернённому ночным истечением?

[8] Герман**. По устроению Божию, этот вопрос предложен на рассмотрение для того, чтобы мы, возбуждаемые теперь удобным случаем собеседования и ходом речи, научились тому, о чем по стыдливости, лишающей смелости спрашивать, никогда бы не осмелились спросить. Итак, если в то время, когда следует приступить к Святым Тайнам, нам случится быть осквернёнными от мечтаний во**

сне, нужно ли принимать или оставить причащение Святой Евхаристии?

[9] Глава 5. Ответ: когда истечение во сне признается виною

[10] Феона. **Со всем тщанием, насколько для нас возможно, мы должны стараться сохранить неосквернённой чистоту целомудрия, особенно в то время, когда хотим приступить к святому жертвеннику, и с бдительной осмотрительностью надо остерегаться, чтобы чистота плоти, сохраненная в предыдущее время, не была нарушена особенно в ту ночь, когда мы готовимся к причащению. Но если злейший враг, чтобы лишить нас небесного лекарства, обольстит усыпленный дух только так, что не осквернится никаким, достойным порицания, возбуждением, никаким согласием его на услаждение, но произойдет истечение по естественной необходимости или по действию дьявола без чувства удовольствия, для воспрепятствования нашему освящению, то мы можем и должны благонадежно приступить к благодати спасительной пищи (Евхаристии). Если же по нашей вине произойдет истечение, то, слушаясь своей совести, убоимся того, что апостол говорит: кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем (1Кор.11:27–29), т. е. эту небесную пищу**

не отличая от маловажной, обыкновенной пищи и не считая ее такой, которую бы надо принимать только с чистым духом и телом. Потом апостол прибавляет: «оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает» (1Кор.11:30); духовные немощи и смерти происходят от такого причащения. Ибо многие, которые недостойно причащаются, становятся немощны верою, слабы духом, т. е. подвергаются недугам страстей, засыпают сном греха, от этого смертного усыпления никак не пробуждаются для спасительной заботливости. Потом следует: «ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы» (1Кор.11:31), т. е. если бы мы считали себя недостойными принятия таинств всякий раз, как подвергаемся ране греховной, то прилагали бы старание к тому, чтобы, исправившись через покаяние, достойно приступить к ним, и не наказывались бы от Господа жестокими бичами немощей для того, чтобы, хоть таким образом сокрушаясь, мы прибегли к исцелению наших ран. А иначе, если будем признаны недостойными краткого вразумления в этом веке, в будущем подвергнемся суду вместе с грешниками этого мира. Это ясным учением заповедуется и в книге Левит: «мясо чистое может есть всякий чистый; если же какая душа, имея на себе нечистоту, будет есть мясо мирной жертвы Господней, то истребится душа та из народа своего» (Лев.7:19–20). И в книге Второзакония повелевается нечистого отлучать от лагерей: «если у тебя будет кто нечист от случившегося [ему] ночью, то он должен выйти вон из стана и не входить в стан, а при наступлении вечера должен омыть [тело свое] водою, и по захождении солнца может войти в стан» (Втор.23:10–11).

11 Глава 6. Что осквернение тела иногда не заключает в себе вины и случается по действию дьявола, это доказывается примером

12 Но чтобы яснее доказать, что иногда и по действию врага приключается нечистота, то скажу, что мы знали брата, который хотя постоянно сохранял чистоту сердца и тела, приобретенную высшей осмотрительностью и смирением, в другое время не искушался ночными обольщеньями, а когда готовился к принятию причастия Господня, то во сне осквернялся нечистым истечением. Он, долгое время удерживаясь от Св. Тайн по благоговению, наконец предложил старцам этот вопрос, надеясь получить от их врачебного совета средство против искушения и своей болезни. Но когда духовные врачи исследовали первую причину этой болезни, обычно происходящей от обильного принятия пищи, и узнали, что ее нет у упомянутого брата, что это искушение произошло не от пресыщения, потому что особенная исключительность брата по известной строгости в праздничные дни, в которые случалось истечение, не позволяла им это думать, то они обратились к исследованию второй причины этого недуга: не по вине ли души истощенная постом плоть подвергалась нечистому истечению, которым даже и весьма строгие воздержники, хоть немного превознесшиеся чистотой своего тела, оскверняются за гордость, именно за то, что подумали, будто они человеческими силами приобрели особенный дар Божий, т. е. чистоту тела. Будучи спрошен, не думал ли он, что своим усердием приобрел эту добродетель, так что не нуждался в помощи Божией, брат, с совершенным отвращением отвергая эту

нечестивую мысль, смиренно утверждал, что он и в прочие дни не мог бы сохранить чистоту тела, если бы благодать Божия не помогала во всем. Тогда, обратившись к третьей причине, увидели сокровенные козни злодейства дьявольского, и, доказывая, что тут нет вины ни души, ни плоти, присудили, что он должен вполне благонадежно приобщаться Св. Тайн, чтобы при долгом уклонении от этого не был опутан хитрыми сетями злобного врага, и, не имея возможности быть причастником Тела Христова и освящения, не лишился навсегда спасительного лечения. Таким образом обнаружилась вся проделка дьявола, так что силою Тела Господня тотчас прекратилось приключавшееся прежде истечение. В этом ясно открылась хитрость врага и подтвердилось мнение старцев, которые учили, что это нечистое истечение большей частью происходит не от вины души, а от злоумышленной проделки врага. Итак, чтобы обольстительное мечтание во сне, производящее нечистое извержение, прекратилось навсегда или, по крайней мере, на известные месяцы, то после веры, по которой нам следует всегда ожидать дар чистоты особенно от благодати Божией, надо избегать излишества в пище и питье. Ибо от избытка их обязательно вскоре порождается влага, которая, скопившись, не может не испражняться: по закону самой природы изгоняется и по поводу какого-либо раздражения или мечтания вытекает. А от ограничения сытости в пище последует то, что нечистая влага медленнее будет скопляться; и таким образом, как истечение их, так и обольстительные грезы реже или слабее будут беспокоить спящих, потому что не только извержение от мечтаний, но и мечтания от излишества скопившейся влаги происходят.[73]

Поэтому, если хотим освободиться от обольстительных мечтаний (во сне), то всей силою должны стараться: во-первых, победить блудную страсть, так чтобы, по блаженному апостолу, «не царствовал грех в смертном нашем теле, чтобы... повиноваться ему в похотях его» (Рим.6:12); во-вторых, чтобы, укротив и совершенно усыпив сладострастное раздражение тела, «не предавать членов наших греху, в орудия неправды» (Рим.6:13); в-третьих, чтобы внутреннего нашего человека всемерно и в основании умертвив для раздражения похоти, нам представить себя Богу как оживших из мертвых, и таким образом, достигнув постоянного покоя нашего тела, предоставить члены наши уже не в орудия похоти, а правды Богу. Когда мы укрепимся в этой чистоте целомудрия, тогда грех уже не будет господствовать в нас. Ибо мы находимся не под законом, который, предлагая позволенные брачные права, питает и сохраняет в наших членах тот жар, с которым исполняется дело непозволенного блуда, – но под благодатью, которая, внушая нерастленность девственности, подавляет и невинное, простое раздражение плоти и удовольствие даже самого дозволенного совокупления; и таким образом, по иссушении всех влаг нечистого стока, сделавшись отличными и похвальными евнухами, о которых предсказывал пророк Исайя, удостоимся получить обещанное им блаженство. Ибо Господь так говорит об евнухах: «которые хранят Мои субботы и избирают угодное Мне, и крепко держатся Завета Моего, – тем дам Я в доме Моем и в стенах Моих место и имя лучшее, нежели сыновьям и дочерям; дам им вечное имя, которое не истребится» (Ис.56:4–5). Кто эти сыновья и дочери,

перед которыми настолько превозносятся эти евнухи, что получат и место, и имя лучшее, как не те святые, которые в Ветхом Завете, пребывая в брачном союзе, исполнением заповедей достойно усвоили имя сынов Божиих? И что это за имя, которое обещается им как нечто особенное вместо высшей награды, как не то, что мы называемся именем Христа? Об этом имени пророк говорит: «рабов Своих назовет иным именем, которым кто будет благословлять себя на земле, будет благословляться Богом истины; и кто будет клясться на земле, будет клясться Богом истины» (Ис.65:15–16). Еще: «и назовут тебя новым именем, которое нарекут уста Господа» (Ис.62:2). Они за чистоту сердца и тела будут наслаждаться особенным и единственным блаженством, что всегда будут воспевать ту песнь, которой никто другой из святых не может воспевать, как только те одни, которые последуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел. Ибо это – «девственники, и с женами не осквернились» (Апок.14:4). Потому если желаем достигнуть этой высокой славы девственников, то всей силою должны приобретать чистоту сердца и духа, чтобы не попасть в число тех неразумных дев (Мф.25:2–12), которым не вменилось девство из-за того только, что они сохранили себя чистыми только от плотского совокупления, и поэтому хотя названы девами, но неразумными, потому что, при оскудении в их сосудах елея внутренней чистоты, светлость и блеск телесного девства тускнеет. Ибо необходимо и чистоту внешнего человека поддерживать пищею и питьем внутренней чистоты, и всегда воодушевляться ею для сохранения постоянной непорочности. И потому неразумные девы не удостоились вместе с разумными войти в славный чертог жениха, так как не сохранили духа своего непорочным и души и тела безукоризненными в день Господа нашего

Иисуса Христа. Ибо те истинные и непорочные девственники Христа и считаются удивительными, отличными евнухами, которые не только боятся, но и не хотят блудодействовать, которые не только обуздывают сладострастие, но победили даже самое малейшее страстное услаждение сердца и слабое возбуждение похоти и до того утончили чувство плоти, что не возмущаются не только никаким услаждением от разжигания ее, но и малым щекотанием [74].

[13] Глава 7. Никто не должен считать себя достойным святого причащения

[14] А сердце свое мы должны охранять смирением и постоянно держаться того убеждения, что мы никак не можем сами достигнуть совершенной чистоты, хотя бы мы, при помощи благодати Божией, и сделали все вышесказанное; однако должны считать себя недостойными причащения Тела Христова [75], во-первых, потому, что величие этой небесной манны таково, что никто, обложенный этою бренной плотью, не принимает эту святую пищу по своей заслуге, а только по незаслуженной милости Господней; во-вторых, потому, что никто в борьбе с этим миром не может быть так осмотрителен, чтобы не уязвляли его хоть редкие или легкие стрелы грехов, ибо невозможно, чтобы человек не согрешил или по неведению, или по нерадивости, или по легкомыслию, или по увлечению, или по рассеянности помыслов, или по нужде какой-либо, или по забвению. Если бы кто и взошел на самый верх добродетелей, так что нехвастливо мог бы взывать с апостолом: «для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе. Ибо хотя я ничего не

знаю за собою, но тем не оправдываюсь» (1Кор.4:3–4); однако должен знать, что он не может быть без греха. И не напрасно тот же учитель прибавил: но тем не оправдываюсь, т. е. хотя я и признаю себя правым, но не получу тотчас истинную славу, или поскольку совесть моя не обличает меня ни в каком грехе, то будто поэтому я не имею в себе нечистоты. Ибо многое скрывается от моей совести, и хоть для меня неведомо, но Богу известно и открыто. Потому апостол присовокупляет: судия же мне Господь, т. е. Он один, зная тайны сердца, произведет верный суд.

[15] Глава 8. Возражение аввы Германа касательно сказанного о святом причастии

[16] Герман**. Выше было сказано, что только святые должны быть причастниками небесных таинств, а теперь прибавляется, что невозможно человеку быть совершенно свободным от греха. Если нет никого свободного от греха, то нет никого и святого; следовательно, человек, которому недостает святости, не может быть причастником таинств Христовых, также не должен и ожидать Царства Небесного, которое Господь обещает одним святым.**

[17] Глава 9. Ответ: многие могут быть святыми, но нет никого без греха, кроме Христа

[18] Феона**. Мы не можем отвергать, что есть много святых и праведных; но между святым и безгрешным большое различие. Ибо иное – быть**

кому-нибудь святым, т. е. посвященным богопочтению, ибо это имя, по свидетельству Св. Писания, есть общее не только для людей, но и для мест, и сосудов храма, и жаровен. А другое – быть без греха, что приличествует единственно величию Господа нашего Иисуса Христа, о Котором апостол говорит, присваивая Ему как особенное преимущество, как нечто несравненное и божественное: «Он не сделал никакого греха» (1Пет.2:22); иначе такая похвала была бы слишком маловажной и недостойной его проповеди, если бы и мы могли проводить жизнь, свободную от всякого греха. Еще апостол говорит: «мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно *нам,* искушен во всем, кроме греха» (Евр.4:15). Итак, если бы и мы, земные, смиренные, могли иметь ту общность с превосходным и божественным Первосвященником, чтобы и мы были искушаемы без всякого греха, то для чего бы апостол, усматривая в нем это, как нечто единственное, особенное, заслугу Его обозначил с таким различием от людей? Следовательно, этой одной исключительной чертою отличается от всех нас Тот, Кто, как известно, был искушаем без греха. Ибо кто из людей, даже храбрый и воинственный, не подвергался часто неприятельским стрелам? Кто обложенный как бы непроницаемой плотью, без опасения подвергался стольким опасностям в сражении? А Он один, прекрасный добротою больше всех сынов человеческих (Пс.44:3), подвергшись человеческой смерти со всей слабостью плоти, никогда не имел никакой нечистоты.

[19] Глава 10. Только Сын Божий без всякого уязвления грехом победил искусителя

[20] Он был искушен, по подобию нашему (Евр.4:15), сперва страстью чревоугодия, так что хитрый змей в том же порядке, в каком прежде обольстил Адама, старался искусить Его желанием пищи, говоря: «если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами» (Мф.4:3) Но, не допустив никакого греха в этом искушении, хотя и представлялось к этому несомненное удобство, Он отверг пишу, которую предлагал Ему лукавый искуситель, говоря: «не хлебом одним будет жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф.4:4; Втор.8:3). Он был искушаем также тщеславием по подобию нашему, когда Ему было сказано: «если Ты Сын Божий, то бросься вниз» (Мф.4:6). Но Он не был уловлен лукавым внушением дьявола и, опровергая тщеславного обольстителя изречением Св. Писания, ответил: «не искушайте Господа, Бога вашего» (Мф.4:7; Втор.6:16). Он был искушаем и гордостью по подобию нашему, когда дьявол обещал Ему все царства мира и славу их; но злое искушение отвергнуто и посрамлено, ибо Он ответил ему: «отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мф.4:10, Втор.6:13). Из этих свидетельств научаемся, что и мы также словами Св. Писания должны противиться лукавым внушениям врага. Опять, Спаситель был искушаем гордостью по подобию нашему, когда тот же хитрый клеветник через людей старался предложить Ему царство, которое Он прежде отверг; но он без греха посрамил наветы искусителя. Ибо когда Иисус узнал, что хотят прийти, взять Его и сделать Его царем, опять ушел на гору один (Ин.6:15). Был Он искушаем по подобию

нашему, когда били Его бичами, рукою по ланитам, плевали, когда до конца претерпел чрезвычайные мучения на кресте; но никогда никакими, не говорю, поношениями, даже и мучениями Он не был возбужден и к самому легкому негодованию; напротив, вися на кресте, умилительно взывал: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк.23:34).

[21] Глава 11. Один Христос пришел в подобии плоти греха

[22] Как же тогда понимать и то, что апостол говорит об Иисусе Христе, что Он пришел в подобии плоти греховной, если бы и мы могли иметь плоть, не оскверняемую никаким грехом (Рим.8:3)? Ибо и это о Том, кто Один есть без греха, упоминается как нечто единственное. Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной; потому что Спаситель, принимая истинное и целое существо человеческой плоти, принял не сам грех в ней, но подобие греха. Подобие должно относиться не к истинности плоти, по превратному понятию некоторых еретиков, а к образу греха. Ибо в Нем была хотя и истинная плоть, но без греха, т. е. подобная греховной. То относится к истинности человеческого существа, а это к порокам и нравам. Он имел подобие плоти греховной, когда, как человек незнающий, заботясь о хлебе, спрашивал: сколько хлебов имеете?» (Мк.6:38). Но как плоть его не была подвержена греху, так и душа – неведению. Потом евангелист прибавляет: «говорил же это, испытывая его; ибо Сам знал, что хотел сделать» (Ин.6:6). Он имел плоть, подобную нашей грешной, когда, как бы жаждая, просил у самаритянской женщины пить; но она не была осквернена греховной нечистотою; потому

что, напротив, женщина была вызвана на то, чтобы просить у него воду живую, которая не допускала бы ей жаждать никогда, но была в ней источником воды, текущей в жизнь вечную (Ин.4:7). Он имел истинную эту плоть, когда спал на корабле; но чтобы плавающие с Ним не обманулись подобием плоти греховной, Он, «встав, запретил ветру и морю, и сделалась великая тишина» (Мф.8:26). По общей всем участи Он казался подверженным греху, когда говорили о Нем: «если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к нему, ибо она грешница» (Лк.7:39); но Он не имел действительного греха, потому, обличив хулу фарисея, Он тотчас простил грехи женщине. Думали, что Он носит грешную плоть, как и другие, когда, как человек, находясь в опасности смерти и пораженный страхом угрожающих мучений, Он молился: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия;» и «скорбит смертельно душа Моя» (Мф.26:38–39); но эта скорбь не знала духовной язвы; потому что виновник жизни не мог бояться смерти. Ибо Он говорит: «никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее» (Ин.10:18).

23 Глава 12. Все праведные и святые были не в подобии греха, а в действительности имели грех

24 Тот человек, который родился от Девы, отличается сильно от всех нас, рождающихся от совокупления обоих полов, тем, что все мы не подобие греха, а действительный грех имеем в плоти, а Он не действительный грех, а только подобие греха имел и

принял истинную плоть. Хотя написанное о Нем у пророка Исайи фарисеи хорошо помнили, что Он «не сделал греха, и не было лукавства в устах его» (Ис.53:9); однако подобием плоти греховной они обманывались, так что говорили: «вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам» (Мф.11:19). И тому слепому, который получил прозрение, говорили: «воздай славу Богу; мы знаем, что Человек Тот грешник» (Ин.9:24). И Пилату говорили: «если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе» (Ин.18:30). Итак, кто осмелится считать себя без греха, тот виновен будет в пороке хулы и гордости, если будет присваивать себе равенство в том, что свойственно только одному Иисусу Христу. Ибо будет следовать, что, по его словам, он имеет подобие плоти греховной, а недействительный грех.

25 Глава 13. Грехи святых не настолько тяжки, чтобы отнимали у них заслугу или имя святости

26 Впрочем, Св. Писание ясно свидетельствует, что праведные и святые мужи не свободны от вины: «семь раз упадет праведник и встанет» (Притч.24:16). Ибо что иное значит падать, как не грешить? Хотя и говорится, что семь раз падает, однако называется праведным, и праведности его не препятствует падение по немощи человеческой; потому что большое различие между падением праведного человека и грешника. Ибо иное сделать смертный грех, а другое – помыслом допустить что-либо не безгрешное, или по неведению, или по забвению, или по легкости празднословия погрешить, или на минуту усомниться в чем-нибудь касательно предметов

веры, или увлечься тонким подстреканием тщеславия, или по немощи природы несколько отступить от высшего совершенства. Это семь родов падений (Семь грехов простительных: по неведению; по забвению; помыслами; праздным словом; по внезапному увлечению, по нужде обстоятельств; по немощи плоти), которым святой хотя иногда подвергается, однако не перестает быть праведным. Хотя они кажутся легкими и малыми, однако делают его не безгрешным. Ибо имеет, в чем ежедневно каяться и просить прощения и постоянно молиться о своих грехах, говоря: «прости нам долги наши» (Мф.6:12). И чтобы доказать очевидными примерами, что некоторые из святых грешили, однако не отпали от своей праведности, укажем на блаженнейшего и превосходного среди апостолов, Петра, которого надо считать не иначе, как святым, особенно в то время, когда Господь говорил ему: «блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах;... и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф.16:17, 19). Что яснее этой похвалы Господа? Что может быть выше этой власти и блаженства? Однако немного спустя, когда, не понимая тайны страданий, не зная пользы от них для рода человеческого, прекословил, говоря: «будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою! – то услышал: отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мф.16:22, 23). Когда сама справедливость (т. е. Иисус Христос) порицала Петра этими словами, то можно ли думать, что он никогда не подвергался падению или не остался в святости и праведности? Также и во время страданий, можно ли отрицать, что он подвергся

падению, когда из страха перед гонениями три раза отрекся Господа? Но тотчас, покаявшись, горькими слезами смыв пятно такого преступления, он не лишился заслуги святости и праведности. Итак, о нем и о подобных ему святых мы должны думать то, что воспевает Давид: «Господом утверждаются стопы *такого* человека, и Он благоволит к пути его: когда он будет падать, не разобьется, ибо Господь поддерживает его за руку» (Пс.36:23–24). Ибо чьи стопы Господом утверждаются, тот разве может быть чем-либо иным, как не праведником? Однако о нем говорится: когда он будет падать, не разобьется. Что значит: упадет, как не то, что подвергнется падению в какой-либо грех? Но он не разобьется, т. е. не будет долго подавлен тяжестью греха. Хотя на первый взгляд и кажется, что он разбился, однако при помощи Божией, которую испрашивает, поднявшись, скорым вставанием не теряет праведности; или если на минуту по немощи плоти и споткнется в чем-нибудь, но, поддержанный рукою Господа, опять поправится. Ибо не перестает быть святым после падения. Сознавая, что он не может оправдаться надеждою на свои дела, и веря, что от уз греховных может освободиться только благодатью Божьей, он не перестает с апостолом взывать: «бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти? Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим» (Рим.7:24–25).

[27] Глава 14. Как следует понимать слова апостола: доброго, которого хочу, не делаю

[28] Апостол Павел, сознавая, что человек не может проникнуть в непознаваемую глубину чистоты при сопротивлении волнующихся помыслов, как бы долго

обуреваемый на глубине, сказал: «доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Рим.7:19–20, 22–23). Разглядев слабость свою или саму природу, устрашившись безмерной высоты, притек к безопасной пристани Божией помощи и, как бы отчаиваясь касательно естественной слабости своего судна, подавляемого тяжестью смертности, у Того, для Которого нет ничего невозможного, просит средства избавиться от кораблекрушения, взывая с жалобным воплем: бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти? И тотчас надеется получить от благости Божией избавление, в котором отчаялся было из-за немощи природы, благонадежно присовокупив: благодать Божия [76] чрез Христа Господа нашего избавит (Рим.7:25).

[29] Глава 15. Возражение: не от лица ли грешников апостол это сказал?

[30] Герман**. Многие утверждают, что это апостольское изречение надо понимать так, что это он сказал не от своего лица, а от лица тех грешников, которые, желая воздерживаться от телесных прелестей и удовольствий, связанные прежними пороками, плененные удовольствием плотских страстей, не могут удерживаться, когда по застарелой привычке к порокам, как бы угнетаемые жестокой тиранией, не могут стремиться к свободе целомудрия. Ибо как блаженному апостолу, который, как известно,**

достиг самого верха совершенства, может приличествовать то, что он говорит: «доброе, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Рим.7:19–20, 22–23)? Итак, в чем это может быть приложено к лицу апостола? Что есть доброго, чего бы он не мог исполнить? И напротив, что есть злого, что он нехотя и ненавидя, по принуждению природы, неизбежно сделал? Сосуд избранный, в котором говорил Христос Господь, к какому закону греховному мог быть привлечен, как пленник? Он, пленяя всякое непослушание и всякое превозношение, восстающее против Бога (2Кор.10:6), с надеждою провозглашал о себе: «подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный» (2Тим.4:7–8).

31 Глава 16. Откладывание ответа на предложенный вопрос

32 Феона**. Я пришел было в безопасную пристань молчания, а вы опять принуждаете меня выйти в безмерное море глубочайшего вопроса. Но, улучив удобство безопасной стоянки, здесь, по окончании поприща столь долгого собеседования, положим якорь молчания, чтобы в завтрашний день, если, впрочем, не воспрепятствует никакая сила бури,**

испытав веяние благоприятного ветра, растянем паруса рассуждения.

Двадцать третье собеседование аввы Феоны (третье). О словах апостола: доброе, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю

1 Глава 1

2 После рассвета, когда мы с большей настойчивостью стали убеждать старца исследовать глубины апостольского изречения, он начал так говорить: свидетельства, которыми вы старались доказать, что апостол Павел не от своего, а от лица грешников сказал: доброе, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих, – напротив, ясно доказывают, что это не может вполне приличествовать лицу грешников, а сказанное относится только к совершенным и пристойно святости только тех, которые явили заслуги апостольские. Впрочем, каким образом может приличествовать лицу грешников сказанное: доброе, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех? Ибо кто из согрешающих нехотя оскверняет себя прелюбодейством? Кто принужденно делает козни ближнему? Кто неизбежно бывает

свидетельством, или обворовывать, или желать ограбления другого, или проливать кровь? Напротив, как написано, «помышление сердца человеческого – зло от юности его» (Быт.8:21). Ибо настолько все, пылая страстью к порокам, хотят исполнить желаемое ими, что даже с неусыпным старанием ловят удобный случай сделать беззаконие, и своим бесчестием и множеством пороков хвастаясь, по изречению укоряющего апостола, ищут себе некоторой славы в сраме (Флп.3:19). Также и пророк Иеремия говорит, что они не только не против воли и не с покоем сердца и тела делают преступления, но даже с изрядными усилиями стараются привести их в исполнение, так что и большие трудности не отвлекают их от смертоносного желания беззаконий, говоря: «напрягают язык свой для лжи, усиливаются на земле неправдою» (Иер.9:3–4). Кто скажет, что и это приличествует грешникам: «итак, тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотню закону греха» (Рим.7:25), которые, очевидно, ни умом, ни плотью не служат Богу? Или каким образом те, которые согрешают телом, умом служат Богу, когда плоть от сердца получает влечение к порокам, и сам виновник природы той и другого говорит, что источник и начало грехов происходит от сердца? «Из сердца, – говорит, – исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, кражи» и т. п. (Мф.15:19). Таким образом видно, что этого никак нельзя думать о лицах грешников, которые не только не ненавидят, но и любят зло, и Богу не служат ни умом, ни плотью, так что прежде согрешают умом, нежели телом; прежде нежели исполнят удовольствие плоти, предшествует грех ума и помыслов.

[3] Глава 2. Авва учит, что в апостолах было много доброго, но исполнение самого добра они имели в одном желании и намерении

[4] Итак, мы должны смысл слов объяснять сердечным расположением говорящего, и что блаженный апостол назвал добром, и что – по сравнению с ним – назвал злом, это мы должны рассматривать не из простого значения слов, а с его точки зрения, и исследуем мысль его сообразно с достоинством и заслугою его. Ибо тогда произнесенное по внушению Божию изречение мы сможем понять по его намерению и воле, когда, исследуя состояние и заслугу произнесших его, не словом, а опытом войдем в одинаковое расположение, сообразно с качеством которого (расположения) и надо понимать всякую мысль или изречение. Итак, исследуем, что это за добро, которого апостол не мог сделать, когда хотел. Мы знаем многие блага, которые бесспорно блаженный апостол и все мужи одинаковой с ним заслуги имели и по природе, и приобрели по благодати. Ибо благо есть целомудрие; похвально воздержание, удивительно благоразумие, щедродательно человеколюбие, осмотрительна трезвость, скромность, умеренность, благочестиво милосердие, свята правда – все это в апостоле Павле и соучастниках его, без сомнения, было так полно и совершенно, что они изучали религию больше делом, нежели словом. Что это – когда воспламеняются постоянным попечением и бдительной заботою о всех церквах? Какое это благо милосердия, какое совершенство – воспламеняться за соблазняющихся, с немощными быть немощным (2Кор.11:29). Итак, когда апостол изобиловал такими дарами, то что это за благо, которого он не совершал, мы не сможем узнать, если не

войдем в то расположение, с каким он говорил. Итак, все добродетели, какие он имел – как бы драгоценные, блестящие камни, однако если сравнить их с блестящей и превосходной жемчужиной, ища и желая приобрести которую, евангельский купец «продал все, что имел» (Мф.13:46), то их ценность окажется мала, ничтожна, так что после немедленной распродажи их приобретение только одного этого сокровища обогатит продавца бесчисленными благами.

5 Глава 3. Что это за добро, которого апостол не мог совершать

6 Что это такое единственное, которое несравненно предпочитается стольким и столь бесчисленным благам, так что после оставления и отвержения всего только одно оно должно быть приобретаемо? Именно это – та лучшая часть, которую по ее важности и вечности Мария предпочла обязанности гостеприимства и угощения, и о которой Господь так говорит: «Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лк.10:41–42). Именно это одно есть только созерцание Бога, которое справедливо предпочитается всем заслугам праведности, всем упражнениям в добродетелях. Точно, все то, что было в апостоле Павле, как мы сказали, не только хорошо и полезно, но и велико и преславно. Но как олово, которое имеет некоторую долю пользы и блеска, в сравнении с серебром гораздо дешевле, а ценность серебра уменьшается в сравнении с золотом; также и само золото ставится гораздо ниже драгоценных камней, а блестящая белизна одной жемчужины превосходит множество и самых

драгоценных камней – так и все заслуги святости, хотя не только для настоящей жизни хороши и полезны, но и вечное блаженство приобретают, однако если сравнить их с заслугами божественного созерцания, то окажутся маловажными и, так сказать, менее ценными. Это сравнение подтверждает и свидетельство Св. Писания, которое вообще о всем, сотворенном Богом, говорит: «и увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт.1:31). И еще: все, что Бог сотворил, хорошо в свое время (Сир.39:41).

Итак, существующее в настоящем веке признается не только просто хорошим, но с прибавлением – весьма хорошим. И действительно, для нас, пребывающих в этом мире, все приспособлено к употреблению в жизни, или к врачеванию тела, или к какой-нибудь неведомой для нас пользе, или, по крайней мере, в том весьма хорошо, что дает нам возможность усматривать невидимые совершенства Бога, вечную силу Его и божество, видимые от создания мира через рассматривание творений (Рим.1:20), созерцать Его в такой громаде мира, устроенного в таком порядке, и из всего, что в нем существует. Впрочем, все это не удержит за собою имени блага, если будет сравнено с будущим веком, где нет никакого изменения благ, никакого расстройства в истинном блаженстве, которого бы (расстройства) следовало опасаться. Блаженство этого мира так описывается: «свет луны будет, как свет солнца, а свет солнца будет светлее всемеро, как свет семи дней» (Ис.30:26). Итак, это великое, преславное для взора и дивное, если будет сравнено с будущими обетованиями веры, окажется суетою, как говорит св. Давид: «все они, как риза, обветшают, и, как одежду, Ты переменишь их, и

изменятся; но Ты – тот же, и лета Твои не кончатся» (Пс.101:27–28). Итак, поскольку нет ничего постоянного, ничего неизменяемого, ничего доброго, кроме одного Бога, а все творения если и достигают вечного или неизменного блаженства, то достигают этого не по своей природе, а по причастию с Творцом твоим, и по благодати, потому они (творения) и не могут удержать за собою этой заслуги – благости, если сравнить ее с Творцом их.

[7] Глава 4. Человеческая благость и правда не есть благая, если сравнить ее с божественной благостью и правдою

[8] Если бы мы захотели эту мысль подтвердить более ясными свидетельствами, то указали бы, что в Евангелии многое называется добрым: и дерево доброе, и сокровище доброе, добрый человек, добрый раб, ибо говорится: «не может дерево доброе приносить плоды худые» (Мф.7:18); «добрый человек из доброго сокровища выносит доброе» (Мф.12:35); «хорошо, добрый и верный раб!» (Мф.25:21). Нет сомнения, что все они сами по себе добры. Но если рассматривать в отношении к благости Божией, то никто из них не будет признан добрым, как говорит Господь [77]: «никто не благ, как, только один Бог» (Лк.18:19). В этом отношении и апостолы, которые по важности избрания во многих отношениях превосходили благость рода человеческого, называются злыми, как говорит им Господь: «если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святаго просящим у Него» (Лк.11:13). Наконец, как благость наша в сравнении с высочайшей благостью будет худостью [78], так и правда наша в сравнении с правдою

Божией будет подобна одежде, замаранной месячным очищением, как говорит пророк Исайя: «вся праведность наша, как одежда во время месячного очищения» (Ис.64:6). Чтобы яснее еще это представить, скажем, что и животворные заповеди самого закона, который преподан через ангелов рукою Посредника (Гал.3:19), о котором апостол говорит: «закон свят, и заповедь свята, и праведна, и добра» (Рим.7:12), – если сравнить с евангельским совершенством, то окажутся менее добрыми, как говорит Сам Бог: «и попустил им учреждения недобрые и постановления, от которых они не могли быть живы» (Иез.20:25). Также и апостол подтверждает, что слава закона помрачается светом Нового Завета, так что он в сравнении с евангельским блеском и не считается славным, говоря: «то прославленное даже не оказывается славным с сей стороны, по причине преимущественной славы *последующего*" (2Кор.3:10). Это сравнение также удерживает Св. Писание и с противной стороны, т. е. в оценке заслуг грешников, так что тех, которые гораздо меньше нечестивы, оправдывает в сравнении с худшими, говоря: «и Самария половины грехов твоих не нагрешила; ты превзошла их мерзостями твоими, и через твои мерзости, какие делала ты, сестры твои оказались правее тебя» (Иез.16:51). Так и заслуги всех вышеупомянутых добродетелей, хотя сами по себе хороши и ценны, однако в сравнении с славным созерцанием они затмеваются. Ибо многих святых, занятых упражнением хотя и в добрых делах, однако земных, отвлекают от созерцания высочайшего блага (Бога) и замедляют в стремлении к Богу.

[9] Глава 5. Никто не может непрерывно стремиться к высочайшему благу – Богу

[10] Кто, похищая беспомощного из руки сильнейших его, бедного и нищего от грабящих его, кто, сокрушая челюсти нечестивых и из зубов их исторгая похищенное, в самом действии заступничества спокойным духом будет созерцать славу Божественного величия? Кто, доставляя пропитание бедным или с услужливым человеколюбием принимая толпы пришельцев, в то самое время, когда озабоченным духом развлекается услужением братьям, будет созерцать безмерность вышнего блаженства? И когда скорбями и заботами настоящей жизни возмущается, будет ли рассматривать состояние будущего века сердцем, возвышенным от земных привязанностей? Потому блаженный Давид, только это считая благом для человека, желает непрестанно прилепляться к Богу, говоря: «а мне благо приближаться к Богу! На Господа Бога я возложил упование мое» (Пс.72:28). И Екклезиаст, утверждая, что этого никто из праведных не может совершать безупречно, говорит: «нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы» (Еккл.7:20). Ибо можно ли верить, чтобы кто когда-либо, даже самый лучший из всех праведников и святых, связанный узами этого тела, мог обрести это высочайшее благо, так чтобы, никогда не отступая от Божественного созерцания, даже и на короткое время не отвлекался земными помыслами от Того, Кто один есть благ; кто бы никогда не имел никакого попечения ни о пище, ни об одежде, ни о других плотских потребностях; заботясь о принятии братьев, о перемене места, о построении кельи, никогда не желал бы какой-либо человеческой помощи, или, удручаемый крайней

нищетою, не подвергался прощению Господа, Который говорил: «не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться» (Мф.6:25). Наконец, мы смело утверждаем, что и сам апостол Павел, который многочисленностью скорбей превосходил труды всех святых, никак не мог исполнить это, как сам свидетельствует ученикам в Деяниях Апостольских: «сами знаете, что нуждам моим и *нуждам* бывших при мне послужили руки мои сии» (Деян.20:34); или как пишет фессалоникийцам: мы «занимались трудом и работою ночь и день» (2Сол.3:8). Этим, конечно, приготовлялась ему большая награда за заслуги; но дух его, хотя бы святой, возвышенный, при внимании к земному делу не мог иногда не отвлекаться от небесного созерцания. Наконец, когда видел, что он обогащается такими и столькими плодами, а с другой стороны сердцем ощущал благосозерцание, как бы на одной весовой чаше взвешивал успех стольких трудов, а на другой – услаждение божественным созерцанием, то после долгого испытания своего сердца, когда с одной стороны утешала его безмерная награда за труды, а с другой желание единения и неразлучного общения с Христом побуждало к разрешению от плоти, он в недоумении наконец восклицает: «не знаю, что избрать. Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а остаться во плоти нужнее для вас» (Флп.1:22–24).

11 Глава 6. Насколько апостол желал спасения братьев

12 Итак, хотя превосходство этого блага апостол во многих отношениях превознес перед всеми плодами даже

своей проповеди; однако в сравнении с любовью, без которой никто не угодит Господу, оно ставится ниже; и для тех, которым, как кормилица, преподавал еще молоко от евангельских сосцов, он не отказывается быть на время в разлуке со Христом, хотя и вредной для него, но необходимой для прочих (Флп.1:22–24). Ибо к избранию этого он побуждается необыкновенной силою любви, по которой для спасения своих братьев, если бы это возможно было, он не отказывается подвергнуться даже крайнему злу отлучения. «Я желал бы сам, – говорит он, – быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти», т. е. израильтян (Рим.9:3), другими словами, желал бы подвергнуться не только временным, но и вечным мучениям, чтобы только все люди, если бы это возможно было, наслаждались общением со Христом. Ибо я уверен, что спасение всех вожделеннее для Христа и для меня, нежели мое спасение.

13 Глава 7. Подобны подслеповатым те, которые считают себя свободными от всякого греха

14 Итак, чтобы можно было совершенно достигнуть этого высочайшего блага (т. е. наслаждаться созерцанием Бога и постоянно прилепляться к Христу), апостол желает разрешиться от тела, которое, как тленное и затрудняемое многими потребностями из-за своей немощи, не может не отвлекать от общения с Христом. Ибо наслаждаться божественным созерцанием невозможно всегда и духу, который развлекается столь частыми заботами, затрудняется столь тягостными, столь различными печалями. Да и может ли быть у святых столь

ревностное старание и столь твердое намерение, которым бы хитрый клеветник (дьявол) когда-нибудь не препятствовал? Кто, удалившись в пустыню, уклонился от сообщения со всеми людьми так, чтобы никогда не погрешал суетными помыслами и видением вещей или занятием земными делами не отвлекался от созерцания Бога, которое одно есть истинное благо? Кто настолько мог когда-нибудь поддержать горячность духа, чтобы иногда, во время самой напряженной молитвы увлекаемый мятущимися помыслами, вдруг не обращался от небесного к земному? Кто из нас, не говорю о прочих временах развлечений, даже в то время, когда молясь Богу, возносит дух на небеса, не погрешил даже невольно в том, чем надеялся получить прощение грехов? Кто настолько искусен и бдителен, чтобы во время пения псалмов в честь Бога дух его никогда не отвлекался от смысла Св. Писания? Кто настолько близок к Богу и настолько соединен с Ним, чтобы и на один день имел удовольствие исполнить повеление, которым апостол заповедует нам «непрестанно молиться» (1Сол.5:17)?

Хотя все это некоторым, преданным грубым порокам, кажется легким и почти чуждым греха, но знающим совершенство бывает весьма тягостно множество даже самых малых недостатков. Положим, что в какой-нибудь большой дом, занятый многими инструментами, сосудами, разными домашними вещами, вместе вошли один, имеющий здоровое, острое зрение, и другой, с глазами, залепленными гноем. Тот, у кого негодное зрение, не подумает ли, что тут нет ничего, кроме шкафов, диванов, скамеек, перегородок, что попадается не столько на глаза рассматривающего, сколько под руки осязающего; напротив, тот, кто светлым взором

рассматривал даже прикрытое, скажет, что тут есть много весьма малых вещей, которые едва ли могут быть и перечислены, которые, если бы когда-нибудь были собраны в одну кучу, численностью малых вещей, замеченных им, составят большую величину. Так и святые, как зрячие, заботятся о совершенстве, зорко усматривают в себе и то, чего помраченный взор нашей души не видит, и строго осуждают, так что хотя они не омрачили чистоты совести даже и легким грехом, как кажется нам, нерадивым, однако считают себя нечистыми, если в святилище духа вкрадется, не говорю, непотребный, суетный помысел, но если и добрый помысел придет неблаговременно и во время молитвы отвратит внимание молящегося от главного предмета в сторону. Ибо если мы упрашиваем начальника, не говорю, о жизни и спасении нашем, а о какой-либо прибыли, удобстве, то обращая только на него взор ума и тела, с беспокойством ожидаем его мановения, опасаясь, чтобы какое неприличное, несообразное слово не отвратило его милосердие; также, если мы, находясь в палате мирских судей, в присутствии нашего противника, во время судопроизводства и прения позволим себе кашель, харканье, смех, зевоту, сон, то бдительный враг, с ненавистью обратив на это внимание судьи, не возбудит ли гнев его против нас? Тем более, когда при угрожающей опасности вечной смерти мы молимся Богу, знающему все сокровенное, особенно когда нам противостоит хитрый обольститель и обвинитель (дьявол), сколь внимательной и заботливою молитвой нам нужно упрашивать милосердие Судии? Справедливо вменяется не в легкий, а в тяжкий грех нечестия, когда кто-либо, изливая молитву Господу, вдруг увлекшись суетным помыслом, удаляется от лица Его, как будто Бог не видит и не слышит. А те,

которые очи сердца своего закрывают толстым покрывалом страстей и, по изречению Спасителя (Мф.13:14), видя, не видят, и слыша, не слышат и не разумеют, те, в тайниках своего сердца, едва усматривают даже большие и главные пороки, а злых помыслов, неуловимых, скрытных страстей, которые таким острым жалом уязвляют дух, и оков души своей не могут видеть ясно, но, всегда блуждая постыдными помыслами, не знают даже скорби об этом. Когда отвлекаются от созерцания Бога, которое есть единственное благо, то не имеют скорби об этом лишении, потому что, развлекая свой дух приходящими по их желанию помыслами, они вовсе не видят, – к чему главным образом стремиться, или чего всячески желать.

Подлинно, эта причина доводит нас до того заблуждения, что мы, совсем не зная, что такое безгрешность, думаем, будто не можем навлечь на себя никакой вины этими праздными, непостоянными развлечениями помыслов, но приведенные как бы в исступление, как пораженные слепотою глаз, ничего не видим в себе, кроме главных пороков, и считаем нужным избегать только того, что осуждается строгостью мирских законов; если мы хоть немного сознаем, что мы в этом невиновны, то думаем, что в нас нет вовсе никакого греха. По близорукости, не видя в себе малых, но многих нечистот, мы вовсе не имеем спасительного сокрушения сердца, если и коснется нашего чувства горечь печали, не скорбим, будучи подстрекаемы тонким прилогом тщеславия; не плачем о том, что лениво или холодно воссылали молитву, не ставим в вину того, что во время псалмопения или молитвы мы допустили и нечто другое, кроме самой молитвы или псалма. Многое, что постыдно говорить или

делать перед людьми, мы не стыдимся воспринимать сердцем и не боимся, что это открыто для взора Божия, противно Ему; даже истечения от скверных сновидений не очищаем обильным излиянием слез; не плачем и о том, что в самом благочестивом деле милостыни, когда услуживаем потребностям братьев или доставляем пищу бедным, недоброхотство от скупости затмевает достоинство благотворительности; не думаем, что терпим какой-либо вред, когда, оставив память о Боге, помышляем о временном и телесном, так что к нам относится следующее изречение Соломона: «били меня, мне не было больно; толкали меня, я не чувствовал» (Притч.23:35).

15 Глава 8. Очень немногие знают мерзость и тяжесть грехов

16 Напротив, те, которые сущность всякого удовольствия, радости и блаженства своего видят только в созерцании духовных, божественных предметов, когда хоть немного и невольно отвлекаются от него насильственными помыслами, – подвергают себя наказанию покаяния, как за какой-нибудь род святотатства, и, оплакивая, что маловажную тварь, к которой обратился взор ума, они предпочли своему Творцу, приписывают себе, почти можно сказать, порок нечестия. К созерцанию блеска славы Божией обращая с высшей живостью взоры своего сердца, они не переносят даже скоротечных теней плотских помыслов, отвращаются всего того, что отвлекает взор ума от этого света. Блаженный апостол, желая внушить всем такое расположение, говорит: «не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти,

похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек» (1Ин.2:15–17). Итак, святые отвращаются всего, что в мире есть мирского; но невозможно, чтобы они и кратковременным поползновением помыслов не увлекались к тому, и теперь никакой человек (исключая Господа и Спасителя нашего) не сдерживает рассеяния духа так, чтобы, пребывая всегда в созерцании Бога и никогда не отвлекаясь от него, не погрешал услаждением в какой-либо мирской вещи, как говорит Св. Писание: «и звезды нечисты пред очами Его» (Бога) (Иов.25:5). «Вот, Он (Бог) и святым Своим не доверяет», и в Ангелах Своих открывает неправоту (в русском: «и небеса нечисты в очах Его»); а в исправленном переводе (Вульгате) читается: вот, и между святыми Его нет никого неизменяемого, «и небеса нечисты в очах Его» (Иов.15:15).

[17] Глава 9. Удаляться от Бога – гибельно, настоящая смерть

[18] Итак, святые, которые, постоянно содержа Бога в памяти, как бы на цыпочках ходят по растянутым на высоте веревкам, правильно сравниваются с ходящими по канатам. Они, сущность своего спасения и жизни видя на узкой стезе той веревочки (т. е. памяти Бога), думают, что тотчас подвергнутся жестокой смерти, если нога их, хоть немного поколебавшись, сойдет с пути или переступит за черту спасительного направления. Те же (акробаты), с удивительным искусством шествуя в пустом пространстве, если с осторожным, заботливым равновесием не сохранят стезю, слишком узкую для ступни, то земля, которая для всех есть как бы природное

основание и твердый, крепкий фундамент, бывает для них настоящая, явная гибель, не потому чтобы природа ее изменялась, а потому что они из-за тяжести тела стремглав падают на нее. Так и неистощимая благость Божия, при неизменном существе своем, никого не оскорбляет; но мы, уклоняясь от небесного и стремясь к земному, сами себя подвергаем смерти, даже само уклонение становится смертью уклоняющемуся. Бог говорит: «горе им, что они удалились от Меня; гибель им, что они отпали от Меня!» (Ос.7:13). Еще: «горе им, когда удалюсь от них!» (Ос.9:12). «Накажет тебя нечестие твое, и отступничество твое обличит тебя; итак познай и размысли, как худо и горько то, что ты оставил Господа, Бога твоего» (Иер.2:19). «Беззаконного уловляют собственные беззакония его» (Притч.5:22) К ним прилично относится и следующая угроза Господа: «вот все вы, которые возжигаете огонь, вооруженные зажигательными стрелами, идите в пламень огня вашего и стрел, раскаленных вами» (Ис.50:11). Еще: «кто возжигает зло, тот погибнет от него» (Притч.19:9).

19 Глава 10. Стремящиеся к совершенству истинно смиряются и всегда чувствуют нужду в благодати Божией

20 Итак, поскольку святые чувствуют, что они ежедневно обременены тяжестью земных помыслов, ниспадают с этой высоты духа невольно, даже сами не зная, как увлекаются в закон греха и смерти, и не говоря уже о прочем, даже теми, выше упомянутыми, хотя добрыми и праведными, однако земными делами отвлекаются от созерцания Бога; потому подлинно имеют о чем

воздыхать к Богу, имеют из-за чего поистине смиряться и сокрушаться, не только на словах, но с искренним чувством называют себя грешниками и во всем, в чем они, ежедневно побеждаемые немощью плоти, погрешают, постоянно прося прощения и благодати Божией, непрестанно проливают искренние слезы покаяния. Поскольку видят, что их, даже до последнего часа жизни, обуревают те же самые страсти, из-за которых они постоянно сокрушаются скорбью, даже молений своих не могут возносить без смущения помыслов. Итак, опытом познав, что при сопротивлении плоти они не могут достигнуть человеческими силами желаемой цели, не могут по желанию своего сердца соединиться с преимущественным, высочайшим благом; но плененные увлекаются от созерцания Его к мирскому; и обращаясь к благодати Божией, оправдывающей нечестивых, говорят с апостолом: «бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» Благодать Божия чрез Иисуса Христа, Господа нашего (Рим.7:24–25). Ибо чувствуют, что не могут совершать того добра, которого желают, но делают то зло, которого не хотят и ненавидят, т. е. всегда подвергаются смущению помыслов и заботе о телесных вещах.

21 Глава 11. Толкование изречения: по внутреннему человеку нахожу услаждение в законе Божием

22 Хотя они находят удовольствие в законе Божием по внутреннему человеку, который, возвышаясь над всем видимым, старается всегда соединяться с одним Богом; но видят другой закон в членах своих, т. е. насажденный в

природе человеческой, который противоборствует закону ума и увлекает чувство, плененное насильственным законом греха, т. е. побуждает его, оставив главное благо, порабощаться земным помыслам (Рим.7:22–23). Хотя они кажутся необходимыми, полезными для тела, когда допускаются по какой-либо священной потребности; однако в сравнении с тем благом, которое увеселяет взор всех святых, они считаются злом, коего надо избегать; потому что из-за них они хоть на малое время отвлекаются от наслаждения совершенным блаженством. Это подлинно есть закон греха, введенный в род человеческий преступлением его виновника (Адама), на которого, ради его повреждения, произнесено определение праведнейшего Судии: «проклята земля за тебя; ... терние и волчцы произрастит она тебе;... в поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт.3:17–19). Этот закон насажден в членах всех смертных; он противоборствует закону ума нашего и отвлекает его от божественного созерцания; эта проклятая земля в делах наших, после познания добра и зла, стала покрываться тернием и волчцами помыслов, которые заглушают природные семена добродетелей, чтобы этот хлеб (Под хлебом здесь некоторые понимают божественное учение, духовные помышления о небесных предметах) наш, который сходит с неба и укрепляет сердце человека, мы не могли есть без пота нашего лица.

23 Глава 12. Изъяснение слов: знаем, что закон духовен

24 Итак, вообще весь род человеческий без всякого исключения подвергается этому закону. Ибо нет никого, даже святого, кто вышесказанный хлеб принимал бы не с

потом лица своего, – с заботливым напряжением сердца. Духовен тот закон, который повелевает нам в поте лица нашего есть тот истинный хлеб, который сходит с неба (Ин.6:51); но продажа греху делает нас плотскими. Что же это за грех и чей он? Без сомнения, Адамов, преступлением которого, как бы обманчивым торгом, мы проданы. Ибо обольщенный уверением змея, он все свое поколение, отчужденное вкушением запрещенной пищи, подверг игу всегдашнего рабства. Ибо такой обычай соблюдается между продающим и покупающим: желающий подчинить себя чужому господству получал от своего покупателя какую-нибудь плату за потерю собственной свободы и обречение себя на всегдашнее рабство. Мы ясно видим, что это исполнилось между Адамом и змеем. Ибо он, от змея получив плату за свою свободу вкушением от запрещенного дерева, лишился природной свободы и захотел подчинить себя тому, от кого получил смертоносную цену запрещенного плода. Потом, связанный этим условием, он все свое потомство отдал во всегдашнее рабство тому, кому сам сделался рабом. Ибо что другое может рождать рабское супружество, как не рабов? Итак, что же? Неужели этот хитрый, лукавый покупщик похитил у Господа, истинного и законного, право господства? Нет.

Итак, он захватил лукавством одного обмана все достояние Божие, чтобы лишился силы своего владычества истинный Владыка, Который и самого покупщика (т. е. дьявола), как перебежчика и противника, подчинил игу рабства. Но поскольку Творец всем разумным творениям даровал свободу воли, то тех, которые продали себя преступлением по страсти обжорливой, не должен был насильно возвращать к

природной свободе. Виновник правды и благочестия отвращается всего, что противно благости и справедливости. Ибо было бы зло, если бы он лишил дарованной свободы; было бы несправедливо, если бы свободного человека стесняя и пленяя своим могуществом, не допустил пользоваться полученной свободой тому, спасение которого Он отложил на будущие века, чтобы правильным порядком совершилась полнота установленного времени. Ибо надлежало его потомству столько находиться в приключившемся состоянии, пока, освободив его от первоначальных уз, возвратив в прежнее состояние свободы, первый Владыка по благодати не преобразует его ценою Своей крови, которую Он по внушению любви и тогда мог бы уплатить, но не хотел, потому что справедливость не позволяла Ему нарушить Свое определение. Хочешь ли знать причину твоей продажи? Слушай Самого Искупителя твоего, Который через пророка Исайю ясно говорит: «где разводное письмо вашей матери, с которым Я отпустил ее? или которому из Моих заимодавцев Я продал вас? Вот, вы проданы за грехи ваши, и за преступления ваши отпущена мать ваша» (Ис.50:1). Хочешь ли ясно узнать, почему тебя, подчиненного игу рабства, Он не хотел искупить силою Своего могущества? Слушай, что Он прибавил к предыдущими словам, которыми тех же рабов греха упрекает за причину вольной продажи: «разве рука Моя коротка стала для того, чтоб избавлять, или нет силы во Мне, чтобы спасать?» (Ис.50:2). Но что всегда препятствовало этому всемогущему милосердию, тот же пророк показывает: «вот, рука Господа не сократилась на то, чтобы спасать, и ухо Его не отяжелело для того, чтобы слышать. Но беззакония ваши произвели разделение

между вами и Богом вашим, и грехи ваши отвращают лицо *Его* от вас, чтобы не слышать» (Ис.59:1–2).

[25] Глава 13. Изъяснение слов: знаю, что не живет во мне доброе

[26] Итак, поскольку первое проклятие Божие сделало нас плотскими, осудило на пожатие терния и волчцов, и отец наш беззаконной торговлею продал нас, так что мы не можем делать добро, которого хотим, когда, отрываясь от памяти о всевышнем Боге, вынуждены помышлять о том, что относится к слабости человеческой. Когда, пылая любовью к чистоте, мы по большей части невольно возмущаемся прирожденными влечениями, которые желали бы вовсе не знать, то понимаем, что не живет в плоти нашей добро, т. е. всегдашнее, постоянное спокойствие, чистота и созерцание. Но произошел в нас такой злой и плачевный разлад, что когда умом хотим служить закону Божию, никогда не отрывать свой взор от божественного видения, однако покрытые плотским мраком, как бы законом греха, вынуждены отрываться от того, что признаем добром, с высоты ниспадая умом к земным помыслам и заботам, на которые осудил нас закон греха, т. е. определение Божие. Потому блаженный апостол ясно свидетельствует, что он и все святые связаны неизбежностью этого греха, однако смело объявляет, что из-за этого никого из них нельзя осуждать, говоря: «итак, нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу, потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти» (Рим.8:1–2), т. е. благодать Христова всех святых своих от этого закона греха и смерти освобождает, когда просят у Господа отпущения

своих долгов. Итак, видите, не от лица грешников, а от лица истинно святых и совершенных блаженный апостол произнес это изречение: «доброе, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю…. но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Рим.7:19, 23).

[27] Глава 14. Возражение: кажется, что ни к неверным, ни к святым не относятся слова апостола: не делаю то доброе, которого хочу

[28] Герман**. Мы говорим, что это не может относиться ни к предающимся важным порокам, ни к апостолу или старающимся достигнуть меры его, а думаем, что это следует думать собственно о тех, которые после благодати Божией и познания истины, желая воздерживаться от плотских пороков, еще давней привычкою, как бы естественным законом, насильно господствующим в членах их, увлекаются к врожденному вожделению страстей. Ибо частое повторение грехов становится как бы природным законом, который, будучи насажден в членах человеческой природы, пристрастием души, необученной упражнением в добродетелях, но еще находящейся в состоянии, так сказать, первоначальной и слабой чистоты, как пленников увлекает к порокам, и, по древнему закону подвергая их смерти, подчиняет игу господствующего греха, не позволяя им достигнуть блага чистоты, которое любят, но побуждая больше делать зло, которого отвращаются.**

[29] Глава 15. Ответ на предложенное возражение

[30] Феона**. Ваше мнение немало изменилось, и вы стали уже утверждать, что это не может относиться к лицу совершенных грешников, а собственно приличествует тем, которые стараются воздержаться от плотских пороков. Поскольку вы уже отделили их от числа грешников, то мало-помалу вы присоедините и к сонму верных, святых. Ибо какие грехи, говорите, они могут делать после крещения и благодатью Христовой опять освободиться? Или о каком теле смерти, думаете, апостол сказал:** «кто избавит меня от сего тела смерти?» Благодать Божия Иисусом Христом, Господом нашим (Рим.7:24–25). Не ясно ли, как и вас самих истина побудила признаться, что здесь упоминается не о тех членах главных пороков, которыми приобретается жалованье вечной смерти, т. е. человекоубийства, блуда, прелюбодейства, пьянства, воровства, грабительства, но о вышесказанном теле, которому помогает ежедневная благодать Христова? Ибо всякий, кто после крещения и познания Бога впадает в это тело смерти, тот должен знать, что ему нужно очищаться не ежедневной благодатью Божьей, т. е. легким прощением, которое обычно дарует нашим погрешностям ежеминутно умоляемый Господь наш, но или должен быть очищен продолжительным сокрушением покаяния, наказывающей скорбью, или в будущем должен быть предан за них мучению в вечном огне, как говорит апостол: «не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни

злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют» (1Кор.6:9–10). Или что это за закон, воюющий в членах наших, противоборствующий закону ума нашего; и хотя нас, противящихся, он делает пленниками закона греховного и заставляет служить ему плотью, однако дозволяет умом служить закону Божию? Думаю, что закон греха здесь не означает преступлений, нельзя понимать вышесказанных пороков таким образом, что если кто делает их, тот не служит умом закону Божию, от которого необходимо ему отступить душою прежде, нежели сделает какой-нибудь из них плотью. Служить закону греха значит исполнять то, что велит грех. Что же это за грех, которым пленяется такая святость и совершенство? Однако апостол не сомневается, что благодатью Христовой будет он освобожден, говоря: «бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» Благодать Божия Иисусом Христом, Господом нашим избавит (Рим.7:24–25). Какой, говорю, закон, по вашему мнению, находится в наших членах, который отвлекает нас от закона Божия и, пленяя законом греха, делает нас скорее несчастными, нежели преступными, так что мы не осуждаемся на вечные муки, а воздыхаем как бы о прерванном блаженстве и, ища помощника, который бы привел нас к тому, мы с апостолом взываем: бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти? Ибо быть пленником закона греха что иное значит, как не быть в состоянии и делании греха? И какое есть иное главное благо, которое не могут исполнить святые, как не то, в сравнении с которым, как выше сказано, все не считается благом? И точно, мы знаем, что в этом мире есть много благ, особо упомянем целомудрие, воздержание, милосердие, умеренность, благочестие – но все это не может сравняться с тем высшим благом и

может быть исполнено не только апостолами, но и людьми обыкновенными; а которые не исполнили, те наказываются или вечным мучением, или, как сказано выше, тяжким трудом покаяния, не освобождаются ежедневной благодатью Христовою.

Итак, остается нам признать, что это изречение апостола правильно прилагается только к лицу святых, которые, ежедневно подвергаясь этому закону греха, но не пороков, будучи уверены в состоянии своего спасения, не впадают в преступления, но, как часто было говорено, от божественного созерцания отвлекаемые в окаянство плотских помыслов, часто лишаются того истинного блаженства. Ибо если бы они чувствовали, что ежедневными беззакониями вовлекаются в этот закон своих членов, то обвинялись бы в потере не счастья, а невинности, и апостол Павел не сказал бы: бедный я человек; но – нечистый, или порочный я человек! И желал бы он освободиться не от этого тела смерти, т. е. смертного состояния, но от преступлений и пороков этой плоти. Но поскольку по состоянию немощи человеческой он чувствовал себя плененным, т. е. увлеченным к плотским заботам, которые производят закон греха и смерти, то, стеная об этом законе греха, которому невольно подвергался, тотчас прибегает к Христу и спасается искуплением благодати Его. Следовательно, какие заботы произвел и на земле апостольского сердца этот закон греха, естественно рождающий терние и волчцы помыслов и заботы смертных, те тотчас исторгает закон благодати. «Потому что закон духа жизни во Христе Иисусе, – говорит он, – освободил меня от закона греха и смерти» (Рим.8:2).

[31] Глава 16. Что значит «тело греха и смерти».

[32] Итак, это есть неизбежное тело смерти, в которое и все совершенные, вкусившие, сколь благ Господь, ежедневно вплетаясь, чувствуют с пророком, какое зло и как горько для них удаляться от Господа Бога своего. Это есть тело смерти, которое, отвлекая их от небесного видения, низводит к земному, которое поющих и повергающихся на молитве заставляет представлять человеческие образы, или речи, или занятия, или действия суетные. Это есть тело смерти, что ревнующие об ангельской святости и желающие постоянно прилепляться к Господу, однако, не могут достигнуть совершенства, потому что препятствует тело смерти; но делают зло, которого не желают, т. е. умом увлекаются к тому, что не принадлежит к преуспеванию в добродетелях и совершенству. Наконец, блаженный апостол, чтобы ясно показать, что он это сказал о святых и совершенных, подобных ему, как бы пальцем и осязанием указывая на самого себя, прибавляет: я же, Павел, т. е. тот, который произношу это, раскрываю тайны своей совести, а не другого. Такой образ речи апостол обыкновенно употребляет, когда хочет указать собственно на себя, как например: «я же, Павел, убеждаю вас кротостью и снисхождением Христовым» (2Кор.10:1). Еще: «сам я не обременял вас» (2Кор.12:16, 13). "Я сам Павел говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа» (Гал.5:2). А можно и так понимать, что он этим хотел сказать о себе с большей выразительностью: вот я, Павел, т. е. которого вы знаете как Христова апостола, которого со всем благоговением почитаете, о котором думаете, как о высшем и совершенном, и в котором говорит Христос,

сознаюсь, что хотя я умом служу закону Божию, однако плотью служу закону греха, т. е. по развлечению, неизбежному в настоящем человеческом состоянии, от небесного уклоняюсь к земному, и с высоты мой ум ниспадает к заботам о низких вещах, чувствую, что я ежеминутно пленяюсь этим законом греха, так что хотя непоколебимым желанием и пребываю в законе Божием, однако сознаю, что не могу избежать насилия этого плена, если не буду постоянно прибегать к благодати Спасителя.

33 Глава 17. Все святые искренно сознавались, что они нечисты и грешники

34 И потому все святые при ежедневном воздыхании, сокрушаясь о такой немощи своего естества, когда исследуют разнообразие помыслов, тайники и сокровенности своей совести, смиренно взывают: «не входи в суд с рабом Твоим, потому что не оправдается пред Тобой ни один из живущих» (Пс.142:2). «Кто может сказать: «я очистил мое сердце, я чист от греха моего?» (Притч.20:9). «Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы» (Еккл.7:20). Таким образом, они сознавали, что человеческая праведность слаба, несовершенна и всегда недостойна милости Божией, как один из тех, нечистоты и грехи которого Бог очистил посланным с жертвенника огненным углем своего слова, после чудного созерцания Бога, после откровения небесных тайн и видения высших серафимов говорит: «горе мне!... Ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами» (Ис.6:5). Думаю, что пророк, вероятно, и тогда бы не сознал нечистоту своих уст, если

бы не удостоился, созерцая Бога, узнать истинную, нетленную чистоту совершенства, при видении которой он вдруг познал свою нечистоту, прежде им не сознаваемую. Ибо когда говорит: «горе мне! Ибо я человек с нечистыми устами», то исповедал это о нечистоте своих уст, а также и народа, как это видно из следующего: «живу среди народа с нечистыми устами». Также, когда, молясь, исповедует нечистоту всех, как грешников, то объемлет общим молением не только народ нечестивый, но и праведных, говоря: «вот, Ты прогневался, потому что мы издавна грешили;» в них мы всегда были, и спасемся. «Все мы сделались – как нечистый», и все правды наши – как одежды во время месячного очищения (Ис.64:5–6). Что может быть очевиднее этого изречения, которым пророк, объемля не одну только, но все наши правды, и рассматривая все, что кажется нечистым или отвратительным, захотел сравнить их (правды) с одеждою месячной, грязнее которой, сквернее нет ничего в жизни человеческой?

35 Глава 18. Даже праведники и святые бывают не без греха

36 Итак, напрасно вы возражаете против очевидной истины, так как немного прежде вы сказали: если нет никого без греха, то нет никого святого; а если нет никого святого, то, следовательно, никто и не спасется. Этим свидетельством пророка может развязаться узел этого вопроса. Вот, «Ты прогневался, – говорит он, – потому что мы издавна грешили» (Ис.64:5), т. е. когда за возношение нашего сердца, или нерадение, отвратившись, Ты лишил нас Своей помощи, то пучина грехов тотчас поглотила нас; все равно, как если бы кто сказал блистающему

солнцу: вот ты закатилось, и от того покрыла нас густая тьма. Однако, когда Исайя говорит, что он согрешил, и не только согрешил, но и всегда пребывал в грехах, то не отчаивается совершенно в спасении, а прибавляет: в них мы всегда были, и спасемся. Это изречение: вот! «Ты прогневался, потому что мы издавна грешили», – я сравниваю с апостолом: «бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим.7:24). Опять то, что пророк прибавляет: в них мы всегда были, и спасемся, – согласно с следующими словами апостола: благодать Божия Иисусом Христом, Господом нашим. Также слова пророка: «горе мне! ибо я человек с нечистым устами, и живу среди народа также с нечистыми устами» (Ис.6:5), – кажется, согласны с вышесказанными словами: «бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?» Также следующее у пророка: и вот «прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке его… уголь, который клещами он взял с алтаря, и прикоснулся к устам моим и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и отнимется нечестие твое, и грех твой очистится» (Ис.6:6–7) – кажется, согласно со сказанным апостолом: «благодать Божия Иисусом Христом, Господом нашим». Итак, видите, как все святые не столько от лица народа, сколько от своего истинно исповедывали, что они грешники, однако не отчаивались в своем спасении, но полноту оправдания, которое по состоянию человеческой немощи не надеются получить сами собою, ожидают от благодати и милосердия Божия.

[37] Глава 19. Из образцовой молитвы Господней доказывается, что нет никого без греха

[38] А что в этой жизни нет никого свободного от долгов – грехов, хотя бы кто и был святой, этому учит нас Спаситель, Который, преподавая Своим ученикам образец совершенной молитвы, между прочими возвышенными и священнейшими прошениями, которые только святым и совершенным преподаны, а злым и неверным не могут приличествовать, повелел и это помещать: «и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Мф.6:12). Итак, если эта молитва произносится святыми, как несомненно мы должны верить, то кто может найтись столь упрямый, предубежденный, столь напыщенный гордостью дьявольского неистовства, чтобы утверждал, будто он без греха, считал себя не только выше апостолов, но и самого Спасителя обличал как бы в неведении и суетности, как будто Он не знал, что некоторые могут быть свободны от грехов, или напрасно учил тех, о которых знал, что не нуждаются в этой молитве? Но когда совершенно все святые, соблюдая заповеди Его, ежедневно говорят: прости нам долги наши, если истинно это говорят, то истинно нет никого свободного от вины; если же обманывают, то также истинно то, что они подвержены греху лжи. Потому премудрый Екклезиаст, обозревая умом все действия и занятия человеческие, без всякого исключения произносит: «нет праведного человека на земле, который бы делал добро и не грешил» (Еккл.7:20), т. е. на этой земле нет никого столь святого, столь рачительного, столь внимательного, который бы мог постоянно прилепляться к истинному и единственному благу (Богу) так, чтобы сознавал, что он и при

ежедневном отвлечении от Него не грешит. Впрочем, хотя кто сознается, что он не может быть свободным от греха, однако это не препятствует ему быть праведным.

39 Глава 20. Даже во время самой молитвы едва ли можно избежать греха

40 Итак, кто приписывает безгрешность человеческой природе, тот пусть состязается с нами не пустыми словами, но свидетельством и одобрением своей совести, и тогда наконец объявит, что он без греха, когда осознает, что он не отлучался от этого высочайшего блага (Бога); даже кто, рассматривая свою совесть, сознает, что он отправлял, по крайней мере, хоть одно богослужение без всякого перерыва словом, или делом, или помыслом, тот пусть скажет, что он без греха. Потому, если мы сознаем, что при легком развлечении человеческого ума нельзя не иметь всех этих праздных и суетных помыслов, то должны искренно сознаться, что мы не без греха. Ибо с какой бы осмотрительностью кто ни старался сохранять свое сердце, никогда не сохранит его по желанию своего духа, при противоборстве плоти. Ибо чем больше будет преуспевать дух человеческий и достигнет большей чистоты созерцания, тем более нечистым увидит себя как в зеркале своей чистоты; потому что когда дух поднимается к более возвышенному видению и, усматривая большее, нежели что делает, желает того, то по необходимости всегда презирает то, в чем пребывает, как низшее и маловажное.

[41] Глава 21. Хотя знаем, что мы не без греха, однако не должны уклоняться от святого причащения

[42] Более чистый взгляд большее и замечает, безукоризненная жизнь поражает большую скорбь самоукорения, исправление нравов и рачительная ревность к добродетелям умножают стенания и воздыхания. Ибо никто не может быть доволен той степенью совершенства, до какой преуспел; чем чище будет духом, тем более видит себя нечистым, более находит причины к смирению, нежели к возношению; и чем скорее стремится к высоте, тем лучше видит, что ему еще больше остается, куда стремиться. Отличный из апостолов, которого любил Иисус, как бы от Господнего сердца произнес это изречение: «если говорим, что не имеем греха, обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1Ин.1:8). Итак, если говорим, что мы не имеем греха, то не имеем в себе истины, т. е. Христа, и ни в чем не преуспеваем, а только этим объявлением доказываем, что мы из простых грешников становимся уже беззаконными и нечестивыми. Если хотим вернее испытать, возможно ли человеческому естеству приобрести безгрешность, то от кого яснее можем научиться, как не от тех, которые плоть свою распяли со страстями и похотями и для которых истинно распялся мир (Гал.5:24, 6:14), которые хотя из сердец своих не только с корнем истребили все страсти, но стараются устранить даже память и помышления о грехах, однако ежедневно исповедуют, что они и на один час не остаются без греха? Впрочем, мы не должны устраняться от причащения Господня из-за того, что сознаем себя грешниками; но еще более и более, с жаждою нужно поспешать к нему для врачевания души и

очищения духа, однако с таким смирением духа и верою, чтобы, считая себя недостойными принятия такой благодати, мы больше желали лекарства для наших ран. А иначе и один раз в год нельзя достойно принимать причащение, как некоторые делают, которые, живя в монастырях, достоинство, освящение и благотворность небесных таинств оценивают так, что полагают, будто принимать их должны только святые, непорочные; а лучше бы думать, что эти таинства сообщением благодати делают нас чистыми и святыми. Они больше высказывают гордости, нежели смирения, как им кажется; потому что когда принимают их, то считают себя достойными принятия их. А гораздо правильнее было бы, чтобы мы с тем смирением сердца, по которому веруем и исповедуем, что мы никогда не можем достойно прикасаться Святых Тайн, каждый день принимали их для врачевания наших недугов, нежели, превознесшись суетным убеждением сердца, верить, что мы после годичного срока бываем достойны принятия их. Потому, чтобы мы могли это уразуметь и с плодом держаться этого, будем усерднее умолять милосердие Господа, чтобы помог нам совершать это. Этому научаются не предварительным каким-нибудь объяснением на словах, как прочим человеческим искусствам, но делом и опытом; и если это не будет часто рассматриваться, возобновляться собеседованием духовных мужей и проверяться делом и ежедневным опытом, то или по беспечности остается без пользы, или по беззаботному забвению вовсе теряется.

Двадцать четвертое собеседование аввы Авраама (См Соб 15, гл 4, 5). О самоумерщвлении

[1] Глава 1

[2] При помощи Христа предлагается это, двадцать четвертое собеседование аввы Авраама, которое заканчивает предания всех старцев, и по исполнении которого в таинственное соответствие числу тех двадцати четырех старцев, о которых в Апокалипсисе (Откр.5) говорится, что они принесли свои венцы Агнцу, думаем, что освободимся от долга всех наших обещаний. Если эти двадцать четыре старца за заслугу своих наставлений будут увенчаны какой-либо славою, то они, преклонив головы, принесут ее Агнцу, который был заклан для спасения мира. Ибо Он благоволил для славы Своего имени дать им столь превосходный смысл, и нам кое-какое слово, которое бы соответствовало такой глубине учения. Да и необходимо заслуги своего дара относить к виновнику всех благ, Которому тем больше надо воздавать, чем больше дается от Него. Итак, этому Аврааму мы принесли печальную исповедь в борьбе наших помыслов, потому что душевное беспокойство ежедневно побуждало нас возвратиться в нашу родную страну и повидаться с родителями. Ибо отсюда особенно происходил у нас повод к этому желанию: мы вспоминали о том, что наши родители имеют такую набожность и благочестие, что мы никак не предпочитаем им нашего

намерения (монашества), всегда содержа в уме то, что мы из их рачительности будем получать побуждения к большему преуспеванию, и у нас не будет никакой заботы о телесных вещах, никаких развлечений для приобретения пропитания, когда они с радостью будут достаточно доставлять все для нашей потребности. Кроме того, мы с суетной радостью питали надежду, что получим большой плод от обращения многих, которые нашим примером и наставлениями будут направлены на путь спасения; притом рисовалось перед глазами само местоположение, в котором находилось имение наших предков, приятная веселость самой страны, леса, простирающиеся на большое расстояние, так что уединенные места лесов могли доставлять не только удовольствия, но и большие выгоды для пропитания. Когда все это вышесказанному старцу мы по совести искренно раскрыли и, проливая слезы, свидетельствовали, что уже не можем сносить эту борьбу, если благодать Божия не поможет нам, то он, долго молчав, наконец тяжело вздохнул и начал говорить так:

3 Глава 2. Как старец раскрыл наши погрешности

4 Шаткость ваших помыслов показывает, что вы еще не отреклись от мирских пожеланий, не умертвили прежние вожделения. Ибо блуждание желаний показывает расслабление вашего сердца; это странствование и удаление от родственников, которое вы должны бы соблюдать духом, соблюдаете только телом. Ибо все это было бы оставлено и совершенно уже истреблено в сердцах ваших, если бы вы понимали основание самого самоотвержения, или главную причину уединения, в

котором пребываем. И потому я думаю, что вы подвержены тому недугу праздности, о котором говорится в Притчах: «душа ленивого желает; алчба ленивца убьет его» (Притч.13:4, 21:25). И у нас могло бы не быть недостатка в тех плотских выгодах, на которые вы указали, если бы мы думали, что они соответствуют нашему намерению (монашеству), или эти удовольствия от приятных предметов могут доставить нам такой плод, какой приобретается от этих некрасивых мест и сокрушения тела. Ибо мы не настолько лишены утешения от родных, чтобы уже не было таких, которые бы согласились содержать нас на свой счет; но нам все то, что относится к питанию плоти, возбраняет следующее изречение Спасителя: «кто не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер,... тот не может быть Моим учеником» (Лк.14:26). Да если бы мы и лишены были пособия от родных, то, наверно, не могло бы не быть услуг и от сильных мира сего, которые с благодарностью готовы были бы послужить нашим потребностям с полной щедростью; и, содержась их подаянием, мы не имели бы заботы о заготовлении пропитания; но нас сильно устрашает проклятие пророка, который говорит: «проклят человек, который надеется на человека» (Иер.17:5). «Не надейтесь на князей» (Пс.145:3). Мы также могли поставить свои кельи у русла Нила, иметь воду у дверей, чтобы не быть вынужденными носить ее на своих плечах за четыре тысячи шагов. Но для несения этого труда блаженный апостол, делая нас неутомимыми, постоянно воодушевляет следующим словом: «каждый получит свою награду по своему труду» (1Кор.3:8). Нам небезызвестно, что в наших странах есть некоторые приятные, уединенные места, в которых благодать, плодородие садов или обилие яблок доставили

бы потребное для нашего пропитания при малом труде телесном; но мы опасаемся, как бы не пал на нас тот укор, который в Евангелии высказан богачу: «ты получил уже доброе твое в жизни твоей» (Лк.16:25). Но, отвергнув все это и презрев все удовольствия этого мира, мы довольствуемся только этими некрасивыми местами: страшную пустынность этого уединения предпочитаем всем удовольствиям и не сравняем богатств плодородной почвы с этими солончаками песков, заботясь не о временных выгодах этого тела, а о вечной пользе духа. Ибо для монаха мало – отречься однажды, т. е. в начале своего обращения презреть настоящее; но надо ежедневно отвергаться этого. Ибо даже до конца этой жизни нам следует говорить с пророком: «я… не желал бедственного дня, Ты это знаешь» (Иер.17:16). Потому и Господь в Евангелии говорит: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Лк.9:23).

[5] Глава 3. О качестве мест, которые должны избирать отшельники

[6] Тому, кто имеет неусыпное попечение о чистоте внутреннего человека, нужно избирать такие места, которые бы никаким обилием своего плодородия не возбуждали духа его к развлечению земледелием, не возмущали заботой о твердом, непоколебимом построении кельи, не побуждали выходить на какую-нибудь работу под открытым небом (Авва учит, какие места отшельникам следует избирать, а именно уединенные, удаленные от посещения людей Поскольку цель уединенной жизни есть созерцание Бога и небесных предметов, как видно из Соб 19, то лучшее средство к

этому есть спокойствие души, собранность мыслей. Этому преимущественно способствует уединение пустыни, которое устраняет всякий шум дел, развлекающих душу Поэтому Спаситель, намереваясь молиться, всегда уходил в пустыню на горы (Лк.6:12) Когда Бог хотел говорить с Моисеем, то повелел, чтобы он один взошел на вершину горы, вошел в темное облако, дабы ничего не мог видеть, что отвлекало бы душу его от Бога По свидетельству блаженного Иеронима, даже многие философы по внушению природы избирали себе места уединенные, некрасивые, невозделанные, даже вредные для здоровья, с целью – удобнее заниматься философией, созерцанием. Так делали и древние подвижники в том убеждении, что в таких местах чем больше тело удручается, тем больше дух возвышается), и чтобы таким образом, как бы в открытое пространство выпустив помыслы, не уклонился от прямого направления духа и созерцания высшего назначения, не рассеял внимания по разным предметам, от которых никто не может уберечься или избежать, хотя бы кто был заботлив и бдителен, если не будет постоянно заключать свою душу и тело внутри стен жилища; чтобы таким образом монах, как бы искусный рыболов, с апостольским искусством высматривая пищу себе в глубине спокойного своего сердца, с напряженным и непоколебимым вниманием ловил плавающие стаи помыслов и, как бы с выдавшейся скалы тщательно всматриваясь в глубину, точно различал, какую рыбу он должен привлекать к себе и употреблять в свою пользу и какую, как худую и вредную, отвергать, пренебрегать ею.

[7] Глава 4. Какому делу отшельники должны посвящать себя

[8] Итак, всякий, постоянно пребывающий на страже, деятельно исполнит то, что довольно ясно выражает пророк Аввакум: на страже моей стану, и взойду на скалу, и буду смотреть, чтобы увидеть, что Он (Бог) скажет мне, и какой ответ получу на жалобу мою (Авв.2:1). Каких это стоит усилий и как затруднительно, ясно доказывается опытами тех, которые пребывали в пустыне Каламон, или Порфирион [79]. Хотя они большим пространством, нежели Скитская пустыня, отделялись от всех городов и жилищ человеческих (проходя семь или восемь станций (восемь дней) по обширнейшей пустыне, едва достигали уединенного места своих келий); однако, поскольку они, занимаясь земледелием, мало пребывали в затворничестве, то, приходя в эти некрасивые места, в которых мы живем, или в Скитскую пустыню, подвергаются такому потоку помыслов, душевной скуке, что как невежды, которые никогда не брались за упражнения в уединении, не могут снести молчания и пребывания в келье и, тотчас выгоняемые из них, как неопытные новички, возмущаются. Ибо они не научились укрощать возмущения внутреннего человека, сопротивляться буре своих помыслов постоянной заботою и непрерывным вниманием к себе, те, которые, ежедневно занимаясь работою под открытым небом, весь день не только телом, но и духом носятся по воздушному пространству, с движением тела в разные стороны рассеивают и помыслы свои. И потому они чувствуют пустоту в своей душе от многих желаний, не могут удержаться от легкого рассеяния мыслей; не перенося сокрушения духа, само молчание свое постоянное

считают нестерпимым; не утомляясь тяжелыми полевыми работами, побеждаются праздностью и утомляются продолжительным покоем своим.

[9] Глава 5. От скитания тела скорее увеличивается, нежели облегчается тоска сердца

[10] Неудивительно, если кто, сидя в келье, как бы в тесном затворе, собрав помыслы, угнетается большей тоскою, нежели когда его помыслы, вырвавшись вместе с человеком из заключения в жилище, постоянно носятся в разные стороны, как разнузданные кони. Когда они вырываются как бы из своего стойла, получается некоторое краткое или горькое утешение. Но когда, по возвращении тела в свою келью, вся стая помыслов опять прибегает к своему стойлу, то застарелая привычка к рассеянию производит еще большие мучения тоски. Следовательно, те, которые еще не могут или не хотят противиться влечениям своей воли, если, ослабив строгость, дадут себе свободу чаще выходить, те таким, как думают, врачеванием произведут в себе более острую болезнь, подобно тому, как некоторые думают, что глотком холоднейшей воды они могут погасить силу внутренней лихорадки, тогда как известно, что от этого жар больше воспламеняется, нежели укрощается: за минутным облегчением следует гораздо большая скорбь.

[11] Глава 6. Каким образом монах должен охранять помыслы, объясняется подобием

[12] Потому все внимание монаха всегда должно быть устремлено на одно, – начало и круговращение всех помыслов его должны старательно приводиться к одному центру, т. е. к памяти Бога, все равно как если бы кто, желая устроить свод купола, постоянно стал кругом обводить шнурок из центра; он по верному правилу соблюдает совершенное равенство круглоты и искусно устраивает. А кто покусится сделать купол без отыскания средины, тот, хотя бы обладал большим искусством или знанием, не может без погрешности соблюсти равенство окружности. Также не может определить одним взглядом, сколько он по ошибке отнял красоты у правильной округлости, если не будет прибегать к этому указателю правильности и при помощи его выравнивать внутреннюю и внешнюю округлость своей работы, чтобы по соблюдению одного центра закончить огромное здание. Так и дух наш, если не будет иметь в виду одну любовь к Господу, как бы неподвижно утвержденный центр, при всех делах и усилиях, так сказать, верным циркулем любви не будет упорядочивать все помыслы, не построит с совершенным искусством того духовного художественного здания, художник которого есть Павел (1Кор.3:10), и дом тот не будет иметь красоты, которую блаженный Давид в сердце своем желает представить Господу, говоря: «Господи! я возлюбил обитель дома Твоего и место жилища славы Твоей» (Пс.25:8); но неблагоразумно воздвигнет в своем сердце дом неблаголепный, недостойный Св. Духа, такой, который всегда может распасться, – не прославится вселением

блаженного сожителя, но подвергнется плачевному разрушению.

13 Глава 7. Вопрос: почему близкое обитание родных вредно для нас, а живущим в Египте не вредит?

14 Герман**. Конечно, такое установление – заниматься делом внутри кельи – полезно и необходимо; удобство этого не только основано на примере вашего блаженства по подражанию апостольским добродетелям, но часто доказывалось указанием и нашего опыта. Но почему мы должны так избегать соседства родных, которое вы не очень отвергаете, это не совсем ясно. Ибо мы видим, что вы, безукоризненно поступая на всяком пути к совершенству, не только пребываете в своих областях, но некоторые живут недалеко от своих селений; почему же считается противным для нас то, что вам не вредно?**

15 Глава 8. Ответ: почему не всем все приличествует

16 Авраам**. Мы видим примеры, что иногда худое выходит из добрых вещей. Ибо если бы кто стал делать то же самое, но с другим расположением и намерением или с неровной силою, то от этого он впадает в сеть обольщения и смерти, тогда как другие этим приобретают плоды вечной жизни. Без сомнения, это потерпел бы и тот сильный рукою юноша, приготовившийся к сражению с**

воинственным исполином, если бы взял мужественное и крепкое оружие Саула (1Цар.17:38–40); и чем сильный человек поражал бесчисленные полчища врагов, то малолетку могло бы причинить несомненную погибель, если бы он с благоразумным различением не избрал оружие, сообразное с его юностью; и он против страшного врага вооружился не латами и щитом, которыми вооружались, как он видел, другие, но стрелами, которыми сам мог сражаться. Поэтому каждому из нас следует наперед тщательно узнавать меру своих сил и по этой мере браться за науку, какая нравится, ибо хотя все науки полезны, однако не могут быть удобны для всех. Отшельничество хоть хорошо, но мы не считаем его полезным для всех. Ибо для многих оно не только бесплодно, но и гибельно. Также хотя установление киновии или заботу о братьях мы признаем делом святым, похвальным, но не думаем, что поэтому все должны избирать их. Также плод странноприимства весьма обилен, но без терпения оно не может быть предпринимаемо. Потому сначала надо сравнить между собою уставы вашей страны и этой, потом на разных весовых чашах взвесить силы людей, приобретенные постоянным упражнением в добродетелях или пороках. Ибо что одному человеку трудно, даже невозможно, то в других приобретенная привычка обратила в природу. Как некоторые народы, не покрывая тела, переносят большой холод или жар солнца, тогда как другие, не привыкши к такому климату, не могут переносить его, как бы ни были сильны; так и вы, которые с большим усилием души и тела только в этой стране

стараетесь как бы победить природу вашего отечества, тщательно рассудите: можете ли переносить здешнюю нищету в тех холодных к вере странах (как есть слух), как бы скованных чрезмерным холодом неверия. Ибо нашим монахам эту твердость намерения естественно придала древность святого образа жизни. Если вы сознаете себя равными им по постоянству и силе, то и вы также не должны избегать соседства родителей и братьев ваших.

[17] Глава 9. Самоумерщвление аввы Аполлоса

[18] А чтобы вы после строгого испытания могли верно определить количество ваших сил, я коротко скажу вам о поступке одного старца, аввы Аполлоса, чтобы, если искреннее испытание вашего сердца покажет, что вы не ниже его по намерению и силе, – вам избрать жительство в отечестве и соседство с родными без ущерба для вашего преуспевания и без опасности для звания монашеского, в той уверенности, что строгости этого смирения, в которое приводит вас в этой области не только воля, но и необходимость странничества, не может победить ни расположение родства, ни увеселение местами. Итак, когда к этому старцу глубокой ночью пришел брат его, со слезами сетуя и умоляя, чтобы он, на короткое время выйдя из своего монастыря, помог ему вытащить вола, увязшего в болотной тине, потому что один никак не мог вытащить его, то авва Аполлос на настойчивую просьбу сказал: для чего ты не позвал младшего брата нашего, хотя он ближе меня живет? И когда брат, думая, что авва забыл о смерти и погребении брата и от чрезмерного

воздержания и постоянного уединения пребывает как бы не в полном уме, ответил: как я мог вызвать из гроба того, кто умер уже пятнадцать лет? То авва Аполлос сказал: разве ты не знаешь, что также и я уже двадцать лет как помер для этого мира и из гроба этой кельи не могу доставить тебе никаких утешений, какие относятся к состоянию настоящей жизни? Христос не дозволяет мне даже немного ослабевать в тщательности предпринятого самоумерщвления – для извлечения твоего вола, так как он не дозволил одному (Лк.9:60) и самой кратковременной отлучки для погребения отца, которое, конечно, гораздо скорее, благочестнее и набожнее должно бы быть совершено. Итак, теперь рассмотрите тайны вашего сердца и благоразумно посудите: можете ли вы постоянно соблюдать такую же строгость духа по отношению к вашим родителям. И когда осознаете, что вы в умерщвлении духа подобны этому авве, то знайте, что также и вам не будет вредно соседство с родителями и братьями: вы будете считать себя как бы мертвыми, хотя они будут находиться вблизи, так что не позволите себе ни им оказывать ваше утешение, ни вам ослабевать от их услуг.

[19] Глава 10. Вопрос: не вредно ли монаху, если родители будут доставлять ему необходимое для жизни?

[20] Герман**. Касательно этого ты уже не оставил больше никакого места сомнению. Ибо мы уверены, что в соседстве с ними (родственниками) мы не можем носить эту убогую одежду и ежедневно ходить босиком; даже и трудом подобным не можем**

там приобретать необходимое для пропитания, так как здесь мы вынуждены носить воду на своей шее за три мили [80]. Ибо ни наша, ни их стыдливость вовсе не допустит нам делать это перед ними. Но какой вред будет нашему намерению, если, при их услужении совершенно освободившись от всякой заботы о приготовлении пропитания, будем заниматься только чтением и молитвою, так что по оставлении этого труда, которым теперь развлекаемся, усерднее будем заниматься только духовными делами?

[21] Глава 11. Ответ, заимствованный из учения св. Антония Великого

[22] Авраам**. Против этого я выскажу вам не свое, а блаженного Антония мнение, которым он посрамил беспечность одного брата, закоснелого от того равнодушия, о котором вы говорите, так что оно развяжет и узел вашего предложения. Когда некто, придя к сказанному авве, стал говорить, что отшельническая жизнь менее удивительна; большая добродетель будет, если кто, находясь между людьми, а не в пустыне будет упражняться в том, что служит совершенству; блаженный Антоний спросил, где он живет. Когда тот сказал, что живет при своих родителях, и хвалился, что при их пособии он свободен от всякого попечения и заботы дневной работы, постоянно занимается только чтением и молитвою без развлечения духа; блаженный Антоний опять спросил: скажи, сын, не опечаливаешься ли ты их уронами или несчастными случаями, также не радуешься ли их**

счастью? Тот сознался, что принимает участие в том и другом. Старец сказал ему: знай, что ты и в будущем веке также будешь возмущаться судьбою тех, с которыми в этой жизни волнуешься радостью или скорбью. Не довольствуясь этим мнением, блаженный Антоний вступил на более обширное поле рассуждения, говоря: такая жизнь и такое состояние душевной холодности есть не только этот вред, который причиняют тебе, хотя ты сам не чувствуешь того, говоря словами Притчей: «били меня, мне не было больно; толкали меня, я не чувствовал» (Притч.23:35); или что говорится у пророка: «чужие пожирали силу его и он не замечал» (Ос.7:9), именно это, каждый день изменяя твой дух по разнообразию случаев, постоянно погружает в земное и лишает тебя плода рук твоих и справедливой награды за соответственный труд, не допуская тебе, живущему на их содержании, по правилу блаженного апостола, своими руками приготовлять себе ежедневное пропитание, которое он при всем том, что занимался святым делом проповедования Евангелия, приобретал не только себе, но и тем, которые оказывали ему необходимые услуги в служении его, как он напоминал об этом при преподавании последних заповедей пресвитерам ефесской церкви: «сами знаете, что нуждам моим и *нуждам* бывших при мне послужили руки мои сии» (Деян.20:34); чтобы показать, что он это делал в образец для нашей пользы, он говорит: мы не были праздны между вами, «ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас, не потому, чтобы мы не имели власти, но чтобы себя самих дать вам в образец для подражания нам» (2Сол.3:7–9).

[23] Глава 12. О пользе трудолюбия и о вреде праздности

[24] Поэтому, хотя у нас и не было бы недостатка в пособии от родственников, однако эту нищету мы предпочитаем всем богатствам и лучше желаем готовить ежедневное пропитание тела своими трудами, нежели беспечно содержаться пособием родственников, эту трудолюбивую скудость предпочитая вышесказанному праздному размышлению о Св. Писании и бесплодному занятию чтением. Без сомнения, этому мы весьма охотно последовали бы, если бы апостольская власть своим примером заповедала или постановления старцев здраво определили, что это полезнее. Знай же, что и от этого ты терпишь вред не меньше вышесказанного; потому что ты, будучи здоров и крепок телом, содержишься чужим подаянием, которое справедливо полагается только слабым. Может быть, и всякое сословие людей, кроме только монахов, которые по заповеди апостола живут ежедневными трудами рук своих, ожидает подаяния от чужого труда. Потому не только те, которые хвалятся, что они содержатся имуществом родителей, или трудами слуг, или плодами своих поместий, но и сами цари этого мира содержатся подаянием. Наконец, вот постановление наших предков: все, что расходуется на необходимое ежегодное пропитание, которое трудами рук наших не было заработано, должно относиться к подаянию, так заповедал апостол, который, совершенно запрещая праздным вспомоществование от чужой щедрости, говорит: «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2Сол.3:10). Блаженный Антоний, вразумив этими словами одного человека, наставил и нас своим учением и примером, чтобы мы избегали гибельной услужливости

родственников и всех, которые доставляют подаяние для необходимого пропитания, избегали также и всякой красоты веселого обиталища; и чтобы некрасивые песчаные местности, солончаковые по природе, и области, иссохшие от соляного наводнения и поэтому не подлежащие никакому праву и владению людей, мы предпочитали всем богатствам этого мира, чтобы нам уклоняться не только от посещения людей по причине непроходимой пустыни, но чтобы и плодородие почвы никак не возбуждало нас к развлечению каким-нибудь земледелием, через что дух, отвлекаемый от главного наблюдения за сердцем, сделался бы бесплодным в духовных упражнениях.

25 Глава 13. Рассказ аввы Макария о заработке брадобрея

26 А что вы надеетесь, что можете спасать и других, и спешите посетить родину с чаянием большей пользы, касательно этого выслушайте одну повесть аввы Макария, весьма занимательно и назидательно изображенную, которую он весьма кстати рассказал для вразумления одному, горевшему подобным желанием. Итак, в одном городе был искусный брадобрей, который, обривая всякого за три динария [81], хоть и малую плату получал за свой труд, но этим количеством не только ежедневно приобретал необходимое для своего пропитания, но после удовлетворения всякой потребности телесной еще и сто динариев каждый день откладывал в свой кошелек, постоянно получая такую прибыль. Но когда услышал, что в одном дальнем городе каждый человек платит брадобрею по целому сольду [82], то сказал: долго ли буду довольствоваться такой скудостью, что с трудом

приобретаю плату в три динария, тогда как отправившись туда, я мог бы собрать большое богатство? Итак, тотчас взяв инструменты своего ремесла, истратив на путевые расходы все что здесь сберег за долгое время, с большим трудом дошел до того многодоходного города. Здесь в тот же день получив согласно с тем, как слышал, от каждого плату за свой труд, вечером видя, что приобрел большое число сольдов, с радостью пошел на местный рынок купить пищи, необходимой для обеда. Когда стал покупать ее за большую цену, то на весьма скудную пищу истратил все приобретенные сольды, так что ни одного динария не осталось в прибыли. Когда увидел, что каждый день истрачивается приобретение его, так что не только ничего не скопил, но едва мог удовлетворять даже потребности ежедневного пропитания, то, размышляя сам с собою, сказал: возвращусь в свой город и опять буду получать тот малый доход, из которого, после удовлетворения всем телесным потребностям, от ежедневного избытка у меня составится некоторое сбережение для содержания себя в старости. Хотя это сбережение кажется малым и скудным, но при постоянном приращении составит немалую сумму. Ибо для меня выгоднее было получение мелких монет, нежели воображаемый доход сольдов, из которого не только ничего не оставалось в сбережении, но едва удовлетворялась потребность ежедневного пропитания. Потому и нам лучше постоянным пребыванием в уединении пустыни приобретать малый плод, которого никакие житейские попечения, никакие мирские развлечения, никакое тщеславие и суета не истребляют и никакие заботы о дневной потребности не уменьшают. «Малое у праведника – лучше богатства многих нечестивых» (Пс.36:16), – т. е. лучше приобретать малый

плод в пустыне, нежели домогаться большой пользы в мире, которая хотя бы и была приобретена прибыльным обращением многих, но пребыванием в мире и ежедневным развлечением утрачивается вовсе. Ибо, по словам Екклезиаста, «лучше горсть с покоем, нежели пригоршни с трудом и томлением духа» (Еккл.4:6). Такому обману и лишениям обязательно подвергаются все немощные, которые хотя и в своем спасении еще не уверены и сами еще нуждаются в чужом наставлении и руководстве, однако обольщением дьявола побуждаются к обращению и управлению другими, и которые хотя бы и могли приобрести какую-нибудь пользу от обращения некоторых, но по своей нетерпеливости и неисправленности нрава теряют все приобретенное. Ибо с ними бывает то, что пророк Аггей пишет: «зарабатывающий плату зарабатывает для дырявого кошелька» (Агг.1:6). Точно, в дырявый кошелек кладет свои прибытки тот, кто все, что ни приобретет через обращение других, теряет невоздержанием своего сердца и ежедневным развлечением духа. И таким образом бывает, что, думая, будто могут приобрести большую пользу через наставление других, сами остаются без исправления. «Иной выдает себя за богатого, а у него ничего нет; другой выдает себя за бедного, а у него богатства много. Лучше простой, но работающий на себя, нежели выдающий себя за знатного, но нуждающийся в хлебе» (Притч.13:7, 12:9).

[27] Глава 14. Вопрос: откуда произошла у нас такая погрешность мнения?

[28] Герман**. Твое рассуждение верно показало погрешность наших помышлений; мы также**

желаем узнать причины и исправление этой погрешности и отчего приключилось с нами такое обольщение. Ибо нет сомнения, что никто не может подать лучшего лекарства в болезнях, кроме того, кто предсказал само происхождение болезней.

[29] Глава 15. Ответ о трех способностях, или частях души

[30] Авраам. **У всех пороков один источник и начало; а по качеству той части и, так сказать, члена, который в душе поврежден, получаем различные названия страстей и повреждений. Это доказывается иногда примером телесных болезней, у которых хотя одна бывает причина, но по качеству больных членов они разделяются на разные виды недугов. Ибо когда вредная влага займет крепость тела, т. е. голову, то производит головную болезнь; когда падает на уши или глаза, то обращается в болезнь ушей и глаз; когда разольется во все члены до оконечностей рук, то называется болезнь членовая и хирагра; а когда стечет к оконечностям ног, то называется подагрою; одна и та же по происхождению вредная влага различается столькими названиями, сколько частей членов занимает. Также, переходя от видимого к невидимому, мы верим, что в частях и, так сказать, членах нашей души бывает всякий порок. Так как все мудрецы различают в душе три потребности, то и недугом каким-нибудь повреждается или разумная, или раздражительная, или вожделеющая часть. Когда какой-нибудь из этих способностей овладеет вредная страсть, то от причин ее дается**

имя и пороку. Ибо если разумную часть поразит язва пороков, то произведет пороки тщеславия, возношения, зависти, гордости, предрассудков, ереси. Если поранит раздражительную способность, то породит ярость, нетерпеливость, печаль, уныние, малодушие, жестокость. Если повредит вожделеющую часть, то произведет чревобесие, блуд, сребролюбие, скупость и другие вредные земные пожелания.

31 Глава 16. Повредившуюся разумную часть души надо врачевать

32 И потому, если хотите узнать источник и начало этого порока, знайте, что повреждена разумная часть вашего духа и души, от которой обычно происходят пороки предрассудков или тщеславия. Потому этот, так сказать, член души вам следует сначала врачевать правильным рассуждением и добродетелью смирения; при повреждении его, когда думаете, что не только уже достигли верха совершенства, но можете и других учить, и признаете себя способными и достаточными к научению прочих, – через возношение тщеславия, которое открыло ваше исповедание, вы увлекаетесь в суетное странствование. Страсти эти вы можете без затруднения отсечь, если, основываясь на смирении и истинном рассуждении, как я сказал, с сокрушением вашего духа уясните, как тяжело, как трудно каждому из нас спасти свою душу, и если с искренним расположением сердца осознаете, что вы не только далеки от возможности учить, но и сами еще имеете нужду в помощи учителя.

33 Глава 17. Слабейшая часть души первой подвергается дьявольским искушениям

34 Итак, к этому члену или части души вашей, которая особенно уязвлена, приложите лекарство истинного смирения. Поскольку она, как видно, слабее прочих сил вашей души, то обязательно первой подвергается дьявольскому искушению. Как обычно бывает в человеческих телах, когда приключаются какие-нибудь недуги, происходящие или от случающегося утруждения, или от вредного влияния воздуха, – слабые части первыми чувствуют и подвергаются этим недугам; и когда болезнь особенно поразит их, то заражает той же язвою и прочие части тела. Так и душа каждого из нас, как бы при веянии заразительного дыхания пороков, обязательно искушается той страстью, которой более нежная и слабая ее часть, подстрекаемая врагом, не так сильно противится, и подвергается опасности плена со стороны тех, которым неосторожная стража отворяет вход для более легкого предательства. Так Валаам, на известном основании заключая, что народ Божий может быть обольщен, дал совет – расставить ему гибельные сети с той стороны, с которой, как узнал, сыны Израиля слабы, не сомневаясь, что после доставления множества женщин они тотчас впадут в блуд (Чис.25:1–3, 31, 16; Откр.2:14), потому что знал, что вожделеющая часть души их растлена. Таким образом, каждого из нас злые духи хитрой злокозненностью искушают, расставляя коварные сети там, где замечают болезнь души; например, когда видят, что разумные части нашей души повреждены, обольщают нас в том порядке, в каком, по свидетельству Св. Писания, царь Ахав был обольщен сириянами, которые говорили: «мы слышали, что цари дома

Израилева, цари милостивые… И опоясали они вретищами чресла свои и возложили веревки на головы свои, и пришли к царю Израильскому и сказали: раб твой Венадад говорит: «пощади жизнь мою» (3Цар.20:31–32). Он, тронувшись не по истинному благочестию, а суетною похвалою милосердия, говорит: разве он жив? Он мой брат. Подобно этому и нас, обольщенных погрешностью разумной части, доводят до того, что впадаем в оскорбление Бога там, где думали получить награду за благочестие, и с подобным укором нам будет сказано: «за то, что ты выпустил из рук своих человека, достойного смерти, то душа твоя будет вместо его души, народ твой вместо его народа» (3Цар.20:42). Или когда нечистый дух говорит: «выйду и сделаюсь духом лживым в устах всех пророков его» (3Цар.22:22), то, без сомнения, через разумную способность, о которой знал, что она открыта для смертоносных наветов, расставляет сети обольщения и смерти. Так и Ирода через раздражительную часть души хитрейший враг подстрекнул к избиению стольких младенцев, ибо знал, что эта часть в нем была больше повреждена. Так думал тот же дух и о Господе нашем, когда искушал эти три части души Его, в которых, как знал, слаб весь род человеческий, однако не преуспел в хитрых наветах. Он искушал вожделеющую часть духа Его, говоря: скажи, чтобы камни сии сделались хлебами; искушал раздражительную часть, когда старался подстрекнуть Его к желанию власти над настоящим веком и к желанию царств этого мира; разумную часть искушал, когда говорил: «если Ты Сын Божий, бросься вниз» (Мф.4:3–9). В этом обольщение его не имело никакого успеха, потому что не нашел в Нем ничего поврежденного. Ибо никакая часть души Его, искушаемая наветами врага, не соглашалась с ним; «ибо, – говорит

Спаситель, – идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего» (Ин.14:30).

[35] Глава 18. Вопрос: полезно ли желание более сокровенного уединения, по которому мы стремились в отечество?

[36] Герман**. Между прочими родами обольщений и погрешностей наших, которые суетным обещанием выгод воспламеняли нас к желанию нашего отечества, была и эта особенно причина: посещаемые иногда братьями, мы никогда не могли по своему желанию пребывать постоянно в затворничестве и продолжительном безмолвии. Когда приходили некоторые братья, по необходимости прерывалось соблюдение и мера ежедневного воздержания, которое мы всегда желаем без перерыва соблюдать для обуздания плоти. Этого, как думаем, не может случиться в нашей стране, в которой невозможно или трудно найти человека монашеского звания.**

[37] Глава 19. Ответ: Бог хочет, чтобы совершенные мужи, скрывающиеся и в отдаленнейших пустынях, были посещаемы людьми

[38] Авраам**. Это знак неразумной и неосмотрительной строгости или скорее – совершенной холодности – вовсе не желать, чтобы люди посещали. Ибо если кто на этом избранном пути идет слишком медленными шагами, т. е. нерадиво, и живет по**

внешнему человеку, т. е. только плотской жизнью, то справедливо, чтобы к нему, не говорю, из святых, но и из людей никто не приходил [83]. А вы, если пылаете истинной и совершенной любовью к нашему Господу и с полной горячностью прилепляетесь к Богу, Который есть любовь (1Ин.4:8), в какие бы неприступные места ни ушли, обязательно места эти будут посещаемы людьми (Любовь общительна, желает послужить пользе и спасению других словом, делом, вещами, чем может, потому желает входить в общение с другими, да и Бог внушает приходить к тому для получения полезного назидания); и чем более близкими к Богу сделает вас жар любви Божией, тем большее святых братьев будет стекаться к вам. Ибо, по слову Господа, «не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф.5:14). Ибо «Я прославлю прославляющих Меня, – говорит Господь, – а бесславящие Меня будут посрамлены» (1Цар.2:30). Впрочем, вы должны знать, что это есть тонкая хитрость дьявола, скрытная яма, в которую он ввергает всех жалких и неосторожных, когда обещает им большее, – похищает необходимый, ежедневно приобретаемый плод, советуя, что нужно искать сокровеннейшие и обширнейшие пустыни, и изображая в сердце их те пустыни, как усеянные дивными красотами, представляет также некоторые неизвестные места, как никому незнаемые, невозделанные, подлежащие уже нашей власти, и которыми без всякого затруднения можно будет владеть. Ложно показывает, что и люди той области обходительны и идут по пути спасения, чтобы, обещая там обильные плоды для души, обманом лишить нас настоящих выгод. Ибо когда всякий по этой суетной надежде отделится от спасительного

сожительства со старцами и лишится всего, что напрасно представлял себе в своем сердце, то, отрезвившись, как бы пробудившись от глубокого сна, не найдет ничего из того, о чем грезил. Итак, дьявол, опутав его большими нуждами, неразрешимыми сетями, не позволяет и подумать когда-нибудь о том, что он сам себе обещал, и, связав его уже не теми редкими и духовными посещениями братьев, которых прежде избегал, но ежедневными набегами мирян, не допускает когда-нибудь возвратиться и к посредственному покою, и к образу жизни отшельнической.

39 Глава 20. Полезно бывает послабление во время прихода братьев

40 Да и то приятное послабление и гостеприимство, которое обычно допускается иногда во время прихода братьев, хотя кажется вам неприятным и достойным избежания, однако бывает полезно и здорово как духу, так и телу вашему. Часто случается, не говорю, с новичками и немощными, но и с опытными и совершенными, что если напряжение их духа и строгость не получают какого-либо послабления в промежутках отдохновения, то они впадают или в холодность духа, или, по крайней мере, в гибельную болезнь тела. И потому благоразумные и совершенные, когда случается даже и частое посещение братьев, не только должны терпеливо сносить, но и радушно принимать их. Это, во-первых, побуждает нас всегда усиливать уединение пустыни, ибо некоторым образом, возобновляя наше упражнение, делает его неутомимым и постоянным; а если кто не замедляется иногда остановкою, то не может дойти до конца с неослабной скоростью; во-вторых, удовлетворяет

потребности подкрепить тело пищею с плодом человеколюбия, вместе с приятным отдохновением тела доставляет нам больше выгоды, нежели те, которые были бы приобретены утомлением от воздержания. Касательно этого предмета, я приведу вам прекрасное сравнение, переданное древней повестью.

[41] Глава 21. То же доказывает примером св. Иоанна Богослова

[42] Говорят, что блаженный евангелист Иоанн, когда нежно гладил руками куропатку, вдруг увидел идущего к нему охотника. Тот, удивившись, что муж такой высокоуважаемый, славный, унижал себя до такой маловажной, низкой забавы, спросил: ты ли тот Иоанн, о котором громкая, знаменитая слава и во мне возбудила сильное желание узнать тебя? Для чего же ты занимаешься такими пустыми забавами? Блаженный Иоанн спросил его: что это ты носишь в своей руке? Лук, отвечал охотник. Св. Иоанн спросил: для чего же ты носишь его не всегда натянутым? Тот отвечал: нельзя, – чтобы постоянным натягиванием сила упругости не ослабела, и он не сделался негодным; когда понадобится сильнее пустить стрелы в какого-либо зверя, то, потеряв упругость от чрезмерной, постоянной натянутости, он не сможет послать стрелу с должной силою. Блаженный Иоанн сказал: не соблазняйся же, юноша, и этим маловажным и кратким отдохновением нашей души, которая, если иногда не облегчать напряжения ее строгости некоторым послаблением, ослабевая от непрерывной натянутости, не сможет споспешествовать добродетели духа, когда потребует необходимость.

[43] Глава 22. Вопрос: как следует понимать слова Евангелия: иго Мое благо, и бремя Мое легко?

[44] Герман**. Поскольку ты доставил нам лекарство против всех обольщений, и дьявольские козни, которые колебали нас, твоим учением при помощи Божией обнаружены, то просим также объяснить нам и то, что говорится в Евангелии:** «иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф.11:30). Ибо оно, кажется, противоречит изречению пророка: «в делах человеческих, по слову уст Твоих, я охранял себя от путей притеснителя» (Пс.16:4). И апостол говорит: «все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2Тим.3:12). А все, что жестоко и подвергается гонениям, то не может быть легко и приятно.

[45] Глава 23. Ответ с объяснением изречения

[46] Авраам**. Что изречение Господа и Спасителя нашего совершенно истинно, это мы легко подтвердим доказательством самого опыта, если путь к совершенству законно и по воле Христа будем проходить и, умерщвляя все желания наши и отсекая вредный произвол, не только не допустим оставаться у нас ничему из имущества этого мира, посредством которого (имущества) враг получит власть нападать и терзать нас в любое время, но и будем сознавать, что мы не господа сами для себя, чтобы по истине исполнять слова апостола:** «уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал.2:20). Ибо что может быть тяжело, что несносно для того, кто с полным расположением принял иго Христово, кто, основываясь на

истинном смирении, всегда взирая на Господа, радуется во всех обидах, какие бы ни были сделаны ему, говоря: «я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен» (2Кор.12:10)? О какой, говорю, потере домашней вещи будет скорбеть тот, кто славится своею нищетою, ради Христа добровольно отверг все имущество этого мира и вообще все вожделения его почитает за сор, чтобы Христа приобрести (Флп.3:8), при размышлении о следующей евангельской заповеди, презирает и пренебрегает всякой потерею: «какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою» (Мф.16:26)? О потере какой вещи опечалится тот, кто все, что у него может быть отнято, считает не своим, с непобедимым мужеством взывая: «мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести *из него*" (1Тим.6:7)? Какой нуждою нищеты будет побеждено мужество того, кто не носит сумы в дороге, меди на поясе, одежды на разные времена (Мф.10:9–10), но с апостолом славится тем, что бывает во многих постах, в голоде и жажде, в холоде и наготе (2Кор.11:27)? Какой труд или какая тяжелая заповедь старца может возмутить спокойствие сердца того, кто, не имея никакой своей воли, не только терпеливо, но и с радостью принимает все, что будет приказано ему, и по примеру нашего Спасителя не ищет исполнять свою волю, но волю Отца, говоря и сам к Отцу своему: «не как Я хочу, но как Ты» (Мф.26:39)? Какой обиды, какого гонения устрашится, даже какое наказание может быть неприятным тому, кто, с апостолами радуясь во всех наказаниях, желает удостоиться за имя Христово принять бесчестие (Деян.5:41)?

[47] Глава 24. Отчего иго Господне бывает неприятно и бремя тяжело

[48] А что, напротив, иго Христово кажется нам нелегким, неприятным, то это справедливее приписать нашему упорству, когда мы, впав в безнадежность и неверие, вопреки повелению и совету Того, Кто говорит: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое раздай нищим; и приходи и следуй за Мною» (Мф.19:21), по глупому развращению поступаем превратно – удерживаем у себя земное имущество. Поскольку дьявол содержит душу нашу связанной узами его (т. е. имущества), то он, чтобы лишить нас духовных радостей, опечаливает нас уменьшением и лишением его, когда ни захочет. Он хитрым обманом производит то, что, когда приятность евангельского ига и легкость бремени сделается тяжелой для нас, запутав узами богатства и имущества, которое мы сберегаем себе для успокоения и утешения, всегда мучит нас бичами мирских забот, в нас самих производя то, чем бы терзаться. Ибо всякий связывается узами грехов своих (Притч.5:22); и пророк говорит: «вот, все вы, которые возжигаете огонь, вооруженные зажигательными стрелами, идите в пламень огня вашего и стрел, раскаленных вами!» (Ис.50:11). По свидетельству Соломона, «кто чем согрешает, тем и наказывается» (Прем.11:17). Ибо те же самые удовольствия, которыми наслаждаемся, служат для нас мучением; утешения этой плоти и услаждения, как палачи, с наказанием обращаются на своего виновника; потому что тот, кто опирался на прежнее богатство и имущество, не может иметь ни совершенного смирения сердца, ни полного умерщвления превратной воли. При этих пособиях к добродетелям все трудности настоящей

жизни и все лишения, какие враг может наносить, переносятся не только терпеливо, но и с удовольствием; а без них (т. е. смирения и умерщвления воли) растет столь гибельная гордость, что и за легкое поношение мы уязвляемся смертоносными стрелами досады, и нам будет сказано через пророка Иеремию: «и ныне для чего тебе путь в Египет, чтобы пить воду из Нила? и для чего тебе путь в Ассирию, чтобы пить воду из реки ее? Накажет тебя нечестие твое, и отступничество твое обличит тебя; итак познай и размысли, как худо и горько то, что ты оставил Господа, Бога твоего, и страха Моего нет в тебе, говорит Господь» (Иер.2:18–19).

А что дивная приятность ига Господня чувствуется горькой, то это потому, что горечь нашего отвращения портит ее. Что столь приятная легкость божественного бремени кажется тяжелой, то это потому, что мы упрямой самонадеянностью презираем Того, Кем поддерживаемся. Об этом ясно свидетельствует Св. Писание, говоря: если бы они ходили стезями прямыми, то нашли бы стези правды легкими (Притч.2:20). Это, без сомнения, относится к нам, которые правые и легкие стези Господни неровными и жесткими камнями пожеланий делаем не гладкими, которые царский путь, упроченный апостольскими и пророческими камнями, проложенный стопами всех святых и Самого Господа, безумно оставляем, ходим по распутью и местам, покрытым колючим кустарником, и ослепленные прелестями настоящих утех, ползем по мрачным и поросшим волчцами пороков тропам, изранив голени, разодрав брачную одежду, пронзаемые не только острыми иглами терния, но и уязвляемые жалами ядовитых змей и скорпионов, скрывающихся там. Ибо «терны и сети на

пути коварного; кто бережет душу свою, удались от них» (Притч.22:5). О таких и Господь говорит через пророка: «народ Мой оставил Меня; они кадят суетным, споткнулись на путях своих, оставили пути древние, чтобы ходить по стезям пути непроложенного» (Иер.18:15). Ибо, по словам Соломона, «путь ленивого – как терновый плетень, а путь праведного – гладкий» (Притч 15, 19). И таким образом от царского пути уклоняясь, не могут достигнуть города митрополии, куда всегда неуклонно должно быть направлено наше шествие. Это и Екклезиаст довольно знаменательно выразил: «труд глупого утомляет его, потому что не знает *даже* дороги в город» (Еккл.10:15), т. е. в небесный Иерусалим, который есть матерь всем нам (Гал.4:26).

[49] Глава 25. Какую пользу доставляют нам искушения

[50] Кто, поистине отвергнув этот мир, возложил на себя иго Христово и научился от Него, уразумев из ежедневных опытов перенесения обид, что Он кроток и смирен сердцем, тот во всех искушениях всегда пребудет непоколебим, и все будет содействовать ему ко благу (Рим.8:28). Ибо слова Божии, по пророку Михею, не благотворны ли для того, кто правильно поступает (Мих.2:7)? И еще: «правы пути Господни, и праведники ходят по ним, а беззаконные падут на них» (Ос.14:10). Итак, милостивая к нам благодать Спасителя больше доставила нам пользы и похвалы посредством борьбы с искушениями, нежели если бы удалила от нас всякую нужду в борьбе. Ибо для колеблемого страстями и горестями высшую и превосходнейшую добродетель составляет оставаться всегда непоколебимым, и когда все

свидетельствуют против него – пребывать уверенным в помощи Божией и бестрепетным; при нападках человеческих, как бы перепоясанному оружием непобедимой добродетели, славно торжествовать над нетерпеливостью и приобрести некоторым образом силу от немощи, потому что сила в немощи совершается (2Кор.12:9). «И вот, Я поставил тебя ныне, – говорит Господь, – укрепленным городом, и железным столбом, и медною стеною на всей этой земле, против царей Иуды, против князей его, против священников его и против народа земли сей. Они будут ратовать против тебя, но не превозмогут тебя; ибо Я с тобою, говорит Господь, чтобы избавлять тебя» (Иер.1:18–19). Следовательно, по истинному учению Господа, царский путь приятен и легок, хотя и кажется жестким и шероховатым. Ибо когда благочестно и верно служащие понесут на себе иго Господне и научатся от Него, что Он кроток и смирен сердцем, то, уже некоторым образом сложив тяжесть земных страстей, при содействии Господа, найдут не труд, а покой душам своим, как Он Сам через пророка Иеремию свидетельствовал: «остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим» (Иер.6:16). Ибо извилистое будет для них всегда прямым, и кочковатое – путем ровным (Ис.40:4), «и увидят, как благ Господь» (Пс.33:9), и услышат Христа, в Евангелии говорящего: «придите ко Мне все труждающиеся (утомленные) и обремененные (подавляемые тяжестью грехов), и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф.11:28–30). Следовательно, путь Господень имеет приятность, если проходят по закону Его. Но мы

сами причиняем себе скорби и мучения беспорядочными уклонениями, когда лучше желаем идти кривыми и развращенными путями этого века, невзирая на большую опасность и трудность. А когда таким образом иго Господне сделаем для себя тяжелым и жестоким, то уже в духе богохульства обвиняем или само иго, или Христа, возложившего его, в жестокости, как говорится у Премудрого: «глупость человека извращает путь его, а сердце его негодует на Господа» (Притч.19:3). И через пророка Иезекииля против тех, которые сказали бы, что путь Господа не прав, Господь говорит: «Мой ли путь неправ? не ваши ли пути неправы?» (Иез.18:25). И действительно, если бы ты захотел сравнить блестящий цвет девства и благоуханную чистоту целомудрия со скверною, зловонной нечистотою похоти, спокойствие и беспечальность монахов с опасностями и горестями, которым подвергаются люди мирские, покой нашей нищеты с едкими печалями богатых и неусыпными заботами, которым предаются дни и ночи с большой опасностью для жизни, то легко убедишься, что иго Христово весьма благо и бремя очень легко.

51 Глава 26. Каким образом совершенно отвергающимся обещается сторичная награда в этом мире

52 Потому и ту награду, которую совершенно отвергающимся в этой жизни Господь обещал сторицею, говоря: «всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф.19:29), правильно и

совершенно истинно понимается в собственном смысле без всякого нарушения верности. Многие, принимая это изречение в грубом смысле, утверждают, что это плотски будет воздано святым во время тысячелетия (Апок.20:4), хотя сознаются, что тот век, который называют будущим после воскресения, нельзя принимать за настоящий. Следовательно, гораздо вернее понимать так, что тот, кто по увещеванию Христа отринет мирские страсти или блага, от братьев и соучастников своего намерения (монашества), соединяющихся с ним духовным союзом, приобретет в сто раз более приятную любовь и в этой жизни. Известно, что та любовь, которую между родителями, детьми, родными, супругами и ближними порождает необходимость общественной связи или кровное родство, бывает довольно непродолжительна и слаба. Даже добрые и благочестивые дети, когда вырастут, отделяются иногда от домов родителей и от имения, также общение супружеского союза иногда по встретившейся уважительной причине расторгается, сварливое разделение прерывает любовь между братьями. Одни монахи всегда сохраняют единение союза, безраздельно владеют всем, все, принадлежащее братьям, считают своим и все свое принадлежащим братьям.

Итак, если благодать нашей любви сравнить с теми расположениями, какими связывается плотская любовь, то та, конечно, во сто раз слаще и возвышеннее. В воздержании от супружества также заключается во сто раз большая приятность, нежели та, которую доставляет взаимное совокупление полов. Вместо той радости, которую кто-либо находит в обладании только полем и домом, во сто раз большей радостью богатства будет наслаждаться тот, кто, поступая в состояние усвоения

сынов Божиих, всем, что принадлежит вечному Отцу, будет владеть, как своим собственным расположением и силою. И будет взывать по подражанию истинному Сыну Божию: «все, что имеет Отец, есть Мое» (Ин.16:15); уже не с мучительной заботою, соединенной с развлечением и беспокойством, но спокойно и с радостью как бы в собственное владение будет везде вступать, слыша ежедневно проповедуемое ему апостолом: «все ваше: мир ли, или настоящее, или будущее» (1Кор.3:22). И Соломон говорит: «у верного целый мир богатства» (Притч.17:6). Следовательно, это сторичное воздаяние состоит в величии заслуги и в различии столь несравненного качества (In discretione tam incomparabilis qualitatis, т. е. в несравненном возвышении духовных качеств; например, духовная любовь, приобретаемая исполнением закона Христова, гораздо выше, тверже, чище, продолжительнее кровной, плотской любви). Ибо если бы кто вместо известного веса меди, или железа, или какого-либо более дешевого металла отдал столько же золота, то, конечно, показалось бы, что он воздал больше, нежели во сто раз.

Так, когда за презрение удовольствий и расположений земных воздается духовная радость и приятность драгоценной любви, то хотя бы само число было то же, однако эта приятность во сто раз больше. И чтобы частым повторением сделать это очевиднее, скажу, что прежде я имел жену в страсти тленного хотения, а теперь имею ее же в чести освящения и в истинной любви Христовой. Женщина одна и та же, а достоинство любви возросло во сто раз. Если же вместо возмущения гневом и яростью взять постоянную тихость терпения, вместо мучительной озабоченности и развлечения – покой беззаботности, вместо бесплодной и мучительной печали этого века –

плод спасительной печали, вместо суетного, временного веселья – плодовитую духовную радость, то в замене этих расположений увидишь сторичное воздаяние. Если с кратковременным и обманчивым удовольствием всякого порока сравнить заслуги противоположных добродетелей, то увеличенная приятность докажет, что эти добродетели во сто раз лучше. Ибо сотенное число с левой руки переносится на правую, которая в исчислении хотя имеет, кажется, такую же форму пальцев, однако весьма превосходит левую количеством [84]. Ибо случится так, что те из нас, которые, по-видимому, носят образ козла, станут по левую сторону, а имеющие достоинство овцы будут поставлены по правую сторону. Теперь перейдем к количеству тех вещей, которые за презрение мира и других выгод Христос воздает нам в этом веке, как говорится в Евангелии Марка: «нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или матерь, или жену, или детей, или земли ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной» (Мк.10:29–30). Ибо всякий получит в сто раз больше братьев, родителей, кто, оставив любовь к одному отцу, или матери, или сыну ради имени Христова, входит в искреннюю любовь всех, служащих Христу: вместо одного находит столь много отцов и братьев, привязанных к нему более горячим, превосходнейшим расположением. Обогатится также увеличенным владением всякий, кто, оставив один дом из любви к Христу, будет владеть бесчисленными обителями монахов, как собственными, во всякой части света, вступая как бы в права своего дома. Также сторицею, даже больше того, получает тот, кто, отказавшись от неверного и вынужденного служения

десяти или двадцати рабов, пользуется добровольными услугами стольких свободнорожденных и благородных людей. А истинность этого вы можете подтвердить своим опытом, потому что каждый из вас, оставив своего отца, мать и дома, в какую бы часть мира ни пришли, без всякого труда и заботы находит бесчисленных отцов, матерей, братьев, также дома, поля и верных слуг, которые благосклонно принимают вас, как своих господ, обнимают, оказывают услугу, почитают. Но этим служением по достоинству и благонадежно будут пользоваться святые, которые прежде по добровольной набожности предали самих себя и все свое наслаждение братству. Ибо они, по словам Господа, щедро получат то, что сами другим уплатили. Ибо кто с искренним смирением сперва не оказывал этого своим соучастникам, тот как равнодушно позволит себе принимать от других, когда знает, что тот больше отягощается, нежели облегчается услугами их? Впрочем, все это будет принимать не с распущенной беспечностью, не с праздным утешением, но, по слову Господа, с гонением, т. е. с притеснением этого века и с большими скорбями страданий, как свидетельствует и Премудрый: кто бывает в удовольствии без скорби, тот будет в бедности (Притч.14:13). Ибо Царство Небесное восхищают не беспечные, не распущенные, не избалованные, не изнеженные, но усильные искатели. Кто же эти усильные искатели? Именно те, которые делают славное насилие не другим, а своей воле, которые, похвальным похищением лишая себя удовольствия от настоящих вещей, словом Господним называются отличными восхитителями, и через такое восхищение они с усилием входят в Царство Небесное. Ибо «Царство Небесное, – по слову Господа, – силою берется, и употребляющие усилие восхищают его»

(Мф.11:12). Точно, похвальны те усильные искатели, которые делают насилие своей погибели. Ибо человек, как написано, в болезнях, трудится для себя, «изнуждает погибель свою» (Притч.16:26). Наша погибель есть утеха настоящей жизни; исполнение своей воли и вожделений, которые если кто у своей души отнимет и умертвит, тот сделает подлинно славное и полезное насилие, отказывая душе в своеволии, которое слово Божие часто порицает, говоря: «вот, в день поста вашего вы исполняете волю вашу и требуете тяжких трудов от других. Если ты удержишь ногу твою ради субботы, от исполнения прихотей твоих во святый день Мой,... и почтишь ее тем, что не будешь заниматься обычными твоими делами, угождать твоей прихоти и пустословить...» (Ис.58:3, 13). Какое блаженство такому обещается, пророк тотчас показывает, говоря: «будешь иметь радость в Господе, и Я возведу тебя на высоты земли и дам вкусить тебе наследие Иакова, отца твоего: уста Господа изрекли это» (Ис.58:14). И потому Господь наш и Спаситель, чтобы преподать нам образец, как отсекать свою волю, говорит: «Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца» (Ин.6:38). И еще: «не как Я хочу, но как Ты» (Мф.26:39). В этой добродетели упражняются особенно те, которые, пребывая в киновиях, управляются властью игумена, ничего не делают по своему произволу, но воля их зависит от воли аввы.

Наконец, чтобы закончить речь этого рассуждения, спрошу: не получают ли верно служащие Христу сторичную благодать и в том, что почитают их высшие начальники? Хотя они сами и не ищут человеческой славы, однако и в тесноте гонений бывают уважаемы всеми судьями и властями те, коих, как маловажных,

могли бы презирать – по низости рода или по рабскому состоянию – даже посредственные люди, если бы они оставались в мирской жизни. Но ради благородного воинствования Христова никто не осмелится выставлять бесславие состояния: низость рода их приравнивать к тому бесславному, низкому состоянию, которого прочие обычно стыдятся, считают унижением для себя. Рабы Христовы славно облагораживаются. Это яснее можем видеть на примере аввы Иоанна, обитающего в пустыне, прилежащей к городу Лико. Он, происходя от самых низких предков, ради имени Христова сделался удивительным почти для всего рода человеческого, так что почитают его, как господина, даже владыки настоящих вещей, которые, имея власть и управление этим миром, бывают страшны всем властелинам и царям, и, из отдаленных стран прося его наставления, счастье своей империи, благоденствие и успех в войнах приписывают его молитвам и заслугам. Так рассуждал блаженный Авраам о происхождении и врачевании нашей ошибки, как бы перед нашими глазами обнаружил наветы помыслов, которые внушал виновник их, дьявол. И нас воспламенил к желанию истинного самоумерщвления, которым, думаем, и многие другие будут воспламенены, хотя все это изложено некрасноречивым словом. Ибо хотя холодная наша речь изложила пламенные чувства высоких отцов, однако думаем, что согреется холодность многих, которые, удалив пепел слов, захотят возбудить живость скрывающихся в них чувств. Но к вам, святые братья, этот «огонь», который Господь «пришел низвести на землю» (Лк.12:49) и очень желал, чтобы он возгорелся, я, вознесшись духом самонадеянности, послал не для того, чтобы прибавлением этого жара воспламенить вашу волю, но чтобы вам иметь больше авторитета у сынов,

если то, чему вы сами учите не мертвым звуком слов, а живым примером, подтвердят также заповеди и высоких древнейших отцов. Остается просить, чтобы меня, до сих пор колеблемого опасной бурею, духовное веяние ваших молитв сопровождало к безопасной пристани безмолвия.

Примечания

1. В «Добротолюбии» это переведено: если же забудем эту цель, то обязательно нам, как идущим во тьме и не прямым путем, часто спотыкаться и многократно заблуждать. ↑

2. Этого Пафнутия, пресвитера Скитского, надо отличать от Пафнутия, епископа верхней Фиваиды, бывшего на Никейском соборе. ↑

3. Из трех известных Серапионов-подвижников один был епископом, посвященным от св. Афанасия Великого, второй был так называемый Синдонит; здесь подразумевается третий – арсеноитский настоятель 10 тыс. монахов О нем говорится в «Лавсаике» гл. 76. Ему принадлежит 5-е собеседование ↑

4. То есть после вкушения пищи ↑

5. Серапион был пресвитер, игумен 10 тыс. монахов. О нем упоминается в Соб. 2, гл. 10. ↑

6. По свидетельству Плутарха (in Lycurgo) у лакедемонян вовсе не было денег в употреблении до царя Агезилая, который первым ввел их в употребление, и этим многие были очень недовольны. ↑

7. До потопа все люди, занимаясь земледелием и скотоводством, денег не имели, а производили торговлю посредством обмена скота (pecudis), оттуда название денег Pecunia. ↑

8. Под динарием здесь понимается, вероятно, не серебряная, а малая медная монета, как сказано в примечании к Кн. 4, гл. 14. ↑

9. См. Соб. 7, гл. 12. ↑

10. О нем говорится в Кн. 5, гл. 33–35. Он был учеником св. Пахомия. ↑

11. Это место так называлось от множества монашеских келий, рассеянно находившихся в пустыне. ↑

12. Миля – расстояние в тысячу шагов. ↑

13. То есть с правой и левой стороны – в счастье и несчастье. ↑

14. Серен значит ясный, светлый, вид его соответствовал его имени. ↑

15. В русском переводе – «праведности». ↑

16. То есть до совершенства и уподобления Христу. ↑

17. Под залогом здесь понимается благодать Св Духа и постоянное пребывание в любви Бога, которая есть как бы задаток для уверения в будущем бессмертии и славе, когда святые совершенно соединятся с Христом, как члены со своей главою, и вполне получат обещанное наследство, к которому призваны и усыновлены (Еф 1, 14; 2Кор 1, 22; Рим 5, 5). ↑

18. Мнение, что ангелы добрые и злые демоны не бестелесны и имеют тело, только самое тонкое, как бы воздухообразное, из школы платоников распространилось и между православными христианами первых веков христианства. Впрочем, думают, что христианские мыслители под телом духов понимали не вещество, хотя бы оно тончайшее было, а субстанцию как бы сложенную, состоящую из разных сил, изменяемую, ограничиваемую временем и пространством, или в сравнении с простотою, чистотою, неизменяемостью Божественного существа природа ангелов кажется гораздо грубее, как бы отелесенной. ↑

19. Авва под Словом Божиим здесь понимает Ипостасное Слово Божие, Сына Божия. Слово живо – так называется по живительной действенности; сила его проникает до сокровенных оснований души и тела, видит не только сокровенные дела, но и сокровенные мысли, причины и намерения их. ↑

20. Некоторые под этими врагами понимают людей, которым св. писатели просят наказания не по ненависти или зложелательству, а по ревности к правде, по желанию образумить их, удержать от делания зла благочестивым людям, чтобы временным наказанием исправить их и избавить от вечной погибели, как говорит апостол «если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром» (1Кор 11, 31, 32). Или, по крайней мере, это – не проклятия, а угрозы и предсказания наказаний нечестивым. ↑

21. О нем говорится в Кн. 10, гл. 24 и 25. О Моисее там же и в Соб. 1 и 2. ↑

22. Калам иначе назывался Порфирионом См Соб. 3, гл 5; Соб. 24, гл. 4. ↑

23. О нем говорится у Кассиана в Кн. 4, гл. 30. ↑

24. Об Архебие говорится в Кн. 5, гл. 37, Соб. 11, гл. 2. ↑

25. См. Духовный луг, гл. 180. ↑

26. Лактаций говорит, что Бог развратным, порочным позволяет жить роскошно, развратно, потому что не считает их достойными исправления. А добрых, которых любит, чаще наказывает, постоянными трудностями упражняет для приучения к добродетели и не допускает им портиться от тленных скоропреходящих благ. Потому никому не должно казаться удивительным, если Бог часто наказывает нас за наши грехи, даже когда мы подвергаемся искушениям, скорбям, тогда особенно должны благодарить милостивого Отца за то, что Он не позволяет нашей порче дальше продолжаться, застаревать, но исправляет ее бичами. Из того мы и познаем, что Бог заботится о нас, когда несчастиями, скорбями исцеляет наши грехи. ↑

27. Как сказано в гл. 17. ↑

28. Св. Антоний Великий говорит, что у всех демонов есть враждебная ненависть к людям, сильнее к христианам, а самая сильная – к монахам и девственницам, посвятившим себя Богу. Впрочем, каждый бес столько вредит людям, сколько Бог позволяет. Если Бог не допускает сделать большой вред, то они довольствуются обольщеньями, насмешками или подстрекательством к каким-нибудь легким грехам, каковы праздное слово, праздное смотрение, нескромный смех, рассеянность помыслов на молитве, сонливость и другие подобные, в которые легко впадают и совершенные. ↑

29. Кошмар во сне происходит иногда от обременения желудка, от несварения пищи, от меланхолической болезни, а иногда и от бесов. ↑

30. Иные бесы больше ночью искушают, а иные днем, или иные скрытно строят козни, неприметно расставляют сети, а иные явно, открыто нападают с искушениями, как бы при ясном свете дня, как в полдень полуденным бесом называется дух сладострастия и уныния, который больше нападает в полдень в жарких странах после принятия пищи и при расслаблении от чрезмерной жары. ↑

31. Хотя эти пророчества относятся собственно к царям тирскому и вавилонскому, но так как черты совершенств и образ падения их взяты с падения сатаны, и гордость их представляется совершенно сатанинской, то на этом основании это изображение относят и к падению сатаны. ↑

32. Яснее сказать, разность злых духов зависит от разности совершенств, которые получили при сотворении, и от разности успехов в зле. ↑

33. Город Пелуза находится у восточного последнего устья Нила. ↑

34. Писателем книги «Пастырь» признается Ерма, ученик апостол, Павла (Рим 16, 14). ↑

35. Во времена Кассиана известны были два Исаака: один фиваидский, о котором упоминается в «Луге духовном», а другой был скитский. Здесь понимается последний, потому что Кассиан первые 10 собеседований слышал от отцов в монастырях Скитской пустыни. ↑

36. Золотые монеты. ↑

37. Тут символ благодати или благодатных утешений. ↑

38. Блаженный Августин о происхождении сокрушения говорит: размышление рождает знание, знание – сокрушение, сокрушение – набожность, набожность совершает молитву. Сокрушение бывает, когда от рассматривания своих зол сердце уязвляется скорбью Набожность есть благочестивое и смиренное расположение к Богу, – смиренное от сознания своей немощи, благочестивое от рассматривания милосердия Божия Один подвижник говорит, что дух человека четырьмя способами сокрушается памятью о грехах, размышлением о будущем мучении, рассматриванием странничества в этой жизни, желанием небесного отечества и райских наслаждений. ↑

39. Здесь перечисляются шесть условий услышания молитвы, братская любовь, вера, неотступность, милостыня, покаяние, воздыхания в скорбях, а главное, чтоб молитва была по воле Божией, а это бывает, когда молятся только о необходимом или полезном для спасения Иные ставят четыре условия во-первых, надо быть достойным услышания, а грешников Бог не послушает, во-вторых, следует просить только необходимое или полезное для спасения, в-третьих, молитва должна быть благочестивая, т.е. соединенная с верою, надеждою, любовью, смирением, набожностью, и наконец, должна быть постоянная, неотступная. ↑

40. Бог иногда медлит исполнить наше прошение не потому, что не хочет его исполнить, а для того, чтобы заставить нас дольше молиться и сильнее желать испрашиваемого блага; ибо что легко и скоро получается, то не так сильно ценится и скоро теряется; а

приобретенное с большим трудом и долгим временем больше ценится, лучше сберегается и прочнее бывает. ↑

41. Здесь предполагается, что ангелы-хранители ваши слышат ваши молитвы, приносят их к Богу и испрошенные от Бога блага переносят к нам. ↑

42. Говорится: ангел выходит от лица Божия. Это не значит, что он удаляется от Его знания, силы или присутствия, по которому Бог везде находится, или оставляет созерцание Бога; но значит, – принеся нашу молитву, совершив ходатайство о нас перед Богом, он испрошенное благо или весть какую от Бога приносит нам (Евр 1, 14). А иногда ангел, приносящий нам просимое благо, замедляется противодействием дьявола. Откуда же у дьявола такая сила – противодействовать доброму ангелу? От грехов людей. Где происходит борьба между ангелами и демонами? На поле правды, в споре суда. Как же происходит эта борьба между ангелом и дьяволом? Дьявол старается обвинить человека, а ангел защищает Насколько велико и истинно обвинение дьявола, настолько медленно и слабо защищает нас ангел; от этого спора ангел и замедляется в принесении от Бога приносимого блага. ↑

43. Этим, кажется, указывается на обычай монахов – по окончании богослужения, перед выходом из церкви класть три земных поклона с молитвою в подражание Иисусу Христу, Который в саду на Елеонской горе три раза преклонял колена в молитве к Богу Отцу. ↑

44. Часто совершаемые молитвы лучше поддерживают, дольше сохраняют молитвенное настроение духа и приближаются к непрестанной молитве, а краткие молитвы, как искры, воспламеняют наше сердце и, как стрелы, с большей силою взлетают на небеса Напротив, от слишком продолжительных молитв внимание ослабевает, и от утомления происходит какое-то расслабление, леность. ↑

45. Короче и яснее можно сказать так по мнению всех, во всяком искусстве и науке от первых начал, от легких познаний нужно переходить к высоким и труднейшим. ↑

46. В древности, когда еще не было нынешней бумаги для письма, писали металлической, костяной или деревянной палочкой на дощечках, покрытых воском, на пальмовых листьях, на тонкой древесной коре, на папирусе (у египтян), на тонкой коже – пергаменте, изобретенном сначала в городе Пергаме, общественные записи делали

на свинцовых листах, а частные писания писали на полотняных свертках. ↑

47. в русском переводе – «зайцам» ↑

48. в русском – «горные мыши» ↑

49. Здесь монах сравнивается с ежом во-первых, по безвредности и простоте, во-вторых, по причине осторожности и смышлености, по которой он в случае опасности тотчас уходит в нору или щели скалы, свертывается в клубок, поднимает свою острую щетину и, покрытый ею как иглами, делается неприкосновенным и безопасным, а также по причине малости или униженного состояния. ↑

50. Рассеяние помыслов бывает иногда от слабости человеческой, иногда – от нерадения, иногда – по нашей вине, когда произвольно вдаемся в излишние развлечения, а часто, особенно во время молитвы, и демоны сеют в нас разные помыслы – сначала благовидные, полезные. Если примем их, то за полезными – придурь и бесполезные, если и эти произвольно примем, то в наказание за свою вину будем оставлены, и поневоле увлечемся помыслами совершенно вредными. Потому и нужно бдеть за помыслами, не позволять им попусту рассеиваться по разным предметам и во всякое время, а особенно во время молитвы, нельзя принимать и те помыслы, которые сами по себе хоть хороши и в другое время пригодны, но во время молитвы не полезны, потому что отвлекают от главного предмета молитвы. Чтобы молитва была неразвлекаема, благоуспешна, следует заранее приготовляться к ней раз мышлением о нужнейших божественных предметах или о предметах молитвы, с устранением всех суетных помыслов. Частое размышление с принуждением себя к сосредоточению своих мыслей на одном спасительном предмете со временем облегчит этот труд, который сперва для не приучившихся к нему бывает весьма тяжел. Но как мы по своей немощи, одними своими силами не можем и этого достигнуть и ничего доброго сделать, то надо молиться Богу, чтобы помог суетные помыслы прогнать, сохранить неразвлекаемое внимание во время молитвы и дать чувства умиления. ↑

51. Как понимать заповедь апостола о непрестанной молитве? Слабость человеческая не может вынести подвига – постоянно, без перерыва молиться, нужно время на подкрепление себя пищею, отдыхом, сном и на исполнение разных обязанностей. Апостол внушает, что необходимо молиться не только по временам, например в праздники, а ежедневно, не в известные только часы, а при всяком

случае, при всяком деле, когда только нуждаемся в каком-либо благе духовном или вещественном, или в помощи Божией для какого-либо дела, днем и ночью. У апостола та же мысль заключается, что и в наставлении Спасителя «должно всегда молиться и не унывать» (Лк 18, 1), т.е. надо молиться постоянно, неотступно, настойчиво, не следует унывать, отчаиваться и оставлять молитву, если не скоро получаем то, чего просим, а постоянно более и более нужно усиливать молитву, настойчивее просить, пока Бог не подаст нам просимое хотя бы за неотступность нашу, если только это полезно будет нам. Подобные мысли выражаются и в следующих словах: «бодрствуйте на всякое время и молитесь» (Лк 21, 36). «Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих» (Пс 33, 2). ↑

52. Богословы таинственный смысл Св. Писания разделяют на три вида аллегорический, тропологический и анагогический Аллегорическим называется тот, который относится к Христу и Его церкви, тропологический – к нравственности, анагогический – к будущей жизни или церкви торжествующей. ↑

53. Павел Фивейский, по свидетельству Барония, родился в 230 г. от Р. Х., умер в 343 г. на 113 году; Антоний родился в 253 г., умер в 358 г. на 105 году жизни. ↑

54. Romoboth, или Remoboth renuitae, т. е. отвергающие иго подчиненности игумену и правила монашеского общежития, живущие по своей воле, на своем иждивении. ↑

55. Может быть, это говорится о прежнем времени, или в самом деле в тех местах, где проходил авва Пиаммон, не было анахоретов; но во время пребывания св. Василия Великого и Григория Богослова в пустыне анахореты уже были, так как они упоминают о них в своих сочинениях аскетических. ↑

56. Об этом роде монахов св. Венедикт говорит, что есть и четвертый род монахов, который называется странниками. Они всю свою жизнь бродят по разным странам, по три и по четыре дня гостят в кельях разных лиц, всегда шатаются, никогда не постоянны, всегда ищут удовольствий чревоугодия. Они еще хуже сарабаитов. ↑

57. Киновия – греческое слово от κοινός (общий) и βίος (жизнь), – значит общежитие по особенному уставу. ↑

58. Латинское слово patientia происходит от patio – страдаю, терплю, и греческое – ὑπομονή от ὑπομένω – под чем нахожусь, поддерживаю что, переношу, терплю. ↑

59. То же описывается и у блаженного Иоанна Мосха в «Духовном луге», гл. 206. ↑

60. Этим Кассиан указывает на то, что он с Германом, поступив в Вифлеемскую киновию, едва два года прожили в ней и, недостаточно научившись монастырской жизни, пошли странствовать в чужие страны, чтобы пользоваться большей свободою и жить почти по своему произволу. ↑

61. То есть лучше быть добрым и набожным киновитянином, нежели скверным, нерадивым анахоретом. ↑

62. То есть какой день ныне – среда или пятница. ↑

63. Пустынники приходили каждую субботу в монастырь в церковь, в воскресенье приобщались, и у них в тот день происходили собеседования; отходя в пустыню, каждый пустынник клал себе в корзинку семь хлебцев, каждый день по одному хлебцу ел, по числу хлебцев оставшихся знал, сколько дней прошло, какой ныне день, когда придет суббота и воскресенье. Также у них было назначено, сколько в день сделать работы, например, связать корзинку; по числу корзинок узнавали, сколько дней недели прошло. ↑

64. Секстарий – шестая часть конга, в сексте 1 12 фунта, или 18 унций. ↑

65. Модий – мера, по словам Свиды, содержит 26 23 фунта. ↑

66. Сага – римский плащ. ↑

67. См. Кн. 4, гл. 8; Соб. 3 и Соб. 24. ↑

68. Под нечистотою понимается забота о земных вещах – пище, одежде, жилище и т.п. ↑

69. Св. Григорий Великий говорит, что стрелы предвиденные поражают меньше; и мы терпеливее снесем несчастия мирские, если против них вооружимся щитом предвидения. ↑

70. Этому авве принадлежит 18-е собеседование. ↑

71. Во время поста у восточных монахов обед обыкновенно был вечером, не в посты – в третьем часу, а в праздники и Пятидесятницу – в полдень. ↑

72. Под заповедями понимаются обряды, которые называются недобрыми потому, что не сообщали благодати, которой люди очищались бы от грехов и становились бы добрее, а только показывали, что они грешники; потому и говорится, что даны им оправдания, в которых они не будут жить, т. е. через которые не могу приобрести благодатной жизни. ↑

73. Истечение во сне случается: 1) от высокоумия, гордости и осуждения других – по попущению Божию, в наказание; 2) от услаждения нечистыми мечтами в бодрствующем состоянии; 3) от пресыщения в пище и питье; 4) от избытка накопившейся влаги при здоровом состоянии, такое истечение иногда сопровождается соблазнительными мечтами, а иногда без мечтаний; 5) иногда от слабости нервов или какой-либо болезни; 6) а часто от зависти бесовской. Первые три причины, заключая явную вину, не позволяют приступить после истечения к причащению; а последние три причины бывают безвинны, особенно если пострадавшее лицо не подало к тому повода нечистыми произвольными помыслами, согласием с обольстительными мечтами, возбуждаемыми бесом. В таком случае не возбраняется приступить к причащению Августин, епископ английский, спрашивал св. Григория Великого: после истечения во сне можно ли приступить к причащению Св. Тела Христова, а священнику совершать Евхаристию; св. Григорий Великий, объяснив, что истечение во сне случается иногда от опьянения, иногда от избытка влаги (семенной) или от слабости, иногда от нечистых помыслов, отвечал, что когда случится истечение во сне от избытка влаги или от слабости, то не нужно смущаться, потому что человек скорее бессознательно пострадал, а не произвольно сделал. А когда кто по жадности принял пищи сверх меры, и оттого вместилища переполнились влагою, то человек, хотя и допустил некоторую вину, но невозбранно может приступить к Св. Тайнам, а священник совершить литургию, когда этого требует праздник, или когда необходимо для других совершить Евхаристию, а другого священника нет в том месте. А если есть другие священники, которые могут совершить Таинство Евхаристии, то ночное искушение, случившееся от излишнего пития, хотя не должно возбранять принятие Св. Тайн, но из смирения, думаю, следует удержаться от совершения бескровной жертвы, если, впрочем, дух у спящего не возмутился нечистыми мечтами воображения. У иных случается истечение во время сна без нечистых мечтаний. В таком

случае дух не оскверняется и после пробуждения не помнит, что видел во сне, а только помнит, что до сна подвергся пресыщению. А если истечение во сне происходит от нечистых помыслов во время бодрствования, то человек не без вины бывает. Пусть всякий усматривает, от какой причины произошло нечистое мечтание; кто о чем думал в сознательном состоянии, то потерпел и в бессознательном. Нужно также рассматривать и само помышление, как оно происходило, от пролога ли, или с услаждением, или, что еще важнее, с согласием ли на грех. Ибо тремя образами совершается всякий грех: прилогом, услаждением, согласием. Прилог бывает от дьявола, услаждение – от плоти, согласие – от духа. Первый грех внушил змей; Ева, как плоть, усладилась; Адам, как дух, согласился. Надо строго различать прилог, услаждение и согласие. Когда дьявол внушает прилог душ, если никакого услаждения не последовало, то грех не сделан. А когда плоть станет услаждаться, тогда и грех начнет рождаться, а если последует сознательное согласие, тогда грех уже совершается. Итак, в прилоге заключается семя греха, в услаждении бывает питание его, а в согласии – совершение. ↑

74. Авва предлагает несколько средств против обольщений и истечений ночных, из которых первое есть умерщвление всякой страсти или похотливого пожелания. Второе – воздержание, удержание тела и членов от всякого сладострастного действия. Это, по апостолу, значит распять свою плоть со страстями и похотями. Третье – твердое намерение и желание навсегда удерживаться от всякого сладострастного удовольствия душевного и телесного Но это общие и отдаленные средства, а ближайшие и более частные – усердная молитва, особенно вечерняя или ночная, пост, частая исповедь и св. причащение, удаление от женщин и от разных соблазнительных предметов, разные подвиги умерщвления плоти; особенно нужно смирение и т. п. ↑

75. Потому от желающих причаститься Св. Тайн требуется надлежащее приготовление постом, молитвою, особенно требуется очищение от грехов исповедью перед священником, и при всем том мы должны смиренно говорить с сотником Господи, я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой, и надо принимать святое причастие, как больной принимает лекарство, для исцеления души и тела. ↑

76. Двояко читают это место. Одни читают: χάρις τω Θεω – благодарение Богу; а авва читает: χάρις του Θεου – благодать Божия избавит меня, а не закон Моисеев и не силы природы. ↑

77. Бог один по существу благ в высочайшей степени, а люди благие по причастию с Ним, по благодати. ↑

78. Как свет звезды меркнет перед блеском солнца. ↑

79. Здесь упоминаются три главные пустыни Каламон, или Порфирион (где жил Павел Фивейский), Фиваида и Скит. О Каламоне упоминается в Пост Кн 10, гл 24, Соб 3, гл 5, Соб 7, гл 26. ↑

80. Миля – расстояние в тысячу шагов. ↑

81. Динарий – римская монета. ↑

82. Сольд – золотая монета в 25 динариев. ↑

83. Потому что никому не может принести никакой пользы ни беседою, ни примером. ↑

84. В древности производили счет по суставам пальцев, начиная с левой руки до сотенного числа, которое переносили на правую руку, которую считали важнее левой. ↑

85. Гонорат был епископом Арелатским и вместе с тем настоятелем монастыря Евхерий был, вероятно, настоятелем монастыря, а впоследствии епископом Лионским. ↑

86. Этот монастырь, как думают, был на остров Лерине, рядом с другим островом Леро, недалеко от Марселя Ныне последний называется островом Маргариты, а первый – Гонората. ↑

87. Три Стихадских острова, рядом расположенные, находятся в 60 милях от Марселя, недалеко от островов Лерина и Леро. На этих островах, благоприятствовавших монашеской уединенной жизни, довольно было многолюдных монастырей. ↑

88. Редакция Life for God: в электронной перепечатке XII.15 дробь в пояснении «Хлебец в 1/2 фунта весом» повреждена («1<i>2»). Дробь восстановлена по параллельному тексту в «Предании». Смысл и величина меры не пересчитывались. ↑

89. Редакция Life for God: в XII.6 электронный источник читает «также переломит дух и копье». Исправлено на «лук и копье» по контексту повторяемой здесь цитаты Пс. 45:10. Это редакционное восстановление, а не новое богословское толкование. ↑

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн